

69 коп.

АРИАДНА ГРОМОВА,
РАФАИЛ НУДЕЛЬМАН
В ИНСТИТУТЕ
ВРЕМЕНИ
ИДЕТ
РАССЛЕДОВАНИЕ

АРИАДНА ГРОМОВА,
РАФАИЛ НУДЕЛЬМАН
В ИНСТИТУТЕ ВРЕМЕНИ
ИДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

**БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ**

МОСКВА ~ 1973

АРИАДНА ГРОМОВА,
РАФАИЛ НУДЕЛЬМАН

В ИНСТИТУТЕ
ВРЕМЕНИ
ИДЕТ
РАССЛЕДОВАНИЕ

Фантастический
роман

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

P2
Г87

Рисунки М. Салтыкова

ok-language

Электронная копия
никогда не заменит
книгу

Г $\frac{0763 - 079}{101(03)73}$ 571 – 73

Валя Темин высказывается о хронофизике

Прочитав телефонограмму, Линьков тяжело вздохнул и аккуратно положил листок на стол.

— А при чем тут я? — вяло запротестовал он, ни на что, впрочем, не надеясь. — Лабутин дежурит, он пускай и пойдет.

— Так ведь его вызвали на Пушкинскую, там старушка газом отравилась!

— Самоубийство? — машинально поинтересовался. Линьков, собирая бумаги со стола.

— А кто его знает, может, и самоубийство, — жизнерадостно улыбаясь, ответил Валентин Темин.

— Веселый ты человек, Валька, — мрачно сказал Линьков. — И суждена тебе долгая жизнь и долгая мо-

лодость, поскольку ничего ты близко к сердцу принимать не желаешь.

— Ну, это как когда! — уточнил Темин. — А ты-то чего такой кислый? Отпускные настроения одолели?

— А что ты думаешь? — сочувственно отозвался Савченко, глядя в окно на промытую утренним дождем майскую зелень. — Мне лично уже за неделю до отпуска работать становится ну просто невозможно. Полнейшая, понимаешь, психологическая невозможность наступает.

— Ну, и как же ты выходишь из положения? — поинтересовался Темин. — Бюллетень, что ли, тебе дают по случаю этой самой невозможности?

— Какой там бюллетень! — вздохнул Савченко. — Так просто, кручусь на холостых оборотах помаленьку...

— Тем более, что это для тебя наиболее естественная форма существования, — хмуро отметил Линьков.

— Да ты чего! — искренне изумился Савченко, тараща круглые карие глаза.

— Я тебе от души, можно сказать, сочувствую, а ты...

— Сочувствуешь ты, как же! Небось не хватило твоего сочувствия, чтобы сказать Ивану Михайловичу: мол, Линьков через три дня в отпуск уходит, давайте это дело мне...

— А он бы меня и слушать не стал! Он же сразу сказал: в Институт Времени пошлем Линькова, он у нас физик!

— «Физик»! Это было давно и неправда. А в этом Институте Времени сам Эйнштейн ногу сломит...

— Ну, ты слишком-то не переживай, — посоветовал Савченко. — Подумаешь, Институт Времени! У них своя специфика, у нас — своя, все и дела.

— То-то и оно, что у них — специфика, — мрачно отозвался Линьков. — О чем я и говорю...

— Да уж, у них специфика будь здоров! — восторженно заявил Темин. — Мой знакомый у них там работает в отделе кадров, Эдик Коновалов, так он мне обрисовал в общих чертах обстановку. Главное, говорит, никакой уверенности в завтрашнем дне, прямо как у рабо-

чего при капитализме... Приду, говорит, завтра на работу, а они, может, вместо завтра сделают вчера. Или вообще время наоборот запустят, им-то что. А как тогда, например, со стажем быть и вообще...

— Жутко наблюдать, Валентин, что у тебя в мозговых извилинах копошится, — морщась, сказал Линьков. — Сходил бы ты на лекцию по хронофизике, что ли. Или к коллективу бы за помощью обратился, если сам до такой степени не справляешься с потоком информации.

— Ну, может, я что и не так говорю, — согласился Валентин, с интересом выслушав тираду Линькова. — Я ж не физик! Но только я лично считаю, что эту их кибернетику в центре города держать ну просто исключается. Нет, правда. Ужас до чего легкомысленно поступили! Тут тебе и театр, и школы, и жилые кварталы... А они же в свои эти... ну, как их... темпорарии, что ли... знаешь, какую энергию вгоняют? А энергия-то, она ведь никуда исчезнуть не может, ну это даже в школе проходят, я же помню! Вот они накопят этой энергии черт те сколько, а она возьмет и взорвется! А что, скажешь, нет?

Линьков посмотрел на него почти с нежностью.

— Поздравляю, друг, ты развиваешься с поразительной быстротой, — сказал он. — Если процесс не замедлится в темпе, через недельку тебя уже можно будет за деньги демонстрировать. Темпорарии, говоришь? Неужели Эдик твой самостоятельно до этого додумался?

— А что, разве нет у них темпорариев? — с интересом спросил Темин. — Выходит, Эдик натрепался? Нет, я думаю, он в крайнем случае прихвастнул, не мог он полностью сочинить. Может, их просто еще не доставили.

— Да откуда их доставят, если они в природе не существуют? Ускорители там у них стоят, понятно тебе? — говорил Линьков и чувствовал, что ровно ничего Темин не понимает. — А ускорители — это поля, ясно? А для полей нужна энергия...

— Ну и что? — легкомысленно спросил Темин. — Поля так поля, это мне без разницы, но факт тот, что

энергия накапливается в неимоверном количестве. А поля твои — они, думаешь, все выдержат? Дойдут до точки — и взорвутся!

— Я тебе, Валентин, брошюрку принесу завтра, ты почитай, — ухмыляясь, сказал Савченко. — А то девушки тебе отставку будут давать, по причине крайнего бескультурья. По-моему, я даже наблюдал вчера один такой факт. В 21.00, на углу Советской и Тургеневской, было дело? Такая блондиночка спортивного образа?

— Да ну ее, эту блондиночку, строит из себя...

— Ладно, ребята, пошел я все же, — со вздохом сказал Линьков.

— А что, очень неохота? — поинтересовался Темин, явно обрадовавшись, что разговор переключился.

— Тебя бы туда... с твоими темпорариями, — мрачно ответил Линьков, надевая плащ.

— Брось переживать, говорю, — сочувственно отозвался Савченко. — Люди же они там, человеки, в этом самом Институте Времени, а не что другое.

— Ты лучше вот что скажи, раз уж такой храбрый: если я до отпуска не успею закончить это дело, ты его на себя примешь?

— Да ты что? — изумился Савченко. — За три дня не успеешь такое простое дело оформить? Нет, это определенно тебе отпускные настроения давят на психику.

Линьков обернулся, стоя на пороге.

— Не верю я в тамошние простые дела, — загробным тоном сказал он. — Не бывает там простых дел, и хлебом мы горя с этой историей, помяните мое слово. Прощайте, друзья, не поминайте лихом. Оваций не надо, памятников, ежели что, тоже не требуется, а вместо духового оркестра пускай Валя Темин разьяснит собравшимся адскую сущность взрывающихся полей, и тогда общественность навеки запомнит день моих похорон.

Сказав все это, Александр Григорьевич Линьков снова вздохнул и мужественно двинулся по направлению к Институту Времени.

Глава первая

Утром 21 мая меня разбудил телефонный звонок. Мне под утро всегда особенно спать хочется, так что я хоть и вскочил, и трубку взял, но толком не понимал, во сне это происходит или наяву. В основном я удивлялся, чего это мне Шелест звонит, да еще в такую рань. Но Шелест не стал объяснять, почему звонит, а только хмуро сказал:

— Вот что, Борис, немедленно приезжай в институт. Жду тебя, — я положил трубку.

Тут уж я, конечно, проснулся насовсем, быстренько собрался, даже зарядку аннулировал, наспех состряпал и проглотил яичницу и в автобусе все думал: что же такое стряслось у нас в институте. Если из Москвы кто прилетел, так чего ему не терпится, какого лешего людей прямо из постели вытаскивают, когда в институте никому, кроме уборщиц, делать еще нечего.

Вошел я в вестибюль, и первое, что увидел, — стоит наш директор, а с ним Шелест и еще какой-то гражданин, и лица у них у всех такие... Тут уж я не то что понял, но просто почуял, что бедой пахнет. Поглядел я, как директор валидол сосет, и у самого под ложечкой засосало. Директор посмотрел не то на меня, не то сквозь меня, по мере сил улыбнулся и полушепотом говорит:

— А, ну вот и Стружков появился, знакомьтесь, товарищи, это наш младший научный сотрудник Борис Николаевич Стружков, а это — следователь прокуратуры Александр Григорьевич Линьков. Значит, Стружков вас введет в курс дела, а я, простите, должен уйти...

Я-то ведь все еще ничего не знал и не понимал, а потому тупо спросил:

— Простите, Вячеслав Феликсович, в курс какого дела?

Директор все так же, на полушепоте, объяснил, что просто оговорился и что вводить товарища Линькова следует не в курс дела, а в специфику нашего института. Потом он еще раз извинился, и они с Шелестом ушли, а мы с Линьковым стояли и разглядывали друг друга. Мне бы тут же спросить, что случилось, но я как-то ничего не со-

ображал, а только смотрел на следователя и удивлялся, какая у него внешность нетипичная: лобастый, очкастый, худой, как щепка, и лицо до невероятности вдумчивое и задумчивое, будто он все мировые проблемы сразу в данный момент решить рассчитывает. Наконец Линьков сказал, что, чего ж, мол, стоять без толку, пойдете-ка на место происшествия.

И опять я не спросил, что за происшествие и где это место, а молча поплелся за Линьковым и так же молча, почти машинально вошел вслед за ним в дверь нашей лаборатории.

Там было полным-полно каких-то людей, но я их толком не разглядел, потому что сразу, с порога увидел Аркадия.

Аркадий лежал на диване, — у нас в лаборатории почему-то стоит здоровенный такой диван, обитый дерматином лягушачьего цвета; голову он откинул на валик, одна рука на груди, другая лежит вдоль тела, вывернута ладонью вверх, лицо спокойное и даже какое-то довольное: ну, полное впечатление, что спит человек и хороший сон видит. А тут еще утро такое солнечное, с ветерком, перед окнами лаборатории старые деревья растут, ветки под ветром колышутся, и по лицу Аркадия все время перебегают световые блики... Но, конечно, я ни секунды не думал, что Аркадий просто спит, — лежит себе утром в лаборатории и спит, а кругом суетятся чужие люди, что-то обмеривают, записывают, фотографируют... Я сразу понял, что случилась беда, страшная какая-то беда, только не решался осознать, что Аркадий мертв: слишком это было противоестественно, слишком уж невероятно, чтобы Аркадий, которого я видел часов пятнадцать назад бодрым и здоровым...

Я стоял на пороге, не в силах шагу ступить дальше, и с ужасом смотрел, как худенькая черноволосая девушка берет безвольную руку Аркадия и, слегка приоткрыв рот от напряжения, старательно прижимает один палец за другим к небольшим стеклышкам. «Снимает отпечатки... Зачем же это?»

Тут Линьков крепко сжал мою руку и сказал:

— Давайте-ка я вас уведу отсюда. Вы совсем поззелели.

— Подождите... — еле выговорил я. — Что с ним?

— Отравление, по-видимому, — лаконически ответил Линьков.

— То есть... я не понимаю...

— Ну, отравление. Снотворным. Признаки совпадают, и обертки пустые найдены — вот, видите?

Он повел рукой к столу. Там лежали оранжевые с голубым картонные оберточки от таблеток. Я уставился бессмысленно на эти яркие пятнышки и не сразу расслышал, о чем Линьков меня спрашивает:

— Левицкий вообще принимал снотворное или нет?

Одно время мы оба с Аркадием принимали снотворное, потому что совсем выбились из сна после долгой серии совершенно бесплодных экспериментов. Но я довольно быстро бросил это дело, потому что у меня на следующий день голова словно ватой была набита. А с Аркадием ничего подобного не происходило, и он с тех пор всегда держал про запас пачку снотворного. Кажется, за последнее время Аркадий опять стал частенько им пользоваться. Но не мог же он так ошибиться! Между обычной дозой и смертельной — громадная разница!

— А почему вы думаете, что он ошибся? — спросил Линьков, когда я все это ему высказал.

— А... а как же тогда? — отчаянно спросил я, чувствуя, что пол подо мной наискось уходит куда-то вниз.

— Пойдемте, пойдемте. — Линьков решительно потащил меня в коридор. — Вы, того и гляди, в обморок хлопнетесь.

Линьков, пожалуй, был прав: малого не хватало, чтобы я совсем раскис. Стыд и позор, конечно, чтобы здоровый парень падал в обморок при виде мертвеца. Но ведь это был не вообще какой-то умерший, это был Аркадий Левицкий, самый давний и близкий мой друг, мы с ним последние два года жили неразлучно, вместе работали, вместе отдыхали и во всем друг друга понимали. Правда, последний месяц мы с ним не вполне ладили, но это не меняло существа дела.

Линьков усадил меня в вестибюле у окна в глубокое громоздкое кресло, а сам уселся на подоконник и согнулся так, что наши головы оказались почти на одном уровне.

— Так вот, — сказал он, — придется нам с вами побеседовать. Понимаю, что вам сейчас трудно. Но... и должность у меня такая... безжалостная, что ли... и вам самому полезно будет выяснить некоторые обстоятельства этого... — он помедлил, — этого печального происшествия. Ведь вы, как мне сказали, ближайший сотрудник и ближайший друг Левицкого. Или это несколько преувеличено?

Он глянул на меня сверху вниз — чуть сверху, почти в упор, — и я впервые заметил, какие у него странные глаза. Не до того мне было, чтобы чьи-то глаза разглядывать, но уж очень они были голубые, невероятно голубые, прямо-таки лазурные. Для девушки любого типа такие глаза считались бы подарком судьбы, но на худом, землистом лице этого долговязого очкарика они были как-то не к месту.

— Вам все еще плохо? — спросил Линьков, и я понял, что молчу и самым нелепым образом глазаю на него.

— Нет... то есть не совсем... — пробормотал я.

— Я хотел узнать для начала, какие у вас были взаимоотношения с Левицким, — терпеливо напомнил Линьков.

— Да-да, конечно, — быстро заговорил я, слегка встряхнувшись, — мы с ним были в очень близких отношениях, и по работе и вообще... ну, друзья, словом! Но вы мне раньше объясните, что все-таки случилось? Вы сказали, что смертельная доза — это... ну, не по ошибке... А почему же тогда?

— По всем имеющимся данным, это самоубийство, — словно бы извиняющимся тоном ответил Линьков.

— Как это — самоубийство?! Почему?! — Я не сразу понял, что ору на весь вестибюль.

— Вот об этом я и хотел бы расспросить вас, — все так же мягко и терпеливо ответил Линьков. — Действительно: почему Аркадий Левицкий мог покончить самоубийством? Если причины для этого имелись, так вам-то они наверняка известны, ведь правда?

— Мне известно вот что. — Я говорил с максимальной твердостью, на какую был способен в этот момент. — Известно мне, что Аркадий Левицкий не из тех людей, кото-

рые способны искать выход в самоубийстве. Он считал самоубийство актом трусости, понятно?

— Да, но видите ли... — слегка вздохнув, сказал Линьков, — несчастный случай, как вы сами понимаете, исключается. Действительно, нельзя по ошибке принять смертельную дозу снотворного. Да и вообще снотворное не принимают на работе...

— То есть вы хотите сказать, что он... что ему это дали... заставили... — забормотал я, чувствуя, что пол под ногами опять слегка пружинит.

— Кто же мог заставить, — сказал Линьков, с сочувствием глядя на меня, — если вы сами видели, что никаких следов борьбы не было. Лежал-то он абсолютно спокойно...

Меня холодом обдало, — я будто снова увидел, как Аркадий лежит на диване, такой спокойный, словно прилег отдохнуть и уснул. Да, никаких следов борьбы... Просто взял вот Аркадий да и проглотил... Сколько же там было этих пачек? С полдюжины, не меньше. Значит, он заранее это подготовил, припас... Никогда он у себя не держал столько снотворного сразу, не так его легко получить, да и незачем...

— ...и никого другого в лаборатории вечером не было, — говорил тем временем Линьков, внимательно глядя на меня. — Вы, насколько мне известно, из института ушли вместе со всеми... и больше там не появлялись в тот вечер?

Последние слова он произнес вопросительным тоном, и я с некоторым усилием сообразил, что мне задан классический вопрос: «Где вы были, когда это произошло?»

— Нет, не возвращался, — ответил я. — Пошел в библиотеку и просидел в читальном зале до самого закрытия. Вышел оттуда без пяти одиннадцать, пешком пошел домой, там еще выпил чаю, почитал немного, лег спать около часу ночи, а утром мне позвонили...

— Понятно, — сказал Линьков, — для проформы мне это знать необходимо. Так какие же у вас соображения по поводу случившегося?

Я беспомощно пожал плечами.

— Не знаю, что и думать. Это... ну, просто это так нелепо, нелогично...

Действительно, что меня больше всего и прежде всего поражало в случившемся, так это его дикая нелепость, полнейший алогизм. Этого же попросту быть не может, не бывает так, чтобы ни с того ни с сего...

— Я только в одном уверен, это я уже говорил, — добавил я, — что не мог Аркадий покончить самоубийством! В конце концов, я в этот день был с ним с девяти утра до пяти вечера, мы находились в одной комнате, работали над одним и тем же заданием, переговаривались... ну, и обедали вместе, и вообще... Неужели бы я не заметил, если б Аркадий... ну, если б он ну, вел себя как-то необычно...

Тут я вдруг запнулся. Необычно? А как, собственно, мог бы вести себя человек в таких обстоятельствах? Человек волевой, не тряпка, не истерик? Если он почему-то вообще решился на самоубийство — ну, допустим! — и задумал вдобавок сделать это именно на работе, после того как все уйдут (эти предположения, конечно, нелепость, дикая нелепость, но если все же?..), то он уж изо всех сил держался бы, что называется, в рамках. Так, может, Аркадий именно и держался изо всех сил? Ведь если толком припомнить, он был вчера...

— Я именно хотел попросить, чтобы вы рассказали, как прошел вчерашний день в вашей лаборатории и как вел себя Аркадий Левицкий, — сказал Линьков, будто отвечая на мои мысли.

— Он нервничал... не очень, но все же, — добросовестно объяснил я, — и был какой-то рассеянный, все у него из рук валилось... Но вообще мы работали до конца дня нормально.

— Однако же, — вежливо удивился Линьков, — я захожу, что у вас довольно странные понятия о нормах. Неужели это нормально для ученого, если у него все из рук валится, он нервничает и думает не о работе, а о чем-то другом?

— Я не знаю, о чем он думал...

— Я — тем более. Но если человек производит впечатление рассеянного и работает нечетко, то естественно будет предположить, что думает он в этот момент не о том, чем непосредственно занимается.

— Видите ли, — сказал я, несколько поразмыслив, — такое с Аркадием бывало и раньше, даже еще и заметней. А думал он при этом все же о работе, — только не о том эксперименте, которым непосредственно занимался, а о проблеме в целом. Ну, понимаете, когда серия идет впус-тую, никаких толковых результатов...

— А у вас теперь именно такое положение дел?

— Нет, не то чтобы... Но все же есть о чем призаду-маться.

— Вы сказали, что нормально работали до конца дня. А потом что было?

Мне стало неловко. Чего я распространяюсь о нор-мальном поведении Аркадия, когда на самом-то деле, ес-ли вдуматься...

— Я хотел остаться в лаборатории вечером, порабо-тать, но Аркадий со мной поссорился. Он нарочно затеял сцену... по-моему, просто хотел выставить меня из лабо-ратории, — выпалил я одним духом, чтобы поскорее с этим разделаться.

Линьков не стал спрашивать, считаю ли я и это нор-мой, а только поинтересовался, часто ли я остаюсь в ла-боратории по вечерам. Я ответил, что вообще часто, но в последнее время несколько реже. Линьков спросил: а как Аркадий? Я сказал, что Аркадий и в последнее время поч-ти все вечера просиживал в лаборатории.

— Это вызывалось необходимостью? — осведомился Линьков.

— Да как сказать... Никто нас, конечно, не застав-лял... Но мы с ним занялись одной проблемой — наполо-вину в порядке личной инициативы... ну, вот и...

— Вы с ним? — переспросил Линьков. — То есть это была ваша совместная работа? Чем же тогда объяснить, что вы как раз последнее время реже оставались в лабора-тории?

— Личные обстоятельства... — вяло пробормотал я.

— А Левицкий как к этому относился? Вы с ним не ссорились из-за ваших частых отлучек?

— Нет... но вообще мы с ним за последний месяц не-сколько отдалились друг от друга, — неохотно признался я.

Все получалось до крайности нелепо, и я это понимал даже в своем угнетенном состоянии. К чему эти категорические заявления насчет невозможности самоубийства, когда тут же выясняется, что мы с Аркадием за последний месяц мало виделись, даже в ущерб совместной работе, и что накануне смерти он вел себя довольно-таки странно, а я понятия не имею почему да еще и пытаюсь утверждать, что это-де вполне нормально. Я-то все равно был уверен, что Аркадий не мог покончить самоубийством, но если ничего не можешь доказать и все выглядит как раз наоборот, то уж лучше помалкивать. Конечно, Линьков тут же заметил, хоть и очень мягким тоном, что, возможно, за этот месяц в жизни Аркадия произошли какие-то неизвестные мне существенные перемены, и я ничего не мог по существу возразить. Объяснил только, что все же знаю Аркадия не первый год, да и этот последний месяц мы с ним работали вместе каждый день, а то и вечером, и я бы не мог не заметить, если что серьезное...

— Всякое бывает, знаете ли, — сказал на это Линьков. И, помолчав, спросил: — А вы с ним часто ссорились? Не только в последнее время, а вообще?

— Аркадий с кем угодно мог в любую минуту поссориться, в том числе и со мной. Он вспыльчивый, резкий; если что ему не понравится, он немедленно об этом доложит, без всяких церемоний, — в полном соответствии с истиной объяснил я.

— Нелегко вам, должно быть, с ним приходилось, — вежливо и как бы между прочим заметил Линьков.

— Я-то к нему привык. Вот те, кто его плохо знал, те иногда здорово обижались.

— Значит, у него было немало врагов, — задумчиво констатировал Линьков.

— Какие там враги! Ну, просто обижались на него люди, а потом проходило это. У нас ведь особые условия, они... ну, как-то сближают, всякие мелочи легче забываются, когда все заинтересованы работой.

— Значит, у вас создалось такое впечатление, — после паузы сказал Линьков, — что Левицкий нарочно затеял ссору, чтобы выставить вас из лаборатории?

— В общем, да, — неохотно подтвердил я. — Ни к чему придрался и, главное, ни с того ни с сего, будто спо-

хватился в последнюю минуту, что нужно от меня отделаться.

— А он знал, что вы собираетесь остаться в лаборатории, или вы ему об этом сказали в последнюю минуту?

Вот именно, Аркадий не знал об этом, а как только узнал, начал на меня орать, что я ему все записи перепутал и что не будь у него дублирующих пометок в записной книжке, так я бы ему целый месяц работы погубил, что я это умышленно делаю, из мещанской злости, на которую он раньше не считал меня способным, но вот поди же... либо у меня мозги не тем заняты, чего он тоже от меня никак не ожидал. Это был довольно некрасивый намек на мои отношения с Ниной. Я, признаться, рассердился и тоже несколько повышенным тоном ответил, что насчет мещанских чувств, так чья бы корова мычала... ну, и так далее. Сейчас я был совершенно уже уверен, вспоминая эту сцену, что Аркадий нарочно старался меня сильнее разозлить, чтобы я пулей вылетел из лаборатории, и, конечно, своего добился. Но очень уж не хотелось объяснять Линькову насчет Нины и всего прочего, а потому я ответил неопределенно, что, дескать, точно не помню, но вроде бы я заранее не предупреждал Аркадия о своих планах на вечер.

— И, по-моему, он вовсе не сердился на меня, а просто хотел почему-то остаться в лаборатории один, — добавил я.

Линьков задумчиво поправил очки.

— Вы думаете, он кого-то ждал? Так я вас понял?

— Ну да... Только я абсолютно не представляю, кто мог прийти к нему в лабораторию вечером. Какие могли быть у Аркадия секреты от меня с нашими сотрудниками?

— Мало ли, — возразил Линьков. — А если он с девушкой хотел встретиться?

Я скептически хмыкнул. Уж это-то Аркадий нипочем не стал бы от меня скрывать! То есть имени он не назвал бы и все такое, но из мальчишеского самолюбия (которого у Аркадия всегда хватало!) непременно дал бы мне понять, что он свои дела устроил преотличным образом и не очень-то переживает из-за всей этой истории с Ниной.

Но я ничего этого Линькову не сказал, а только объяснил, что не с кем было Аркадию в институте роман заво-

дять, а если бы даже, то человек он холостой, одинокий и вполне свободно мог девушку к себе домой пригласить.

— Да, в общем-то все это не имеет существенного значения, — сказал наконец Линьков. — Даже если Левицкий и собирался с кем-то встретиться, встреча эта, видимо, не состоялась. Нет никаких доказательств, что Левицкий вечером был не один в лаборатории. И вообще нет ни малейших оснований предполагать убийство. Кто же мог бы уговорить Левицкого, чтобы тот проглотил яд и улегся преспокойно на диван, не пытаясь позвать на помощь? Вот в это уж действительно трудно поверить.

Конечно, Линьков был прав: убийство было так же невероятно, как и несчастный случай. И все же...

— Как хотите, а не могу я в это поверить! — почти крикнул я. — Слишком я хорошо знаю... знал Аркадия! Не стал бы он кончать самоубийством!

Линьков с сочувствием поглядел на меня, но промолчал.

На этом мы с Линьковым пока расстались. Он пошел по институту «выяснить некоторые детали», а я направился к своей лаборатории, хоть меня ноги отказывались туда нести.

Аркадия уже увезли, лаборатория была заперта, я открыл ее ключом, который утром, еще ни о чем не зная, взял на проходной, с трудом шагнул через порог и стал тут же у двери.

Комната была пуста, чиста, и всю ее пронизывало быстрое слепящее трепетание солнечных бликов и теней листвы — видимо, ветер на улице усилился. Я стоял и смотрел на диван, где недавно лежал Аркадий, и с места сдвинуться не мог.

По коридору проходили люди, кое-кто останавливался, пробовал со мной заговаривать, а я, не оборачиваясь, почти механически отвечал: «Нет, не знаю... Ничего мне пока не известно... Ничего я не знаю и ничего не понимаю...» Я вообще временами переставал понимать, где нахожусь и что со мной творится.

Не знаю, сколько я простоял вот так, давая краткие интервью через плечо. Наверно, не очень-то долго — Ни-на вряд ли особенно медлила. Я не заметил, когда она

появилась из-за поворота коридора, но почувствовал, что ребята за моей спиной расступаются, отходят. Я обернулся и увидел Нину. Она почти втолкнула меня в лабораторию и захлопнула дверь.

Нина немного побледнела, глаза у нее стали больше и блестели сильнее. Но ей это шло. Ей все идет — я уж к этому успел привыкнуть. У меня вид, надо полагать, был довольно жалкий; Нина даже заморгала от сочувствия и сказала, что она меня вполне понимает, но что надо держаться, ничего не поделаешь и еще что-то в этом роде. И не очень внимательно слушал, потому что с ней мне сразу стало гораздо легче, и я просто глядел на нее и будто бы оттаивал, отогревался.

Нина так и не дождалась, пока я заговорю, и с оттенком нетерпения сказала:

— Ну, Борька, ты что-то совсем уж... Держись, действительно! И расскажи, о чем вы говорили со следователем.

— Да так, обо всяком, — пробормотал я, опять впадая в прострацию. — Он спрашивал, что я думаю о причинах самоубийства, а я сказал, что вообще в самоубийство не верю. Спросил, как положено, что я делал в этот вечер. Ну, я, конечно, объяснил, что сидел в библиотеке до самого закрытия... — Тут я заметил, что Нина как-то странно на меня смотрит, и спохватился: — Ах да, Нин, ты же не знаешь... Мне пришлось уйти из института сразу после пяти. Аркадий меня прямо-таки выгнал из лаборатории, не знаю зачем... ссору затеял какую-то нелепую... Я и просидел до одиннадцати в библиотеке, мне давно нужно было посмотреть работы американцев по резко неоднородным полям, а ты ведь все равно сказала, что в кино пойдешь...

Пока я говорил, Нина словно бы о чем-то напряженно думала. Потом она тихо сказала:

— Мне Аркадий сказал, что ты ушел из института.

— А когда ты видела Аркадия? — спросил я, чувствуя опять слабость и дрожь в ногах.

— Я сначала решила тоже остаться в институте, до начала сеанса было два часа, — сказала Нина, не сводя с меня взгляда. — Пошла сказать тебе об этом, но лаборато-

рия была заперта, а на обратной дороге я встретила Аркадия...

— Когда же это было? — удивился я.

— Примерно в четверть шестого. Я спускалась по боковой лесенке, а он поднимался...

Я опять машинально удивился, но ничего толком обдумать не успел, потому что Нина сразу же добавила:

— Знаешь, это был очень странный разговор. Он и тогда произвел на меня тяжелое впечатление, а уж теперь, после того, что случилось...

— О чем же вы с ним говорили? — с трудом спросил я: меня угнетало то, что Нина вдруг резко изменилась, держится отчужденно и все смотрит на меня, словно чего-то ждет.

— О чем? — как-то рассеянно переспросила Нина и, будто спохватившись, поспешно заговорила: — Дело даже не в словах, а в тональности, что ли. Аркадий, во-первых, почему-то очень смутился, когда меня увидел. У него такой вид был, словно он сквозь землю провалиться готов. И вообще... — Нина подумала, — вообще он выглядел как-то так... Даже костюм на нем был... ну, тоже странный...

— В каком смысле?

— Ну, вообще-то на боковой лестнице так темно, что много не разглядишь. Но борта у пиджака широченные и блестят... даже не пойму, откуда это у него такой костюм взялся.

— Ты уверена, что он был в новом костюме? — переспросил я, заинтересовавшись.

Я-то абсолютно не помнил, что за костюм был на Аркадии вчера, — впрочем, Аркадий при мне мог вообще не снимать лабораторного халата. Но если он был в новом костюме, то, может. Линьков правильно предположил насчет свидания с девушкой.

— Может, он и новый, — сказала Нина, — в том смысле, что недавно приобретен. Но только он совершенно немодный! Меня это в первую очередь и удивило.

Меня — тоже. Аркадия нельзя было назвать щеголем, но все же в одежде он разбирался и явно немодного костюма не надел бы, а уж тем более не стал бы покупать. Нет, версия свидания, по-видимому, не подкреплялась.

— Что же он все-таки сказал? — спросил я, потому что Нина замолчала и явно задумалась о чем-то весьма неприятном.

— Сказал-то он мало... Я могу в точности повторить его слова. Я... мне сначала показалось, он так разволновался потому, что я была в синем платье, которое... ну, в общем, оно было на мне при первой нашей встрече. Я почему-то вдруг вспомнила, сколько лишнего наговорила ему... Ну, тогда, в зале хронокамер, когда мы с ним объяснялись насчет тебя... И я ему сказала: «Аркадий, ты, пожалуйста, не придавай значения тому, что было в зале хронокамер». А он как-то странно, будто бы с испугом, посмотрел на меня и ответил скороговоркой, небрежно: «Нет, ничего, я это дело уже уладил». Я спросила: «Да ты о чем говоришь?» У него глаза такие сделались... жалкие, что ли... и вдруг он сказал, очень искренне и даже с надрывом, совсем на него не похоже: «Слушай, Нин, я здорово запутался, ты даже не представляешь, до чего! Потом ты все узнаешь... Сам я, конечно, виноват, но уже ничего не поделаешь...» Хотел словно бы еще что-то сказать, но махнул рукой и пошел. А потом... — Нина запнулась и опять как-то странно, не то испытующе, не то умоляюще, поглядела на меня.

— Что? Что потом? — в тоске спросил я.

Я понимал уже ясно: надвигается новая беда — Нина отдаляется от меня, теперь, когда мне так нужна... Ну, даже не помощь, а хотя бы просто сознание, что Нина тут, рядом, что она — надежная, она не изменит, не изменится непонятно почему... А тут именно начиналось это самое «непонятно почему», с которым я сегодня уже столкнулся, впервые в жизни...

— Потом... — Нина все не отводила от меня взгляда, и я уже ясно чувствовал, что она чего-то ждет от меня, но не мог понять, что же я должен сделать. — Потом это вообще было похоже на сумасшествие, мне даже страшно стало. Понимаешь, я побежала за ним, — Нина говорила все это монотонно и невыразительно, — спросила: «Аркадий, да что с тобой, может, я чем помочь могу, ты скажи!» — ну что-то в этом роде. А он остановился, поморщился, будто горькое проглотил, а потом как расхохочется! Но этим своим, знаешь, искусственным смехом...

Аркадий начинал громко и неестественно смеяться либо со злости, либо от смущения. Может, его разозлило участие Нины? Он ведь очень самолюбивый...

— ...и сказал: «Да ты не переживай, это я просто пошутил, извиняюсь, конечно!» — продолжала Нина. — И еще добавил это ваше, из Козьмы Пруtkова, насчет шуток с женщинами...

— «Не шути с женщинами: эти шутки глупы и неприличны!» — машинально пробормотал я. — А потом?

— Да потом он ушел, вот и все! — почти грубо сказала Нина и, чуть помолчав, спросила: — Так как же ты объясняешь слова Аркадия и вообще все это?..

— Понятия не имею, что все это значит! — ответил я и, чувствуя, что Нину этот ответ не удовлетворяет, даже злит, торопливо забормотал: — Ну, то есть ты понимаешь, Нин, я ни о чем таком не знаю... мы же с ним за последнее время, сама знаешь... Если б я хоть видел его после этого разговора, а то... — Я мучительно подыскивал какие-то убедительные для Нины слова.

— ...а то ты ушел в пять часов, и все! — почти издевательским тоном закончила Нина.

— Ну да! — беспомощно подтвердил я. — А что же было делать, когда он меня, я ж тебе говорю, прямо выгнал из лаборатории? Но вообще-то я не вижу ничего особенного в этом вашем разговоре. У нас с ним еще и не такие разговоры бывали, он иногда, если о чем-нибудь другом думает, жуткую чушь несет, ни к селу ни к городу...

— С той только разницей, — холодно констатировала Нина, — что после прежних ваших разговоров он оставался жив и здоров!

Сказав это, она вдруг резко повернулась и ушла, а я все стоял посреди лаборатории, тщетно силясь сообразить, что же произошло — с ней, с нами, со мной...

Эдик Коновалов тоже хочет докопаться

Линьков сидел в маленькой светлой комнатке отдела кадров и беседовал с дружкой Валентина Темина — с тем самым Эдиком Коноваловым, который так здорово высказывался насчет специфики Института Времени и загадочных темпорариев. Впрочем, когда

Линьков намекнул на темпорарии, Эдик заявил, что Валя Темин, безусловно, парень неплохой, но шуток не понимает и что от такого недостатка ему надо избавиться в кратчайший срок. Линьков усомнился, можно ли избавиться от этого даже и в неопределенно долгий срок, но Эдик был полон оптимизма.

— А чего такого? Поработает над собой — все и дела! — сказал он, потом тяжело вздохнул и пожаловался Линькову: — Вот, не было печали, жили себе тихо-нормально — и на тебе! Писанины теперь не оберешься — что да почему... Ну, ничего, в пятницу возвращается из отпуска Сергей Иванович, он начальство, он пускай и расхлебывает эту кашу. А я сразу же в отпуск махну! Думаю, знаете, на Байкал податься. Компания подходящая собирается, гитару возьмем, транзистор... А то пошел я в прошлом году в турпоход с нашими, институтскими, — ну, тоска зеленая! Ничего кругом не видят, не слышат, все про физику свою талдычат. Транзистор мне включать никак не давали: мешает им. Чего тогда и ходить в поход — сиди в институте и говори сколько влезет!

Эдик поднялся во весь свой богатырский рост и сладко потянулся. «Метр девяносто, не меньше, — прикинул Линьков, — вес восемьдесят пять, и вообще... Ослепительный индивидуум!»

Эдик и вправду был ослепителен. До голубизны белая нейлоновая сорочка, надвое расчерченная темно-красным галстуком, искрилась на его широченной груди, брюки острым углом нависали над зеркально сияющими туфлями, и весь он сверкал и излучался.

— Так вот они и живут! — с победоносным презрением продолжал Эдик. — Сидят безвыходно в лабораториях, и ни тебе свежего воздуха, ни движения. А что в результате получается?

— Вы считаете, что смерть Левицкого наступила в результате пренебрежения спортом, а также недостатка свежего воздуха? — с преувеличенной серьезностью осведомился Линьков и демонстративно раскрыл блокнот.

Эдик несколько смешался, снова сел за стол и заявил, поглядывая на блокнот, что он не считает это основной причиной, но, поскольку в здоровом теле здоровый дух...

— Ну, станет разве нормальный человек... я имею в виду вот именно правильный режим плюс, конечно, моральная стойкость, здоровый образ мыслей и прочее — ну, станет такой человек травиться? Да еще где — прямо на рабочем месте! Чтобы, значит, другим побольше неприятностей было! Ну, возьмите хотя бы меня...

Линьков слегка вздохнул и осведомился, какова же, по мнению товарища Коновалова, основная причина происшествия. Оказалось, что у товарища Коновалова на этот счет нет определенного мнения.

— Пока нет! — уверенно уточнил Эдик. — Но выяснить все могу в два счета. Чикаться тут особенно-то не стоит!

— Чикаться, как вы выражаетесь, может, и вправду не стоит, — ответил Линьков, с вялым интересом разглядывая Эдика, словно музейный экспонат. — Но дело все же не вполне ясное. А к тому же эта ваша специфика...

— Именно! У меня эта специфика вот где сидит! — Эдик постучал ребром ладони по своему мощному загривку. — Никаких, понимаете, законов для них нету. Рабочий день кончился, а им без разницы. Сидят, как приклеенные, допоздна. А чего сидят, спрашивается? Исключительно от разболтанности, я считаю.

— Научные сотрудники, учтите... — неохотно пробормотал Линьков. — День у них ненормированный...

— То-то и оно, что ненормированный! Был бы нормированный, так порядок навести ничего бы не составляло. А так... — Эдик махнул рукой и продолжил уже спокойно, с деловой интонацией: — Что я вам пока посоветую — это прощупать кое-кого из институтских. В первую очередь Стружкова. И Нину, конечно.

— Какую Нину? — с некоторым интересом спросил Линьков, увидев, что ясные глаза Эдика при этом имени словно маслянистой пленкой подернулись.

— Да Берестову Нину! Неувязочка по личной линии тут получилась все же лихая! Дружба ведь была — водой не разольешь, но как Ниночка появилась, так и дружбе конец!

— Вы хотите сказать, что Левицкий и Стружков поссорились из-за Берестовой?

— Поссориться-то они в открытую не поссорились, — хитро улыбаясь, возразил Эдик. — Народ все же культурный, до мордобития не дойдет. Но если в корень посмотреть — люди они или не люди? У него девушку из-под носа уводят, а он стой и глазами хлопай, поскольку уводит-то друг-приятель? Да тем более такую девушку! Ниночка Берестова — это же такой кадр, н-ну! Только она возникла в расчетном отделе, сразу у всех там какие-то дела образовались! По два-три захода в день проделывали, буквально все, включая женатых. Ну, потом Левицкий около нее на постоянную прописку определился, тут уж прочие сникли. Левицкий, он вообще-то... — Эдик одобрительно покивал, — он в этих делах ничего, разбирался. Только чересчур уж принципиальный был насчет работы. Как у него просвет образуется, так, глядишь, он себе новенькую организует, и непременно на самом высоком уровне! А начнется опять запарка, засядет он в свою лабораторию намертво — и все! Была девушка — нет девушки. Тоже, конечно, ненормальность, я считаю!

— Но если Левицкий так несерьезно относился к девушкам, то, может, он вообще не ссорился со Стружковым? — вяло проговорил Линьков.

— Нет, с Ниной Берестовой — дело другого рода, — возразил Эдик. — Внешние данные — это само собой. Но плюс у нее характер твердый! Волевая девушка, — одобрительно сказал Эдик, — я таких ценю! Ну, и все же совместная работа, общие интересы, коллектив...

— Коллектив тоже действует? — меланхолически осведомился Линьков. — Нет, несерьезно все это выглядит. Самоубийство из-за любви в наши дни... Ничего другого вы не предполагаете?

«Много от Эдика не добьешься, но все же... — морщась, думал он. — Пускай пошевелит извилинами, если таковые у него имеются».

— А что может быть другое?... Больше ему вроде бы не с чего... — Эдик сдвинул густые пшеничные брови, пытаясь что-то сообразить. — Вы что имеете в виду?

— Ничего конкретного. Я просто не считаю, что вопрос решен. Есть факт смерти, а все остальное неясно. Как, почему, отчего, что... и так далее. Это еще надо докопаться...

Это слово пришлось Эдику явно по душе.

— Докопаться — это вы правильно! Докопаться обязательно следует! Вопрос только, в каком направлении.

И вдруг его осенило.

— То есть вы думаете, что совсем ничего не известно? — спросил он в радостном ожидании.

— Именно вот, — подтвердил Линьков.

— Ну, тогда... — выдохнул Эдик, восторженно глядя на Линькова. — Великое все же дело — специальность! Я вот не додумался, а вы — в два счета! Кого на примете держите? Поделитесь, нам же вместе работать, если такие дела! Сейчас материалы подыдем, документики проанализируем, факты перепроверим будь здоров! Верно?

— Верно, — вздыхая, сказал Линьков, — только ни до чего я пока не додумался, это вы преувеличиваете. Я же вам говорю — вопрос абсолютно неясен.

— Усвоил, — разочарованно проговорил Эдик, выслушав соображения Линькова. — Факты действительно не те... Но все равно ведь ничего не известно?

— Все равно, — согласился Линьков.

— Тогда докапывайтесь! — милостиво разрешил Эдик. — А моя поддержка вам обеспечена. Со Стружковым вы уже предварительно побеседовали? Значит, прямая вам дорога к расчетчикам, к Ниночке! — Он заговорщически подмигнул.

Линьков медленно поднялся. Не хотелось ему идти к этой ослепительной Ниночке и вообще хотелось сейчас одного — сидеть на берегу реки. Пускай даже рыба не ловится, пускай себе гуляет, только бы сидеть в утренней тишине, блаженно жмурясь и вдыхая речную прохладу...

Линьков повернул за угол и, вздохнув, взялся за ручку двери с табличкой «Расчетный отдел».

Комната была надвое перегороджена вычислительной машиной. Вдоль стен ютились небольшие подручные ЭВМ, тянулись панели с окнами осциллографов над рядами сверкающих клавиш. Работало здесь не меньше двенадцати девушек, и все они наперебой закричали в ответ Линькову, что Берестова сейчас придет. Линьков решил было подождать ее здесь, но девушки так откровенно главели на следователя, так активно пересмеивались и перешептывались, что он минут пять покрутился на стуле, де-

лая вид, что углубленно изучает записи в своем блокноте, а потом не выдержал и встал.

— Пойду пока по другим делам, — загробным тоном сообщил он. — Если встречу Берестову, как мне ее распознать, не подскажете?

— Она такая высокая... Волосы темные... Длинные, прямые, до плеч... Что ты, до лопаток! — все так же наперебой зашебетали девушки. — Белый свитер, синяя юбка... глаза серые... Зеленые у нее, ты что?!

А рыженькая малышка, продолжая бойко стучать по клавишам перфорирующего устройства, похожего на швейную ножную машину, пропищала:

— Да вы ее сразу распознаете! Будьте спокойны! Это ж Берестова, а не кто еще!

Оказалось, что рыженькая права. Линьков увидел Нину Берестову сразу, как вышел в коридор, и сразу понял, что это и есть Нина Берестова, а не кто еще. Не понадобилось даже замечать, что на ней белый свитер и синяя юбка. А волосы были, может, и действительно темные, но они сверкали, отливали бронзой в лучах солнца, наискось пересекавших просторный коридор. Девочки, наверное, точно обрисовали, и Нина была высокая, но долговязому Линькову она показалась... ну точь-в-точь такой, какой следует быть девушке. Он сразу и думать забыл о рыбалке. Наоборот, пришлось сделать над собой некоторое усилие, чтобы встретить Нину спокойно и по-деловому, как подobaет работнику следственных органов...

Разговор у них шел внешне живо, но Линьков вначале почему-то мало из него усваивал. Ему пришлось сделать над собой еще одно усилие, чтобы как следует включить внимание. После этого он смог сообразить, уже без дополнительных усилий, что Нина чем-то очень взволнована и тоже как бы не полностью участвует в разговоре... Отвечала она спокойно и деловито, но делала неожиданные паузы и задумывалась о чем-то. Это не было похоже на страх, на стремление замести следы — просто Линьков с каждой минутой яснее ощущал, что его собеседница очень напряженно раздумывает над чем-то, связанным со смертью Аркадия Левицкого, что это ее мучает и сбивает с толку.

А ему и без того приходилось нелегко. Вопросы, которые следовало задать Нине, были довольно неделикатны: ведь фактически приходилось выяснять, не думает ли Нина, что Аркадий Левицкий покончил самоубийством из-за любви к ней.

Линьков медленно шагал по коридору, соображая, что же дает информация, полученная от Нины Берестовой. «Она считает, что Аркадий отнесся к их разрыву спокойно, что он ее не любил, — это первое. Допустим. Хотя допустить это, прямо скажем, трудновато. Второе: Левицкий и Стружков оставались в хороших отношениях, продолжали совместно вести исследования, но все же несколько отделились друг от друга. Еще бы! Третье: Берестова видела Левицкого сразу после конца рабочего дня, он выглядел странно и говорил странно. Судя по ее рассказу, действительно странно! Был взволнован, сказал, что ужасно запутался и что сам во всем виноват. Высказывания довольно неопределенные, но, в общем, как будто подтверждают версию самоубийства... Немного, но все же кое-что. Поговорим теперь опять со Стружковым — может, он уже оправился от шока...»

Глава вторая

Стоял я, стоял посреди лаборатории, то на дверь бессмысленно глядел, то в окно, хотя и там смотреть было нечего: только и видно, что здоровенные старые липы да в просветах серый институтский забор. Потом я вдруг вроде бы очнулся и сразу же бросился вон из лаборатории: уж лучше выслушивать всякие вопросы, чем торчать здесь одному. Никого в коридоре не было, я беспрепятственно проскочил в буфет и выпил две чашки черного кофе. Буфетчица Зина все глядела на меня с сочувствием и вздыхала, а после второй чашки тихонько окликнула меня из-за стойки и таинственно поманила к себе. Я неохотно поднялся, подошел к ней, и Зина сообщила заговорщическим шепотом, что у нее случайно имеется початая бутылка коньяка, что коньяк подкрепляет и вообще полезен для здоровья.

— Если, конечно, в меру, — добавила она.

Мне и в самом деле захотелось глотнуть чего-нибудь покрепче, только я не решился: на работе да еще в такой день... Линьков небось снова придет... Но именно мысль о Линькове и заставила меня решиться: я почувствовал, что иначе не выдержу сегодня никакого больше разговора, а если Линьков что и заметит, так пес с ним.

— Вот спасибо, Зиночка! — сказал я с искусственным оживлением. — Коньячок — это в самый раз, вы угадали.

Коньяк оказался на удивление хорошим, и действительно он меня подкрепил. Я довольно бодро зашагал в лабораторию и у самой двери столкнулся с Линьковым.

Мы вошли в лабораторию, уселись на круглые табуреты возле хронокамеры, и я все думал, говорить ли ему о Нине вообще и насчет этого ее разговора с Аркадием в частности, но пока ничего не решил, а Линьков начал спрашивать меня про другое: давно ли мы познакомились с Аркадием и как складывались наши с ним отношения. Я сказал все, как было, что мы вместе окончили и университет, и аспирантуру, что потом некоторое время работали порознь, пока не организовался Институт Времени, а с тех пор мы были в самом тесном рабочем и дружеском контакте уже почти два года.

— Но за последний период, как я понял, вы несколько отделились друг от друга? — спросил Линьков, заглядывая в блокнот. — Примерно с апреля, если я не ошибаюсь?

Я понял, что он уже выяснил про нас с Ниной, — ну, это же никакой не секрет, все знали.

— Да, наши отношения несколько изменились, — сказал я с вызовом, — но мы не ссорились и трагедией тут даже не пахло. И вообще Нина тут ни при чем!

Линьков посмотрел на меня и слегка усмехнулся — так, уголками губ.

— Да я вам верю, вы зря раскипятились, — участливым своим тоном сказал он. — Думаете, я ставлю вам в вину, что вы сразу не сказали о... ну, об этих личных взаимоотношениях? Но я же видел, в каком вы были состоянии. Вы и сейчас, конечно, далеко не в форме, поэтому и горячитесь понапрасну. Я знаю, что вы с Левицким продолжали совместно работать и внешне все было

почти по-прежнему. Но вы отделились друг от друга, это ведь естественно и неизбежно в таких обстоятельствах, по крайней мере на первых порах. Свободное время вы проводили уже порознь, ведь так? Вот я и хотел спросить, не знаете ли вы, как именно проводил свое свободное время Левицкий?

Я молча покачал головой. Я представил себе Аркадия — одного, без меня. Мы ведь два года были просто неразлучны... Правда, сначала Аркадий стал все чаще ускользать — по той же причине. Я просиживал вечера в лаборатории, а он уходил с Ниной. Но только Аркадий обязательно являлся потом в лабораторию. Хотя на часок, да приходил. Я бы, может, тоже так делал, но Нина сразу объяснила, что Аркадий ее по-настоящему не любил, ни одного вечера с ней целиком не провел, только и рвался в лабораторию, и я уже не мог вести себя в том же духе. А потом, трудно мне было с ней расставаться в середине вечера. И к тому же я думал: Аркадию и без того неприятно, что я у него под носом торчу полный рабочий день... Словом, я был с Ниной, а Аркадий оставался один. Нет, я, конечно, не думал, что он из-за этого мог отравиться. В самоубийство я по-прежнему не верил и на Линькова рассердился именно из-за того, что решил: он держится версии самоубийства, потому и заговорил об истории с Ниной.

— Но были же у него друзья, кроме вас? — продолжал спрашивать Линьков. — Может быть, новые друзья завелись за последнее время? Неужели вы ничего не знаете?

— Да практически ничего, — угрюмо сказал я: мне было стыдно. — Я для него был самым близким другом, как и он для меня, остальные все — намного дальше. Даже, можно сказать, это уже были не друзья, а просто приятели, товарищи по работе и все такое. Насчет последнего времени — не знаю. Вот, например, первомайские праздники Аркадий провел с эксплуатационниками, за город с ними ездил. Наверное, кто-нибудь у него там есть — скорее всего, девушка...

— А вы ни с кем его за это время не встречали?

— Во всяком случае, ни с кем чужим. И ни с кем постоянно или хотя бы часто — это я бы наверняка заметил.

— Он что, замкнутый был, нелюдимый?

— Да нет! Он веселый был, живой, компанейский. Но когда в работу как следует влезет, никто ему не нужен.

— А сейчас как раз такой период и был, если я верно понял?

— Да... А то, что я вроде бы меньше этим интересовался...

— Вы уже говорили — личные мотивы, это понятно... Но, кстати, насчет этих мотивов. Вы сказали, что характер у Левицкого был довольно крутой и резкий, что особой выдержкой он не отличался. Значит, я могу предположить, что Левицкий открыто высказал вам свое отношение к... этой истории?

— Никогда он мне ни слова по этому поводу не сказал, — сейчас же ответил я. — И я ему тоже. Вообще вы меня не совсем правильно поняли: резко и откровенно Аркадий высказывался в основном по деловым поводам — ну, в научных дискуссиях. А о личных делах он не любил разговаривать. Правда, личных дел у него практически и не было...

— Как же это? — вежливо удивился Линьков. — Личные дела, по-моему, даже у дошкольников наблюдаются.

— Дошкольники, надо полагать, меньше увлекаются работой, — недовольно ответил я: мне не понравилось, что Линьков пытается шутить.

— Очень даже вероятно, — согласился Линьков. — Значит, вы думаете, что Левицкий проводил вечера в основном тут?

— Не думаю, а просто знаю. Серию-то мы вели совместно. Одно время я больше сидел в лаборатории, а последний месяц — он.

— Понятно... — Линьков подумал. — Я вот чего все же не понял: Левицкий делился своими переживаниями хотя бы с вами как с самым близким другом?

— Со мной он, конечно, всеми переживаниями делился, — решительно сказал я. — Да у нас и переживания-то были в основном общие...

— Надо полагать, не всегда, — осторожно улыбнувшись, заметил Линьков. — Не говоря уж о последнем периоде...

Конечно, я преувеличивал: даже у сиамских близнецов были кое-какие отдельные переживания, сколько мне известно. Но в основном я был прав: эти два года мы почти целиком отдали Институту Времени и все посторонние дела отнимали у нас минимум энергии. Ну, разумеется, мы зимой ходили на лыжах, а летом плавали, играли в волейбол; мы смотрели фильмы и спектакли — хотя не часто, — «читали книги и журналы, вовсе не только по специальности. Потом, Аркадий, например, уезжал на свадьбу сестры, а ко мне два раза приезжала мама, гостила по неделе; у Аркадия время от времени возникали "романсы», как он их обозначал, но вскоре он начинал вздыхать, что эта самая Света (Иветта, Ася, Римма, а то еще, помню, была удивительно красивая девушка с не менее удивительным именем — Мурчик) ничего не понимает ни в хронофизике, ни вообще, и говорить с ней до того скучно — сил нет. Правда, он тут же, из чувства справедливости, сообщал, что зато у нее имеются серьезные достоинства: например, глаза у нее необыкновенные, или она музыку любит, или «плавает, как бог» (это Мурчик — она и вправду здорово работала кролем), — но вскоре девушка со всеми своими достоинствами незаметно исчезала. Только к Нине Аркадий с самого начала относился иначе — уж не потому ли, что она все же разбиралась в хронофизике? И то вот Нина считала, что он не всерьез... А наверняка всерьез, всегда всерьез была хронофизика, и это у нас с Аркадием было общее и главное.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — сказал я Линькову в заключение, — но я совершенно уверен: Аркадий ничего от меня не таил. Мы ведь с ним встретились в восемнадцать лет, на первом курсе физмата, и с тех пор расставались всего на два года, так что я все основное в его жизни знаю.

— Кроме последнего периода, — задумчиво отметил Линьков.

— Да этот последний период — всего месяц с небольшим? — досадливо сказал я. — Ну что могло случиться за такой короткий срок?

— Мало ли что! — отозвался Линьков. — Иной раз за полчаса такое успевает случиться — год не распутается!

Конечно, он был прав. Но я опять ощутил тоску и усталость, коньяк перестал действовать, и разговаривать мне становилось все труднее. Линьков, видимо, это понял. Он сказал, что к завтрашнему дню он получит данные вскрытия и всякие анализы, тогда кое-что прояснится и, возможно, ему придется еще кое о чем со мной проконсультироваться.

Линьков ушел, а я начал опять без толку крутиться по лаборатории, подходил к хронокамере, тупо глядел на ее безжизненно-темную стеклянную стену, зачем-то передвигал стулья...

Наконец я признался себе в открытую, что работать сегодня не смогу и нечего мне бродить по лаборатории, косясь на зеленый диван. «А как же вообще будет, дальше-то?» — с мимолетным страхом подумал я, но поспешно отогнал эту мысль и позвонил Шелесту. Тот сразу сказал: «Да, ясное дело, иди!» — но потом спохватился и спросил, не нужен ли я следователю. Я со злостью проинформировал его, что товарищ Линьков на сегодняшний день сыт моей персоной по горло и рассчитывает вернуть потребность, а также способность снова общаться со мной только в результате крепкого восьмичасового сна и полноценного культурного отдыха. Шелест неопределенно хмыкнул и официальным тоном сказал, что он меня отпускает, поскольку сегодня нечего рассчитывать на мою работоспособность, а если что, так мне позвонят.

— Завтра-то выйдешь на работу нормально, я надеюсь? — спросил он.

По голосу его я понял, что он не очень-то надеется, и это меня тоже обозлило.

— Приложу усилия, — угрюмо ответил я. — Отмобилизую скрытые резервы организма, если они у меня обнаружатся.

— Ну-ну, ладно! — примирительно сказал Шелест. — Все мы все понимаем, не чурки с глазами, чего ты ершишься-то? — И, помолчав, добавил: — Ты завтра зайди ко мне с утра... нет, с утра я уеду в горьком, лучше к концу дня. Поговорим-побеседуем, ладно?

— Ладно, — сказал я, — пока!

Я понимал, что жизнь есть жизнь, что в лаборатории мне одному работать нельзя и что Шелест, наверное, сегодня же будет советоваться с директором, кого передвинуть на место Аркадия. Я даже думать не хотел, кого они пришлют, эта лаборатория без Аркадия для меня не существовала... Лучше уйти отсюда поскорей — может, на воздухе мне станет легче...

Я ушел подальше от центра, побродил по тихим зеленым улочкам окраины, потом решил поехать в лесопарк, к нашей любимой скамейке над обрывом. Туда мы с Аркадием обязательно отправлялись, если какое-нибудь дело не ладилось. Аркадий уверял, что в зоне этой скамейки созданся специфический микроклимат, способствующий правильному решению проблем хронофизики.

Поехал я в лесопарк, добрался до нашей скамейки и уселся, откинувшись на ее выгнутую решетчатую спинку. Скамейка была врыта в землю под двумя большими березами, их нижние ветки висели над самой головой, Аркадий всегда срывал листок и растирал пальцами при разговоре. Я отчетливо увидел, как шевелятся его длинные смуглые пальцы, растирая зеленый листок, и прижмурился от внезапной боли в сердце...

Внизу, под обрывом, сверкала солнечной рябью спокойная река, на пологом берегу, в Заречье, белели среди зелени садов невысокие уютные домики, и на секунду мне отчаянно захотелось туда, в один из тамошних зеленых дворишков с разноцветными гирляндами сохнущего белья, с пестрыми половичками, развешанными на дощатых заборах, с ленивыми и величественными кошками и важными голубями — в те места, где течение времени кажется резко замедленным, почти застывшим, где

все привычно, а потому ясно и понятно. Я знал, что это лишь видимость, что от времени никуда не спрячешься, оно все равно потащит за собой, да и не так уж ясна и рациональна даже самая распростая жизнь, а все же...

«Нет уж, некуда бежать, — сказал я себе, — а если б и было куда, так что? Друг твой погиб, а ты даже не пробуешь выяснить, почему это случилось. Ученый ты или нет? Способен ты логически мыслить в любых обстоятельствах или у тебя эта способность возникает только в связи с должностью, при соответствующих условиях?»

Я встал, прошелся туда-сюда, снова сел, но уже не откидывался на спинку скамейки, а принял сугубо рабочую позу — согнулся и начал чертить прутиком по песчаной проплешине у своих ног.

— Ладно, — сказал я вслух, убедившись, что никого поблизости нет, — попробуем для начала изложить известные нам факты. Их маловато, но все же они есть, и противоречия между ними тоже есть.

Дальше я уже не рассуждал вслух, а, чертя прутиком по песку, пытался выстроить в уме какую-то цепь событий. Итак, Аркадий умер от смертельной дозы снотворного. Несчастный случай явно исключается. Во-первых, для того чтобы заснуть, Аркадию хватало одной таблетки, и не мог он по ошибке проглотить несколько пачек. Во-вторых, как правильно сказал Линьков, снотворное вообще принимают не на работе, а дома. Далее. Если это самоубийство, то совершенно непонятно, по каким мотивам. Непонятно также, почему Аркадий не оставил никакой записки — ну почему, в самом деле? Он же не внезапно это сделал? Кроме того, все, что я знаю об Аркадии, мешает поверить в самоубийство. Но об этом после.

А если это не самоубийство и не несчастный случай, то остается убийство. Против этого варианта говорит многое. Прежде всего отсутствие следов борьбы, спокойная поза Аркадия. И как можно заставить взрослого здорового человека проглотить такую уйму таблеток да вдобавок пролежать потом минимум полчаса, пока не подействует яд? Как этого можно добиться? Гипнозом,

что ли? Ну, это бредовая идея. Откуда взялся там гипно-тизер и вообще... Отпадает.

Гипотеза № 2 по этому поводу: Аркадию дали выпить что-то и подмешали туда снотворное. Кто и почему это сделал, не будем пока думать. Возвесим самую возможность такого варианта.

Таблеток было, по-видимому, более полусотни. Растворяются ли они в воде, неизвестно. Но если даже растворяются, они ведь горькие, как полынь. Если растворить в вине или в водке... У каких напитков горький вкус? У вермута. Возможно, у каких-нибудь настоек. Потом есть водка с перцем — «Перцовая» и еще какая-то, не помню, в ней даже стручки красного перца плавают. Да, но с какой это стати Аркадий пил бы водку в институте?.. С какой стати, с какой стати... Мало ли с какой! Пил же ты сам сегодня коньяк в рабочее время...

Теперь вопрос: кто мог это сделать? Этот вопрос, наверное, связан с другим: зачем понадобилось Аркадию выставлять меня из лаборатории? Тут самое простое и естественное объяснение — то, что Аркадий назначил с кем-то встречу в нашей лаборатории, сразу же после конца рабочего дня, поэтому и торопился от меня отделаться. Да, но почему же тогда в четверть шестого, минут через двенадцать после моего ухода, лаборатория была закрыта и Аркадий отсутствовал? И почему он вообще запер лабораторию? Мы никогда ее не запираем, если уходим ненадолго, а Аркадий — даже если присчитать минуты две-три на разговор с Ниной — отсутствовал не более чем четверть часа. Теперь: куда и зачем он мог уходить? Допустим, бегал сообщить, что лаборатория уже свободна. Почему не позвонил? Очевидно, потому, что его собеседник работает в помещении, где нет телефона. Это уже ограничивало бы круг поисков. Кстати, а кто вообще оставался в тот вечер в институте? Ну ладно, это потом уточним, пока будем рассуждать дальше.

Нина встретила Аркадия на боковой лестнице, он возвращался в лабораторию. Ясно, что идти он мог либо из зала хронокамер, либо со двора. Что ему могло понадобиться в зале хронокамер? Там работают только монтажники. Какие дела могут быть у Аркадия с монтажни-

ками? Да и шабашат они в четыре, минута в минуту. Допустим, кто-то из них задержался специально, чтобы угостить Аркадия настойкой на снотворном... Кто, зачем? Бред какой-то! Да, но ведь и вся история бредовая...

Постой... Если Нина не ошиблась и на Аркадии действительно был новый костюм, то, может, он бегал переодеваться? Если свидание было назначено с девушкой... Но кому придет в голову прятать новый костюм в зале хронокамер! Там же грязища и мусор, как на строительной площадке, трубы валяются, кабели, ящики развороченные, и все время работа идет. И вообще зачем Аркадию прятать где-то костюм, кто ему мешал бы прийти на работу в самом шикарном одеянии? Работаем мы не в шахте и не на поле, кроме того, халаты надеваем... Нет, эта версия ни в какие ворота не лезет! Либо Нина ошиблась, либо, еще вернее, я не заметил, что Аркадий был в новом костюме. Надо у Линькова спросить, как был одет Аркадий. Можно еще зайти к Аркадию на квартиру, посмотреть, какие костюмы висят в шкафу. Если все на месте, значит, он в каком-то новом...

Тут я вскочил и устремился к выходу из лесопарка, к трамвайной линии: начинался вполне серьезный дождь. Трамвай, к счастью, будто меня специально ждал, я плюхнулся на свободное сиденье у окошка и продолжал свой кустарный анализ. Дождь с остервенением лупил по стеклам — первый дождь в этом сезоне и сразу вон какой!

Следующая версия: Аркадий был не в зале хронокамер, а выходил во двор. Куда? Ну ясно, ходил в тот корпус, к эксплуатационникам. Провел же он с ними Первомайские праздники, значит, есть у него там какие-то знакомства. Линьков, наверное, уже выяснил кое-что. Да... к завтрашней встрече у меня поднаберется уйма вопросов!

Значит, так: допустим, это был кто-то из эксплуатационников. Куда же он потом девался? Может, просто вышел через проходную?.. Но когда? Если позже половины шестого, то он должен был опасаться, что его поздний выход приметят. К тому же начиная с шести у корпуса эксплуатационников дежурит охранник — еще

один свидетель в случае чего... Впрочем, это-то неважно: ведь убийца мог войти в главный корпус прямо вслед за Аркадием. Так. А снотворное? То есть питье с таблетками? С собой он, что ли, тащил выпивку? Все может быть, конечно... Нет, так не получается! Если он просто принес с собой бутылку перцовки или чего еще, то, выходит, он должен был бы при Аркадии растворять таблетки в стакане. Чушь! А если б он заранее растворил все в бутылке, ему пришлось бы уговорить Аркадия, чтобы тот в одиночку выпил все содержимое. Тоже нелегко, на такое можно подбить только горького пьяницу. Значит, что же? Аркадий приходит к этому своему знакомому, говорит: «Лаборатория свободна, жду тебя». Тот отвечает: «Ладно, сейчас приду». И, допустим, тут же говорит: «Давай выпьем!» Почему Аркадий соглашается выпить, не понимаю, — но мало ли что. В этом случае стаканы были бы заготовлены заранее, один уже наполовину налит и снотворное в нем растворено. Возможно, этот тип специально припас бутылку с какой-нибудь редкой иностранной этикеткой, чтобы приманить экзотикой и оправдать странный вкус. Аркадий выпил и пошел к себе. Снотворное начинает действовать минут через двадцать-тридцать...

Эта версия оказывалась пока что самой логичной, она многое объясняла. Эксплуатационнику вообще незачем было приходить потом к Аркадию! Он преспокойно вышел через проходную еще до половины шестого, вместе со многими другими сотрудниками, и у него железное алиби. А Аркадий ждал-ждал его, потом почувствовал сонливость, прилег на диван — и больше не проснулся...

Когда я все это себе представил и понял, что так могло быть, меня словно огнем обожгло. Попадись мне сейчас этот хитроумный негодяй, я бы его своими руками задушил! «Убийство в состоянии аффекта» — кажется, так это называется? Я уже забыл, что вся история с выпивкой — не более, как мой домысел, который вполне может оказаться беспочвенным вымыслом, что я слишком многого не знаю и рано мне еще строить гипотезы. Я жаждал мести.

Я перебежал улицу под проливным дождем и, отряхиваясь, как пес, начал подниматься по лестнице, хорошо знакомой мне лестнице, по которой я не ходил уже недели три, а то и месяц, остановился на площадке второго этажа перед дверью с табличкой «17», и пальцы сами собой сыграли условную мелодию — два длинных, один короткий... Потом я спохватился — ведь никто не откроет, это наш с Аркадием условный звонок. Но в квартире послышались шаги, и вдруг мне стало жутко — померещилось, что там, за дверью, Аркадий...

Открыла дверь соседка, Анна Николаевна. Я ее недолюбливал — вечно она ворчала, что я ноги не вытираю как следует. Она пристально и печально поглядела на меня.

— Заходите, что ж, — тихо сказала она. — Заходите, Борис.

Голос ее звучал осторожно — будто она хотела и не решалась что-то сказать, — и я понял: она уже знает о смерти Аркадия. Позвонили им, наверное, из института.

Я поглядел на переднюю — и до того мне тяжело стало! Уж очень знакомо было все здесь, и на вешалке еще висела шляпа Аркадия, а в углу валялись его кеды... Анна Николаевна смотрела на меня с таким участием, которого я никак не ожидал от этой надоедливой ворчуньи. Вымотался я, конечно, за этот день, и долгие логические рассуждения, к которым я себя принудил, ничуть меня не успокоили, а скорее утомили. Хотел было что-то сказать, но горло перехватила судорога. Запасным ключом — он еще болтался у меня на общем колечке — я поскорей открыл дверь в комнату Аркадия, вошел туда и начал растирать горло.

В комнате было чисто и аккуратно, как всегда. На письменном столе стопкой высились книги. Отдельно лежал библиотечный справочник по магнитным полям, под ним — «Physical Review», тоже из библиотеки книга. Я позавчера просил Аркадия, чтобы он принес эти книги в институт. Зачем он их отложил? Просто собирался взять и забыл? Или... или он знал, что я сюда зайду... после? И вдруг мне пришло в голову, что Аркадий оставил записку здесь. Хотя нет, не мог же он знать наверняка, что я сюда зайду, а тем более — когда зайду. И

вообще, почему дома, а не в институте, не в лаборатории? Все-таки я пролистал обе книги. Ничего, никакой записки, только бумажка-закладка вылетела. На ней были набросаны карандашом какие-то цифры и грубый, схематичный чертеж хронокамеры. Я на всякий случай обошел комнату, осмотрел подоконник, тумбочку у тахты, книжные полки... Нет записки, ничего вообще особенного нет, все, как обычно: человек прибрал комнату, ушел на работу, вечером собирался вернуться... или не собирался? В шкафу висели оба костюма Аркадия; старый темно-синий и серый поновее. Замшевой куртки и серых элановых брюк не было. Ну конечно, на работе он был в куртке, видел же я, только забыл...

Я вышел. Анна Николаевна по-прежнему стояла у двери.

— Я позже заберу тут кое-что... книги там, записи, — пробормотал я и потом, спохватившись, спросил: — Анна Николаевна, вы не замечали, кто к нему приходил в последнее время?

— Да, считай, никто... — вдумчиво ответила Анна Николаевна. — Один только, из ваших, наверно. Чернявый такой, с усиками, на артиста Раджа Капура похож. Сразу после праздников явился, тогда долго сидел; а на той неделе снова зашел, так поругались они, что ли, он враз убежал и дверью хлопнул, штукатурка даже посыпалась. Несимпатичный такой, невоспитанный... А больше я никого не видала. Без меня если только приходили...

Я перебрал в уме наших с Аркадием знакомых — такого парня определенно не было.

— А почему вы решили, что он из наших?

— Да так... Одет он был хорошо: болонья на нем заграничная, туфли такие красивые, все плетеные, как корзинка... Весь паркет он этими туфлями в коридоре замызгал, — вдруг проворчала Анна Николаевна, совсем так же, как, бывало, по моему адресу. — И говорили они, когда его Аркадий к двери провожал, про ваш институт, что-то про хронофизику вроде бы. Ну, видно же, что не по-простому говорит человек.

— А какой он из себя-то? Высокий, низкий, худой, плотный? — допытывался я.

Нужно обязательно разыскать этого человека! Кто мог приходить к Аркадию домой по институтским делам, да еще не раз? Вдобавок ссора какая-то...

— Да невысокий такой, — сказала Анна Николаевна. — Неказистый, мозглявенький. Только лицом на артиста похож, да и то больше из-за усов, я так думаю. Ну, волосы у него черные, густые, он их все приглаживал...

— Ладно, спасибо, Анна Николаевна, — сказал я, заторопившись. — Я к вам еще зайду на днях, можно?

Вот и след какой-то отыскался, можно действовать, искать, что-то делать. И я чувствовал, что это будто бы связывает меня с Аркадием, не дает порваться последней ниточке, соединяющей нас — живого и мертвого. И только когда эта ниточка оборвется, Аркадий для меня по-настоящему умрет.

Валя Темин выдает идеи

Линьков пришел к концу дня и молча опустился на потертый кожаный диван у двери.

— Воду на тебе, что ли, возили в этом Институте Времени? — удивился Савченко. — Это ж надо — за один неполный рабочий день человек до ручки дошел. Специфика заела?

Линьков уныло усмехнулся:

— До специфики я даже не добрался, и без нее весело. Говорил же я, что простых дел там не бывает...

Валя Темин тихонько простонал от нетерпения и весь подался через стол к дивану.

— Н-ну?! — выдохнул он. — Чего душу тянешь, объясняй!

— Нет, товарищи, как хотите, — умоляюще сказал Линьков, — а для рядового гражданина это многовато — Институт Времени и Валентин Темин в один и тот же день, без всякой перебивки и разрядки...

— Да ты что? — сказал Валентин, обиженно моргая. — Не хочешь — не надо.

— Не надо ему! — подтвердил Савченко. — Совсем ему не надо! Это он просто так весь день, как пришитый, в отделе сидит. Даже обед освоил на сверхзвуковой скорости. Я в столовой сижу, слышу, как Валентин ложкой

рассольник хлебают, а глянул, он уже шницель жуёт, от рассольника только звук остался.

Линьков с удовольствием посмеялся, чувствуя, как постепенно спадает напряжение, на котором он прожил этот удивительно долгий майский день.

— А после обеда одна подшефная ему звонила, просила-просила, чтобы он хоть на полчасика вышел, — продолжал Савченко, — но наш Валентин ни в какую! У нас, говорит, сейчас дела государственной важности идут... Ну чистый Джеймс Бонд!

— Да ладно тебе! — смущенно пробормотал Темин. — И никакая это не подшефная, а один парень...

— Совсем он, видно, дошел, твой парень! — ужаснулась Савченко. — Голосок у него тоненький-то-нюсенький, еле я расслышал, что Валя Темин требуется. Плохо о нем, видать, родители заботились. И назвали его как-то не так: Милочка. Разве ж это имя для парня?

— Да брось ты! — не выдержал Темин. — Я делами интересуюсь, а он... Ну, Линьков, ты хоть одно скажи: какая у тебя версия?

— Нет у меня никакой версии, понял? — ворчливо ответил Линьков. — И вообще ничего у меня нет!

Валя Темин поглядел с такой страстной укоризной, что Линькову неловко стало.

— Ладно, Валентин, ты не расстраивайся, — примирительно сказал он. — Нет версии — будет версия. Пока по всем данным вроде самоубийство, но...

— Следы есть? — быстро спросил Темин.

— Всё есть. Следы есть, труп есть, яд есть. Мотивов только нету. Ни малейших!

— Это в смысле самоубийства? — спросил Савченко.

— Ну да. Почему вообще может молодой здоровый парень покончить самоубийством? Несчастливая любовь? Формально вроде имеется, но по психологии никак не проходит. Служебные неприятности? Отсутствуют. Алкоголизм — исключается. Нервный срыв или, тем более, психическая болезнь — тоже. Так чего же он, спрашивается?

— Может, его запугали? Шантаж? — с надеждой под- сказал Темин.

Линьков с интересом взглянул на него. Валька иногда выдавал ценные идеи — ценные именно своей первозданной наивностью, другому такое просто в голову не придет, тормоза включатся на полпути. Шантаж! А если в самом деле?.. Но кто и как мог шантажировать Левицкого? Темное прошлое исключается, весь он на виду. Лаборатория не засекречена. Правда, институт, в общем-то, ведет и закрытые темы, и потом, эксплуатационники у них...

— В том-то и дело, друг, — уже серьезно проговорил Линьков, — что ничего вроде не подходит, а с другой стороны — любое может подойти. Очень уж все неопределенно и расплывчато... Стружкова мне жалко, — неожиданно для самого себя сказал он. — Мучается он очень. Я его вполне понимаю: лучший друг — и такая история! Вот он абсолютно не верит, что это самоубийство.

— А может, он правильно не верит? — спросил Савченко.

Линьков досадливо причмокнул.

— Сейчас кто угодно может правильно верить или не верить. Данных кот наплакал, под такие данные любую версию подогнать можно. И вообще горит мой отпуск, братцы!

— Ну, на худой конец я выручу, не переживай, — успокоил его Савченко. — По-моему, усложняешь ты очень. Устал, видно.

— Может, и устал, — вяло согласился Линьков. — Очень даже возможно. Вот просплюсь как следует, тогда все вопросы выясню и все проблемы вырешу. Правильно я говорю, а, Валентин?

— Перенапрягаться, конечно, не следует, — солидно отозвался Валентин и тут же начал набирать номер телефона. — Здоровый отдых — это, знаешь... — уже рассеянно пробормотал он, прислушиваясь к гудкам в трубке. — Але, слушай, это Валентин говорит. Я тут немного дела расчистил, постарался изо всех сил, некоторый просвет образовался... Ну, что ты, да разве я...

— «Доходяга парень по имени Милочка», — голосом диктора сказал Савченко, — или «Валентин Темин орга-

низует здоровый отдых». Драма из современной жизни минимум в трех действиях, два мы уже видели.

Линьков понимающе усмехнулся. И вдруг ему стало тоскливо. Впервые в жизни он слегка позавидовал беззаботному Валентину с его Милочками и Леночками.

Но тут же он понял, откуда это взялось, и даже зашипел тихонько от досады, как кот, которого тронули за усы.

Он очень отчетливо увидел серьезное, почти суровое лицо Нины Берестовой, ее продолговатые зеленые глаза, глядящие куда-то мимо него, сквозь него, и до жути ему захотелось вот так же весело и беспечно, как Валька Термин, набрать неизвестный номер телефона и сказать:

— Нина, это Александр говорит. Как у тебя нынешний вечер, — может, в кино пойдем?

Глава третья

На следующий день я пришел в институт рано, в четверть девятого. Конечно, я не так на работу торопился, как на встречу с Линьковым. Не потому, что меня увлекала мальчишеская игра в детектива-любителя, ей-богу, не до того мне было! Но гибель Аркадия своей бессмысленностью, откровенным алогизмом колебала все устои того рационалистически четкого микромира, в котором я прожил всю сознательную жизнь. Расследуя, изучая, анализируя, я пытался укрепить эти самые рационалистические устои, которые у меня на глазах издевательски шатались и раскачивались. Я знал, что если мне не удастся это сделать, пропал я, и неизвестно, как дальше жить и как, в частности, работать. Сначала Аркадий действует неизвестно почему, потом Нина... Кто следующий? Может, я? Что я сделаю? Брошусь под трамвай? Перейду работать в торговую сеть? Или законтрактуюсь на китобойное судно? Почему я знаю, чего мне ждать от себя, если самые близкие люди делают то, чего они делать ни в коем случае не должны, не могут? Тут я раздумывал некоторое время, звонить Нине или... Позавчера утром и вопроса такого не существовало, а сегодня... Нет, не могу я, не буду!

Я подготовил список вопросов, на которые Линьков должен мне ответить. То есть должен он или не должен, это

большой вопрос, но хорошо бы ему счесть, что он должен. Интересно, догадается он, почему я спрашиваю, пил ли Аркадий в тот день что-нибудь спиртное? А впрочем, раньше придется спросить, растворяется ли это снотворное в воде или в спирте, так что смысл последующего вопроса будет ему ясен. Нет! Нельзя докучать ему вопросами не по специальности. Это еще у кого-нибудь надо выяснить. Только у кого же? Я всю дорогу в автобусе листал записную книжку с алфавитом, но только у проходной сообразил, что надо позвонить девушке по имени Мурчик, потому что Мурчик — фармацевт и работает в аптекоуправлении. С Аркадием они расстались вроде мирно; мы потом ее раза два встречали на улице, и ничего, беседовали вполне нормально и дружелюбно.

Она ответила мне по телефону таким бархатным мурлыкающим голосом, что я наконец-то догадался, откуда у нее эта странная кошачья кличка. Но потом Мурчик расстроилась, разохалась, даже, кажется, слезу пустила в трубку, и мурлыканье пропало.

Оказалось, что эти таблетки отлично растворяются и в воде, и в спирте. И еще оказалось, что вообще-то смертельная доза не так уж и велика: проглоти пачку, и почти наверняка спокойно скончаешься через два-три дня, если, конечно, за это время врачам на глаза не попадешься. Но для того чтобы молодой, здоровый парень мог наверняка умереть за несколько часов, нужна доза куда больше. А Аркадий (или кто-то другой за него) мог иметь в виду только этот вариант, — он знал, что рано утром придет уборщица... Все же и тут нелепость, дополнительная нелепость во всей этой нелепейшей истории! Ну почему Аркадий или кто угодно другой задумал сделать это именно в институте? Почему? Если это Аркадий затеял, он не мог не понимать, что дома у него будет больше времени в запасе. Если кто другой, тоже должен был сообразить, что в институте труднее провести все это незаметно.

Нет, постой! «Другому» институт мог все же больше подходить. У Аркадия дома от зоркого глаза Анны Николаевны нипочем не укроешься, это любому понятно, кто ее видел хоть раз.

К себе приглашать — так, во-первых, не у всякого имеются подходящие условия: тут нужна как минимум отдель-

ная квартира, притом без семьи, чтобы никто не заметил манипуляций с таблетками и вообще не проболтался потом о приходе Аркадия. А после выпивки надо было бы немедленно тащить Аркадия домой, чтобы он не заснул тут же за столом или на улице. По тем же причинам отпадает ресторан или кафе.

Получается, что для «другого» институт больше подходит, если, конечно, «другой» работает в институте... Неужели это «Радж Капур»? Ладно, дождусь вот Линькова, с ним поговорю, а потом сразу начну подбираться к эксплуатационникам. Кто же из наших с ними в дружбе? Постой, постой! Да ведь соседкина племянница Лерочка там работает! Значит, через тетю Машу надо действовать.

Хватит пока об этом, наконец сказал я себе, ведь работать надо. То есть надо попытаться работать. Торчу я в лаборатории минимум полчаса, а даже хронокамеру не проверил. Хорошо, если наладка сразу пойдет, а если нет, так ведь на одну наладку не меньше часа понадобится.

Я вздохнул поглубже, будто нырять собрался, и решительно шагнул к хронокамере, стараясь думать только об эксперименте и больше ни о чем.

Хронокамера наша выглядит довольно странно. Нина, когда впервые пришла к нам, долго ее разглядывала и сказала, что впечатление создается жуткое. Ну, со стороны технического отсека ничего особенного не увидишь, там одни только кабели. А вот спереди, со стороны лаборатории, Хронокамера действительно впечатляет. Двухметровая стеклянная стена, стекло толстенное, поблескивает тускло и как-то зловеще. Сверху над ней нависает один электромагнит, внизу, прямо будто из пола, торчит второй. Верхний похож на шляпу с полями, нижний — на гофрированный стоячий воротник, вроде тех, что были у испанских грандов. А стекло между ними — как плоское безглазое лицо. Электромагниты составные, из секций; с секциями этими мы каждый раз заново бьемся, изошряемся вовсю — то один выдвинем, то другие уберем. Поля ведь наши сложные, капризные, конфигурация такая, что черт ногу сломит, если его туда занесет. Вот и приходится каждый раз перед началом эксперимента проверять, какое нынче настроение у нашей красотишки хронокамеры и куда она вздумает зашвыр-

нуть наш разнесчастный брусок, именующийся перемещаемым объектом.

«Перемещаемый во времени объект» — неплохо звучит, правда? Это вам не в пространстве перемещаться туда-сюда, это уже фантастикой пахнет, очень даже здорово пахнет. Да ведь совсем недавно это и была чистейшая фантастика, даже не научная. Я сам, помню, статью читал насчет того, что есть научная фантастика и что есть просто фантастика, и там в качестве примера приводилась «Машина времени» Уэллса: мол, научность тут состоит не в машине времени, которая есть сплошной вымысел и вообще только художественный прием, а в анализе и критике капиталистического общества. Читал я и вполне соглашался, а было это, кажется, на пятом курсе университета — ну, значит, всего шесть лет назад. А сейчас вот она, машина времени, ты с ней каждый день возишься от звонка до звонка и зарплату за это получаешь дважды в месяц.

Вообще-то у нас обстановка самая что ни на есть обычная, прозаическая, тысячи раз описанная и в газетных репортажах, и в книгах о работе ученых. Два письменных стола, табуретки, диван, маленькая ЭВМ у двери — ну, ничего выдающегося. Только вот хронокамера. И главное — пульт управления!

Пульт — это наша гордость. Мы девочек из расчетной группы специально водили смотреть на него (это год назад было, Нина тогда еще в институте не работала). Пульт действовал безошибочно; девочки сразу начинали глядеть на нас другими глазами («Удивление плюс восхищение плюс ярко выраженная готовность влюбиться» — так определял Аркадий их реакцию). Он и вправду неотразим: белоснежный, аж светится, тумблеры и лампочки на нем, как разноцветные созвездия на фантастическом белом небе, а посреди всего этого великолепия два осциллографических экрана, как пара огромных немигающих глаз.

Только я успел подать напряжение и прогреть установку, как явился Ленечка Чернышев. Он сначала приоткрыл дверь и опасливо оглядел лабораторию, словно думал, что тут ядовитые змеи водятся, а потом боком втиснулся внутрь да так и остался у порога — боком ко мне, голова развернута прямо на меня, ноги врозь. Это Ленечка умеет, как никто, — выберет самую невероятную и неудобную позу и со

страшной силой за нее держится. То ли он не хочет энергию тратить на изменения и перемещения, то ли ему все равно, в какой позе находиться, и никаких неудобств он при этом не ощущает, уж не знаю. Я мельком глянул на него, сказал: «Здоров, Ленечка!» — и опять прилип к хронокамере. Ленечка тихо постоял, потом начал слегка покряхтывать (это он так готовится заговорить), наконец кашлянул и довольно отчетливо спросил:

— Ты работаешь?

Стоило из-за этого вопроса столько кряхтеть и кашлять! Он же и сам видел, что я работаю, а не утреннюю зарядку делаю. Помог бы лучше. Я весь потом обливался — уж очень трудно было следить за двумя экранами сразу. Один экран показывает расчетную конфигурацию поля, а другой — конфигурацию того поля, которое реально существует в камере в данный момент, и нужно перемещать секции магнита, пока обе эти картины не совпадут. Одной головой я еще мог бы обойтись, но требовались минимум две пары верхних конечностей, да и запасной комплект глаз тоже пригодился бы.

Тут дверь опять приоткрылась, и вошел Линьков. Ленечка еще раз кашлянул, невнятно пробормотал: «Я потом...» — и все так же боком выскользнул из лаборатории. Весь и разговор. Уж такой он, наш Ленечка.

Линьков поздоровался со мной, присел за мой стол и утих. Я возился у хронокамеры и краем глаза поглядывал на него. Видно было, что и работа моя его интересует, и пульт потрясает своим великолепием, и хронокамера тоже действует соответствующим образом. Я подумал: вот сейчас он не утерпит и спросит что-нибудь насчет лампочек. Все девочки-расчетчицы спрашивали про лампочки. И еще — зачем тут два осциллографа.

Мне самому не терпелось спросить его кое о чем. Но теперь уже нельзя было бросить работу, и я отчаянно старался наладить все поскорее, чтобы получить законную передышку на пятнадцать минут. Но в одиночку было трудно поддерживать даже обычный темп. Если б Линьков не сидел у меня за спиной и я не рвался бы побеседовать с ним, нипочем бы мне не справиться с этой работой в одиночку, да еще в таком состоянии...

Линьков вдруг встал, подошел к пульту и спросил, потрогав белоснежный пластик панели:

— Гэдээровский?

Я даже поперхнулся от удивления: следовательно, разбирающийся в электронной аппаратуре, — это что-то новое!

— Верно, гэдээровский.

Линьков постоял, наблюдая за мной. И задал очередной вопрос, тоже весьма новаторский по сути:

— Это что же, вам каждый раз приходится заново совмещать поля?

«Батюшки-матушки!» — подумал я, чувствуя, что глаза и рот у меня самопроизвольно приобретают четкую округлую форму.

— Да... то есть если новая конфигурация, — несколько неестественным голосом проговорил я.

Линьков все стоял за моей спиной и наблюдал. «Наверное, надо ему что-то объяснить, — подумал я, — раз уж он так старается вникнуть. Пойду-ка я ему навстречу, чтобы и он, в свою очередь...»

— Понимаете, мы как раз начали новую серию... — Я вогнал еще одну секцию на место. — Вот сейчас я закончу совмещение и... Простите, минуточку... Т-так! Ну, это предпоследняя секция... и можно будет начинать контрольную проверку... Еще минуточку...

— Понятно! — бодро ответил Линьков.

Неужели ему понятно? Какое, однако, разностороннее образование получают наши юристы! Хлоп! Я с торжеством водворил на место последнюю секцию и облегченно вздохнул. С контрольной проверкой я подожду, раньше надо затеять разговор с Линьковым.

Я теперь чувствовал себя спокойней и уверенней, да и контакт с Линьковым начал завязываться на иной основе.

— Сделаем небольшой перерыв, — официальным тоном сказал я. — И кстати, мне хотелось бы с вами кое о чем побеседовать... Вернее, у меня есть к вам некоторые вопросы...

— У вас ко мне? — вежливо удивился Линьков. — Пожалуйста, я вас слушаю.

Я начал с самого трудного для меня вопроса — о результатах вскрытия.

— Да что ж, никаких неожиданностей, — сказал Линьков. — Как и предполагалось вначале, была принята большая доза снотворного, в результате чего и наступила смерть.

— А когда? — спросил я. — То есть когда... ну... эта доза была принята?

— Уточнить трудновато, наши медики говорят, что это очень индивидуально. Смерть наступила между тремя-четырьмя часами утра, а снотворное было принято, надо полагать, минимум часов за восемь до этого... Ну, поскольку речь идет о человеке молодом, с крепким организмом и вдобавок Левицкий к этому лекарству, как вы говорили, привык, срок надо увеличить. Вероятно, это случилось часов в шесть вечера. Может быть, чуть пораньше. Ненамного, разумеется: ведь вы с ним расстались только в пять, а другие видели его еще позже...

Я понял, что речь идет о Нине, но спросил:

— А кто оставался после работы в институте?

— Чернышев, — сразу ответил Линьков. — Кстати, вы не знаете, зачем он к вам заходил?

— Он ничего не сказал, — медленно проговорил я, обдумывая это сообщение. — Не успел просто. Я был очень занят, а потом вы пришли... А он видел Аркадия?

— Мне он сказал, что никого и ничего не видел. Работал в своей лаборатории до одиннадцати, потом ушел. Отвечал очень нервно, мямлил, запинался. Поэтому я и заинтересовался, когда увидел его здесь.

— Это может не иметь никакой связи с происшествием, — сказал я. — Чернышев — это же фантастический тип. Жутко застенчивый и вообще чудной. Некоторые думают, что он дурак, вот Аркадий тоже так считал. Это неверно, он парень с головой, и очень даже. Но говорить совсем не умеет, даже свои собственные результаты доложить с трудом может, и с людьми плохо контактит. Он знает, что я к нему хорошо отношусь, и очень это ценит. Вполне мог зайти либо мне посочувствовать, либо по науке что-то обсудить.

Говоря все это, я не собирался обманывать Линькова. Ленечка Чернышев именно такой и есть, и зайти ко мне он мог просто так. Но мог и не просто так! Тем более, что он, оказывается, вечером был в институте...

В следующую минуту я заподозрил, что Линьков — телепат.

— Чернышев, конечно, мог зайти к вам просто так, — медленно и вдумчиво проговорил он. — Но мог и не просто так. Все-таки он был в институте вечером... Что вы на меня так смотрите? Вы не согласны?

— Нет... что вы! — поторопился ответить я. — Очень даже возможно... То есть если вы предполагаете, что Чернышев как-то замешан в этом деле, тогда я не согласен. Не годится он для таких дел абсолютно. Самое большее — он мог что-то видеть или слышать, а вам не сказал. И не почему-нибудь, а просто так... Ну, не умеет он с людьми общаться, я же вам говорю! Я вот схожу к нему потом, побеседую. Мне он непременно скажет, если что было.

— Очень меня обяжете, — сказал на это Линьков.

«Батюшки, до чего он вежливый! — с ужасом подумал я. — Несокрушимая вежливость. Но контакт все же налаживается, помаленечку-потихонечку. Зададим следующий вопрос, насчет спиртного: как он на это будет реагировать?»

Линьков с интересом поглядел на меня.

— Спиртное? Да, следы алкоголя при вскрытии обнаружены. Доза небольшая, о сильном опьянении, по видимому, говорить не приходится. А что?

Значит, алкоголь был! А ведь Аркадий пил очень редко... и не в институте, конечно.

— Еще один-два вопроса, если можно, и потом я вам объясню, в чем дело, — быстро сказал я. — Как был одет Левицкий? То есть какой на нем был костюм?

— А, это вы по поводу слов Берестовой? Я лично ничего странного в его одежде не усмотрел. Обычный рабочий костюм: черная замшевая куртка спортивного образца, серые брюки.

Ну, ясно — он не переодевался, Нине просто померещилось. Странно, правда, что Нине вдруг начало мерещиться. У нее ум удивительно четкий и ясный. Ну, и плюс женская наблюдательность... Но, с другой стороны, с Ниной тоже что-то начало происходить... Что случилось с Ниной? Что случилось с Аркадием? Если это убийство, то кто мог убить его, почему? Если самоубийство, так тоже — поче-

му? Почему, объясните! И почему он хотя бы записки не оставил?

— Если это самоубийство, — сказал я вслух, — то как можно объяснить, что Аркадий не оставил записки?

— Видите ли, записку он, собственно, оставил, — тихо и будто бы смущенно сказал Линьков.

Мне показалось, что я ослышался.

— Оставил?

— Да. То есть, по-видимому, он написал записку. Но кто-то ее забрал. Или он сам ее уничтожил.

Ну что за дичь! Зачем Аркадию уничтожать записку? А если ее забрал кто-то другой, то, опять-таки, зачем? Кто бы ни был этот другой и что бы он ни делал в лаборатории, ему все равно выгодней, чтобы смерть Аркадия сочли самоубийством.

— А откуда же вы знаете, что записка была? — недоумевая, спросил я.

Линьков порылся в своей рыжей папке и извлек оттуда небольшой листок фотобумаги — Эх12 примерно.

— Вот, посмотрите, — сказал он, протягивая мне листок. — Это сфотографировано с записной книжки Левицкого. Три предыдущие листка были вырваны, а на этой страничке отпечаталось то, что было на них написано. Мало что удалось разобрать, строчки налезали друг на друга, отпечатки сливались, совмещались...

Я поглядел на листок — и сердце у меня захолонуло. Почти всю площадь снимка заполняла причудливая путаница еле прочерченных линий. Только вверху, чуть наискось, выступали над этим исчерченным полем слова «я уверен», и опять строка ныряла в путаницу. Да еще снизу, тоже наискось, в правом углу, можно было прочесть: «...останется в живых!» И уверенная, размашистая подпись — «Аркадий».

Я смотрел на листок и опять чувствовал, что все у меня перед глазами плывет. Значит, все-таки самоубийство?

— И ничего больше нельзя было разобрать? — с трудом выговорил я.

Линьков покачал головой.

— Сделали все, что могли. Фотографирование в контрастном свете и прочие технические трюки. Но сами видите, строчки накладываются одна на другую. Наши специали-

сты говорят, что не менее, чем в три слоя: значит, исписаны были все три листка, которые вырваны из книжки. — Он снова сунул руку в недра своей папки. — Вот, посмотрите-ка! Вы можете хотя бы примерно определить, к какому времени относятся последние записи?

Он протянул мне записную книжку Аркадия, такую знакомую мне книжку в темно-красном пластиковом переплете. У Аркадия был к ней солидный запас сменных вкладышей, последний раз он сменил вкладыш месяца два назад, когда все у нас было еще по-прежнему. Но за эти два месяца Аркадий исписал почти все страницы; за той, на которой отпечатались строчки, оставалось всего два листка. Не то он работал с удвоенной энергией, не то заменял этими записями общение со мной... Мне очень хотелось как следует изучить книжку, но я не решился попросить Линькова.

— Могу определить совершенно точно, — сказал я. — Здесь записаны те прикидочные расчеты, которые мы с Левицким делали вчера... Вот посмотрите, в моей книжке то же самое.

— Понятно... Значит, он написал записку после вашего ухода.

— И куда же она делась? — спросил я, отупело глядя на него.

— Понятия пока не имею, — признался Линьков. — Она не спрятана в лаборатории, — да и зачем бы ее прятать? Ее здесь не сожгли и не изорвали — нигде нет ни пепла от бумаги, ни обрывков. Уборщица вчера вашу лабораторию не убирала. Можно, разумеется, предположить, что Левицкий специально выходил, чтобы сжечь или изорвать записку где-нибудь вне лаборатории, но это выглядит слишком неправдоподобно. Вернее всего, записка была здесь — например, на столе у Левицкого или в кармане его куртки. А потом ее кто-то взял! — неожиданно жестким тоном закончил он.

— Но кто же мог ее взять? — У меня голова кругом шла от всей этой путаницы. — А главное, зачем? Если это все же самоубийство...

— Сейчас, пожалуй, ясно, что это не только самоубийство, — возразил Линьков. — Существует, по-видимому, какая-то цепь событий, в которой самоубийство... ну, скажем осторожнее — смерть Левицкого была лишь звеном...

может быть, даже не самым важным звеном. Человек, который взял записку, мог сделать это лишь после того, как яд начал действовать. Следовательно, этот человек знал, что Левицкий умирает или умер. Однако он не поднял тревогу, не попытался спасти умирающего. Это означает, что смерть Левицкого была ему очень выгодна. Даже если оказалась совершенно для него неожиданной... в чем я, однако, весьма сомневаюсь: уж очень все ловко обставлено, нигде никаких следов, ничьих отпечатков пальцев, кроме самого Левицкого... В перчатках, значит, действовал... У вас в институте резиновые перчатки вообще применяются при работе?

— Да... не всегда и не всюду, но... Они знаете где наверняка применяются? У эксплуатационников!

Последние слова я почти выкрикнул. Меня так потрянуло, будто я без резиновых перчаток схватился за оголенный провод под напряжением. Значит, и эта деталь укладывается в мою версию! Торопясь и захлебываясь, я изложил Линькову то, что успел узнать и сообразить за прошедшие сутки.

Линьков слушал меня очень по-хорошему, одобрительно поддакивал, кое-что записывал в свой внушительный блокнот. Но когда я выложил все и вопросительно уставился на него. Линьков покрутил головой, похмыкал и заявил, что версия, в общем, выглядит довольно убедительно и надо будет ее разработать, однако же есть тут некоторые замечания.

— Во-первых, — сказал он, доверчиво глядя на меня, — насчет этого самого спиртного. Мало его очень. Следы. А если б Левицкому дали яд в водке или в вине, как вы предполагаете, то для такой массы таблеток целый стакан понадобился бы. Потом: если Левицкого угостили этим питьем где-то в другом месте, то почему обертки от таблеток оказались в вашей лаборатории? И на вашем лабораторном стакане обнаружены следы этого препарата.

— Да это он просто запивал! — сообразил я вдруг. — Водку или там коньяк Аркадий всегда запивал водой. А тут еще привкус был горький, вот он и выпил воды! А обертки... Ну, значит, этот тип все-таки зашел сюда, чтобы подбросить обертки... Тогда же он и забрал записку!

— Что ж, выглядит правдоподобно, — согласился Линьков. — Значит, будем искать «Раджа Капура». Начнем действительно с вашей знакомой, Леры. Не знаете, Левицкий был с ней знаком?

— Вполне возможно... То есть да! Конечно! Он увидел ее у меня в квартире, сейчас же завязал разговор, потом провожать ее пошел. Не знаю, как Лера, а тетя Маша в него прямо влюбилась, все уши мне прожужжала...

— Ладно, я пока пойду, — сказал Линьков, вставая. — А потом к вам вернусь. Мне хотелось бы пойти с вами вместе к Чернышеву. Не возражаете?

— Какие могут быть возражения! — пробормотали.

На самом-то деле я предпочел бы поговорить с Ленечкой наедине, а не заявляться к нему в качестве внештатного сотрудника прокуратуры. Но что поделаешь! Линьков, видимо, решил, что одного меня пускать неудобно, следствие-то официальное...

— Вы когда рассчитываете освободиться? — спросил Линьков. — Часа в три, говорите? Ну, отлично, к этому времени я приду.

Он вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь, а я сидел у стола, и мысли так и крутились у меня в голове. Значит, версия пока подтверждается! И мне уже виделось, как убийца идет по коридорам института, озираясь подходит к нашей лаборатории, прислушивается, потом осторожно берется за ручку двери... рукой в резиновой перчатке...

Убийца был для меня безликим. Я отчетливо видел его темный силуэт на светлом фоне раскрытой двери, но лицо... Я пытался представить хищное лицо с усиками, похожее на лицо Раджа Капура, но никак не мог увидеть его, увидеть эти глаза, которые внимательно и деловито глядят на человека, неподвижно лежащего на диване... умирающего... Вместо этого зловещего лица я все время видел другое, еще более страшное для меня — спокойное, неподвижное лицо Аркадия...

Эдик Коновалов интенсивно мыслит

Линьков при помощи Эдика переворошил все личные дела эксплуатационников и не нашел ничего подходящего.

— Этот разве, Ковальчук? — вслух рассуждал Эдик, озабоченно разглядывая фотографию, приложенную к личному делу Ковальчука П.Н. — Не помню я его в лицо, но по карточке вроде подходящий, верно? Чернявый и вообще, если вдуматься, на индуса смахивает.

— Так он же без усов... — с сомнением сказал Линьков.

— Труха! Усы отрастить — это в два счета! На работу он когда поступал? Больше году назад. И карточка с того периода, значит, а сейчас, может, у него усы до плеч! Я-то здесь всего четыре месяца, не я его на работу принимал. Если б он через меня проходил, я бы его во всех деталях проанализировал. И теперь с ходу вам определил бы, он это или не он. А так, по анкете, он вроде в порядке. Отец — врач, мать — педагог, значит, условия для воспитания были нормальные, плюс, конечно, школа, комсомол...

Линьков поперхнулся.

— По-моему, вы не совсем правильно подходите к вопросу, — отдышавшись, сказал он с преувеличенной вежливостью. — На данном этапе мы ищем не потенциального преступника, а всего лишь человека, который, возможно, что-то знает о происшествии, а возможно, и ничего не знает.

— Ну и что? — удивился Эдик. — Думаете, он так сразу и откроется? Не утаит ничего, не соврет?

— А что? — терпеливо спросил Линьков. — Неужели обязательно утаит или соврет?

— Не обязательно, но в ряде случаев, — пояснил снисходительно Эдик. — Вы разве не наблюдали? Я лично — сколько раз! А вот если иметь против него фактик, совсем даже мелкий...

— Я вас понял, — поспешно сказал Линьков. — Давайте пока выясним насчет Леры.

— Насчет Леры выяснить ничего не составляет, — слегка обиженно сказал Эдик и начал рыться в папках. — Я ее даже лично знаю. Вот она вам, пожалуйста: Семибратова Калерия Николаевна, год рождения... Смотри-ка, ей уже двадцать четыре, а с виду совсем девчонка, лет на восемнадцать выглядит...

— В какой она комнате работает?

— По-моему, во второй направо от входа. А если не там, то спросите любого. Леру, вот увидите, все знают.

— Вроде Нины Берестовой? — не удержавшись, спросил Линьков.

Но Эдик, к его удивлению, горячо запротестовал:

— Ну, скажете тоже! Нина — это Нина. Таких, может, на миллион населения приходится от силы по одной. А Лера — да сейчас в любом райцентре минимум десяток девушек на таком уровне имеется. — Тут Эдик обезоруживающе улыбнулся и добавил: — А иначе в райцентрах ну просто жить невозможно было бы, даже в командировку приезжать!

Линьков чуть не споткнулся о порог, потому что Эдик вслед ему бодро провозгласил:

— Так вы действуйте, а я пока тут все дополнительно проанализирую. Знаете, в одиночестве мыслится как-то лучше...

Лера Семибратова была удивительно свеженькая, чистенькая, от нее даже прохладой будто бы веяло, как от речки в знойный день. Может, так казалось потому, что Лера была светловолосая, светлоглазая, с очень белой нежной кожей и розовым румянцем, и платье на ней было белое в голубых цветах, — но в общем, впечатление она производила весьма и весьма симпатичное, тем более что держалась спокойно, отвечала толково и не слишком странно. Но отвечать-то ей было почти нечего.

Да, Аркадия Левицкого она знает... знала. Да, именно она и пригласила его на Первое мая поехать за город. Очень хорошо съездили, и компания была хорошая, никаких конфликтов не возникало, и всем было весело. Кто был из эксплуатационников? Да все, кроме тех, что в отпуске... Кто из посторонних? Да очень мало. На Раджа Капура похож? Не было никого такого! Если только Раин

молодой человек? Он, правда, чернявый и с усиками, но, по-моему, ничего общего с Раджем Капуром. А Рая, она работает в парикмахерской, рядом с институтом, на углу Гоголевской, и наши девочки все к ней причесываться бегают, вот ее и пригласили на праздники. Она вообще-то симпатичная. А она пришла со своим парнем. Зовут его, кажется, Роберт. Нет, на Раджа Капура он абсолютно не похож. Да вот сами посмотрите, совсем забыла, Петя же нас всех сфотографировал! Вон они. Рая и ее парень, у дерева стоят, он, правда, неудачно получился — в профиль и смеется, но все же... Ну да, это Аркадий, а это я, правильно. Почему Аркадий стоит рядом с Робертом? Ой, да просто случайно!

Линьков внимательно разглядывал любительскую, впрочем весьма неплохо сделанную фотографию. О Роберте действительно трудно судить по этому снимку, зато Рая вышла отчетливо, ее сразу можно будет узнать. У Аркадия Левицкого улыбка прямо ослепительная и совершенно беззаботная — даже и не подумаешь, что у него какие-то переживания были... А может, и не было особых переживаний? Может, просто щелчок по самолюбию плюс осложнившиеся отношения с ближайшим другом и сотрудником? Все же впечатление такое, что Роберт и Аркадий не случайно оказались рядышком, а если даже и случайно, то о чем-то они в этот момент говорили.

— А вы не заметили, Левицкий разговаривал с Робертом? — спросил Линьков.

— Да чего с ним разговаривать! — презрительно отозвалась Лера. — Это же совсем пустой парень. Только в нем и есть, что поет неплохо, но уж в песнях совершенно не разбирается... Да он хороших даже и не знает, так все, ерунду какую-то нахватал. А Аркадий, он дураков ну прямо физически не переносит...

— Вы много пели в тот день? — помолчав, спросил Линьков.

— Много! Я вообще очень люблю петь! — Лера мечтательно зажмурилась.

— Когда вы пели, Левицкий все время был рядом с вами?

— Да кто его знает... — подумав, нерешительно ответила Лера. — Мог и отходить, конечно... Я, знаете, очень увлекаюсь, когда пою...

— А после праздников вы часто встречались с Левицким? — осторожно спросил Линьков: он чувствовал, что вопрос это не вполне деликатный, но спросить все же следовало.

— Нет... то есть он заходил ко мне сюда во время работы, — слегка покраснев, сказала Лера. — А помимо института мы не встречались, потому что он был очень занят, все вечера в лаборатории сидел... Сколько раз и я и другие наши проходили по вечерам мимо института, столько раз и видели, что он у себя в лаборатории находится.

— А больше он ни с кем из ваших не поддерживал отношения? — спросил Линьков, отлично понимая, что опять поступает бестактно.

Лера действительно обиделась и покраснела до слез.

— Вы, значит, думаете, что он ко мне так только, мимоходом заглядывал? — сказала она дрожащим голосом. — Ну и думайте, а я точно знаю, что ко мне он ходил, специально ко мне!

«Эх ты, балбес! — ругал себя Линьков. — Девушку до слез довел, а ничего толком не узнал. Теперь придется искать другой источник информации...»

Глава четвертая

Наконец я сказал себе, что пока все эти гипотезы не проверишь на практике, толку от них не будет, а между тем надо работать в темпе, чтобы закончить к трем. Но сосредоточиться мне было невероятно трудно; разговор с Линьковым снова выбил меня из колеи. Я все останавливался и задумывался, глядя в одну точку.

В конце концов я решил сбегать в буфет, проглотить быстренько чашку кофе. Да и вообще я сегодня фактически не завтракал.

В буфете было пусто. Зина мне улыбнулась и прямо сразу предложила «допить коньяка». Она даже поболтала для наглядности бутылкой — коньяку там и вправду было на донышке. Я сказал, что, мол, спасибо, но вообще я не

пью днем, да еще на работе, а вчера просто нервы сдали. Зина сказала, что это я правильно, так вот и надо себя вести, и что вообще она уважает людей самостоятельных.

— Мужчина должен быть с характером, — убежденно говорила она сквозь гул включенного «экспресса», в недрах которого готовился мой кофе. — Мало ли чего ему предлагают, но он должен сам понимать, что ему на пользу, а что во вред. А если не понимает, так это уж не мужчина, одна видимость только! Иной вот и знает, что спиртное для него яд, однако хлещет этот яд за компанию...

— Зиночка, слушайте, а Аркадия Левицкого вы тоже угощали коньяком? — спросил я, вслушавшись в ее певучее бормотание.

— А как же, — закивала Зина, — угощала! В тот самый день... Такой он был тоже расстроенный, вроде как вы вчера. Ну, выпил он пятьдесят граммов всего, больше никак не захотел.

— Когда он заходил к вам, не помните? — спросил я.

— Да уж к самому концу дня, часа в четыре, что ли...

Так! Теперь и вовсе, наверное, не разберешься в этом деле. Вряд ли судебные медики смогут установить, выпил он спиртное в один прием или же в два, с промежутком около часа. Правда, там, наверное, был не коньяк... Ну, посмотрим... Но уже сам факт, что Аркадий выпил хоть рюмку в рабочее время, говорит о многом. Значит, он был сильно взволнован, совсем выбит из колеи. А я даже не заметил, ничего я не понял...

«Работать, работать, ни о чем другом не думать, не отвлекаться!» — строго приказал я себе, входя в лабораторию. Но сосредоточиться было по-прежнему трудно, и я пустил в ход один трюк — начал оживленно беседовать с собой, с хронокамерой и пультом, комментируя свои действия. Со стороны это нелепо выглядит, и приходилось только надеяться, что никто ко мне не зайдет, пока я не закончу эксперимент, но зато такой трюк здорово помогает отключать всякие посторонние мысли.

Прежде всего я начал разговаривать с пультом. Я вообще люблю хоть немножечко поговорить с нашим великолепным пультом. Мне почему-то всегда кажется, что

этот белоснежный красавчик слегка глуповат и нуждается в пояснениях, иначе не сможет нормально работать.

— Сейчас нам с тобой знаешь, что предстоит? — спросил я его. — Предстоит нам, как это обозначено в журнале, заняться серией первой, координаты двадцать — двадцать. И начнем мы, как положено, с контроля... Возьмем вот этот брусок, — бормотал я, вовсю орудуя манипуляторами, — и выведем его, болезного, на самый центр хронокамеры.

Брусок послушно улегся на подставку, я убрал манипуляторы, еще раз проверил поле и включил тумблер автоматического нарастания мощности. Пульт обиженно и сердито заморгал разноцветными лампочками, но тут же успокоился — он достиг расчетного напряжения. Стрелки поползли к нужным делениям и гордо застыли в сознании исполненного долга. Теперь слово за хронокамерой.

— Ах ты умница, голубушка моя! — бормотал я, наблюдая, как за ее толстым стеклом тает, расплывается, исчезает брусок вместе с подставкой. Еще миг — и в камере стало пусто, только призрачное зеленоватое сияние медленно гасло, уползая куда-то в углы стеклянного куба.

Мы обычно перемещали объект в будущее и задавали ему находиться там несколько секунд — до минуты. Интересно все-таки было представлять себе, что в данную минуту этот брусок находится вовсе не в данной минуте, а в той, которая для меня еще только наступит через десять минут... но вместе с тем сейчас (то есть нет, не сейчас, а в том времени, которое «там» отвечает моему «сейчас») он себе мирно покоем на подставке, и я (не этот я, что здесь, а тот я, который будет через десять минут) смотрю на него совершенно индифферентным взглядом; мол, видели мы такое, и не раз... Я даже мог себе примерно представить, о чем он размышляет, этот будущий Б.Н.Стружков, который созерцает брусок, посланный самому себе из прошлого. Вовсе не о том, что на его глазах совершается чудо науки и техники, а о том, сколько раз он успеет провернуть этот брусок туда-обратно до прихода Линькова.

Зеленое сияние снова залило камеру и опять, облизывая стекло, начало расползаться к ее углам, открывая в центре подставку с возлежащим на ней бруском.

— Теперь посмотрим, — забормотал я, — что нам сообщает электронный хронометр. Сообщает он нам, что время перехода близко к расчетному, а точнее говоря, составляет десять минут с хвостиком. Непредвиденный же этот хвостик объясняется тем, что всего на свете, как известно, не учтешь и наперед не угадаешь, хотя бы ты и занимался хронофизикой. Лучше радуйся, что сегодня камера не капризничает, не зашвыривает брусочек куда-нибудь к отдаленным потомкам, а доставляет его на указанный пункт с ошибкой всего в тринадцать и шесть десятых секунды. Что ж, отлично! Значит, ровно через десять минут тринадцать и эти самые шесть десятых секунды ты обязан появиться перед нашими глазами, если, конечно, ты честный, порядочный брусочек, а не авантюрист какой-нибудь.

Только я убрал брусочек и подставку из камеры и принялся рассчитывать программу эксперимента, откуда ни возьмись, появился Линьков. Я посмотрел на часы — всего 11.40! Линьков перехватил мой взгляд и извиняющимся тоном сказал, что дела свои он закончил раньше, чем предполагал, и что хотел бы подождать меня здесь, в лаборатории, если, конечно, его присутствие мне не помешает. Я вежливо сказал: «Ну, что вы!» — но тут же бросил расчеты и уставился на Линькова немигающим вопросительным взглядом.

— Дела я, собственно, не закончил, — пояснил Линьков, усаживаясь за стол Аркадия. — Вернее даже, я их только начал. Но пока не могу действовать дальше.

Я продолжал неотрывно смотреть на него. Линьков беспокойно заерзал на стуле и пробормотал:

— Я понимаю, вас интересует... вы хотели бы узнать...

— Именно вот, — подтвердил я.

— Говорить пока нечего, собственно, — неохотно сказал Линьков.

Но я все смотрел на него, как удав на кролика, и Линьков сдался — выложил добытые сведения. Говорить, по моему, вполне было чего, и я на ходу пытался распределить новую информацию по клеточкам своей схемы. «Радж Капур» у нас не работает. Значит, либо он вообще тут ни при чем, либо все же как-то связан с делом. Если это он был с эксплуатационниками на Первое мая, то, ско-

рее всего, связан. Если нет, то вряд ли. Все равно искать его надо. Лера знает маловато. Но все же и с ней поговорить не мешало бы... если только Линьков не будет сердиться на меня за такую самостоятельность. Ну, так или иначе, подожду, пока Линьков не выяснит, кто там был, «Радж Капур» или нет. На снимке его толком не разглядишь — он в профиль стоит да еще и смеется. Усики, правда, есть... Ладно, отложим это дело. Отложим, сказано! Работать надо!

— Вы тогда займитесь чем-нибудь, — сказал я Линькову, — а я постараюсь поскорей...

Линьков заявил, что занятие он себе найдет и что я могу не слишком торопиться — время терпит. Потом он начал с озабоченным видом рыться в своей папке, а я опять мысленно схватил себя за шиворот и потащил к пульту. На этот раз было еще труднее, потому что я приказывал себе не бормотать вслух. Но про себя я продолжал бормотать: «Двадцать и ноль-один... Оч-чень хорошо... А теперь посмотрим на нашу дорогую хронокамеру...» — ну, и тому подобное. На этот раз камера едва мигнула голубоватым холодным пламенем, оно тут же свернулось и исчезло.

Брусочек лежал, как ему положено, и я с неудовольствием прикидывал, сколько же раз мне теперь удастся его перебросить туда-обратно. Удивительно все же бестолковый субъект этот Стружков, который посылал брусочек ко мне десять минут назад, не мог он, что ли, сократить дистанцию ну хотя бы до пяти минут? А теперь ничего не успеешь сделать...

Пламя мигнуло снова и будто бы слизало брусочек вместе с подставкой. Эффектное все-таки зрелище. Отправился, бедняга, в прошлое, к тому Стружкову, кем я был десять минут назад... «Так, теперь мы посмотрим, какое здесь у нас поле. Хорошее поле, просто замечательное поле! Не поле, а прелесть: силовые линии так и загибаются, так и загибаются!»

Я вздрогнул — Линьков неожиданно спросил прямо над ухом у меня:

— А что вы меряете?

Смотри какой любознательный! Интересно, он хоть понимает, что такое градиент? А то попробуй ему это объ-

ясни... Впрочем, кое-что он явно понимает сверх программы.

Не переставая вращать ручки манипуляторов, я начал давать комментарий к своим действиям:

— Тут... это... я сейчас помещу эту штучку... вот в это место... да... в это вот место... Да, а потом я ее устремлю, так сказать, в будущее, откуда она вернется спустя положенное ей время... Но меня интересует не этот факт сам по себе, а скорость исчезновения этой штуки по частям, значит...

Нет, ну как я ему растолкую, что такое градиент скорости?

— Вас интересует, стало быть, градиент скорости перехода? — спросил Линьков. — Сказывается неравномерность поля?

С табурета я каким-то образом не свалился, но на Линькова посмотрел с неподдельным восхищением. Ай да прокуратура!

— Это вы сами догадались или брошюру какую-нибудь изучили? — осторожно поинтересовался я.

— Это я сам, но при некоторой помощи государства, — в тон мне ответил Линьков. — У меня в биографии имеется следующий прискорбный факт: я закончил три курса физфака.

— Ничего, ничего, — ободряюще произнес я, — меня можно не стесняться. За неуспеваемость отчислили?

— Нет, по болезни, — лаконично сообщил Линьков.

Шутить ему явно расхотелось. Я устыдился своей бестактности и решил, что буду, в порядке морального штрафа, давать Линькову настоящие комментарии, а не бесвязный лепет.

— Понимаете, Александр Григорьевич, — задушевным тоном сказал я, — поле в камере неоднородно, это вы правильно поняли, поэтому в разных местах камеры объект уходит во время по-разному. В центре сразу весь уходит, а кое-где по частям. Мы ищем зависимость градиента скорости перехода от градиента поля, ну и прочих параметров. В идеале хочется добиться, конечно, равномерного перехода.

— И вы промеряете градиенты последовательно для всех точек объема камеры? — удивленно спросил Линь-

ков. — Так это же уйма работы! И сколько длится одна петля?

— Сейчас я беру десятиминутную дистанцию.

— А меньше нельзя? Ну, скажем, пять минут?

— Меньше можно, только я не сообразил сразу, что серия будет большая, контрольную проверку сделал на десяти минутах и режим уже рассчитал, менять не хочется. А вообще-то чем меньше, тем лучше. И надежность выше, и ждать меньше приходится. Но очень короткую дистанцию тоже ведь нельзя давать — не успеешь вовремя извлечь объект из камеры, очистить место.

— Да, — задумчиво согласился Линьков, — это верно. А больше?

— Больше — это наше слабое место, — объяснил я. — Удастся, правда, подобрать такие конфигурации и напряженности поля, что петля растягивается на часы. Но при этом она часто размыкается и без всякого, понимаете, предупреждения — возьмет да разомкнется, и брусочек, инвентарный номер такой-то, уходит в неведомое будущее.

— А почему вы только в будущее посылаете?

— Да просто удобнее, что ли. И, кстати, необратимо извлекать кое-что из будущего мы умеем даже на далекой дистанции.

— А, понятно! Этим и занимаются ваши эксплуатационники?

— Ну да. У них там целый заводской процесс налажен. Сверхсовременные методы добычи ценных и редких металлов. Иридий, ниобий и тому подобное из будущего. Только объемы уж очень малы, и процесс капризный, приходится десятки микрокамер гонять да всякий раз останавливать для очистки... Вообще хронофизика наша вся насквозь капризна до ужаса, — откровенно признался я. — Неустойчивые результаты, ненадежные. И воспроизведения четкого нет. Один раз получается, десять раз не получается. Один раз замкнул петлю, другой раз она тебе хвостиком вильнет — и будь здоров!

— Что, не возвращается объект?

— То не возвращается, а то, наоборот, исчезать не хочет. Тоже очень приятный вариант. Но это все цветочки... Вот если поля срываются, тогда вообще хоть плачь... Тахионный пучок к чертям летит, силовые линии трясутся,

как малярики, потом — бац! — автоматика отключается, и начинай все сначала.

— Ладно, — сказал Линьков спокойно и дружелюбно. — Я вас совсем замучил вопросами и работать мешаю, а время-то идет. Все. Молчу как рыба.

Я глянул на часы и ужаснулся — время действительно идет, да еще как! Надо поторопиться. Я ввел программу в управляющий блок, локализовал пучок, развернул его полем так, чтобы он невидимым экраном охватил всю камеру. Включил автомат, подал мощность. Опять пульт заморгал и успокоился, щелкнули реле, мигнула зеленая вспышка. Я подхватил брусок манипулятором, вывел его из камеры. Разницу в быстроте переходов различных частей бруска на глаз, конечно, не определишь, для этого существует сканограф. Я снял данные со сканографа, переправил их в ЭВМ — пускай обработает и аккуратненько сложит в свою память.

Передвинулся солнечный блик на полу — ох и далеко он уже передвинулся! Так, опять вспышка. Теперь следующая точка, потом следующая за ней, и так далее и тому подобное.

На следующем участке поле вспучивалось таким продолговатым горбом, вроде дыни. Никакого там горба, конечно, не было, но на экране силовые линии, изображавшие поле, округло изгибались в этом месте, и получалось нечто похожее на полосатую туркменскую дыню. Картинка была довольно интересная.

— Александр Григорьевич, хотите посмотреть? — спросил я. — Сейчас будет переход.

Линьков очень охотно подошел и стал за моей спиной. Я включил напряжение. Собственно, до момента перехода снаружи не так уж много увидишь — главное делается невидимо. Я-то знал, что сейчас, по командам управляющего устройства, где-то под козырьком магнита бесшумно и четко перемещаются секции, укладываясь в нужное положение. Сквозь кристаллическую решетку проводников неистово рвутся бесшумные электронные вихри, и невидимые для нас силовые линии извиваются, как клубок змей, чтобы выстроиться в той конфигурации, которую диктует им программа.

Вот сейчас сквозь ребристые сопла ускорителей в камеру ворвался сноп невидимых частиц, закружился смерчем, распался, на мгновение застыл и начал медленно опадать, будто стекать по стенкам. Мне казалось даже, что я вижу эту оболочку из частиц — нечто вроде туманного, размазанного вихря, который мчится вдоль завитков поля.

А вот и зрелище! Бледное сияние разлилось по стеклу, и брусок начал исчезать. Но не весь сразу, а постепенно; казалось, что надвигается чернота и медленно съедает его, начиная с середины: там почти сразу возникло черное облачко с размытыми краями.

Разница в скорости перехода была очень большая: даже на таком ничтожном расстоянии — от одного конца бруска до другого — поле менялось весьма заметно, поэтому и переход был такой постепенный. Через десять минут все это повторится, только уже в обратном порядке.

— Путаная все-таки штука — время, — задумчиво проговорил Линьков за моей спиной. — А если б вы, например, не забрали брусок из камеры — что тогда?

— Да ничего особенного. Он смотрел бы на нас, а мы на него.

— Мне почему-то казалось, что тогда должно произойти удвоение, — сказал Линьков.

Одна клемма у осциллографа мне не нравилась. Она явно отлынивала от своих прямых обязанностей. Ну, так и есть, прокручивается на одном месте. Придется менять.

— Чему ж там удваиваться? — рассеянно бормотал я, возясь с нерадивой клеммой. — Нечему там удваиваться, да вообще-то и негде: место ведь занято... Брусок, ежели что, сольется сам с собой... Ну, удвоится, если хотите, на атомном уровне.

— А... не может он, например, появиться перевернутым? — помолчав, спросил Линьков.

Смотри-ка, о чем он спрашивает! Да уж, мозги у этого несостоявшегося физика вполне на месте. Прямо жаль, что он не вовремя заболел...

— А над этим мы сами головы ломаем, — сказал я. — Понятно, если я в будущем учиню что-нибудь с бруском — переверну его или надпись на нем сделаю: «Пламенный привет товарищу Линькову от перековавшихся преступни-

ков», то он и прибудет сюда перевернутым либо с надписью.

— Это-то конечно, — сказал Линьков, — но ведь вы можете, например, получить его, так сказать, в первоизданном виде, а потом, вот именно потом оказать на него воздействие... Тогда как? Или, допустим, наоборот: он придет к вам с такой вот трогательной надписью, а вы дождетесь его в будущем, извлечете из камеры и ничего на нем не напишете?

— Причина и следствие, — назидательно произнес я, — суть краеугольные камни нашего мировоззрения. Так вот, рад сообщить вам, что в данном случае нашему мировоззрению ничто не угрожает.

— То есть?

— Рабочая гипотеза гласит: мы имеем дело с изменяющимся временем. Тот товарищ там, — я повел рукой вперед и вверх, в направлении воображаемого будущего, — произвел воздействие, следы которого мы с вами увидели. Но мы с вами, подстрекаемые нездоровым любопытством, достигнув его состояния на мировой линии, не повторили этих действий. В результате мы перешли на другую мировую линию. Если б мы теперь вернулись по этой новой линии в прошлое, мы увидели бы брусочек, как вы изволили выразиться, в первоизданном виде.

— А как же «тот» товарищ? — Линьков тоже указал вперед и вверх.

— А мы с ним на этом деле разошлись, как в море корабли. На его мировой линии брусочек в прошлом имеет надпись, потому что данный товарищ в будущем эту надпись сделал; на нашей — брусочек надписи не имеет, потому что мы ее в соответствующее время не сделали.

Разумеется, это была всего лишь рабочая гипотеза, но что еще я мог ему предложить? Проверить эту гипотезу было невозможно — для этого пришлось бы отправляться в прошлое...

Линьков задумчиво покачал головой.

— Не могу сказать, что все это мне очень понятно, — заявил он.

Мне и самому было не очень понятно; единственное утешение состояло в том, что такие эксперименты без осо-

бой надобности не производятся. А особой надобности в них пока не имелось.

— А вы сами-то не ощущаете никакого завихрения в мозгах от всех этих изменяющихся времен? — спросил Линьков. — Отклонения от нормы не наблюдаются? Потом еще вспышки эти непрерывные...

— У хронофизика нервы должны быть железные, — гордо заявил я. — И даже стальные. Нам завихрения ни к чему, нам работать надо!

Я и в самом деле работал так, словно нервы у меня были стальные: уже в обычном, хорошем ритме устанавливал брусок, фиксировал поле, производил переход, выжидал, освобождал камеру, брал данные со сканографа — и опять: устанавливал, фиксировал, производил...

— Ну закончите вы эксперимент, а дальше что? — спросил Линьков.

— Ничего особенного. Данные я передам на ЭВМ, пускай она сама ищет зависимости: за что же мы ее поим и кормим током, мощности на нее тратим, как говорит наш завхоз. А завтра за следующий слой возьмусь.

— И так каждый день?

— Обязательно. Как минимум от звонка до звонка, а то и позже. В целом ряде случаев именно и позже. И так всю неделю. Самый приятный день — воскресенье: работай хоть до двенадцати ночи, никто не помешает.

— Никого в институте нет?

— Почему — нет? Сколько угодно есть. Но считается, что никого нет, поскольку день нерабочий. Поэтому никто друг к другу не ходит и никто друг друга не отвлекает. К тому же буфет закрыт, столовая тоже, питание берется из дому и поглощается прямо на рабочем месте: опять-таки экономия времени...

— Я вот что хотел вас спросить, — Линьков все по-смаатривал на камеру. — А не бывало такого, чтобы к вам в камеру сваливалось что-нибудь... оттуда?

Я покачал головой.

— Пока не бывало. От самих себя приветы получали — это было. Придешь утром, а он лежит, голубчик. Вынешь его, инвентарный номер запишешь, отдашь завхозу. Потом опять работаешь с бруском, работаешь, вдруг он — хлоп! — и провалится. Ну, остается только зафиксировать: так,

мол, и так, полученный такого-то и такого-то из будущего времени брусок отправлен такого-то и такого-то для получения в вышеозначенном. А по-настоящему «оттуда» мы еще ничего не получали, и это нас даже удивляет иногда.

— А это не слишком однообразно? — Линьков замялся. — Я хочу сказать: не может ли все это в один прекрасный день надоесть? Знаете, так, чтобы захотелось чего-то экстраординарного, внепланового?

Ах, вон что: он хочет выяснить, не пришла ли некоему хронофизику блажь в голову просто от однообразной работы, от скуки! Наивно, товарищ Линьков, чересчур уж наивно! Физик из вас, может, получился бы хороший, а вот юрист... И вообще зря я с ним так разболтался! Если ему нужен гид, так чего мы тут стоим?

— Пока ничего такого у нас не наблюдалось, — мрачно сказал я.

— Я говорю не об этом случае, — медленно сказал Линьков, — не о смерти Левицкого.

Ну вот. Так мне и надо. Что-то я уж очень туго стал соображать, все до меня доходит с запозданием, со сдвигом по фазе. Так и вообще разучишься думать.

— Со стороны как-то иначе представляешь себе науку, — продолжал Линьков. — Знаете, как в журналах о ней пишут... Там ведь сгустки, сплошной концентрат открытий. Ну, разумеется, и без упоминания о «напряженных буднях» редкая статья обходится. Но чтобы своими глазами увидеть — это я в первый раз...

— Какие тут будни! — недовольно сказал я. — У нас все время праздники: то хронокамера из строя выйдет, то напряжение сядет, то эксперимент загубишь... Двух дней одинаковых и то не сочтешь. Тем более спокойных. Что ни день, то событие. И опять же — идеи! Найдет тебя какая-нибудь, тут уж вообще не замечаешь, который день кончается, а который начинается.

— А можно спросить: как насчет человека? — вкрадчиво осведомился Линьков.

— Можно спросить, — сказал я. — Насчет человека так: плохо с человеком. Поле в камере, сами видели, неравномерное, и переход поэтому неравномерный, по частям. Человек — не брусок, на подставку его не уложишь, он минимум половину камеры займет. При такой нерав-

номерности он вполне может размазаться во времени. Прибудет на станцию назначения, например, одна правая нижняя конечность. В общем, переходы пока очень ненадежны; как влияет переход на структуру объекта, абсолютно неясно, и конструкция хронокамеры весьма несовершенна, сами видите. Так что опыты на живых существах пока начисто исключаются. Да и размах у нас не тот, в смысле энергетических ресурсов. Чтобы перебросить брусок на десять минут, и то расходуется уйма энергии. А в человеке-то килограммов 70–80 живого веса...

— Насчет влияния перехода на структуру объекта — это вы просто так сказали или действительно не знаете?

— Нет, кое-что мы, конечно, знаем. В аналитическом отделе как раз этим занимаются — делают полный анализ транспортируемых объектов.

— Рентгеноструктурный?

— Рентген, химия, электронный микроскоп — все тридцать три удовольствия. С точностью до двух ангстрем полная идентичность до и после перехода. Вы еще помните, надеюсь, что такое ангстрем?

— Что-то очень маленькое, — Линьков улыбнулся. — Как сказал бы мой коллега Валентин Темин, такая штучка для измерения атомов.

— Мой почтительный привет вашему высокообразованному коллеге, — сказал я. — С этого дня я круто меняю свое мнение о прокуратуре.

— А кстати, — заметил Линьков, — если вам почему-либо надоест хронофизика, я охотно возьму вас к себе в помощники. По-моему, у вас неплохие задатки детектива.

Я польщенно улыбнулся. Но Линьков тут же продолжил:

— А вот зачем приходил Чернышев, этого вы не определили... Он явно хотел вам что-то сказать, но увидел меня и передумал.

— Возможно... — без энтузиазма отозвался я. — Вот проверим... если удастся. Он ведь такой, знаете, застенчивый... Вас будет бояться...

Я все еще надеялся, что Линьков не пойдет, пустит меня одного к Ленечке. Но Линьков не понял моих намеков — может, не захотел понять. Он помолчал, уткнувшись в блокнот, а потом спросил:

— Какие взаимоотношения были у Чернышева с Левицким?

Мне не очень хотелось об этом говорить, но что поделаешь!

— По-всякому было, — угрюмо буркнул я. — Раньше мы одну работу совместно с Чернышевым вели, и тогда Аркадий к нему вроде хорошо относился... Но последние месяца три они даже не разговаривали. Аркадий на конференции слишком уж резко отозвался об эксперименте, который предложил Чернышев. Ну, и Чернышев обиделся.

— А кто из них был прав?

— Оба.

Это правда. Расчеты Ленечка сделал безупречно, но практически такое поле в камере долго не удержишь. Теоретически предсказать это нельзя; только Аркадий, который на устойчивости собаку съел, смог это почувствовать, и то не логикой, а скорее интуицией.

— Чернышев, наверное, растерялся, обиделся, не смог четко ответить?

— Да, примерно так. Он не за себя обиделся, конечно. Но этот эксперимент был для него очень важен, и он ожидал поддержки, а выступление Аркадия было для него полной неожиданностью. Он здорово растерялся. Аркадий, по-моему, сам потом жалел, что наговорил лишнего.

— Ну ладно, — сказал Линьков, поглядев на часы. — Скоро час. Я вас все же здорово отвлекаю разговорами. Пойду-ка я позвоню начальству, то да се... К трем я вернусь, и, если вы уже освободитесь, мы пойдем к Чернышеву.

И Линьков удалился, аккуратно и бесшумно прикрыв за собой дверь.

Версии, версии, вагон версий...

— **Я** вас по всему институту ищу! — закричал Эдик Коновалов, увидев Линькова. — Передали вам?

— Передали... — Линьков тяжело опустился на стул. — Слушаю вас.

— Одну идею я тут обмозговал! — радостно сообщил Эдик.

Линьков содрогнулся. Идеи размножались с нарастающим ускорением. Вчера

— Темин, сегодня утром — Стружков, теперь уже и Коновалов. Версии, версии, вагон версий, а фактов кот наплакал.

— Что ж, излагайте, — сказал он обреченно.

— Додумался я, — торжественно заявил Эдик. — Не с того конца мы с вами начали!

— Правда? — вежливо удивился Линьков. — С какого же именно конца следует начать?

— Я считаю, что необходимо в основном Стружковым заняться! — так же торжественно провозгласил Эдик.

— Что? — поразился Линьков. — Стружковым?

— Непременно и в срочном порядке! Сейчас я вам изложу соображения. Я, главное, факты все проанализировал, сопоставил, как вы советовали, — тут он с уважением поглядел на Линькова. — Насчет фактов это вы очень верно заметили!

— Какие же факты, по-вашему, говорят против Стружкова? — сугубо официальным тоном осведомился Линьков.

— Сейчас я все по пунктам! — радостно сказал Эдик. — Значит, так. История с Берестовой — раз! — Он энергично пригнул к ладони мизинец. — Поссорился с Левицким в последний день — это уже два! — Он загнул безымянный палец. — Понятно? Он, конечно, говорит, что уходил из института, ну, так это еще надо проверять и проверять! Мог он, скажем, уйти не в пять ровно? Мог! Они же у нас никогда по звонку не уходят, чтобы все вместе, дружно, коллективом, а так, помаленьку расползаются, от пяти до шести. Вот уж после шести — тогда замет-

но, если кто выходит. Но Стружков, я ж говорю, вполне до шести мог справиться! Уловили мою мысль?

Линьков старательно протирал очки.

— Мысль вашу я уловил, — пробормотал он, — но должны же быть какие-нибудь мотивы.

— Есть мотив, есть! Еще и какой! — заторопился Эдик. — Я тут некоторые наблюдения произвел. И представляете, что выясняется: Стружков-то с Берестовой уже не того! Я Берестову на этот счет пробовал выпытывать, но она не поддается. Волевая очень! Говорит официальным тоном: «Вам просто показалось!» — и все. А чего там показалось! Невооруженным глазом видно. То они все вместе да вместе: и в столовке за одним столом непременно, и из института чуть не под руку... А теперь как обрезало! Вот только я не выяснил еще, с какого времени у них врозь пошло. Это я не дотянул, сознаю! — покался Эдик с искренним огорчением. — Но можно так предположить, что Берестова взяла да и перекинулась обратно к Левицкому! Возможен ведь такой вариант, правильно?

— Вообще-то да, — вяло отозвался Линьков. — Но ваши обоснования слабоваты, неубедительны... К тому же Стружков психологически не подходит для такой роли... Алиби Стружкова проверить, конечно, следует...

При всей дикости коноваловской «версии» просто отмахнуться от нее было нельзя. Факты накапливались такие, что следовало думать об убийстве или о каком-то другом преступлении, ставшем причиной гибели Левицкого. А если было преступление, то был и преступник... Только нет, не Стружков это! Вчерашнее его поведение... Так естественно и убедительно сыграть мог бы только очень талантливый актер.

— Да обоснований я вам сколько хотите найду, — обиженно сказал Эдик. — Глаза у меня кое на что годятся! И котелок тоже варит!

«Котелок твой для туристских походов годится, — со злостью подумал Линьков, — кашу в нем хорошо варить!»

— Обоснования можно искать, если есть факты, — строго сказал он. — А никаких фактов, имеющих отношение к данному происшествию, вы не сообщили. Высказали только предположение, что Стружков мог уйти из инсти-

тута позже пяти. Но это предположение пока никакими фактами не подтверждается.

Эдик ошеломленно моргал.

Линьков медленно поднялся, потянул свою папку со стола. Эдик, быстро оправившись от шока, вскочил.

— Фактики я вам подберу, не сомневайтесь! — заверил он. — Я хоть тут и недолго, а всю здешнюю специфику насквозь выяснил. Такие фактики подберем — будь здоров! Вы на меня надейтесь!

— Я надеюсь, — деревянным голосом сказал Линьков, — что вы в дальнейшем учтете следующее: любой факт нуждается в тщательной проверке и уточнении.

— Я вас понял! — горячо заверил Эдик, но ясные глаза его растерянно забегали. — Все проверим до точности, а как же!

— Однако проверять следует крайне осторожно, — тем же деревянным голосом добавил Линьков. — И не подменяя собой следственных органов! Это учтите непременно. Во избежание всяких неприятностей.

— А... а как же... — еле выговорил Эдик.

— Найдите приемлемый выход из этого сложного положения! — уже с порога посоветовал Линьков.

Когда Линьков закончил свой довольно бесцветный отчет, Иван Михайлович некоторое время молчал, барабанил пальцами по столу.

— Действительно, фактов негусто, — отозвался он наконец. — Ну, а как по-вашему, специфика института не играет никакой роли в происшествии?

Линьков пожал плечами.

— Непосредственно с работой лабораторий я еще не успел ознакомиться. Но вообще-то маловероятно... Обстоятельства происшествия самые бытовые, к физике никакого отношения не имеют.

— Непонятно все же, — сказал Иван Михайлович, — почему именно в лаборатории? Очень непонятно... И вторая деталь — пропавшая записка. Версию шантажа вы решительно исключаете?

— Работы, которые велись в лаборатории Левицкого и Стружкова, засекречены не были, так что вроде бы...

— Но в других-то отделах института есть засекреченные работы. И Левицкий мог ведь что-то знать об этих работах?

— Конечно, — согласился Линьков. — В записке Левицкий мог сообщить, кто и что является причиной его смерти. И забрал записку тот, кому это разоблачение чем-то грозило.

— Логично, — сказал Иван Михайлович. — Но значит, этот человек все время наблюдал за Левицким. Ведь чтобы вовремя перехватить записку, нужно было следить за каждым его шагом... и нужно было знать о замысле самоубийства...

— Или самому подготовить это... самоубийство, — хмуро заметил Линьков.

— Хотя, с другой стороны, зачем бы тогда Левицкому писать записку?

— Могло быть и иначе, — возразил Иван Михайлович. — Левицкий, возможно, вовсе не собирался кончать самоубийством. Содержание записки могло быть, допустим, такое: «Я запутался, сделал то-то и то-то, иду заявить об этом». Кто-то прочел эту записку, понял, чем это для него пахнет, и вот тогда организовал это «самоубийство». Или же он догадался о решении Левицкого как-то иначе, не прочитав еще записки, — это мне кажется даже более вероятным... Теперь прикинем. Во-первых, кому могла быть адресована записка и кто имел больше всего шансов обнаружить ее раньше времени? Во-вторых, — кто знал Левицкого настолько хорошо, чтобы смог по его поведению понять, на что он решился?

Линьков молчал, сжав губы.

— По-видимому, таких людей не много, — продолжал Иван Михайлович. — Стружков... Берестова... Хотя Берестова, видимо, исключается, раз она, как вы говорите, давно уже не встречалась с Левицким.

— Мог быть и еще кто-то третий из институтских работников... — тихо сказал Линьков. — Ни Стружков, ни Берестова не могли бы, мне кажется, действовать так предусмотрительно, точно и хладнокровно, как требовалось в данной ситуации.

— Я понимаю, что в это поверить трудновато, — сочувственно отозвался Иван Михайлович. — Мне и самому

эта версия очень не по душе. Но все-таки вы понаблюдайте за Стружковым! Осторожно, объективно, не торопясь... Я понимаю, отпуск ваш срывается, но мы это потом сбалансируем, мое вам слово... Ну, конечно, версию с этим, как его... Раджем Капуром, что ли, тоже надо разрабатывать.

— Есть! — устало отозвался Линьков, вставая. — Вернусь пока в институт.

— В общем, действуйте, действуйте, — поощрил его Иван Михайлович, снимая трубку телефона. Он набрал номер, послушал и положил трубку. — Что у них там все время занято?.. Кстати, в деле об убийстве Лукина, помните, как трудно было поверить, что этот симпатичный паренек Виталий Кравцов — он и есть убийца!

— Помню, — угрюмо сказал Линьков.

В следственном отделе, как всегда, было тихо и прохладно. Савченко недовольно сопел, вороша толстенную папку, — должно быть, разыскивал какую-то бумажку. Валя Темин сидел, уставившись в потолок, и даже не сразу понял, что это Линьков пришел. Савченко с любопытством поглядел на него и снова уткнулся в свои бумаги.

— Да это ты. Линьков! — сообразил наконец Темин. — А я тут, понимаешь, все думаю-думаю о твоём деле, аж голова трещит...

— Я очень-очень тронут твоей заботой, — рассеянно проговорил Линьков.

Он топтался на пороге, не зная, что делать. В парикмахерскую идти рано — Рая сегодня работает с трех. В институт тоже еще рановато — незачем мешать Стружкову, пока он не закончит эксперимент... Да и вообще со Стружковым теперь будет труднее общаться. Вот и начальство рекомендует к нему присмотреться... Будем присматриваться, что ж, нам не впервой. Пойдем в библиотеку, проверим его алиби... Линьков повернулся было к выходу, но поймал недоумевающий, почти испуганный взгляд Валентина и сделал вид, что смахивает соринку с плеча.

— Так что же ты надумал, товарищ Темин, за срок с девяти ноль-ноль до четырнадцати ноль-шесть текущего

дня? — спросил он, присаживаясь на краешек дивана у самой двери.

— Я ведь не только о твоём деле думал! — поспешно заявил Валентин. — У меня, понимаешь, как раз проходит одно дело о шантаже. Я сопоставил фактики, проанализировал...

«Плагиа́т из рече́й Э́дика Коно́валова, — подумал Линьков, — а впрочем, даже и не плагиат... Такой лексикон — это общественное достояние».

— И что же?

— Имеются совпадения! Верно говорю! Я считаю, что ты определенно должен заняться этой версией.

Линьков невольно усмехнулся: ну и денек — с кем ни поговори, каждый тебе в обязательном порядке навязывает новую версию.

— Я ведь для тебя по дружбе стараюсь, — огорченно сказал Валентин.

— Не много же ты настарался, — констатировал Савченко, старательно завязывая тесемки разбухшей папки. — Вчера шантаж, сегодня шантаж...

— Сегодня уже два шантажа вместе, — поправил Линьков. — Мой шантаж плюс его личный шантаж. Ты как собираешься продолжать. Валя, в арифметической прогрессии или в геометрической? Да ладно, не обижайся! Я же ценю! Спасибо, друг, друзья познаются в беде, пришла беда — отворяй ворота, но, вместе с тем, семь бед — один ответ! Понятно тебе?

— Иди, иди, Александр, — сказал Савченко, ухмыляясь. — Ты, того гляди, начнешь нам таблицу умножения наизусть цитировать! Нечего тут своим культурным уровнем щеголять, мы сами с усами.

— И то пойду! — Линьков, кряхтя, поднялся с дивана. — Дома, конечно, лучше, но в гостях тоже весело. Пойду повеселюсь малость.

— В институт идешь? — завистливо спросил Валентин, уже забывший обиду.

— И в институт, и еще кое-куда, — таинственно прошептал Линьков. — До свидания, друзья, и благодарю за все, включая шантаж!

В городской библиотеке Линьков предъявил свое удостоверение и сказал нарочито небрежным тоном, что его интересует один вопрос: можно ли при помощи библиотечного учета установить, кто и сколько времени был в читальном зале в тот или иной день. Заведующая читальным залом, маленькая энергичная женщина, проницательно поглядела на него сквозь толстые линзы очков.

— Это вы для алиби? — деловито осведомилась она. — Кто конкретно вас интересует?

«Ишь ты, какая прыткая!» — удивился про себя Линьков.

— В данном случае я хочу выяснить лишь принципиальную возможность, — сугубо официальным тоном ответил он. — Существует, по вашему мнению, такая возможность или нет?

Заведующая опять просверлила его взглядом.

— У нас есть солидный контингент постоянных читателей. Их все наши сотрудники в лицо знают. Если это кто-либо из них... — Она многозначительно замолкла.

— Речь идет не о конкретных личностях, — вежливо повторил Линьков, — а о принципе. Сколько времени у вас хранятся взятые книги?

— Неделю. Периодика — три дня.

— Отлично. Возьмем тогда ближайшие три дня... — Линьков сделал вид, что колеблется. — Например, двадцать первое мая... или двадцатое. Могли бы вы точно установить, кто работал двадцатого мая в читальном зале?

Они разговаривали в подсобном помещении читальни, среди стеллажей с пачками отложенных книг. Заведующая повела взглядом по этим пачкам и с сомнением покачала головой.

— Это заняло бы слишком много времени, — сухо сказала она. — Мне просто некого поставить на такие розыски.

— Розысками я и сам могу заняться, вы только объясните принцип, — поспешно заявил Линьков; это его вполне устраивало.

— Принцип простой, — несколько смягчившись, сказала заведующая. — Вот видите, в книгу вложена закладка. — Она вытащила узкую полоску бумаги. — Тут написано, какого числа взята книга и на какой номер. Вы мо-

жете посмотреть, на каких закладках стоит дата «20/V», и проверить, чей номер тут обозначен. Видите, на номер 472 книга взята восемнадцатого мая. Проверяем по картотеке, — она подошла к столу, на котором стояли длинные деревянные ящички с карточками, порылась в одном из ящичков, — и видим, что книгу эту читает Меркулов Сергей Поликарпович.

— То есть ясно, что книгу эту он выписал восемнадцатого мая, — заметил Линьков. — А приходил он после этого в читальный зал или нет, узнать нельзя?

— Я думаю, нельзя... — неуверенно ответила заведующая.

— Понятно... Ну что ж, я с вашего разрешения попробую кое-что проверить на выборку, — вздохнув, сказал Линьков.

«Стружков мог сдать книги в тот же вечер, не оставляя за собой, — раздумывал он, проглядывая закладки. — Или мог взять их раньше, не двадцатого... Ничего я, похоже, не найду...»

Однако ему повезло. Четвертая стопка книг с закладкой, помеченной двадцатым мая, как выяснилось, хранилась для Стружкова Бориса Николаевича, научного сотрудника НИИВ. Линьков для маскировки проверил еще одну закладку и потом снова спросил, можно ли определить, сколько времени пробыл в читальном зале тот или иной посетитель. Ему опять ответили, что в принципе это невозможно, разве если дежурный библиотекарь хорошо знает посетителя и поэтому запомнил, когда тот пришел и когда ушел.

Линьков поблагодарил за оказанное содействие и откланялся.

«Да, в общем-то, этих сведений, пожалуй, достаточно, — думал Линьков, шагая к институту. — Был Стружков двадцатого мая в читальне? Был. И именно вечером, поскольку весь день находился в институте. Из института он вышел вместе со всеми и назад не возвращался, это тоже установлено. Алиби, хоть и не железное, но достаточно надежное... Разве только он сделал все... что «все», неизвестно, ну да ладно... сделал все до шести часов, а потом ушел. Но известно, что Левицкий сразу после пяти куда-то уходил и вернулся не раньше чем в двадцать минут шесто-

го, а лаборатория минимум четверть часа была заперта... Положим, время все же оставалось». И вообще все это известно со слов самого Стружкова и Нины Берестовой. Только с их слов! — Линьков покачал головой и тихонько вздохнул. — А давать ложные показания способны даже самые симпатичные люди. По тем или иным побуждениям... Ну, уж если Стружков врет, — с некоторым даже озлоблением подумал Линьков, — то ему прямая дорога во МХАТ, реалистически он очень все изображает! А вот Нина... Нина говорила как-то все же странно. И в глаза мне ни разу не глянула, и думала явно о чем-то своем... И деталь эта странная, с одеждой Аркадия... Ведь не подтверждается это фактами, смахивает, пожалуй, на неудачную выдумку... Ах, чтоб тебе!»

Последние слова Линьков произнес почти вслух, и даже неизвестно в точности, к чему они относились, — то ли к показаниям Нины Берестовой, то ли к тому странному факту, что следователь прокуратуры попытался проникнуть в Институт Времени, не предъявляя пропуска, и был остановлен суровым возгласом вахтера.

Глава пятая

Линьков вернулся совсем другой — словно его подменили. Он был по-прежнему вежлив и спокоен, но говорил со мной как-то отчужденно. Вообще даже не столько говорил, сколько слушал. Задаст вопросик — и молчит, слушает. А мне опять жутко стало. Теперь, значит. Линьков ни с того ни с сего переменялся. Эпидемия разыгрывается, что ли? Кто же следующий? Шелест? Ленечка Чернышев? Или я сам?

Мы сразу пошли, как условились, к Чернышеву. Но лаборатория оказалась заперта; мы решили подождать Ленечку, пристроились на широком подоконнике в коридоре и заговорили о хронофизике. Я-то, естественно, сначала поинтересовался, нет ли чего новенького, но Линьков отвел свои ясные синие очи в сторону и выдал краткое сообщение типа «на данном участке фронта существенных изменений не произошло». После чего захотел выяснить, какие, собственно, работы ведет лаборатория Чернышева, и я попытался ему это изложить. Но я все

время отвлекался — противно сосало под ложечкой от страха, и я думал, что надо бы сегодня же пойти к Нине и решительно потребовать объяснений. Нельзя же так, в самом деле! Пускай выложит все начистоту, разберемся, выясним отношения... Но я понимал, что не хватит у меня духу на это, да и ничего от Нины не добьешься, если она решила молчать.

Говорил я при этом, само собой, до предела бессвязно и невыразительно. Линьков очень старался хоть что-то понять, но вскоре оставил эти бесплодные попытки и совсем уж помрачнел. Не то он на меня рассердился, не то на себя, что вот, мол, остался недоучкой и в таких интересных проблемах разобраться не может.

А то, о чем я так бестолково рассказывал Линькову, было, по сути дела, интересным до крайности.

В лаборатории Чернышева занимаются мигающим временем. Занимаются пока в основном теоретически, но если опыты покажут, что гипотеза в принципе верна, то здесь откроются прямо-таки ошеломляющие перспективы. Конечно, наши временные петли для непосвященного человека тоже сплошная фантастика, но мы-то как были в одномерном нашем времени, так и остаемся, сколько бы петель ни накрутили. А то, что они ищут, тоже вроде бы находится в пределах нашей временной оси, однако же...

Мне наконец стало стыдно. Я сделал над собой усилие и по-человечески объяснил Линькову, что педагог я вообще никудышный, а сейчас к тому же не в форме, но все же попробую изложить все заново, по-другому, с грубыми упрощениями, зато довольно наглядно. Линьков тоже, видимо, встряхнулся и ответил с более живыми и теплыми интонациями, что он-де охотно согласится с упрощениями, если это поможет ему понять, в чем суть дела.

— Ладно, — сказал я тогда. — Все мы учили в младенчестве, что между любыми двумя точками на прямой можно указать бесчисленное множество точек. Так вот, представим себе, что наша временная ось является такой прямой. А точки на ней — это мгновения. Сравнение не вполне удачное, ведь точки не имеют протяженности, а время, по-видимому, все-таки квантованно и дробить его до бесконечности нельзя... Ну, мы на это пока не будем обращать внимание. Значит, мы представим себе, что

точки — это мгновения, и условно их обозначим как-нибудь... Ну, покрасим, что ли, в три цвета: красная точка, желтая, синяя, потом опять — красная, желтая, синяя... Теперь вообразите, что наш мир — весь мир, понимаете, целиком, со звездами, галактиками, — занимает только красные точки на этой прямой...

Линьков хмыкнул.

— То есть, насколько я понимаю, он существует, прерываясь во времени? Исчезает и появляется? А Другие точки? — спросил он, чуть подумав.

Он заинтересовался, это я видел, но отчужденность не исчезала. Поэтому и заинтересованность он проявлял довольно сдержанно. «Ты же совсем плохо его знаешь, — начал я утешать себя. — Вообразил, что поникаешь его, и зря, без достаточных оснований. Ты вообще психолог, видимо, никудышный. В Аркадии не смог разобраться после стольких лет дружбы, а где уж тебе Линькова понять за два дня, да еще в таких условиях! Может, он вовсе и не сердится, а чем-то озабочен, думает о своем и только из вежливости старается делать вид, что слушает тебя. И раз уж ты все равно обязан ввести его в «курс дела», так вводи по мере сил, а психологические изыскания оставь до более подходящего случая».

Словом, я взял себя в руки и заговорил, стараясь не обращать внимания на то, как Линьков смотрит, как слушает, как звучит его голос.

— Мигающее время, конечно, неточный термин. Мигает не само время... Хотя и время — тоже... Вообще-то мигают миры. Но поскольку у каждого мира свое время, то и его можно назвать мигающим. Каждая точка — это свой, особый мир. Вот мы сейчас с вами разговариваем, и этот наш разговор состоит из миллиардов мгновенных «вспышек» — этаким пунктир на временной оси. То мы есть, то нас нет, то мы опять возникаем...

— И промежутки слишком малы, мы не можем их ощутить, они для нас сливаются в непрерывную линию, как кадры в фильме?

— Ну да. Только это, скорее всего, не точечные мгновения, а очень маленькие промежутки. Мы ведь не можем, сколько ни бьемся, зафиксировать процессы со временем меньше, чем ядерная секунда. Не можем даже на

уровне элементарных частиц. Что это должно означать? Вполне можно допустить, что ядерная секунда — это неделимая временная единица для нашего мира. Получается очень даже логично: сама природа нашего мира дает нам, так сказать, естественную меру времени, меньше которой быть не может.

Линьков опять задумался, но на этот раз уже явно о мигающих мирах.

— Это звучит здорово! — заявил он, посообразав некоторое время. — То есть я вполне понимаю и принимаю, что наша естественная мера длины, этакий «квант пространства», задается нам, заранее существует в природе в виде размера элементарной частицы. Раз она элементарная, то эту элементарность понять нетрудно. Меньшей длины просто не существует, и бессмысленно спрашивать, что там, внутри элементарной частицы, и из каких частей она состоит. Нет такой длины, которой можно было бы измерить часть элементарной частицы, а поэтому и вопрос о частях этой частицы отпадает. Но что касается квантованности времени — тут вроде никакого физического эквивалента не наблюдается.

— А это и не обязательно, — возразил я. — Могут существовать еще не известные нам простейшие, элементарные процессы — элементарные в том же смысле, что частицы. Такой процесс, следовательно, имеет наименьшую возможную в природе длительность. Если сам процесс физически цельный, неразделимый, тогда и время, которое он занимает, тоже неделимое... И такой процесс как раз будет физическим эквивалентом кванта времени.

— Конечно, вполне можно и так считать, — сказал Линьков. — Но мне лично больше нравится гипотеза с «мигающим временем». Тут эта неделимость выступает как-то более наглядно, более обоснованно, что ли. Но слушайте, каков же механизм этого явления? Уж очень трудно себе представить, что все атомы нашего мира, вся материя непрерывно то целиком исчезает, то снова целиком возникает. Главное, так согласованно! Господь бог, что ли, там сидит и помахивает жезлом, как регулировщик: «Сгинь! Появись! Снова сгинь!»

— Господь бог такую работу не осилит, — ответил я. — Тут даже никакая автоматика не поможет, где уж од-

ному богу справиться. Дело обстоит проще... или, может, сложнее. Ничего тут не нужно согласовывать. Это как бы врожденное свойство всей материи. Атому и знать не нужно, что делает его сосед за тысячу световых лет... Он, этот атом, существует согласно положенным ему как частице нашей материи свойствам. И существует он, в частности, в своем — ну, в нашем — времени. А оно, это время, наделено таким коренным свойством, что состоит как бы из отдельных зернышек. И атом существует именно по законам этого прерывного времени, ничего о них не зная. Так же и другие атомы, ничего не зная об этих удивительных свойствах времени, существуют по его законам и иначе существовать не могут. А нам кажется, что они умные и действуют согласованно.

— Понятно... — сказал Линьков. — Аналогия примерно такая: гляжу я вечером на город с птичьего полета и вижу, что во всех окнах свет то вспыхивает, то гаснет одновременно. Можно было бы подумать, что все жители этого города сговорились и одновременно щелкают выключателями. Но проще предположить, что по какой-то причине напряжение в осветительной сети то исчезает, то возникает.

— Ну, примерно так, — пробормотал я. — Только мне эта аналогия не нравится. Материя ведь, собственно, не зависит от времени...

— Аналогии, как известно, всегда неполны, — возразил Линьков. — Но дело не в этом... Слушайте, а где же существуют эти ваши «зеленые», «синие», «желтые» и прочие миры? Здесь, в нашем же пространстве? Между нами?

— В этом-то вся и штука! — заговорил я, невольно восхищаясь, как всегда, этой теорией. — В этом вся грандиозность идеи! Мы привыкли искать соседей, так сказать братьев по разуму, обычно где? В пространстве! Космические полеты, дальний радиопоиск, Линкос и тому подобное. А они — тут, здесь, может быть, в этом самом месте! Может, вот теперь, когда мы с вами исчезаем, на нашем месте возникают какие-нибудь голубые вибрирующие пятиугольники и очень убедительно излучают друг другу ту же гипотезу о мигающем времени!

Линьков наконец-то соизволил улыбнуться.

— Голубые вибрирующие пятиугольники излучают гипотезу! Ну и фантазия у вас, однако же! Только не очень-то я верю, что существуют такие пятиугольники. Природа, по-видимому, склонна к экономии. Она предпочитает пользоваться набором готовых стандартных деталей и не особенно стремится изобретать новые типы атомов и молекул. Ее технологический девиз, мне кажется, таков: максимум разнообразия при оптимальной унификации деталей.

— Ну, это справедливо, наверное, лишь для данного этапа ее развития, — поправил я. — Не думаю, чтобы разнообразие было всегда ее основной тенденцией. Второе начало термодинамики как раз говорит об обратном...

— Ну, допустим. Но я, собственно, не об этом хотел сказать, а вот о чем. Вы придумали пятиугольных мыслителей. Можно придумать еще многое. Но нельзя ли представить себе и нечто совсем иное, а именно: что все иные точки, кроме наших — ну, зеленые, желтые и другие, — что они могут попросту пустовать?

Молодчина все же Линьков. Ведь неплохо придумал. Во всяком случае, эта гипотеза насчет «незаполненных вакансий» на временной оси ничуть не менее убедительна, чем представление о том, что наша временная ось битком набита разными мирами. Но я все же решил его осадить.

— Поздравляю вас! — сказал я патетически. — Полным-полно народу говорило, что Земля — единственная обитаемая планета в пространстве и что человечество — явление уникальное. Но вы, по-моему, первый, кто заговорил об уникальности Земли и человечества еще и во времени. В случае надобности ссылайтесь на меня — я буду утверждать ваш приоритет в этой области!

— А что вы можете возразить по существу? — спокойно ответил Линьков. — Ведь возможно же, что мы мигаем в полном одиночестве и некому подмигнуть нам в ответ?

— В общем-то, да. Но это не так уж и важно, по сути, — сказал я. — Ведь даже в самом благоприятном случае, то есть если все эти параллельные в пространстве миры существуют и все точки на мировой оси заполнены, то

все же очень мало шансов, чтобы совпали две планеты, да еще населенные разумными существами... На том месте, где в нашем пространстве находится Земля, в «их» пространстве, скорее всего, окажется космическая пустота.

— Да, скорее всего, — согласился Линьков. — Но меня вообще немного раздражают эти бесконечные разговоры о братьях по разуму. Ну, допустим даже, есть эти братья, и вдобавок где-то в пределах досягаемости, и говорить с ними можно будет, например, при помощи Линкоса. Но вопрос: чего мы от них ждем? Зачем они нам вообще? Можно подумать, что мы в лес по грибы пошли, заблудились и аукаем с перепугу. А ведь зря аукаем-то! Я абсолютно уверен, что никакой Линкос не поможет нам наладить настоящий контакт. Потому что ни нам до них, ни им до нас никакого дела нет, у каждого свои хлопоты и заботы. А скорее всего, нет у нас никаких братьев по разуму. Есть только жажда зрелищ, свойственная человеку! А ведь что может быть более грандиозно и увлекательно, чем зрелище космического Контакта...

Я с любопытством посмотрел на Линькова. Рассуждал он, по-моему, не очень-то логично и уж наверняка не слишком весело!

— А что практически делает Чернышев? — помолчав, спросил Линьков.

— Практическая идея такова; продлить, растянуть естественное время самых коротких процессов. Скажем, вдвое—втрое увеличить этот квант времени. В небольшом объеме, конечно. Так, чтобы этот объем был еще занят «нашими» частицами в тот момент, когда там должны появиться частицы другого мира.

— Чего же можно тогда ожидать? Взаимодействия? — спросил Линьков.

— Непонятно пока. Может быть, конечно, и взаимодействие, тогда это тоже очень интересно. Можно зарегистрировать и изучить свойства «тех» частиц. Но Чернышев предполагает, что можно просто рассогласовать «мигания» в этом объеме так, чтобы в конце концов часть нашего мира вдвинулась в тот, а часть того — вошла в наше пространство. Особенно если подготовить в этом объеме вакуум, то есть начисто убрать частицы нашего мира. Уж тогда, если там появится какая-то частица, дело

ясное: она из того мира. Ведь теорию Бонди-Хой-ла о творении вещества из ничего сейчас никто уже всерьез не принимает.

— Ну и как, получается что-нибудь? — поинтересовался Линьков.

— Пока немного. Они экспериментируют с полями, с потоками тахионов, воздействуют на обычные частицы, замеряют времена распадов, рождений. В общем, пока все работы идут на элементарном уровне... Я имею в виду — на уровне элементарных частиц в ускорителях, в объемных резонаторах... Смотреть там особенно нечего, таких эффектов, как у нас, не увидишь...

По коридору прошел Юрочка Масленников. Он с любопытством поглядел на нас и остановился.

— Слушай, Борис, ты не Чернышева, часом, ждешь? — спросил он, исподтишка разглядывая Линькова. — Так учти: у них в отделе по пятницам семинар.

Чтоб тебе, а у меня-то из головы вон! Значит, Чернышева сегодня мы не увидим — семинар начинается в два и наверняка продолжится до конца рабочего дня.

— Ладно, — сказал Линьков, глянув на часы, — тогда, если не возражаете, мы посидим полчасика в вашей лаборатории, и вы эти сведения выдадите мне сухим пайком, так сказать.

Я не возражал, и мы отправились в лабораторию.

— Странная все же штука! — задумчиво говорил Линьков, пока мы шагали по коридору. — Ведь фактически ничего мы раньше о времени не знали. А думали, что знаем все. Лет десять назад само название «Институт Времени» вызвало бы крайнее недоумение. «Время? Чего ж тут изучать? Ясное дело — все течет, все меняется».

«Разговорился все же, разговорился!» — думал я, поглядывая на него.

— Да уж, — сказал я вслух, — когда наш институт создавался, таких разговоров мы наслушались вдосталь. У нас ведь тогда актив был скромненький — несколько петель во времени для макроскопических объектов да серии опытов с элементарными частицами в ускорителях. Нам и говорили, что для этого достаточно будет организовать отдел, что дальше части мы практически не движемся, с макротелами — это случайные удачи, повторить

их не удастся... В общем, хулителей и скептиков хватило бы, чтоб угробить два таких института.

— А с чего, собственно, началась вся эта затея? — спросил Линьков, когда мы уселись на табуретах в лаборатории.

— Да началась в основном с теории, — сказал я. — Появились теоретические работы, которые исходили из возможности существования частиц, движущихся быстрее света. У Файнберга из Штатов была такая идея, и у нашего Терлецкого. Японцы опубликовали парочку расчетов...

— Это, значит, вопреки Эйнштейну? — быстро спросил Линьков.

И он туда же — «вопреки Эйнштейну»! Почти все неспециалисты, как услышат о сверхсветовой скорости, так сразу решают, что это противоречит теории относительности.

— Нет, здесь совсем другое, — терпеливо разъяснил я. — В работах, о которых я говорил, принимается, как и у Эйнштейна, что обычные частицы из нашего мира — ну, те, из которых мы состоим, — не могут даже достигнуть скорости света, а тем более превысить ее. Предполагается другое — что за этим световым барьером могут существовать особые частицы, которые никогда не имеют скорости ниже, чем световая... В общем, вроде как особый мир, симметричный нашему — что касается световой скорости. У нас частицы не могут подняться до этого барьера, а там не могут опуститься ниже его. Симметрия, правда, не полностью соблюдается: у нас ведь существует наименьшая скорость — ноль, а там наибольшей скорости нет — частица может двигаться даже с бесконечной скоростью...

— Но, позвольте, тогда ведь вся логика теории относительности летит к черту! — удивился Линьков. — Если существует бесконечно быстрый сигнал, то существует и абсолютное время, и, значит, вся ньютоновская физика верна! Где же тут Эйнштейн?

— Ну да, так получается, если считать, что скорость света — рядовая скорость, — возразил я. — Большая, но рядовая. А опыт говорит, что это не так, что она не рядовая, а абсолютная. Во всех работах по сверхсветовым

частицам, по тахионам так и принимается, что скорость света — особенная. А бесконечно большая скорость — как раз рядовая. По отношению к нам, например, тахион имеет бесконечную скорость, а по отношению, допустим, к Сириусу — очень большую, но не бесконечную. А скорость света и там и тут остается одинаковой...

— Ах, такие пироги, значит? — задумчиво проговорил Линьков. — Тогда я вообще не вижу, из-за чего весь шум!

— А шум именно из-за того, что если допустить и теорию относительности, и существование тахионов, то нужно отбросить причинность, — объяснил я. — Тогда сразу получается, что тахионы, взаимодействуя с обычным веществом, могут передавать ему информацию из будущего. Вообще могут осуществлять прямую связь прошлого с будущим и наоборот. Вот это и вызвало ужасные вопли ортодоксов.

— Еще бы! — Линьков усмехнулся и покрутил головой. — Я и сам завопил бы, если б сегодня своими глазами не посмотрел, как вы брусок гоняете туда-сюда по времени.

— Ну, с бруском и вообще с нашими петлями дело сложнее, — сказал я. — Мы даже не уверены, что тут все дело в тахионах. Вначале-то мы только эту возможность и видели. Знаете, как обычно бывает: пока теоретики переругиваются, экспериментаторы пробуют. Вот как раз Вячеслав Феликсович, наш директор, и решил попробовать — первым у нас. Тут тоже отчасти случай помог. В одном эксперименте, на ускорителе, наблюдался резкий скачок энергии. Представляете, энергия частиц вдруг прыгает сама собой, и чуть ли не на целый порядок. Искали причину — не нашли, думали рукой махнуть, а он решил повторить опыт в точно таких же условиях. Получил опять скачок, и вполне надежно. Более того: оказалось, что эти скачки энергии, если их пронаблюдать подольше, периодически повторяются.

— И как же он это объяснил?

— Предположил, что тут мы имеем дело с передачей энергии из будущего в прошлое. Частица словно бы сама себе передает энергию. Авансом, так сказать.

— И массу, конечно?

— Да, и массу. Вообще материя переносится вспять, против пресловутой «стрелы времени». Просто повезло, что наткнулись на такие поля и вообще на такие условия, когда частица усиленно генерирует эти сверхсветовые тахионы и потом сама же их поглощает.

— Ну, наткнуться мало все-таки, надо понять, — заметил Линьков.

— В этом все и дело! Когда Вячеслав Феликсович выдвинул свое объяснение, никто сначала верить не хотел, кроме энтузиастов, конечно. Но все-таки разрешили опыты продолжать. Тогда всего одна группа работала, и в основном на ускорителях. Их главным образом интересовало, как усилить эффект и перенести его на макротела. Первую хронокамеру прямо и скопировали с ускорителя. Воспроизводимость результатов была хуже некуда! Ну, а потом постепенно пошло дело, наладили настоящие хронокамеры — вот как наша, — научились брусочки забрасывать и возвращать... Так и движемся — осторожненько, ощупью... А я и сам иногда не понимаю, чего это мы так осторожничаем? Ну, не замкнем мы какую-нибудь петлю: например, брусок из будущего примем, а обратно его возьмем да не отправим. Допустим даже, что из-за этого микровоздействия вся наша история перейдет на другую мировую линию. Ну и что?

— Непредвиденные последствия... — неопределенно отозвался Линьков. — Возможность катастрофы...

— На нашей мировой линии такая возможность, вы думаете, исключается? — ехидно спросил я. — А помоему, существуют абсолютно равные шансы за то, что на другой мировой линии нас ожидает не ухудшение, а улучшение. Абсолютно равные! По крайней мере для нас, пока мы не научимся рассчитывать будущее. Да ведь в данном случае и разница-то ерундовая: на одной линии кто-то послал брусок из будущего в прошлое, а на другой — нет. А вообще-то я иногда думаю о тысячах, да что там о тысячах — о миллионах неиспользованных вариантов будущего, которые можно было бы осуществить таким вот путем!

— Наудачу? Этак можно здорово нарваться... — меланхолически заметил Линьков. — Помните «Конец Веч-

ности» Азимова? Там эти Вечные так солидно обдумывали и рассчитывали все варианты Минимально Необходимых Вмешательств в историю — и то просчитались в конце концов... А где уж нам...

— Да... Вечным хорошо было — они сидели вне потока времени и могли проверить даже отдаленные результаты своих действий. При таких условиях работать одно удовольствие! Можно даже щеголять мастерством, добиваться наиболее экономных и изящных вариантов. А мы в этом потоке времени с головой утопаем. И все-таки, я думаю, рассчитать кое-что возможно! И стоило бы хорошенько подготовиться да рискнуть! Ох, стоило бы!..

Тут наступила долгая пауза. Я представил себе, как это здорово будет, если удастся рассчитать, что нужно для спасения человечества от угрозы термоядерной войны. Кто знает, может, для этого достаточно было бы лет сорок назад перекрыть на часок движение на какой-то улице какого-то города. Или еще что-нибудь в этом роде. И — р-раз! — покатилась история с этой минуты по другому пути, все дальше отклоняясь от прежней трассы.

— Насчет изменения будущего — тут я согласен, — сказал Линьков. — Мы все равно меняем будущее, любыми своими действиями. Даже бездействием... Ничего не делать — это, в сущности, тоже вариант действия. Но что касается прошлого — дело совсем другое. Ведь изменив прошлое, мы изменяем настоящее — то, в котором сегодня живем. Тут уж я не знаю... в общем, надо бы поосторожнее с этим...

— Да я вполне приветствую осторожность! — откликнулся я. — Только я; по правде говоря, сомневаюсь, что можно так уж основательно изменить прошлое. Читал я, помню, такой фантастический рассказ. Там люди отправлялись на экскурсию в далекое прошлое и охотились на заранее отмеченных динозавров; скажем, известно, что этот именно ящер через пять минут утонет в асфальтовой яме, и ничто не изменится, если его застрелят на три-четыре минуты раньше этого... Но один из экскурсантов случайно раздавил бабочку, и в результате, вернувшись в будущее, они обнаружили там вместо демократического строя — фашистский.

— Это рассказ Рэя Брэдбери «И грянул гром», — сказал Линьков.

«И все-то он знает, все-то помнит! — ужаснулся я. — Не человек, а ЭВМ с долгосрочной памятью!»

— Да, действительно Брэдбери. Так вот, по-моему, ни бабочка, ни брусок, что с ними ни случись, на ход истории не повлияют. Нужна целая серия продуманных, целенаправленных действий, тогда и мелочами можно добиться серьезных результатов. Постепенно, по волоконцу, можно перерезать толстый канат. А если отщипнешь одно волоконец, ничто не изменится. Да вот в том же «Конце Вечности» правильно, по-моему, говорится о затухающих изменениях реальности: они расходятся все шире, как круги по воде, и постепенно, вдали, сходят на нет. Не так-то легко повлиять на ход истории! Почему я и думаю, что зря мы осторожничаем со своими брусками, ничего они вообще не изменят, сколько их ни перебрасывай во времени.

— Наверное, вы правы, — сказал Линьков. — Мир ведь статистичен. Это миллионы событий, в общем-то, случайных. Можно заменить десятки и тысячи событий другими, а историческая тенденция останется та же. И результат будет тот же. И вообще, по-моему, с изменяющимися временами дело обстоит несколько иначе, — я имею в виду мировые линии, о которых вы говорили. Конечно, строго говоря — очень-очень строго! — две линии, на одной из которых бабочка жива, а на другой раздавлена, отличаются друг от друга. Но это отличие можно установить только при помощи каких-то сверхмощных, еще несуществующих «временных микроскопов». А если смотреть на события обычным, невооруженным человеческим взглядом, то никакой разницы не увидишь. И не только две линии, а пожалуй, тысячи и миллионы теоретически различных линий могут на практике быть неотличимо схожими. По-моему, нужно ввести какой-то интервал исторической неопределенности, что ли. Для допуска на всякие вмешательства, в пределах которого все заново возникающие мировые линии, все измененные будущие окажутся практически одинаковыми.

Я посмотрел на Линькова с уважением — в который раз за сегодняшний день! Он был абсолютно прав. Если

начнешь двигаться, так сказать, поперек мировых линий, расходящихся из одного и того же прошлого, то придется, наверное, пересечь миллионы их, прежде чем наткнешься на историю, существенно отличающуюся от нашей.

— Конечно, вы правы, — продолжал Линьков, — необходима серия, и довольно длительная серия воздействий, чтобы две мировые линии существенно разошлись. Но это если говорить о мелких воздействиях. А как быть с более серьезным Вмешательством? Если, допустим, явиться в прошлое и убить Гитлера, прежде чем он станет фюрером?

— Ну, об этом тоже рассказ был написан, — сказал я. — Что, дескать, в действительности — ну, конечно, не в нашей, а в той, что существовала до изменения, — был не Гитлер, а какой-то другой тип, вроде него. Герой рассказа специально вернулся в прошлое, чтобы убить этого типа в юности. И тогда вместо него вождем фашистов стал Гитлер. Так что мы живем уже в измененном времени. Но изменения-то произошли в частностях — в судьбе Гитлера, например, — а исторические закономерности сохранились, это в рассказе правильно показано...

— Это «Демон истории» Гансовского, — сказал Линьков. — Я его и имел в виду, когда приводил пример.

Я уже перестал удивляться. Линьков, наверное, на всех викторинах брал призы за эрудицию. Ну, пускай себе блещет познаниями и логикой, лишь бы на меня не сердился.

— А что, Борис Николаевич, — мечтательно говорил совсем уже оттаявший Линьков, — может, мы с вами и вправду живем во времени, кем-то основательно измененном, только не подозреваем этого?

— А я даже не сомневаюсь в этом, — ответил я. — Мы столько раз давили своими брусочками если не бабочек, то еще чего-нибудь, что я уж и не представляю, в котором по счету варианте истории живу. Только насчет макровоздействий вроде убийства Гитлера — это для нас, к сожалению, фантастика! Вы же сами видели наши хронокамеры: брусочек, подставочка, десятиминутный заброс... Разве этим добьешься реального изменения истории! Есть такие вещи, которые в принципе возможны —

ну, например, фотонный звездолет, — но технически неосуществимы. А на практике это ведь все равно, нельзя их осуществить в принципе или же только по техническим причинам. Раз нельзя, для нас это все равно не существует.

Тут Линьков глянул на часы и вздохнул.

— Да уж, — сказал он, вставая, — чего нет, то не существует, но с меня лично вполне хватает того, что есть и что очень даже существует. Например, существует необходимость прервать интересный для меня разговор о философских проблемах хронофизики и отправиться метров на четыреста к востоку, чтобы затеять другой разговор, гораздо менее интересный и, вероятно, вообще бесполезный.

— Это куда же вы... на четыреста метров к востоку? — обескураженно спросил я.

Язык-то я прикусил, да с опозданием на полсекунды. Дернуло же меня лезть с вопросами! Я и сам ведь вполне мог додуматься, что идет Линьков к той Раечке, кавалер которой вроде бы смахивает на Раджа Капура. Линьков будто и не рассердился, ответил вполне вежливо, что идет в парикмахерскую на угол Гоголевской и что, по его расчетам, эта парикмахерская удалена от лаборатории примерно на четыреста метров к востоку. Но глаза у него сделались опять отчужденные, холодные, и все дальнейшие вопросы так и завязли у меня в горле.

Линьков даже не сказал, когда снова придет, и придет ли вообще, — попрощался вежливенько и ушел, а я словно пристыл к табурету и бессмысленно глазел на дверь.

Впрочем, сидел я так недолго. Минут через пять позвонила мне Лерочка и заявила, что она обязательно-обязательно должна поговорить со мной, и притом немедленно. Я посмотрел на часы — было уже без четверти пять — и ответил, что она может прямо сейчас прийти ко мне в лабораторию. Лера сказала: «Ой, я тогда приду ровно в одну минуту шестого, ладно?» Одну минуту она, видно, присчитывала на скоростной пробег по двору, по коридору и по лестнице.

Я позвонил Шелесту, больше для проформы: я еще при Линькове звонил, и мне сказали, что он вряд ли вернется сегодня в институт. Шелеста не было, я мог считать

себя свободным, а разговор с Лерой меня интересовал, так что я с нетерпением ждал, когда же настанет одна минута шестого.

Что меня сразу удивило: Лера явно злилась на Линькова. Я сказал, что он человек умный и симпатичный, а Лера покраснела до ушей и заявила, что Линьков вот именно ничуть не симпатичный и никакой не особенно умный, а даже скорее наоборот. Я начал допытываться, в чем дело, но Лера сказала, что просто Линьков произвел на нее неприятное впечатление. Но я постепенно восстановил ход ее разговора с Линьковым, и тогда все стало ясно. А то мне трудно было поверить, что сверхвежливый А.Г.Линьков способен обидеть девушку, да еще такую милую, как Лера.

Насчет Аркадия она могла мне вообще ничего не объяснять, я таких историй навиделся, за последние два года в особенности: проведет Аркадий с какой-нибудь девицей денек-другой, в кино сходит либо на лыжную прогулку, например, — девица потом рассчитывает на дальнейшие встречи, а Аркадий успел осознать, что с ней разговаривать не о чем, значит, и встречаться больше неохота... Я сильно подозревал, что в эксплуатационный корпус Аркадий потом ходил вовсе не из-за Леры. К ней-то он, естественно, заглядывал, — он же вежливый и вообще по сути добрый, обижать девушку ему не хотелось, вот он и отделялся обаятельными улыбочками да ссылками на занятость. Поэтому я слушал щебетание Леры насчет того, как исключительно хорошо относился к ней Аркадий, а сам искал зацепку, чтобы деликатно расспросить ее о других участниках праздника. Мне это было легче, чем Линькову: я не следователь, я свой, я друг Аркадия... Лера мне сама все рассказала, не дожидаясь расспросов, да еще с такими подробностями, которых Линькову нипочем бы не сообщила. Мне эти подробности тоже, собственно говоря, были ни к чему в деловом смысле, но речь шла об Аркадии, и я слушал все.

Вскоре, однако, я почувствовал, что еще немного поговорим мы об Аркадии, о веселом, обаятельном, чутком, остроумном — словом, о живом Аркадии! — и я волком выть начну. Лера то и дело говорила о нем, забывая прибавить «был», и мне от этого становилось еще страшней

и тоскливей. Я начал непроизвольно вздыхать, ерзать, и тут Лера проявила женскую чуткость — всхлипнула, аккуратно утерла глаза и нос красивым цветастым платочком и заверила, что она вполне понимает и разделяет мои чувства.

— Мне самой знаешь как тяжело вспоминать! — сказала она под конец.

И это меня разозлило почему-то. Я, конечно, видел, что Лере очень жаль Аркадия, но разве это сравнишь...

Эта мимолетная злость помогла мне вернуть равновесие, и я вскоре поймал в словах Леры ниточку, за которую можно ухватиться. Лера сказала, что Аркадию очень понравилось, как она поет, и песни ее тоже понравились.

— Он меня даже записать хотел, на магнитофон! — добавила она. — Нет, правда! Ты что, не веришь?

— Что ты, Лерочка! — поспешно возразил я. — Просто я как-то не наблюдал, чтобы Аркадий записывал песни. Он больше джазом увлекался. Правда, есть у него негритянские спиричуэлс...

— А у меня как раз одна песня в стиле спиричуэлс! — заявила Лера. — Не моя, конечно, я своих не пишу, но очень хорошая. И насчет джаза он тоже сговорился кое-что переписать...

— С кем это? — сразу же спросил я. — С кем сговаривался-то?

— С Женькой Назаровым, с кем же еще! У Женьки и магнитофон особенный, со стереозвуком, и джазовых записей — ну, уйма!

— А с Раиным кавалером Аркадий не говорил?

— Ты смотри! — удивилась Лера. — Только и разговоров, что про этого Роберта! То следовательно спрашивал, теперь ты... Да о чем с ним говорить, господи!

— О джазе, например, — терпеливо разъяснил я. — О магнитофоне. О пленках.

— Так у него нет магнитофона! И вообще он не сообщает, что к чему.

— Лерочка, золотко! — взмолился я. — А ты, часом, не знаешь, где живет Женька Назаров? Очень мне нужно его повидать!

— Подумаешь, проблема! — с удовольствием ответила Лера. — Проводишь меня домой — и все. Женька в нашем доме живет.

По дороге Лера всячески старалась выведать, зачем мне понадобился Женька, но я только пообещал ей рассказать все впоследствии.

— Вот, пожалуйста, — сказала Лера, когда мы подошли к ее дому на Пушкинской. — Тут тебе и Женька, тут тебе и джаз на всю катушку. Ох и надоел он мне с этим джазом! Как весной откроешь окна, так до осени покою нет. Вот я нарочно пойду с тобой и прочищу Женьке мозги... Да не бойся, я на минуточку, а потом уйду, не буду мешать. Тайны Парижа, подумаешь!..

Мы с Назаровым не были знакомы, но Лера нас представляла друг другу, кратко и выразительно проработала соседа за лишние децибелы шума и застучала каблучками вниз по лестнице.

— Видал? — сумрачно сказал Женька. — Тоже мне уровень культуры! Такой джаз, это ж слушать и слушать, а она говорит — шум! Да сама же она и шумит, а вовсе не джаз!

— Может, ты чуточку завышаешь громкость? — осторожно сказал я. — Слух-то у тебя вроде нормальный...

— Для них же и стараюсь! — Женька широким жестом обвел стены, включая в свою музыкальную орбиту всех соседей. — То есть ужас до чего неразвитой народ в нашем доме! И как-то нет у них даже стремления развиваться...

Женька был худенький, хрупкий рыжеволосый паренек, с виду совсем мальчишка. Я его замечал раза два в институте и думал: чего этот пацан тут крутится? И губы он надувал совсем по-детски, когда жаловался на неразвитых соседей. Поворчав еще с минуту, он выключил магнитофон и поинтересовался, зачем я пришел.

Лера была права: это он говорил с Аркадием о джазовых записях. Аркадий хотел переписать себе кое-что из его фондов («У меня, знаешь, уникальные есть вещи!» — с гордостью пояснил Женька), но не знал, где добыть пленку, и Женька ему посоветовал обратиться к Марчелло.

— Марчелло? — переспросил я.

— Ну, прозвали его так... Он на Марчелло Мастоляни похож — не вообще, а в фильме «Развод по-итальянски», там он с усиками и такой какой-то... неприятный.

— А на Раджа Капура он не похож? — осведомился я.

— На Раджа Капура? — Женька подумал. — А шут его знает. Я Раджа Капура толком не помню. Видел я «Бродягу», но давно, еще в школе когда» учился.

Ну да, он Раджа Капура не помнит, а Анна Николаевна скорей всего «Развод по-итальянски» не видела: за семьей недосуг. Наверное, это и есть тот самый тип — чернявый, с усиками...

— Мне вот тоже пленка позарез необходима! — заявил я. — Где бы его найти, этого Марчелло?

— А он в «Радиотоварах» работает, на проспекте Космонавтов. Лучше всего к закрытию магазина приходить, тогда с Марчелло общаться легче. Да ты вот сейчас и иди! — посоветовал Женька, глянув на часы. — Пока дойдешь, как раз без четверти семь будет. Ты к Марчелло подойди, прямо к прилавку, и скажи потихоньку: «У меня к вам дело, буду ждать на улице». И все. Как закроют магазин, Марчелло к тебе выйдет.

Я, конечно, сразу же отправился в «Радиотовары». Продавцов там работало всего двое; один из них был пожилой, толстенький и лысенький, и ошибиться было невозможно, хотя чернявый продавец ничуть не походил ни на Раджа Капура, ни на Марчелло Мастоляни: неказистый парень, даже вроде кривобокий, и лицо неприятное. Но усики у него действительно имелись, и густая черная шевелюра тоже.

Народу в магазине было немного, я без труда выискал кусочек пустого пространства у прилавка и, слегка перегнувшись к чернявому продавцу, полушепотом сообщил, что у меня есть дело и я буду ждать на улице. Марчелло, ничуть не удивившись, кивнул и отошел к полкам, а я побродил вдоль прилавков, разглядывая приемники, радиолы и магнитофоны, потом вышел на улицу.

Ровно в семь откуда-то из-за угла вынырнул Марчелло, и его сразу обступили, а я стоял поблизости и терпеливо дожидался, пока он договорится со всеми своими клиентами. Марчелло раза два искоса поглядывал в мою

сторону; мне показалось, что он нервничает. Наконец он освободился и бочком двинулся ко мне. Придвинувшись вплотную, он исподлобья, снизу вверх поглядел на меня желтыми, кошачьими глазами и хрипловато спросил:

— Вы насчет чего интересуетесь?

Я, пока дожидался, прикинул, как с ним разговаривать.

— В основном насчет Джонни Холидея, — небрежно сказал я. — Есть у вас что-нибудь новенькое? Или шейк свеженький, если имеется.

Марчелло прокашлялся и посмотрел в сторону.

— Откуда у меня такое... — угрюмо пробормотал он.

— Ну вот! — Я изобразил глубочайшее разочарование. — А Женька Назаров уверял, что для вас ничего невозможного нет.

— Назаров — это кто такой? — недоверчиво прохрипел Марчелло.

— Да бросьте вы! — притворно огорчился я. — Женьку Назарова не знаете? Такой маленький, рыженький, на Пушкинской живет. У него же уникальные джазовые пленки, что вы!

— Прямо — уникальные! — презрительно отозвался Марчелло.

— Ну ладно, — примирительно сказал я. — Это мне понятно: вы же специалист, он себя тоже считает специалистом... Словом, дискуссия на профессиональной почве!

— А чего мне с ним дискуссии вести? — Марчелло хмыкнул. — Специалист, тоже мне! Больше воображения, чем соображения.

Он, видимо, за что-то обиделся на Женьку. Но меня это даже устраивало.

— Ну ладно, забудем о Назарове, раз вы с ним не в ладах, — сказал я уступчиво. — Мне ведь про вас не только он рассказывал, а еще и Аркадий Левицкий.

Я говорил это небрежным тоном, но исподтишка наблюдал за Марчелло. Он довольно кисло отреагировал на упоминание об Аркадии: скривился весь и опять хмыкнул.

— Это ваш приятель, что ли, Левицкий-то? — спросил он с горечью.

— Ну, не то чтобы приятель, — осторожно сказал я. — Работаем мы вместе...

— Работа у вас, конечно, интересная, — с оттенком уважения заявил Марчелло. — Передовая, можно сказать, работа. Передний край науки! Вы не смотрите, что я в торговой сети работаю и тому подобное, — он впервые повернулся ко мне лицом и заговорил без хмыканья и гримас. — Я все же техникум окончил, по ремонту аппаратуры два года работал... в технике прилично разбираюсь. И я науку ценю. Но если ты ученый, так ты должен быть культурный человек, да? Но не хам. Этого я не признаю, когда хамят. Хамить может кто? Вахтер какой-нибудь, если лезешь, куда не надо, или дворник. За прилавком у нас некоторые тоже хамят, это да, бывает. Но они отчего хамят? От усталости, это я вам точно говорю...

— Но ведь ученый тоже может уставать? — осторожно вставил я.

— Может, — неохотно согласился Марчелло. — Может ученый тоже утомиться. Но не до такой степени, чтобы на людей кидаться, да?

— Это вы про Левицкого, что ли? — осведомился я.

— А то про кого же! Я к нему как к человеку, со всей душой, а он...

— Недоразумение какое-нибудь вышло? — полувопросительно, полуутвердительно сказал я, давая понять, что между такими людьми речь может идти лишь о недоразумении и ни о чем другом.

Марчелло клянул на этот уважительный тон.

— Вас как зовут? — быстро спросил он. — Борис? Давайте будем знакомы. Меня Виталий зовут, Марчелло — это так просто, прозвали... Насчет пленок я приложу усилия, не сомневайтесь... У вас какой магнитофон?

— «Яуза»... — смущенно соврал я, ничего не придумав заранее.

— Что ж это вы? — укоризненно заметил Марчелло. — «Яуза» — это не разговор. Хотите, такой вам предмет достану, прямо ахнете! Вам в какую сторону? Ну, мне тоже примерно туда. Пойдемте, а то здесь маячить не к чему, у самого магазина.

Мы двинулись к перекрестку, и Марчелло сразу же вернулся к разговору о том, кто и почему может хамить. Видно, Аркадий его здорово задел!

— Я не возражаю! Ученый — тоже человек, — говорил он, обиженно кривя длинные бледные губы. — Вот вы говорите» ученый утомиться может. Это я понимаю, это бывает. Но тут никакая не усталость была, поскольку в выходной день, и ничего он не делал, а лежал на диване и слушал радио. Значит, что? Значит, хамство, да? — Марчелло победоносно поглядел на меня.

— О чем я и говорю!

— А что он такое сделал? — спросил я. — Аркадий действительно вспыльчивый, из-за пустяка иногда заводится с пол-оборота...

— Я тоже вспыльчивый... — пробурчал Марчелло.

Я его еще немножко подначил, и он выложил мне всю историю.

— Он ко мне сначала за пленками явился, вот как вы хотя бы, — рассказывал Марчелло. — Я, конечно, постарался, организовал все по его желанию, доставил. И он, ничего не скажу, оценил правильно. Кофе мы с ним пили у него дома; «Цинандали» немножко приняли, поговорили про науку, про технику, ну, личных проблем тоже коснулись... Он мне даже открыл по-дружески, что имеются у него серьезные осложнения в личной жизни.

Я споткнулся на ровном месте. Аркадий за бутылкой вина жалуется какому-то мелкому жулику на любовные неудачи! Бред, фантастика! Да нет, просто врет этот самый Марчелло, цену себе набивает...

— Какие же у него такие осложнения? — Мой голос звучал почти спокойно.

— Я что-то ни о чем не слыхал, хоть мы с ним в одной лаборатории...

— Он подробностей не сообщал, — с сожалением признался Марчелло. — А я посчитал, что если вопросы задавать, то это будет с моей стороны нахальство. Я сам лишнего не спрашиваю и, чтобы у меня спрашивали, тоже не одобряю. Но просто я с ним поделился насчет своих затруднений в личной жизни... Знаете, с женой развожусь, ну, понятно, начинается волынка по линии жил-площади и всякое такое. Но он послушал немного, потом

спрашивает: «Да ты ее любишь или нет, не пойму что-то?» А я что могу ответить? В свое время, год назад, безусловно любил, иначе зачем бы женился. А за год совместной жизни она мне так в печенку въелась, хоть в Антарктиду от нее беги. Ну, Левицкий тогда и говорит: «Это все чепуха, если так! Не переживай, все рассосется». Поскольку у меня в тот период переживания были очень сильные, я задал ему серьезный вопрос: «А что же тогда не чепуха? Если вы имеете в виду науку, то наука сама по себе, а личная жизнь все равно имеется». Говорю ему — у меня все же семья распадается, и вдобавок придется комнату где-то снимать, не хочу я скандалить из-за жилплощади. «А у вас, спрашиваю, неужели не бывает осложнений в личной жизни?» Это я уже нахально спросил, потому что он так несерьезно отнесся к моим переживаниям. А он вдруг ни с того ни с сего как засмеется! Потом видит, что я совсем обиделся, и говорит: «Бывают и у меня осложнения, не думай. Еще и какие! Я сейчас в такой переплет попал — будь здоров!» Серьезно сказал, с волнением в голосе. Ну, я тут спрашиваю: «Любовь, что ли?» Но он только рукой махнул и говорит: «Что любовь, тут дело посерьезней». А я говорю, что ежели дружба, то лучше дружбу не ломать, найти общий язык. Он опять засмеялся и говорит: «Общий язык имеется, но не в этом дело. Такой переплет получился, что не выберешься». Но он не от веселья смеялся, а так, для прикрытия чувств.

Вот, пожалуйста! Обаяние Аркадия действовало безотказно — что на женщин, что на мужчин. Стал бы этот Марчелло за мной такие тонкости подмечать, как же! Но до чего же тяжело было Аркадию, если он... А впрочем, это даже понятно: никому из институтских он и виду не подал бы, что переживает, а здесь человек совершенно чужой, посторонний, да вдобавок просто к слову пришлось, разговор так повернулся...

— Я набрался нахальства, — продолжал Марчелло, — спросил еще: «Очень близкий друг?» Он говорит: «Ближе уж некуда». И больше ни словечка не сказал на эту тему. Вскоре мы и попрощались.

Мне казалось, что я тоже ни слова больше не выговорю, что вообще убегу сейчас куда глаза глядят. Но я про-

должал шагать рядом с Марчелло и даже заговорил, откашливаясь, сдавленным голосом:

— Мне непонятно, за что же вы обиделись на Левицкого? Не всякий любит рассказывать о своих личных делах...

— Так я разве за то! — искренне возмутился Марчелло. — Что я, дурак? Это когда я снова к нему зашел, вот тогда мы поругались. Ну, представляете... Захожу я к нему — правда, без звонка, не предупредил, но шел мимо и вот рискнул, — а он лежит на диване, даже подняться ему лень. И таким голосом, знаете, говорит, как большое начальство: «У тебя что?» Как все равно я к нему на прием в очереди достоялся! Ну, я, конечно, обиделся. Говорю: «Если я помешал, так могу уйти». А он отвечает: «Да ладно, раз уж пришел, садись». И тоже будто бы одолжение мне большое делает. Но я все же сел. Почему я сел? Потому что усмотрел, какие у него глаза были...

— А какие? — хриплым шепотом спросил я и опять откашлялся, делая вид, что поперхнулся.

Марчелло медленно, исподлобья поглядел на меня и ответил не сразу:

— Нехорошие у него глаза были, и все. — Он не то ухмыльнулся, не то скорчил гримасу. — Такие, как у вас вот сейчас.

— У меня? — фальшиво удивился я. — С чего бы это?

— А это мне неизвестно, с чего, — нагло и неприязненно сказал Марчелло. — Вам самому виднее, какие у вас переживания. Может, Левицкий-то про вас и говорил?

— Ну да, что это вы! — запротестовал я.

Марчелло вдруг успокоился.

— Да хотя бы и про вас, мое-то какое дело, — сказал он, хмыкнув. — С лица вы очень переменились, как про это разговор пошел, вот я и подумал...

Я понимал, что дальше с ним разговаривать нечего, но не удержался и спросил:

— А что же дальше-то было у вас?

— Ничего и не было, — раздраженно буркнул Марчелло. — Не знаю, конечно, какое у вас к нему отношение, но все равно говорил и говорю, что ежели ты уче-

ный, то и вести себя надо соответственно. А хамить невозможно. Тем более в трезвом виде.

— Может, он выпил? — смиренно предположил я.

— Вот именно, что ничего он непил, я в этом свободно разбираюсь, кто выпил, а кто нет, — угрюмо возразил Марчелло. — И главное, хоть бы я ему какую неприятность сказал! А просто посочувствовал, могу сказать, от всего сердца. Вспомнил, что он говорил насчет своих осложнений, и подаю ему совет, по-хорошему: «Если ты, говорю, из-за девушки с другом-то поссорился, то, самое лучшее, наплюйте вы на нее оба, чтобы меж друзей не встревала». А он сразу на меня волком посмотрел и отвернулся, будто меня и нету в комнате. Я тогда говорю: «А если у тебя с ней всерьез пошло, то поговори с этим другом, без дураков чтобы. По такому делу и морду набить вполне законно будет!» А он как вскочит с дивана — здоровенный такой, голова под самый потолок, — я думал, он меня пришибет на месте. Но он только постоял надо мной, а потом так грубо говорит: «Иди ты знаешь куда!» И дверь, главное, настежь раскрывает, чтобы я не задерживался. Ну, я ему сказал, что думал, в двух словах и дверью хлопнул. Подумаешь, хронофизик! В гробу я видал таких ученых!

Ничего себе, к месту пришлась поговорочка! Я совсем, видно, позеленел: Марчелло даже перепугался, начал бормотать что-то насчет сердечных заболеваний. Я наспех попрощался с ним и нырнул в первый попавшийся двор, чтобы отвязаться поскорее от Марчелло, не слышать его брюзгливого бормотанья, его рассказов об Аркадии, о совершенно одином Аркадии, до того одином, что он не выдержал и пожаловался первому встречному именно потому, что это — первый встречный, не друг, не сотрудник...

Я пробежал темный туннель подъезда, очутился в тихом зеленом дворике и растерянно огляделся. К счастью, дворик пустовал, только голуби лениво топтались и ворковали у деревянного крылечка на солнышке. Я поднялся по ступенькам, толкнул дверь, вошел в узкий темный коридорчик и постоял немного, пытаюсь отдышаться. Марчелло не зря, видно, заговорил о сердечных заболе-

ваниях: сердце у меня прыгало так, что я невольно прижимал руку к груди — вот-вот оно выскочит наружу.

В таких коридорчиках долго не простоишь, жильцы сразу отреагируют. Я это отлично знал, но мне хотелось подстраховаться на случай, если Марчелло заглянет во двор. Даже не понимаю, почему я решил, что Марчелло будет за мной следить, — глядел он на меня подозрительно, что ли, когда мы прощались? Конечно, минуты через две какая-то бабушка высунулась в коридорчик из своей двери и активно заинтересовалась моей персоной. Я спешно сочинил, что ищу Галю, и сочинил неудачно: бабушка с удовольствием сообщила, что вот сейчас она разбудит Витьку, и тогда я узнаю, как бегать за чужими женами. Мне этот запас сведений показался излишним, я решил отказаться от знакомства с Витькой и поспешно удалился из коридорчика под веселое хихиканье бабуси.

Оказалось, что дворик этот относится к дому номер девять по Октябрьской улице и что, следовательно, я нахожусь на полпути к собственному жилью. Улицы тут тихие, зеленые, тротуары вымощены плитками, и ходить по этим плиткам очень как-то уютно и приятно. Только меня сейчас ничто не радовало и не интересовало. Такое было ощущение, словно проткнули мне сердце холодной иглой и все время ее там поворачивают, то медленно-медленно, а то как рванут — аж в глазах темнеет! Я еле плелся, из меня словно воздух выкачали, и я трепыхался на ветру, как пустая оболочка, — ни мускулов, ни костей, ни крови. Только одно сердце и существовало, а в нем эта проклятая, неутихающая боль.

Придя домой, я достал из подвешного шкафчика пачку снотворного и долго глядел на нее с тупым отвращением. Потом решил: морщась, глотнул белую таблетку и через полчаса провалился в глубокую, мягкую, непроглядную тьму.

Линькову все это очень не нравится

Линьков прямо с утра позвонил в парикмахерскую.

— Рая Кузнецова сегодня работает? — спросил он.

— Работает, работает! — смущенно ответили ему. —

Ну просто я не знала вчера, что она выходная, вы уж извините, что зря заходили.

Рая Кузнецова была беленькая, вроде Леры, но повыше и покрупнее. На Линькова она глядела с откровенным любопытством и без всякого испуга, хотя, наверное, понятия не имела, о чем с ней будет беседовать товарищ из прокуратуры. Да и другие девушки, в белых халатиках с вышитыми монограммами, то и дело проходили с независимым видом мимо подсобки, где Линьков беседовал с Раей, заглядывали, будто невзначай, в раскрытую дверь и, неумело изобразив удивление и смущение, исчезали.

«Надо было к ней домой пойти сразу, — недовольно морщась, думал Линьков. — Тут ведь звону будет — на весь город!» Он, правда, предупредил Раю, чтобы она никому не передавала содержание разговора, и та горячо заверила его, что, дескать, ни слова. Но где уж ей удержаться против столько девчат...

А главное, разговор-то был пустой. Рая, по-видимому, ничего не пыталась утаить и говорила «святую правду-истину», как сразу пообещала, но ничего относящегося к делу Левицкого она просто не знала.

Да, ездила на праздники за город с компанией из института — ну, из этого, за углом, где время изучают... Со своим молодым человеком ездила, его тоже пригласили... А он тоже здесь, в парикмахерской, работает, только в другую смену, он мужской мастер... Ничего было, вполне даже, все по-хорошему, — гуляли по лесу, выпили немножко, танцевали. Пели много, там одна девушка с гитарой была, она хорошо поет, Роберт тоже хорошо поет и песен много знает... Нет, он там ни с кем не в дружбе, его просто за компанию со мной пригласили... Ну, мужчины из института к нам не так часто ходят, теперь ведь у каждого электробритва. Нет, он ни с кем особенно не разговаривал... Да просто так! Ну, стесняется он отчасти, не

хочет в разговоры с учеными лезть. Насчет песен, правда, немножко поговорили с Лерой — с этой, у которой гитара. Нет, почему одна? Был с ней молодой человек из их же института, интересный такой, Аркадий... Ой, да Роберт ни с кем вообще не разговаривал, это точно! И с Аркадием не говорил. Нет, откуда он его может знать? Я и сама-то его впервые увидела там, за городом... Нет, если вы Роберта в чем подозреваете, то безусловно зря! Он знаете какой мастер, его все ценят, — вот, видите, в газете про него написано и портрет напечатан. Да, он интересный, все говорят... На Раджа Капура? Ой, что вы, даже ни чуточки! Усы — ну мало ли у кого усы!

Фотография в газете была достаточно четкой, и Линьков сам видел, что никакого сходства с Раджем Капуром у Роберта нет. Вообще Роберт и Рая никакого касательства к делу, по-видимому, не имеют, и время на разговор потрачено впустую. Для порядка надо еще зайти к соседке Левицкого, показать ей фотографию... Газету у Раи просить невозможно, — ну ничего, раздобудем потом этот номер, если понадобится...

Анна Николаевна с минуту вглядывалась в фотографию, потом поджала губы и замотала головой.

— Не он это совсем! — убежденно заявила она.

— Вы уверены? Снимок ведь довольно нечеткий...

— Да чего уж! И лицо непохоже, и рост не такой вовсе. Это вон какой верзила, одного росту с Аркадием. А который приходил, тот был маленький, плюгавенький такой. Нет, вы даже не сомневайтесь, это вовсе не тот...

Все верно: Роберт на фотографии стоял рядом с Аркадием, и рост у них был одинаковый, а ведь у Аркадия метр восемьдесят семь. Нет, дело ясное, эта ниточка оборвалась...

Линьков медленно брел по проспекту Космонавтов, приближаясь к магазину «Радиотовары». Он был недоволен собой. Очень недоволен. Возможно, с точки зрения профессиональной... вернее, с чисто формальной он вел себя, в общем, правильно. А как человек и, значит, как следователь оказался не на высоте.

«Глупо, нелепо! — чуть не вслух сказал Линьков, болезненно морщась. — Струсил ты, брат, ну просто струсил. И, как полагается трусу, подставил под удар других. Себя, впрочем, тоже, но это уж твоё личное дело. А вот Стружков!..» Линьков внезапно остановился, мотая головой; на него налетел шедший сзади толстяк, больно стукнул по ногам тяжелым портфелем и промчался мимо, недовольно бурча и щедро источая запах лука. «Ах, что тебе! — вполголоса пробормотал Линьков, потирая ушибленное место. — Камни он, что ли, там таскает?.. А вообще-то по голове бы меня этим портфелем! — покаянно думал он, шагая дальше. — Заслужил, ей-богу, заслужил».

Он ещё вчера понял, что не может говорить со Стружковым по-прежнему и что Стружков это отлично видит. Сам-то он ничуть не верил в виновность Стружкова, то есть в какое-либо злонамеренное его участие в гибели Аркадия Левицкого. Но со всех сторон ему подсовывали эту версию; после разговора с начальством он был вынужден предпринять какие-то шаги для проверки и сразу почувствовал, что уже не может непринужденно и искренне беседовать со Стружковым. Именно это и было плохо, глупо, нелепо. Ну, проверил алиби — что ж тут такого, это необходимая формальность. И алиби вдобавок оказалось достаточно надежным. Почему же именно после этого надо менять отношение к человеку? И ведь не отношение даже, в том-то и дело, а манеру обращения! В виновность не веришь, а своим поведением даешь понять, что начал подозревать. Зачем, почему... Это же глупо, это жестоко, — человек пережил такое потрясение, только начал приходить в себя, а ты его добить, что ли, решил? Да и в интересах следствия нельзя было так вести себя... А уж сегодня!..

Действительно, сегодняшний разговор в институте обернулся совсем как-то неудачно. Стружков сказал, что разговаривал вчера с Лерой, а потом ходил к этому самому «Раджу Капуру», он же Марчелло. Ну и что? Лера сама к нему прибежала, это же естественно. Телефона своего Линьков ему не давал, созвониться они не могли, — опять же, значит, вполне естественно, что Стружков отправился искать этого парня, не дожидаясь утра. «Радж

Капур» — это ведь линия, которую сам Стружков и вытянул на свет. И вообще он все время сам анализирует дело — вдумчиво анализирует, интересно, надо признать! Так за что же на него обижаться? В деле он кровно заинтересован — не по той причине, что думают некоторые, но все равно, — и склад ума у него аналитический. Вот и надо пользоваться его посильной помощью да благодарить за это, а не напускать на себя официальную холодность и загадочность. Линьков опять сморщился и замотал головой, вспомнив, какие Глаза были у Бориса... «В конце-то концов, что я особенного сказал Стружкову? — успокаивал он себя, ничуть не веря этим дешевым аргументам. — Только дал понять, что не слишком одобряю его самостоятельные действия... Ну, зря, конечно! Но ведь не маленький он, должен сам понять: расследование есть расследование, и ведут его специалисты, а не добровольцы, горящие энтузиазмом... Я ведь очень осторожно... даже не столько словами, сколько интонацией, взглядом... А! Брось ты, себя-то не обманешь!»

Разговор с Марчелло тоже прошел не слишком удачно.

Марчелло сначала перепугался до смерти, зубами даже клацал, и все допытывался, за что его... Линьков знал, что Борис не упоминал о смерти Аркадия, но теперь пришлось об этом сказать, а то у Марчелло мозги работали в ином направлении, он все насчет торговли пленками опасался.

— То есть когда же это он умер? — изумился Марчелло, выслушав лаконичное сообщение Линькова. — Я же не дальше как вчера вечером имел разговор с одним его приятелем, и ничего такого... Это, то есть, как?! Он от меня, выходит, скрыл?! Извиняюсь, конечно, а вы этого приятеля, или кто он там, знаете? — Марчелло вдруг оживился и зубами клацать перестал. — Борис его зовут, такой крепкий парень, чувствуется, что спорт любит... На вид культурный, одет, правда, так себе, без особого понимания...

Линьков выслушал эту краткую характеристику Бориса, потом сказал, что знает такого, беседовал с ним. Марчелло посоображал чуточку, потом осторожно приоткрыл дверь фанерной клетушки, исполнявшей роль директор-

ского кабинета, выглянул в проход между ящиками и, вернувшись, доверительно наклонился к Линькову.

— Я поделиться хочу, товарищ следователь, — хриплым полушепотом заговорил он. — Борис этот, значит, работал совместно с Левицким, да? И теперь Левицкий вроде убит, я так понял?

— Не так, — разъяснил Линьков. — Ведется следствие. Причины и обстоятельства смерти Левицкого еще не установлены.

— Так на так выходит! — с азартом сказал Марчелло. — Непонятно, да? Вот то же самое и мне непонятно, чего этот Борис крутит. Нет, ну скажите: чего? Ежели у тебя друг-приятель скончался, ты что можешь? Ты горевать можешь, так? Семью его можешь утешать. Но не ходить выпытывать. У посторонних совсем людей! И с таким еще подходом! Совсем о другом говорит, а сам-то! Вот, разрешите, я скажу прямо. Вы, например, все же из прокуратуры, так? Но вы без подхода, по-честному со мной, а почему тогда он?!

Марчелло лстиво улыбнулся. Линькову стало тошно. И этот тип туда же! Сговорились будто!

— Левицкий умер при невыясненных обстоятельствах, — сухо сказал он. — Неудивительно, что его ближайший друг и сотрудник пытается выяснить, что и как случилось.

Марчелло облизал сухие темные губы. Глаза его снова стали настороженными и тревожными.

— Это я понимаю, безусловно! — совсем другим, вкрадчивым тоном заговорил он. — Выяснить, конечно, надо. Но весь вопрос — как выяснить! А у этого Бориса подход не тот, ну вот правду говорю! Первое — то, что он про смерть промолчал. Это как понимать? У тебя друг скончался, да? — Марчелло произнес раскатисто: «дrrуг». — А ты, похоронить его не успел, цирк устраиваешь? — Поймав нетерпеливое движение Линькова, он заторопился:

— А второе — это я вам еще не объяснил — он про свое местожительство скрыл! А почему он скрыл, вы как об этом думаете?

— То есть как скрыл? — недоверчиво спросил Линьков. — Не захотел вам сообщить свой адрес, что ли?

— Я его адресом нисколько даже не интересовался! — заявил Марчелло. — А вот как было. Я это иду с ним, разговариваю конкретно о том самом, о чем и с Левицким в последний-то раз. И вот тут — третье! Поняли? До второго пункта, до адреса то есть, я еще дойду, но раньше — третье! Я с ним, значит, делюсь, как с человеком, что мне Левицкий сказал насчет личных своих дел и насчет близкого друга. А он, представляете, как услышал про это, так зеленый стал — аж глядеть на него неприятно. Я подумал еще, что это у него сердце больное... — Марчелло саркастически хмыкнул. — А выходит, не сердце, а совсем вон что...

— Что же именно выходит, по-вашему? — с ледяной вежливостью спросил Линьков.

Марчелло не обратил внимания на эту интонацию. Он был увлечен своим рассказом, восхищен своей проницательностью и наблюдательностью, он прямо захлебывался от восторга.

— Как же это — что? — снисходительно и торжествующе сказал он. — Не сердце, значит, его забеспокоило в тот момент, а совесть! Совесть у него определенно нечистая. Гарантия! Что он с Левицким сделал, мне, конечно, неизвестно. Может, он его продал, может, он его убил, но что на совести у него какое-то дельце есть против Левицкого, это даже спорить не приходится. И, опять же, насчет местожительства! Значит, у нас этот разговор произошел, и Борис позеленел весь, я уж думал, он на ногах не устоит. Но как я сказал насчет сердца, он сразу встряхнулся — понял, видать, что я его раскусил. И говорит через силу так, зубы сцепивши: «Ну, я пошел!» И чуть не бегом в подворотню. А мне подозрительно стало. Думаю, как же так: говорил вроде, что живет на Березовой, а сам куда? Прошел я тогда в соседний дом, стал в подворотне, курю, в щелку на воротах смотрю. Пять минут простоял, не больше, — гляжу, идет Борис, еле ногами передвигает и как был зеленый, так и остался... А живет он, верно, на Березовой, я уж проследил до конца...

Линьков поглядел на Марчелло, радостно скалящего неровные, с темными метинами зубы, отвернулся и подчеркнуто сухо сказал:

— Все эти факты можно истолковать иначе. Стружков умолчал о смерти Левицкого, чтобы не испугать вас этим известием и выведать побольше подробностей. Волноваться он мог не потому, что испытывал угрызения совести, а потому, что гибель друга выбила его из колеи. И свернул в чужой двор не для того, чтобы скрыть от вас свой адрес, тем более что вы ведь его и не пытались узнать...

— А зачем же он тогда? — настороженно и хмуро спросил Марчелло.

Линьков встал.

— Мало ли зачем! Например, ему могло надоесть общение с вами! — небрежно сказал он, с мстительным удовлетворением глядя, как перекошились тонкие темные губы Марчелло. — Ну, больше я к вам вопросов не имею.

«Совсем вы что-то расклеились, товарищ Линьков, распустились, как цветочек! — думал он, шагая по улице. — Личные мотивы в вашем поведении явно выдвигаются на первое место, в ущерб делу, и куда это годится... Непременнo вам понадобилось воспитывать этого паршивца Марчелло, а все почему: потому, что затронули Стружкова, к которому вы питаете такие сложные чувства... Вы, значит, Стружкова обижать имеете право, а кто другой его и тронуть не могли... Такой уж вы страж закона!» Линьков даже замычал от презрения к себе и яростно мотнул головой.

Он шагал, никого не видя, и вдруг остановился, словно на столб налетел: перед ним стояла Нина Берестова. Линьков растерянно поглядел на нее и не сразу сообразил, что находится в двух шагах от проходной института.

— Вы к нам? — спросила Нина. — Сейчас обеденный перерыв...

Она опять глядела мимо него и думала о чем-то своем.

— Да, я вот тоже пообедаю у себя в прокуратуре, — пробормотал Линьков, — потом вернусь в институт... надо поговорить...

— С кем вы будете говорить? — вдруг спросила Нина.

Линькова удивил не столько вопрос, сколько интонация и взгляд Нины. Она теперь смотрела в упор на него, смотрела не то с надеждой, не то со страхом.

— Да вот... с Чернышевым... — пробормотал Линьков, уступая этому взгляду. — Такое впечатление, что он знает о чем-то, но почему-то не говорит...

— Это можно сказать не только о Чернышеве! — вдруг вырвалось у Нины.

Линьков изумленно, почти испуганно взглянул на нее. Нина побледнела, глаза ее потемнели и расширились. Какое-то мгновение они молча стояли, глядя в глаза друг другу, потом Нина прикусила губы и резко отвернулась.

— Не придавайте значения тому, что я сказала! — почти спокойно проговорила она и, не глядя на Линькова, толкнула дверь проходной.

Глава шестая

Шелест с утра вызвал меня к себе и заявил, что он-де все понимает, и мне сочувствует, и институту в целом тоже сочувствует, поскольку потеряли мы такого сотрудника, — можно сказать, цены Левицкому не было и замены ему тоже не сыщешь.

— Но все же сыскали? — спросил я довольно-таки хамским тоном, надо признаться.

Шелест глянул на меня, поморщился, но, видно, понял, что мне сейчас море даже не по колено, а максимум по щиколотку.

— Ищем вот, — примирительно сказал он. — А ты что: может, считаешь в одиночку управиться?

Вопрос был чисто риторический; и я ничего не ответил, а только хмыкнул неопределенно. Больше всего мне хотелось молча встать и уйти, но я понимал, что Шелест ни в чем не виноват и нечего на нем отыгрываться. Я с трудом выговорил, что вот, мол, я еще не в форме, никак сосредоточиться не могу, но все же интересуюсь, кого ко мне в лабораторию прочат. Оказалось, что прочат Геллера из группы Сухомлина. Виталик Геллер, по моим наблюдениям, был парень как парень, не хуже большинства, но и не лучше. Конечно, не было у меня никаких оснований требовать себе именно такого, чтобы получше, это я понимал, да и мало думал сейчас о работе в лаборатории, но все же как-то невесело мне сделалось, и я начал говорить, что не улавливаю, мол, какое отношение имеет

Геллер к нашей теме, и вообще почему именно Геллер, так можно кого угодно сунуть, лишь бы место занять... Шелест послушал-послушал мое нытье и посоветовал не валять дурака.

— Второго Левицкого мы тебе не изыщем, сам понимаешь, — говорил он, для убедительности тыча пальцем в моем направлении. — Это первое. А второе — это то, что Геллер прямо рвется с тобой работать, и парень он способный... Между прочим, у тебя сколько работ было опубликовано, когда ты к нам пришел?.. Вот видишь, четыре, а было тебе двадцать шесть лет, верно? Теперь смотри — у Геллера одиннадцать работ, и есть среди них очень толковые, а ему всего двадцать три года, он к нам прямо из университета пришел... Ну да, не по вашей линии, — а у тебя много ли было по этой линии до прихода в институт? Однако мы не побоялись дать тебе и Левицкому самостоятельную тему и лабораторию организовали, верно? И ничего, связь времен не распалась? Так чего же ты теперь строишь из себя элиту, она же голубая хронофизическая кровь, и свысока смотришь на хороших ребят?

— Да ладно, я разве что? — пробормотал я, слегка устыдившись. — Пойти мне поговорить с Геллером?

— Пойди, конечно. — Шелест с облегчением откинулся на спинку кресла. — А то он тоже, знаешь, условия ставит: если, мол, Стружков хоть немного против, так обо мне даже не вспоминайте, не пойду нипочем.

Это мне понравилось; я вскочил и направился к двери. Но Шелест меня остановил.

— Вот что... — сказал он, не глядя на меня. — После завтра в два часа... это... ну, похороны, ты же знаешь... Ты, надеюсь, скажешь там что-нибудь — не речь, конечно, я тоже не речь буду произносить, но как ближайший друг и сотрудник... Э, Борис, ты что это?

У меня опять все перед глазами поплыло, и ноги ватные сделались. Я рухнул обратно в кресло, и Шелест поспешно накачал мне газировки из сифона.

— Ты не знал, что ли? — недоумевал он. — Как же так?

— А откуда я должен был это узнать?

— Да уж откуда-нибудь... — неопределенно ответил Шелест, что-то соображая. — Вот сестра его завтра утром прилетает, телеграмму прислала; она в Москве, и то знает...

Еще и это: Лариса дает телеграмму в институт, а мне даже не сообщает, чтобы я на аэродроме встретил! Почему, спрашивается? То есть я тоже хорош — я же ей телеграмму не дал, она, наверное, думает, что меня здесь нет. Я посмотрел на телеграмму: прилетает утром. Ну, утренний рейс из Москвы один всего, надо встретить.

— Отошел немножко? — сочувственно спросил Шелест. — Это прямо-таки безобразие, что тебе не сообщили. В первую очередь я сам виноват. Но я думал, ты даже от следователя это можешь узнать, у вас же с ним контакт...

В общем, было понятно, и не такие накладки в жизни бывают; все думали, что я знаю, а поэтому никто не сообщил. И все же...

Вышел я от Шелеста вроде бы спокойно. Отправился к Геллеру, с ним поговорил. Убедился, что Шелест правильно сказал — парень очень толковый и вообще вполне подходящий. Виталик сказал, что если я согласен, так он с понедельника может перейти ко мне в лабораторию, — закончит вот серию и перейдет, с превеликим удовольствием. Нет, парень был определенно симпатичный. Разговаривая с Геллером, я совсем почти успокоился под воздействием этих слабых, но приятных эмоций.

Но моего спокойствия не надолго хватило. От лаборатории Сухомлина, где я разговаривал с Геллером, до нашей лаборатории путь недолгий, но пока я дошел до своих дверей, настроение мое здорово изменилось.

Дело в том, что я встретил в коридоре Нину. Она не отвернулась от меня, не пробовала обойти стороной (я уж и этого, пожалуй, ожидал!), — нет, она подошла, поздоровалась. Только подходила она вроде не ко мне и здоровалась не со мной, а с совсем посторонним человеком. И с неприятным человеком вдобавок. Она даже глядела не на меня, а куда-то через мое плечо — не хотелось ей, значит, на меня глядеть. А я вообще ни слова не мог сказать, стоял и смотрел на нее, и только сердце у меня на-

чало саднить, будто по нему теркой прошлись. А Нина сказала, все так же глядя в сторону:

— Мне нужно поговорить с тобой... сегодня, после работы...

— Так я зайду за тобой, пойдем ко мне... — машинально, не успев подумать, сказал я по-старому.

Нина даже дернулась слегка: это я отчетливо увидел.

— Нет, — поспешно ответила она, — лучше прямо тут, в скверике. Ты выходи ровно в пять и подожди меня.

Вон как, ей уже неудобно выходить со мной вместе из института! Это меня совсем ошеломило, я все стоял и смотрел на Нину, а она нетерпеливо пожала плечами и повторила:

— Понял? В скверике, в пять часов!

Я молча кивнул, Нина ушла, и тут, откуда ни возмись, появился передо мной Эдик Коновалов. Обычно я на этого Эдика даже с удовольствием смотрю — такой он большущий, красивый, здоровый и отлично ухоженный. Пока не заговорит, кажется идеальным представителем вида *Homo sapiens*. Но сейчас он как-то нехорошо ухмылялся и подмигивал и наружу выпирала его обезьянья осанова.

— Сердце красавицы! — восторженно заявил Эдик, кивая вслед уходящей Нине. — Склонно к измене! И к перемене! Как ветер мая!

— Ты чего это? — спросил я, отступив на шаг, потому что Эдик навис надо мной и слова арии громозвучным шепотом вдвух мне в ухо. — Изменил джазу ради оперной классики?

— Труха! — Эдик обалдело уставился на меня своими незамутненными голубыми глазами. — Да на кой мне эти оперы!

— Я думал, у тебя новое хобби объявилось, — вяло пробормотал я. — Ходишь, арии распеваешь в рабочее время. Продолжай в том же духе, и ты далеко пойдешь!

Но Эдик ловким маневром загородил мне дорогу и начал озабоченно хлопать себя по бедрам.

— Спичек нет, — пожаловался он. — У тебя не найдется?

— Не найдется, я не курю, — ответил я, тщетно пытаясь обойти Эдика.

— Слушай, друг! — проникновенно заговорил Эдик, нацелясь на меня незажженной сигаретой. — Чего у тебя с Берестовой-то?

— Слушай, друг, иди ты! — сказал я, позеленев от злости. — И не задерживайся!

— Да брось, не лезь в бутылку, я же по дружбе! — оглушительно шептал Эдик. — Я тебе же помочь хочу, я на нее влияние имею, на Берестову. Не веришь, так потом наглядно убедишься. Ну вот, хочешь, я вас в два счета помирю? Обрисуй только вкратце, из-за чего у вас началось, и я все ликвидирую. Бесследно! Ну, давай, не стесняйся, дело житейское!

К чему он это затеял? Что ему нужно? Ведь не просто же из любопытства... У меня от злости в глазах потемнело.

— Если ты мне еще раз... — начал я, но потом все же сдержался и сказал только: — Не лезь ты не в свои дела, понял?

— Ну ты все же зря так... Я к тебе по-хорошему... — обиженно забубнил Эдик.

Конечно, обе эти встречи настроения моего не улучшили. А тут еще Чернышев... Впрочем, Чернышев при первом разговоре вроде бы ничего такого не сказал. Кажется, нет... Я к нему забежал на минутку — предупредить, что Линьков хочет с ним поговорить и чтобы он в три часа никуда не уходил из лаборатории. Ленечка мялся и жался, и говорить с Линьковым ему явно не хотелось. Мне показалось, что он не прочь бы поговорить со мной, но я побоялся, как бы Линьков не рассердился на меня за такое самоуправство, и разговора не поддержал.

— П-понимаешь, Борис, — забормотал тогда Ленечка, причудливо изогнув длинную шею и внимательно разглядывая ладонь своей левой руки, — понимаешь, мне говорить... ему говорить... Ну, ничего я не могу сказать!

— Ну-ну, не паникуй, — подбодрил я его. — Скажешь правду, всю правду, только правду и ничего, кроме правды. Понятно тебе?

— П-понятно, — еле слышно пробормотал Ленечка, уткнулся в свои расчеты и вроде перестал меня замечать.

Нет, от разговора с Чернышевым у меня настроение не испортилось. Но и не улучшилось. То есть осталось

весьма и весьма невеселым. После обеда засел я в своей лаборатории и попытался все обдумать, в том числе и причины своего сегодняшнего настроения. Линьков должен был появиться через час. Приниматься за работу поэтому не имело смысла. И я мог сидеть на табурете и мыслить сколько влезет.

Прежде всего я понял, что со вчерашнего вечера перестал действовать. Вообще ничего не делал — ни по хронофизике, ни по криминалистике. Этого, вообще-то говоря, было бы вполне достаточно для того, чтобы подпортить мне настроение при любых обстоятельствах. У меня это на уровне рефлекса: в любом случае немедленно принимать решение и действовать. Хотя действую я иной раз по-дурачки и прихожу к выводу, что поторопился, а лучше бы посидеть да обдумать все как следует...

Но уж в эти-то дни откладывать действия и спокойно обдумывать было невозможно! Вот я и мотался туда-сюда. И все, в общем, впустую. Один сдвиг, да и то не в мою пользу, — отношения с Линьковым испортились... Но о Линькове потом. Сначала надо проанализировать результаты.

Что и говорить, результаты пока чепуховые. Линия «человека с усиками» явно привела в тупик, ничего этот Марчелло не знает... Вернее, знает то, что косвенно подтверждает версию самоубийства... Да нет, никакое это не подтверждение! Аркадий мог относиться ко мне как угодно, мог в глаза и за глаза обзывать предателем и мерзавцем (хотя это не в его стиле), мог переживать всю историю с Ниной гораздо сильнее, чем я предполагал, но он не стал бы из-за этого кончать самоубийством. Тут меня не собьешь, слишком хорошо я Аркадия знаю! Да, но это еще не доказывает, что моя версия насчет эксплуатационника неверна. Ведь совсем не обязательно, чтобы Аркадий с этим человеком сдружился — или вообще как-то связался — именно на загородной прогулке. Он же ходил потом к Лере... может, и не только к Лере...

Если б у меня с Линьковым не подпортились отношения, я бы его просто умолял не бросать эту версию, проверить все, что возможно. Ведь есть же у них какие-то научные методы! Да я, дай мне волю, и без научных ме-

тодов, пользуясь обычной логикой, кое-что смог бы выяснить.

Я еще раз просмотрел всю «версию посетителя». И с огорчением признал, что она, в сущности, совершенно бездоказательна. Сконструирована логично, это правда, и многие факты в нее укладываются. Но полностью отсутствует мотив — я даже не представляю себе, по какой причине кто-либо мог желать смерти Аркадия. А фактам, в конце концов, можно найти и другое объяснение. Аркадий умышленно затеял ссору, чтобы выгнать меня из лаборатории. А если... неумышленно? Если он действительно разозлился на меня, хотя бы и попусту? Ведь он же сам не свой был весь этот день! Мог и на пустяке вдруг сорваться. Затем — Аркадий уходил куда-то и при этом запер лабораторию. Выходил он, может, потому, что живот разболелся. Зачем запер лабораторию? Не знаю. Но допустим, у него там было что-то спрятано. Те же таблетки (нет, чепуха: таблетки он вполне мог сунуть в карман!) или расчеты какие-то... Расчеты? А если все дело именно в этих расчетах? Если это их вырвали из записной книжки, а с ними и записку — возможно, даже по ошибке, второпях, вовсе не думая об этой записке и не желая ее уничтожить? Да, но какие расчеты мог вести Аркадий отдельно от меня? С кем и над чем он мог работать и почему делал это в полнейшей тайне? Оставим пока эксплуатационника — пусть это будет кто угодно или даже никто другой, кроме самого Аркадия... Все равно: какие расчеты, какая тема, почему тайком ото всех? Непонятно! Может, именно здесь надо искать разгадку? Может, мы зря забываем о специфике нашей работы?

Тут какая-то тень мысли на сверхзвуковой скорости промчалась сквозь мои мозги, я не успел ее поймать и только ощутил смутную тревогу. Специфика работы... расчеты... Что же это такое мне пришло в голову... прошло сквозь голову?... Надо бы попросить у Линькова хоть на часок записную книжку Аркадия: может, там обнаружатся «посторонние» расчеты... Да ведь не даст Линьков теперь, надо было мне сразу попросить... Вот у Шелеста спросить можно, — а вдруг он что-нибудь знает!

Я пошел к Шелесту, сказал, что с Геллером я контакт установил и против его кандидатуры возражений не

имею. Шелест открыто обрадовался, заявил, что он был заранее уверен в ответе, потому что знает меня, и все такое прочее. Я этим его настроением немедленно воспользовался и спросил, вполне спокойно и по-деловому: не знает ли он, какую работу и с кем вел Левицкий за последнее время, кроме нашей с ним совместной. Шелест удивился, сказал, что он ни о чем таком не слыхал и с чего это я взял. Я тогда объяснил, что работа могла вестись даже и секретно. Шелест уставился на меня, недоумевая, но потом, видимо, что-то вспомнил и задумался. Помолчав, он сказал, что проходил как-то вечером, с неделю назад, мимо нашей лаборатории и видит: свет горит; он толкнул дверь, а дверь заперта. Часов в десять это было. Он подумал, конечно, что мы ушли оба и свет забыли выключить, но на проходной ему сказали, что Левицкий еще в институте.

— А Аркадий потом что сказал на эту тему? — спросил я, стараясь держаться спокойно и естественно.

— Да не спрашивал я его... Чего спрашивать-то, мало ли кто в институте по вечерам засиживается.

— И дверь запирает?

— Дверь? Может, кто и запирает, я не проверял. А вы, что ли, никогда не запирали?.. Ну, не знаю. И вообще я этот случай только потому припомнил, что ты спрашивать начал, вот мне и показалось немного странно, задним числом... А собственно, все это чепуха и ни о чем не говорит.

Я не стал спорить и ушел. Оказывается, Аркадий и раньше запирал дверь, когда отлучался... Куда же это он все-таки отлучался? Значит, вроде бы это он к кому-то бегал, а к нему в лабораторию никто не ходил?.. В десять вечера, сказал Шелест... Неужели он бегал в это время к эксплуатационникам? Там вахтер стоит, не пропустил бы... Да, но если этот загадочный компаньон Аркадия сам вышел и уговорил вахтера... они с Аркадием созвонились, он и вышел встречать... Но такой случай вахтер должен был бы запомнить... Надо только уточнить, когда это было и кто дежурил у того корпуса... «Сам проверю, при помощи Леры, не буду просить Линькова», — решил я, и это меня немного успокоило. Ненадолго, впрочем; появился Линьков и сразу мне стало мутно.

Он пришел спокойный, подтянутый, и от его ледяной вежливости у меня прямо-таки сердце заныло, как больной зуб от холодной воды. Но я решил не поддаваться, и когда Линьков осведомился: «Что новенького?», я сейчас же выложил ему все свои соображения. Заодно рассказал о беседе с Шелестом. Линьков выслушал меня с непроницаемым видом, после чего старательно протер очки и сказал, что все это он примет к сведению.

— А вы не считаете, что мне было бы полезно ознакомиться с записной книжкой Левицкого? — с мрачным упорством спросил я.

— Возможно, возможно, — вежливо согласился Линьков. — Но я должен буду согласовать это со своим начальством... А пока мне надо бы поговорить с Чернышевым — надеюсь, он не исчезнет снова...

— Нет, он у себя, я нарочно зашел его предупредить...

Линьков быстро глянул на меня, чуть сощурив ослепительно голубые глаза.

— Нарочно зашли предупредить? — со странной интонацией повторил он, а потом, словно спохватившись, произнес предельно вежливо: — Я вам, разумеется, весьма благодарен за помощь...

От этой реплики я совсем было скис, но потом меня злость разобрала. Чего он, в самом-то деле! Имитируя манеру Линькова, я заговорил медленно и с холодной вежливостью:

— Разрешите вам напомнить, Александр Григорьевич: не далее как вчера вы сообщили, что будете мне весьма обязаны, если я предварительно поговорю с Чернышевым. Не кажется ли вам, что было бы правильней, если бы вы своевременно и открыто известили меня о перемене в ваших чувствах по этому поводу?

Удар попал в цель: Линьков даже покраснел слегка и принялся протирать очки. А потом сказал, совсем иным, человеческим тоном:

— Да вы не обращайтесь внимания, устал я, видимо, и дело уж очень путаное... Так что же вам сказал Чернышев?

— Ну, знаете, Александр Григорьевич, — ответил я, тоже посвободней, — хоть вы и не извещали меня о пе-

ремене в ваших чувствах, но я эту перемену заметил. И потому не решился сепаратно беседовать с Чернышевым.

Линьков усмехнулся, все еще сконфуженно, и встал.

— Пойдемте, что ли, к нему, — сказал он вполне дружелюбно. — Посмотрим, что и как...

Ленечка Чернышев был вполне в своем репертуаре и даже чуточку переигрывал, на мой взгляд. Он так ужаснулся, когда увидел нас с Линьковым, что у него все лицо перекошилось: рот поехал в одну сторону, а глаза и нос — совсем в другую, потом Ленечка заметался, будто удрать хотел, и даже на открытое окно с большим вниманием поглядел.

— Ну, Чернышев, кончай цирк, разговаривать будем, — сказал я умышленно грубым тоном, чтобы привести Леню в чувство. — Ты сиди, не вскакивай, и мы сядем. Вообще будь как дома и помни, что никто из нас не кусается.

Ленечка вытаращил на меня светлые, с сумасшедшинкой глаза, но ничего не сказал. Мы уселись на табуреты, и Линьков начал спрашивать. Добился он толку не скоро, но все же добился.

Чернышев, оказывается, кое-что видел и слышал в тот вечер. И не так уж мало! А именно. Он шел к своей лаборатории мимо «нашего» коридорчика — мы с Аркадием его так называли, там только наша лаборатория и есть, а дверь напротив забита, и в лабораторию Сулейманова входят из главного коридора. Это и не коридорчик даже, а скорее выход к боковой лестнице, короткий, метров десять. Так вот, когда Чернышев проходил мимо нашего коридорчика, он увидел, что Аркадий подошел к своей двери со стороны боковой лестницы.

— Это когда было-то? — не удержавшись, спросил я и тут же покосился на Линькова, но тот ничего, вроде не рассердился.

Ленечка сказал, что где-то вскоре после пяти. Ну, это совпадало: Аркадий в четверть шестого встретился на лестнице с Ниной, а потом, естественно, пошел к лаборатории и был там, видимо, в 17.20 или чуть позже. Ленечка давно хотел объясниться с Аркадием (я ему это очень настойчиво советовал), и он решил, что сейчас, пожалуй,

подходящий момент для этого. Но пока он топтался на месте, Аркадий достал из кармана ключ и сунул в замочную скважину. Тут Ленечка двинулся к нашей лаборатории с максимальной скоростью.

— А он вас не видел? — спросил Линьков.

— Нет, я точно знаю... я чувствую, что не видел, — заявил Ленечка.

Он ведь очень чуткий, наш Ленечка, из-за своей нервности и застенчивости. Моментально улавливает, как к нему относятся, я сколько раз наблюдал. Без слов все отлично понимает. Значит, он уловил, что Аркадий никак на него не реагировал. Токов, что ли, эмоциональных от Аркадия к нему не поступило.

Линьков спросил, что же было дальше. А дальше-то, оказывается, и началось самое удивительное и непонятное. Чернышев решительно утверждал, что в запертой лаборатории кто-то сидел! Он этого человека не видел, но слышал его голос. Точнее, слышал два голоса. Когда он подошел к лаборатории, Аркадий успел войти внутрь и прикрыть за собой дверь. Но он еще не захлопнул дверь, а стоял на пороге и держался за ручку — Чернышев его даже видел сквозь щель. И говорил с кем-то...

— О чем же он говорил? — спросил Линьков.

— Да так, ни о чем... — мучительно морщась, сказал Ленечка. — Но все равно я очень удивился... То есть я потом удивился, а сначала просто ушел. Ну, увидел, что разговора с Левицким не получится, и ушел к себе... понимаете?

— Понимаю, — дружелюбно сказал Линьков. — Но все же: не можете ли вы повторить, что они говорили?

Ленечку повело куда-то вбок, он изогнулся так, что, того гляди, свалится с табурета. Но он ухватил себя за щиколотку — чуть ли не в узел завязался, — и ничего, удержал равновесие.

— Они говорили... — медленно забормотал он, не выпуская из руки щиколотку и глядя на нас снизу вверх. — Левицкий говорил... Он сказал: «Ну, привет! Ты вроде не передумал?» А другой ответил: «Нет. И ты, по-моему, тоже».

— Что — тоже? — не понял Линьков.

— Тоже не передумал, — добросовестно объяснил Ленечка.

— А насчет чего? — поддавшись, видимо, на его уверенную интонацию, спросил Линьков.

— Не знаю... они не сказали... — так же добросовестно ответил Ленечка.

Тут он отпустил щиколотку на волю, выпрямился и вздохнул с облегчением.

— Ну, а дальше? — поощрил его Линьков.

— Дальше... ничего дальше... — забормотал Ленечка. — Левицкий захлопнул дверь, а я пошел к себе в лабораторию... и все.

Это было не все, — я чувствовал, что Чернышев еще чего-то не рассказал. И Линьков тоже явно это чувствовал, но пока не настаивал на продолжении, а пытался выяснить, чей же был второй голос.

— Не знаю, — сказал Ленечка, и я видел, что он говорит правду.

— Ну какой он, опишите, постарайтесь! Низкий, высокий, звонкий, глухой? Может, какие-то особые приметы были — например, этот человек шепелявил, картавил, хрипел?

— Нет... — Ленечка уныло покачал головой. — Нет... не было ничего такого... И такой голос... не бас, но и не... ну, не очень тонкий... средний...

— Чернышев, ну ты иначе скажи, — вмешался я. — Может, он на чей-то голос был похож: вот, например, на голос товарища Линькова?

— Нет... — забормотал Ленечка и почему-то начал багроветь, медленно и неудержимо. — Не похож... другой совсем... более звонкий...

— А на мой голос? — спросил я.

Ленечка посмотрел на меня с ужасом и моментально сделался весь малиновый, до самых корней светлых волос.

— Нет, нет! — неожиданно энергично запротестовал он. — Не на твой голос! Он совсем на Левицкого голос был похож, а не на твой! Точно похож на Левицкого!

— На Левицкого? — с интересом переспросил Линьков. — Так, может, это Левицкий сам с собой и разговаривал?

Ленечка открыл рот, потом закрыл его, а заодно и глаза. Он сидел так, изо всех сил жмурясь и хмурясь, минуты две, а потом открыл глаза и заявил, что нет, Левицкий не сам с собой разговаривал, там кто-то был.

— А вы подумайте, — ласково посоветовал ему Линьков. — Кто же мог сидеть в запертой лаборатории и говорить голосом Левицкого? Ведь бывает, что люди разговаривают сами с собой.

Ленечка согласился, что это бывает, но упорно утверждал, что Левицкий говорил не с собой, а с кем-то другим.

Рассказ Чернышева выглядел ужасно нелепо, но я знал, что Ленечка ничего не будет выдумывать. Промолчать — это он может, сколько угодно, а сочинять не будет. А если он не сочинил этот обмен фразами, то с самим собой действительно так не разговаривают: «Ну, привет! Ты вроде не передумал?» — «Нет. И ты, моему, тоже». Но с кем вообще и о чем мог Аркадий так говорить? И почему этот «кто-то» сидел в запертой лаборатории? А кроме того, ведь Аркадий сказал: «Ну, привет!» То есть вроде как поздоровался. Значит, он раньше не видел этого человека... Значит, тот появился, пока Аркадий куда-то ходил, — проник в запертую лабораторию, опять заперся там и сидел, дожидаясь Аркадия. И Аркадий не удивился... во всяком случае, не очень удивился его появлению в запертой лаборатории. Констатировал только, что тот, дескать, не передумал. Значит, был у них уговор! Поэтому Аркадий и торопился меня выставить... Но куда же он ходил? Где тут логика? Почему он не стал дожидаться своего гостя, если знал, что тот явится сразу после пяти? И даже дверь запер! Мог ведь кто-нибудь увидеть, что дверь нашей лаборатории после конца рабочего дня открывает ключом кто-то посторонний, пусть даже сотрудник института, но не Аркадий и не я. Подошли бы, конечно, поинтересовались, что да как. Эх, жаль, никто не увидел!

Не знаю, что думал обо всем этом Линьков, но он вдруг сказал Чернышеву, ласково улыбаясь:

— Все это очень интересно. Только почему вы не договариваете?

Ленечка дернулся и всхлипнул, но ничего не сказал, а только с ужасом посмотрел сначала на Линькова, потом на меня.

— Ну, говорите, чего же вы! — убеждал его Линьков. — Вы снова вышли из своей лаборатории и свернули в этот коридорчик...

— Нет-нет! — поспешно и с облегчением возразил Ленечка. — Никуда я больше не выходил!

— До которого же часа вы работали в этот вечер? — спросил Линьков.

— До одиннадцати... до без пяти одиннадцать.

— Понятно! — сказал Линьков. — Значит, без пяти одиннадцать вы вышли из своей лаборатории и, проходя мимо коридора к выходу, увидели...

На этот раз Линьков угадал: Ленечка с величайшей неохотой признался, что видел, как из нашей лаборатории вышел человек и направился к боковой лестнице. Линьков спросил, узнал ли он этого человека. Ленечка почти крикнул, что нет, не узнал он, не разглядел даже толком! Но я видел, что он врет.

— А может, это был Левицкий? — спросил Линьков.

— Нет, нет, точно — не Левицкий! — опять выкрикнул Ленечка.

Вот тут он не врал. Не только потому, что Аркадий и не мог уже ходить в это время — он был без сознания, при смерти, — но просто я чувствовал, когда Леня правду говорит, а когда врет.

— У вас близорукость, может быть? — поинтересовался Линьков.

— Н-нет... я... у меня нормальное зрение...

— Как же вы могли тогда не узнать человека на расстоянии пяти-шести метров? — спросил Линьков. — Ведь коридорчик-то совсем маленький, а дверь лаборатории почти посредине...

Леня долго мялся и вздыхал, а потом заявил, что он видел только спину этого человека. Я ему опять не поверил; да он ведь и сам сказал сначала, что видел, как человек этот выходил из лаборатории. Значит, он обязательно видел его лицо — по крайней мере в профиль.

Линьков, конечно, тоже не поверил ему, но ничего не сказал по этому поводу и, совершенно неожиданно для

меня, не стал больше спрашивать. Посоветовал только Ленечке хорошенько все перетряхнуть в памяти — может, он упустил какие-то ценные детали, — а потом глянул на часы, ахнул и сказал, что ему пора идти.

Пока мы шли по коридору, он спросил, какого я мнения обо всей этой истории, но когда я начал излагать свои соображения, он явно думал о чем-то другом и меня почти не слушал. У поворота в наш коридорчик он попрощался со мной и торопливо зашагал к центральной лестнице. Я поглядел ему вслед и поплелся в свою лабораторию. Впрочем, не успев даже дойти до двери, я сообразил, что мне, пожалуй, полезно сейчас посидеть наедине с собственной персоной и дать задание своим «серым клеточкам», как говорит Эркюль Пуаро, — пускай мозги перерабатывают полученную информацию, а потом посмотрим, что из этого получится.

«Итак, — сказал я себе, усевшись за свой стол и раскрыв записную книжку, — для начала следует оценить информацию, полученную от Чернышева, как весьма доброкачественную — в целом. Имеется одно явно ложное утверждение: что он якобы не узнал человека, выходявшего из нашей лаборатории. Но когда Ленечка врет, это видно невооруженным глазом... Возможны также умолчания — сознательные или невольные. Но что сказано, то сказано добросовестно и с довольно высокой степенью точности: при всей своей внешней неприспособленности Ленечка очень четко воспринимает и оценивает факты, я это наблюдал не однажды. Значит, все нелепости и противоречия, которые так поражают в его рассказе, имеют свое объяснение, а мы этого объяснения не можем найти только из-за нехватки фактов... Ну что ж, попробуем пока проанализировать новые факты и сообразовать их с прежними.

Значит, первое и основное: «версия посетителя» впервые подтвердилась прямо и недвусмысленно — в нашей лаборатории в тот вечер был кто-то, кроме Аркадия! Зато мой вариант с «эксплуатационником» теперь, пожалуй, рассыпается... Во-первых, куда бы ни ходил Аркадий, посетитель ждал его в нашей лаборатории. Во-вторых, Ленечка не дружит ни с кем из эксплуатационников — он и из наших-то мало с кем общается, — а он явно видел

кого-то хорошо знакомого и неумело пытался защитить его своей ложью. Но кого? Одну приметку он, впрочем, назвал: голос у этого человека очень похож на голос Аркадия... Тут я терпеливо перебрал всех наших, с кем у Чернышева были хоть какие-то связи, кроме самого факта совместной работы в институте, и постарался припомнить, как они говорят... Но ничего даже отдаленно похожего я не вспомнил. У Аркадия голос вообще ведь очень характерный... такой звучный, баритонального тембра, с легкой хрипотцой... Впрочем, даже не в голосе дело, а в манере говорить, в этой насмешливо-высокомерной растяжечке, которая иногда злила меня, казалась нарочитой...

Да, но вот ведь что... В этой истории мог участвовать не один человек! Во-первых, мог все же существовать «эксплуатационник» из моей версии, то есть человек, к которому Аркадий пошел в пять часов и который угостил его питьем со снотворным, а сам преспокойно ушел из института. Во-вторых, возможно, что в начале шестого в нашей лаборатории был один человек, а в одиннадцать часов — совсем другой. Ведь видно, что Чернышев хорошо знает того, кто выходил из лаборатории, и отказывается говорить о нем; а в то же время он ничуть не пытается оберечь того, чей голос слышал из коридора, и, видимо вправду, не знает его...

Однако же, что за карусель получается! Не институт, а проходной двор какой-то! Ходят, приходят, проходят сквозь запертые двери, как призраки... исчезают тоже, как призраки, раз вахтер их не видит... Да, в самом деле, куда же они оба девались, если вахтер их не заметил? Первый, допустим, мог пробыть у Аркадия совсем недолго, минут десять — пятнадцать, и уйти еще в общем потоке, не будучи замеченным. Но вот второй! Либо он был в институте до одиннадцати, либо вернулся туда вечером. Во всяком случае, он минимум один раз должен был показаться в проходной в неурочное время. А вахтер утверждает, что в тот вечер в институте оставались только двое: Левицкий и Чернышев...

Дальше: что может означать этот загадочный обмен фразами? Фразы, собственно, крайне общие и банальные, их можно применить к явлениям любого порядка. На-

пример: люди уговорились пойти в ресторан или на рыбалку... Один другого спрашивает: ты как, не передумал? Да, но кто же станет из-за разговора о ресторане или о рыбалке лезть со своим ключом в чужую лабораторию и таинственно сидеть там взаперти, ожидая хозяина? Не та обстановка! И финал не тот, главное... Тогда что же? «Не передумал ли ты отравиться?» Ерунда какая-то!

Нет, фактов решительно недостает ни для какой версии! И вообще, видимо, дело такое запутанное, что надо бы мне самому затаиться в тот вечер в нашем техническом отсеке и слушать — кто говорит, что говорит, и так далее. Тогда бы я все распутал и спас бы Аркадия...

Тут опять что-то промелькнуло в моем мозгу стремительно и неудержимо... какая-то слепящая вспышка в туманной оболочке. И я опять ничего не поймал, а только прижмурился покрепче, будто она через глаза убегала...

В общем, я понял, что на данном уровне ничего больше не выжму из своих серых клеточек, и решил пойти к Чернышеву за добавочной информацией. «Мне-то Ленечка откроется! — подбадривал я себя. — Это он при Линькове говорить не хотел!»

Я дошел до конца коридорчика и только хотел повернуть налево, к лаборатории Чернышева, как вдруг увидел, что оттуда выходит Линьков. Меня словно горячим паром обдало! Я хотел удрать, но не мог, да и поздно было — Линьков меня сразу заметил. Я видел, что он смутился. Но он прошел мимо, на ходу задегивая застёжку — «молнию» своей разбухшей папки, и только небрежно кивнул мне, а я все стоял, будто прирос к щербатым плиткам паркета.

Значит, он нарочно отделался от меня, чтобы наедине расспросить Чернышева? Вот до чего он мне не доверяет теперь! Нет... не то! Почему же он сначала преспокойно расспрашивал при мне, а потом не захотел? Догадался, кого назовет Чернышев?

Возможно... Однако не понимаю, почему именно мне нельзя об этом знать... Нет, что касается Линькова, это понятно: я не сотрудник прокуратуры, и даже если б он мне полностью доверял... Но Чернышев, Ленечка Чернышев! Я вдруг сообразил, что Ленечка не зря глядел на меня с таким ужасом: он, видимо, считал, что тайна, ко-

торию я из него пытаюсь вытянуть при содействии следователя, должна строго сохраняться в моих же собственных интересах, и он не понимал, почему я так странно веду себя. То есть он был уверен, что я знаю, кто вышел из нашей лаборатории в одиннадцать вечера! Но тогда... тогда... У меня перехватило дыхание, я даже простонал от внезапного болезненного озарения. Тогда речь может идти только об одном человеке — о Нине! Идея бредовая, конечно, но ведь в этой истории все граничит с бредом, и чем безумней идея, тем она, может быть, правильней...

Я вернулся в лабораторию, чтобы обдумать все это до разговора с Чернышевым. Ленечка, по идее, сам должен прийти ко мне сейчас и все изложить со всей прямоотой. А я пока подумаю...

Нина! Может, потому она и ведет себя так странно? Тут я запнулся: нет, поведение Нины в эту концепцию как-то не очень укладывается... Но я решил в это пока не вдумываться — ведь недомолвки Чернышева могли иметь только одно, именно это значение.

Хорошо, допустим, Нина. Нет, не в том смысле, что она причастна к смерти Аркадия, это даже в рабочую гипотезу не лезет! И вообще она ушла из института вместе с другими девушками из расчетного отдела и сидела с ними в кино, так что алиби у нее железное... Да, но на более поздние часы у нее, возможно, нет алиби... Сеанс начинался в 19.10, две серии, — ну, это часа три, может, и чуть побольше, фильм зарубежный... Значит, вышли они из кино в одиннадцатом часу, может, даже в половине одиннадцатого. Нине домой идти примерно мимо института... крюк небольшой. Допустим, она решила позвонить мне: я ведь говорил, что допоздна буду в лаборатории... Нет; Аркадий ей сказал, что я ушел из института... и дверь лаборатории была заперта. Зачем же она звонила? А если она именно с Аркадием хотела поговорить? О чем? Допустим, я могу и не знать, о чем... Аркадий ей ответить уже не мог, он был без сознания. Ответил тот, с похожим голосом... Он так все время и сидел там, значит? Странно... но допустим. Ему показалось выгодно заманить Нину в институт, навлечь на нее подозрения, запутать дело... Теперь: как Нина попала в институт? Неужели вахтер ее не запомнил? Ладно, это потом выясним.

Как-то, значит, попала. Пришла в лабораторию и... Тут я глянул на часы и ужаснулся: без пяти пять, мне пора идти, а Ленечка все не приходит да не приходит!.. Ну, что ж, тогда я сам по дороге загляну к нему. На Ленечку нельзя обижаться, это существо сложное и высоко специализированное.

Лаборатория Чернышева была заперта. Я, не веря себе, подергал дверь, даже постучал тихонько. Посмотрел на часы — 17.00. Ленечка, который днюет и ночует в своей лаборатории, сегодня ушел раньше времени. Избегает встречи со мной, все понятно. Только почему бы? Линьков, что ли, запретил? Возможно. Очень возможно. Но это значит, что Линьков всерьез подозревает Нину? Нелепость, он же умный человек!

Я даже не заметил, как дошел до скверика. Есть такой скверик, в двух шагах от института, на углу. Маленький, но очень тенистый и уютный. Мы туда в обеденный перерыв ходим посидеть, если время остается.

Только я уселся на скамейку, появилась Нина. У меня даже сердце защемило от жалости — какая она бледная, и глаза печальные... Ничего, сейчас мы поговорим с ней по-хорошему, она мне все расскажет, и мы вместе что-нибудь придумаем. Только надо ее сразу подбодрить. А то вот она и на скамейку садится как-то боком, и от меня отодвигается подальше... Бедная девочка! Я почувствовал себя сильным и надежным, этакой несокрушимой опорой бытия.

— Нин, ты, главное, не волнуйся, — сказал я максимально задушевным тоном и погладил ее руку. — Мы же с тобой друзья, мы всегда пойдем друг друга, если что...

Нина медленно и как-то странно посмотрела на меня.

— Да? Ты в этом так уверен? — с горечью произнесла она и отвернулась.

— Что касается себя — безусловно! — заявил я. — Но ты, видимо, не веришь в это и потому как-то... ну, нервничаешь.

Нина опять уставилась на меня широко раскрытыми, немигающими глазами, и вдруг я понял, что она разглядывает меня с недоумением и ужасом... совсем как Ленечка Чернышев, когда мы сегодня пришли к нему с Линьковым. Мне сразу сделалось неуютно и тоскливо.

— Нина, ты что так смотришь? — не выдержав, спросил я наконец.

— Ты не знаешь, почему? — Нина опустила голову и начала теребить ремешок сумки. — Что ж, если не знаешь, то... — Она долго молчала, потом спросила каким-то неестественным, сдавленным голосом: — А с какой это стати ты именно сейчас заговорил о доверии и взаимопонимании?

— Ну... вообще... — Я совсем растерялся и не знал, что сказать. — Мне показалось, что ты... что у тебя на душе что-то есть... И потом, вот с Чернышевым я говорил сегодня...

— С Чернышевым? — быстро спросила Нина и опять замолчала, что-то обдумывая. — Да, Чернышев ведь был в тот вечер в институте. Он... он видел? — почти выкрикнула вдруг она. — Ну говори, что ж ты молчишь! Он видел?!

— Да... — нерешительно ответил я. — Видел...

Нина глубоко вздохнула.

— Тогда чего же ты не понимаешь? — почти спокойно спросила она.

Во время этого странного разговора мне в основном казалось, что я вообще ничего не понимаю. Даже если моя гипотеза ошибочна и Нина не была тогда в лаборатории, то почему она смотрит на меня так, будто я ее обвиняю в убийстве и волоку в милицию?

— Нина, — сказал я решительно, — давай говорить прямо! Чернышев сказал, что он видел в тот вечер, в одиннадцать часов, как из нашей лаборатории выходил человек. Но он явно соврал мне и Линькову, что не разглядел, кто это. Он почему-то хотел защитить этого человека...

— Тебя это, кажется, удивляет? — с горькой иронией спросила Нина.

Я посмотрел на нее. Она сидела слегка откинувшись на спинку скамейки и запрокинув голову, и опять меня поразило, до чего Нина красивая. Классически красивая, хотя и вполне современная с виду. Но вот, например, профиль — удивительно чистые, чеканные очертания, для современной красавицы это вовсе не обязательно... Нет, что удивляться Чернышеву — есть же у него глаза!

Не говоря уж о том, что он вообще типичный интеллигент, создание совестливое, и ему глубоко неприятно подставлять под удар своих знакомых, а тем более женщин.

— Нет, ничуть меня это не удивляет, — ласково сказал я. — Ведь я догадался, кого он видел...

— Очень трудно было догадаться? — почему-то с явной насмешкой спросила Нина.

— Ну... как тебе сказать? — осторожно заговорил я. — Вообще-то... я этого никак не ожидал, и ты до сих пор ничего мне не сказала... я не могу понять, почему...

— А Чернышев и меня, что ли, видел? — недоверчиво спросила Нина. — Глазастый какой оказался, никогда бы не подумала...

Она говорила теперь почти спокойно, с грустным юмором. Я совсем сбился с толку. Если Нину не очень-то волнует, что Чернышев ее видел... «И меня, что ли, видел?» И ее... а кого же тогда еще?

— Нина, а кто с тобой был? — осторожно спросил я.

— Со мной? Да никого не было... к счастью! — о удивлении отозвалась Нина. — Только еще не хватало, чтобы вся компания видела! Я уж хоть тому радовалась, что случайно одна пошла.

Нет, сплошные какие-то шарады и ребусы! Если Нине зачем-то и понадобилось в такую неурочную пору видеть Аркадия, то уж наверняка не для решения производственных или профсоюзных вопросов и не для трепа в компании! К чему же эти разговоры, что она только случайно пошла туда одна?

— Ниночка, я, наверное, чего-то не понимаю. — Я старался говорить спокойно и ласково. — Прежде всего: о чем ты хотела говорить с Аркадием? Ты извини, может быть, это неделикатный вопрос, но, понимаешь, такие обстоятельства...

Нина нетерпеливо пожала плечами.

Я тоже, наверное, чего-то не понимаю, — сухо сказала она. — Ты думаешь, я что-то скрыла от тебя? Нет, я совершенно точно передала мой с ним разговор.

— Я не про тот разговор... — уныло пробормотал я, чувствуя, что все больше запутываюсь.

— А про какой же еще? — удивилась Нина. — Слушай, Борис, вот я тебя действительно не понимаю. Я пришла с тобой серьезно поговорить, ты знаешь о чем. А ты вместо этого крутишь, какие-то нелепые намеки делаешь... Ведь никуда же не денешься, говорить нам надо. Можешь быть уверен, что мне об этом говорить очень трудно... наверное, не легче, чем тебе.

Я в отчаянии покачал головой. Сплошной туман и мрак!

— Подожди... Мы о чем говорим-то? О том вечере, двадцатого мая, верно?

— О чем же еще? — с презрительным удивлением отозвалась Нина.

— Ну вот... Ты прямо из кино пошла к институту, верно? И по дороге позвонила в лабораторию? Примерно в половине одиннадцатого?

— Да...

— А кто тебе ответил?

— Никто. Но я звонила из автомата на углу Гоголевской, так что все равно пошла к институту.

— Как — все равно? — удивился я. — Зачем же тебе было идти, раз никто не ответил?

Нина помолчала, глядя на меня как-то странно.

— Я понимаю, — сказала она наконец, — тебя больше устроило бы, если б я пошла по другой улице... Но уж так получилось, что подделаешь... не повезло тебе.

Она вдруг резко отвернулась от меня и достала из сумки носовой платок. Я с изумлением и страхом увидел, что она осторожно прикладывает уголок платка то к одному, то к другому глазу, а плечи ее слегка вздрагивают. Я вообще ужасно боюсь слез! А что Нина может плакать, я бы и не поверил никогда.

— Нин, родной, да не плачь ты! — жалобно заговорил я. — А то я сам, того гляди, разревусь! Ну, Нин, очень тебя прошу!..

Я обнял Нину за плечи и осторожно повернул лицом к себе.

— Все же ты чудо природы! — с искренним восхищением сказал я. — Первый раз в жизни вижу девушку, которой даже слезы к лицу!

И тут Нина расплакалась по-настоящему! Она уткнулась лицом мне в грудь и вся затряслась от рыданий.

— Боря, Боря! — прерывисто говорила она, глотая слезы. — Я совершенно ничего не понимаю! Я не могу поверить, что это ты так ведешь себя... это так на тебя непохоже!..

Я совсем уж обалдел и слова не мог выговорить.

— Я никогда не поверила бы, никогда, никому, ни за что, — говорила Нина сквозь слезы, — если б ты сам не сказал...

«Бред какой-то! — в ужасе подумал я. — Все навыворот!»

— Да что же я такое сказал? — с трудом выговорил я наконец.

— Ты же знаешь! — Нина выпрямилась и начала старательно вытирать слезы; теперь она не выглядела красивой: лицо осунулось, глаза покраснели... — С самого начала... и теперь... молчание, ложь, какие-то нелепые выкрутасы... Боря, ну скажи мне, что случилось? Что с тобой случилось?! — Она схватила меня за руки и глядела мне прямо в глаза.

Я безнадежно пожал плечами.

— Ниночка, ну поверь мне: я даже догадаться не могу, о чем ты говоришь и в чем меня упрекаешь. Я только знаю, что перед тобой ни в чем не виноват.

— Ты, должно быть, с ума сошел! — тихо, с ужасом сказала Нина. — Ведь ты же видишь, что я знаю ... Хотя теперь-то перестань ломать комедию!.. Зачем ты со мной так... Да что бы ты ни сделал, я...

Наверное, я слишком устал от всей этой путаницы. Моя растерянность внезапно сменилась полнейшим спокойствием.

— Нина, хватит намеков и недомолвок, — сказал я трезво. — Так мы совсем измучаем друг друга и ни к чему не придем. Ответь мне только на один вопрос: в лаборатории был кто-нибудь... ну, кроме Аркадия, конечно?

Нина тоже перестала плакать и ответила мне совершенно спокойно, с оттенком презрения:

— Конечно, был! Уж ты-то знаешь, что был!

— Подожди, Нина, не торопись, — попросил я. — Допусти все же, что я не знаю. Можешь ты мне серьезно и спокойно ответить: кто это был? Кого ты видела?

— Могу. Если ты хочешь, могу, — печально и безнадёжно сказала Нина. — Пожалуйста!

— Так кто же? — настаивал я.

— Ты! Ты сам, — четко ответила Нина. — Ты хочешь сказать, что не знал этого?

У меня все поплыло перед глазами, но я держался.

— Ниночка, подожди. Спокойно. Я там не был. Я был весь вечер в библиотеке, я же тебе говорил.

— Да, ты мне говорил...

— Ну вот. Зачем же ты говоришь, что я был в лаборатории? Кто тебе это сказал? Кого ты там видела? — монотонно спрашивал я.

— Борис, ну зачем все это... Никто мне ничего не говорил о тебе, и никого я больше там не видела. Только тебя.

— Ниночка, успокойся. Пойми, что это невозможно. Где именно ты меня видела?

— У окна, конечно...

— Почему же — конечно? И ты со мной говорила? Я тебе отвечал? Ты слышала именно мой голос?

У меня вдруг мелькнула мысль, что если тот человек по голосу похож на Аркадия, то по внешности, может быть, на меня. Мысль, конечно, идиотская, но...

— Перестань, Борис, — уже без гнева, совсем устало проговорила Нина. — Ну как я могла с тобой говорить, что за нелепые вопросы! Я даже окликнуть тебя не решилась, неудобно было...

— Почему — неудобно?!

Это бытовое, будничное словечко, совершенно вроде бы неприменимое к ситуации, опять выбило меня из равновесия. Рядом с ней умирал Аркадий, а она, значит, думала о том, удобно или неудобно заговорить... да еще с кем — со мной?!

— Потому что ночью орать через всю улицу действительно неудобно... — без выражения произнесла Нина.

— Какая улица?! При чем тут улица?! — почти закричал я, опять потеряв равновесие. — Ты же меня видела где? В лаборатории?

Нина говорила все так же безжизненно и равнодушно:

— Да, я тебя видела в лаборатории. Ты стоял у окна.

— А улица тут при чем?

— При том, что я была на улице. Я проходила мимо института и с той стороны улицы увидела тебя в окне лаборатории.

Я уставился на нее, ничего не понимая.

— А в лаборатории ты вообще, что ли, не была?

— Конечно, вообще не была. Не задавай нелепых вопросов.

Я помотал головой, силясь хоть что-нибудь сообразить.

— А ты уверена, что видела именно меня?

— Уверена. Сначала ты стоял в профиль, а потомглянул в раскрытое окно, и на твое лицо упал свет фонаря. Я тебя ясно видела.

Я совсем уж не знал, что мне делать и что говорить. Сидел, глядел, как Нина пудрится и поправляет растрепавшиеся волосы, и только отдувался, словно спринтер после проигранного забега.

Нина сунула пудреницу в сумку и встала.

— Я понимаю, что тебе уже нечего сказать, — с презрительным сочувствием проговорила она. — И напрасно ты раньше говорил так много...

Сказать мне действительно было нечего. Я повторял только одно: «Я там не был. Я там не был». Но это я говорил про себя и для себя: я уж и сам начал что-то путаться, где я был, а где не был. А для Нины я просто не мог найти слов и поэтому уцепился за первые попавшиеся.

— Нина! Ну поверь ты мне! — сказал я. — Это... это обман под маской истины!

— «Лунный камень», — неприятно улыбаясь, ответила Нина.

— Какой камень? — Я уже ничему не удивлялся, только спрашивал.

— Роман Уилки Коллинза «Лунный камень». Эти слова говорит Фрэнк своей Рэйчел. Может быть, ты тоже наглотался опия и в лабораторию попал в состоянии транса?

Уилки Коллинз меня, признаться, дорезал. Я еще и плагиатор, оказывается!

— Ну, вот что, Борис, я пошла, — сказала Нина, стоя передо мной. — Ты телефон Линькова знаешь? Нет? Тогда вот тебе его домашний телефон, я сегодня у него попросила.

Она написала номер на листке, вырванном из записной книжки, и протянула мне.

— А зачем это? — спросил я, вертя в руках листок.

— Затем, — твердо сказала Нина, — что ты сейчас же позвонишь Линькову, уговоришься с ним о встрече и расскажешь ему все, что знаешь. Он сказал, что сегодня вечером будет дома... В девять часов я позвоню ему. Если узнаю, что ты еще не звонил и не был у него, я сама пойду к нему и расскажу все, что знаю.

— Отлично, — сказал я и тоже встал. — Можешь идти к нему когда угодно и рассказывать что угодно. Я все, что знал, давно рассказал ему. А наговаривать на себя я не могу. Даже в угоду тебе.

Нина опять неприятно усмехнулась.

— А ты зря подался в физики, — заявила она. — В тебе пропадает великий актер!

Она резко повернулась и ушла. Я стоял и смотрел ей вслед.

Вот так. Вот это история. Нина видела меня. Чернышев, ясное дело, видел тоже меня. Воображаю, каково ему было, когда я же из него вытягивал признание! Линьков по его физиономии, наверное, догадался, кого он видел, поэтому и поспешил меня выставить. А может, он меня и раньше подозревал... наверное даже! Может, меня еще кто-нибудь видел в тот вечер. Нина не будет сочинять. Ленечка тоже не будет сочинять. Они действительно видели меня в тот вечер в лаборатории. Между тем я сам себя видел в библиотеке...

Неясная ослепительная мысль опять скользнула по краю сознания... замедлила... Я даже подпрыгнул. Я чуть не заорал. Батюшки, ну и кретин же я! Уж до этого я мог бы додуматься раньше, просто обязан был додуматься! Нет, понадобилось, чтобы меня, словно крысу, загнали а тупик, чтобы все обернулось против меня, чтобы все перестали мне верить, и только тогда мои драгоценные се-

рые клеточки соизволили наконец сработать! Ну что ж, лучше поздно, чем никогда! Единственное возможное решение найдено. Осуществить его будет нелегко, но... да ничего, я справлюсь. Должен справиться, раз другого выхода нет!

— «Другого нет у нас пути!» — фальшиво пропел я и со всех ног ринулся к институту.

Линьков пока ничего не понимает

Утро было переменчивое: порывами налетал влажный ветер, солнце то сияло и грело всюю, то пряталось за серыми облаками и моросящим теплым дождем. И настроение у Линькова было под стать этому утру. Выйдя из дому, он с облегчением думал, что дело наконец распутывается. Но от дома до института было восемь кварталов, и пока Линьков прошагал эти кварталы, настроение его качнулось на 180 градусов в сторону глубокого пессимизма. На ближних подступах к институту он установил, что информация, полученная от Чернышева и Берестовой, ничего не проясняет, а только дополнительно и уже совершенно безнадежно запутывает дело. По-настоящему ясно было лишь одно: что все прежние конструкции никуда не годятся и нужно начинать все заново. А новые факты ни в какую схему не укладываются, просто валяются порознь.

И самое неприятное во всем этом хаосе было то, что Борису Стружкову доверять совершенно нельзя. Что он, Линьков, все эти дни был простофилей, которого водил за нос ловкий актер.

Факты — вещь упрямая. А это, видимо, факт, что Стружков поздно вечером двадцатого мая был в лаборатории. Допустим, Чернышев мог ошибиться. Линьков после беседы с ним уже прикидывал мысленно, представлял себе коридорчик у лаборатории и что, собственно, мог увидеть там Ленечка. Но вечерний звонок Нины Берестовой положил конец сомнениям. Два человека видели Стружкова. И если б эти люди были ему врагами, а то... Ленечка чуть не расплакался после того, как признался, что видел Бориса. Нина, правда, не плакала, но говорила преувеличенно твердым, деревянным голосом... Чувств-

вовалось, что каждое слово дается ей с невероятным трудом...

Ну хорошо: значит, это факт, что Стружков вечером был в лаборатории. И что же дает этот факт? Да пока ровно ничего. Стружков, значит, что-то скрывает, но что? Ведь не убил же он Левицкого! Не мог он его убить. Потому что нельзя ни силой, ни хитростью добиться, чтобы взрослый, физически сильный человек проглотил такую массу таблеток.

Более правдоподобна другая версия: Стружков не хочет признаться, что был в лаборатории, потому, что он видел умирающего Левицкого и не поднял тревогу, не попытался спасти его. Около одиннадцати вечера Левицкий, конечно, был уже без сознания. Если б даже Стружков подумал, что Левицкий просто спит, он должен был бы попытаться разбудить его, и тогда понял бы, что это не обычный сон. Почему же он не пытался спасти Левицкого? Ну, почему? Смерть Левицкого была ему на руку? Каким образом?

И вообще зачем Стружков вернулся в институт? С этого, пожалуй, надо бы начать. Ушел, сидел в библиотеке, потом пошел обратно. И как же он прошел в институт? Вахтер ведь твердо заявил, что в этот вечер в институте оставались только двое: Левицкий и Чернышев.

Тут Линьков вошел в проходную и обрадовался: дежурил тот самый дед, Василий Макарыч по имени, что и вечером двадцатого мая; двадцать первого утром Линьков с ним разговаривал.

Дед сразу его узнал и уважительно, чуточку даже церемонно поздоровался, приподнявшись с табурета за деревянным барьером. Линьков тоже очень вежливо ответил на приветствие, однако извлек и предъявил свое удостоверение — больше для того, чтобы завести разговор об институтских порядках. Разговор действительно завязался, и Линьков для начала спросил, пришел ли уже на работу Стружков. Ему хотелось выяснить, знает ли дед Стружкова в лицо.

Оказалось, что дед превосходно знает Стружкова и что на работу Стружков сегодня еще не приходил — это Василий Макарыч сказал сразу, даже не глянув на табельную доску с ключами.

— Он так-то аккуратный, ни на минуточку не опоздает, — прибавил он. — Заболел, может? С горя оно и не долго...

Линьков пробормотал что-то неопределенное и задумался. Раз этот вахтер так хорошо знает Стружкова, то вряд ли есть смысл снова спрашивать его о вечере двадцатого мая. Он бы наверняка запомнил, если б Стружков пришел или ушел в неурочный час. Но все же, чем черт не шутит... Линьков тихонько вздохнул, поправил очки и, облокотившись о барьер, начал допытываться у деда, мог ли он не заметить или не запомнить, что Стружков в тот вечер оставался в институте или что ушел и вернулся. Дед держался непоколебимо: нет, на память он не жалуется, всегда точно помнит, кто остается в институте вечером, а Стружкова тем более приметил бы.

— Ну, а если бы... — Линьков прикинул в уме, — если бы, скажем, Стружков вышел из института ровно в пять, а вернулся без четверти шесть, вы бы его тоже заметили? Даже в толпе, когда все выходят?

«Вообще-то Стружков мог бы даже и не выходить из института! — вдруг сообразил Линьков. — Книги в библиотеке он мог заказать, допустим, в обеденный перерыв».

— Дак, мил человек! — сказал дед, изумленно глядя на Линькова. — Все одно бы я его приметил, ежели б он обратно вернулся да всем супротив пошел.

«Тоже верно, — подумал Линьков, — это ж прямо на рожон лезть: все бы заметили, что он зачем-то обратно идет в институт. Нет, он, наверное, вообще не выходил!»

— А вы это к чему спрашиваете, извиняюсь, конечно? — вдруг забеспокоился дед. — Ай подозрение имеете на Бориса Николаича? Зря это, ой, зря, поверьте моему слову!

Он с такой горькой укоризной поглядел на Линькова, что тот сдался.

— Подозрения не подозрения, — сказал он, доверительно склонившись к деду, — а вот говорят, будто видели Стружкова в тот вечер в институте... около одиннадцати.

— Около одиннадцати? — удивился дед. — Да кто ж его мог видеть? Чернышев разве? Он один и был там...

окромя покойника. Чернышев, верно, вышел в одиннадцать. Но однако после Чернышева никто не выходил, это уж я ручаюсь! — решительно заявил он. — Ежели только ночевать он там остался? Но выходить не выходил!

«Может, и вправду ночевать остался? — раздумывал Линьков. — Да нет, что я! Ведь ему же при мне звонили утром домой, вызывали в институт... В общем, черт те что!»

Он поблагодарил деда, заверил его, что все выяснится, и уныло побрел через двор в здание института.

В просторном сумрачном вестибюле он остановился, раздумывая. Раздумывать, собственно, было уже нечего: предстоял неприятный, но неизбежный разговор с институтским начальством. Точнее говоря, с заместителем директора института по научной части доктором физико-математических наук Шелестом. Директору института, академику Грабовскому, такие разговоры были противопоказаны по состоянию здоровья, а к тому же он 22 мая улетел на симпозиум в Москву. Линьков тихонько вздохнул и начал медленно подниматься по лестнице.

Секретарша Шелеста, с любопытством глядя на Линькова, сказала, что Игорь Владимирович говорит с Москвой и сию минуточку освободится. Линьков постоял у окна, глядя на тихую зеленую улицу, тускло поблескивающую под дымкой почти неприметного дождя, потом секретарша пригласила его, и он вошел в просторный кабинет Шелеста, солидный и сумрачный, как большинство помещений в этом старом добротном здании, построенном лет шестьдесят назад.

Разговор с Москвой, видимо, получился каверзный, — Шелест хмурился, озабоченно хмыкал и хотя поздоровался с Линьковым, но будто бы не сразу сообразил, по какому делу тот явился. Только когда Линьков подошел вплотную к столу, Шелест встряхнулся, согнал с лица отсутствующее выражение, даже изобразил нечто вроде улыбки и повел рукой, приглашая Линькова садиться. Линьков уселся на один из стульев у длинного «заседательского» стола, под прямым углом приставленного к громадному письменному агрегату, такому же массивному, как сам Шелест, и положил на стол перед собой ры-

жую папку. Шелест угрюмо покосился на эту папку и спросил, как продвигаются дела.

— Да вот... — старательно протирая очки, сказал Линьков, — некоторые новые факты имеются, они, пожалуй, меняют суть дела...

— Что ж, — сказал Шелест без энтузиазма, — я вас слушаю.

Линьков начал рассказывать. Шелест слушал насупившись, почти совсем упрятав глаза под нависшие густые брови.

— Что же, однако, из этого следует? — осведомился он, когда Линьков изложил суть показаний Чернышева. — Ну, был кто-то в лаборатории, ждал Левицкого...

— И заперся изнутри? — вежливо подсказал Линьков.

— Не обязательно заперся, — подумав, объяснил Шелест. — Мог, знаете ли, войти и по нечаянности захлопнуть дверь.

— Как же он мог войти, — терпеливо спросил Линьков, — если минут за пять — десять до этого дверь была заперта?

Шелест гулко откашлялся.

— Заперта, говорите? — пробормотал он и поморщился, будто вспомнил что-то неприятное. — Ну, допустим... И что же все-таки?

— Да вот оказывается, что около одиннадцати из лаборатории вышел Стружков, — с большой неохотой сказал Линьков.

— Стружков? — переспросил Шелест, недоверчиво глядя на Линькова. — Каким же это образом?

— Чернышев его отчетливо видел.

— Опять Чернышев? Какой приткий оказался, никогда бы я не подумал! — с неодобрительным удивлением сказал Шелест. — Ну, Чернышев и обознаться мог.

— Берестова тоже видела... — угрюмо проговорил Линьков.

— Берестова?! — Шелест даже приподнялся слегка в кресле. — Ну-ну...

Он молча выслушал Линькова до конца. Потом покачал головой, тихо повторил: «Ну-ну...», нажал кнопку звонка и велел секретарше срочно вызвать Стружкова.

— Около одиннадцати, говорите? — после паузы спросил Шелест. — То есть Левицкий был уже... ну, умирал? А Стружков, значит... Нет, как хотите, а этого не может быть!

Линьков молча пожал плечами.

— А вы-то сами что об этом думаете, об этих фактах? — спросил Шелест в упор.

— Видите ли... — неохотно начал Линьков. — Факты говорят, в общем, не в пользу Стружкова. Он видел Левицкого... в таком состоянии и не попробовал помочь, не поднял тревогу... Сбежал! А главное, до чего он ловко разыгрывал комедию все эти дни! — Линьков не смог скрыть злости и обиды. — Талантливо!

— Меня это очень удивляет... — медленно сказал Шелест. — Очень! Я ведь Стружкова не первый год знаю. Но дело даже не в этом. Вы можете объяснить, зачем и почему он это делал? То есть что именно он скрывал? Ведь не убил же он Левицкого, так? Или вы уж думаете, что он и убил?

— Не думаю... — Линьков не глядел на Шелеста. — Но тут вообще слишком много неясного. Может быть, после разговора со Стружковым мы...

Тут появилась секретарша. Вид у нее был растерянный.

— Ну? Где же Стружков? — резко спросил Шелест.

— Стружкова нет в институте, — негромко сказала секретарша. — Лаборатория заперта.

— Домой звонили?

— Да. Соседка говорит, что не видела его ни утром, ни вечером. Если он и ночевал дома, то, значит, пришел поздно, а ушел очень рано.

— Та-ак... — протянул Шелест. — А еще что?

— Дежурный энергетик подал докладную. Вчера на вечернем дежурстве был большой перерасход энергии... — Секретарша запнулась, будто испугавшись, и добавила: — В лаборатории Стружкова.

— Пошлите на проходную, пускай ключ принесут, — сказал Шелест секретарше.

Потом он медленно, устало поднялся и вышел из-за стола. Линьков тоже встал. Ему вдруг стало холодно, даже в дрожь бросило.

— Пойдемте посмотрим, что там такое... — угрюмо проговорил Шелест. — Не нравится мне вся эта история!

В приемной Шелест сказал секретарше, чтобы энергетик позвонил ему в лабораторию Стружкова, и вышел, взяв на дороге ключ у солидного лысого коменданта.

Они прошли в другой конец здания, свернули в коридорчик, ведущий к боковой лестнице, и остановились перед дверью лаборатории локальных перемещений.

— Открывайте вы, что ли, — сказал Шелест, протянув Линькову ключ с жестяным номерком на проволочке. — Согласно вашим порядкам.

Линьков повернул ключ в замке, распахнул дверь.

В лаборатории никого не было.

Глава седьмая

Мчался я к институту на такой скорости, что прохожие, вероятно, воспринимали меня как конгломерат цветowych пятен с размытыми контурами. А сам я вообще никого не видел и ничего не воспринимал. Вернулся я в евклидово пространство только в проходной, когда доставал и предъявлял пропуск, но во дворе снова взял хороший спринтерский темп и финишировал у дверей лаборатории ровно в 17.36 — я даже на часы зачем-то посмотрел...

«Это же ясно и наглядно, — думал я, уже в замедленном темпе отпирая дверь лаборатории. — Нина видела меня в лаборатории, Чернышев видел меня в лаборатории, а я был в это время в библиотеке. Если исключить сознательную ложь, а также галлюцинации и прочие неполадки в области психики — а все это безусловно следует исключить, — то подойти к данной проблеме возможно лишь одним путем: через хронофизику! И даже странно, что я так долго не мог до этого додуматься».

А впрочем, ничего странного. Чтобы додуматься до такого решения, надо позабыть о той повседневной, будничной хронофизике, за которую сотрудники нашего института дважды в месяц получают зарплату. Это решение — из области хронофизики нарядной, парадной, почти сказочной: перемещение человека во времени, временные петли и тому подобные вещи, которые поражают вообра-

жение среднего землянина. Товарищ Стружков уже был там, где он еще не был, и уже сделал то, чего он еще не делал, а вдобавок ничего он об этом не знает... Ну разве не завлекательно!

Там, в скверике, я не успел ничего толком обдумать и додумать до конца. Слишком меня поразила сама мысль: если кто-то (собственно, не кто-то, а я, Борис Стружков, только другой!) уже перемещался во времени, если это принципиально возможно, значит, и я могу это сделать, могу снова побывать в двадцатом мая, все увидеть, все выяснить... все переиначить! Конечно, переиначить, конечно, действовать, а не только выяснять!

Что и говорить, идея заманчивая, да другого выхода и нет... Но сейчас, когда я стоял перед хронокамерой, мне стало казаться, что есть тут какая-то заковыка. Нет, правда: как же это я отправлюсь в прошлое, в двадцатое мая, если я туда уже отправлялся? Может, таким манером я образу петлю времени? Ведь что получается: я отправился в двадцатое мая, Нина и Ленечка меня там увидели, сказали об этом мне, я сообразил, что к чему, надумал отправиться в двадцатое мая, отправился, они меня там увидели, сказали мне об этом и... ну, в общем, получается наглухо замкнутая петля, нечто вроде «У попа была собака».

Нет, это я что-то чепуху понес, изменения мировых линий никак не учитываю. И вообще время идет, надо действовать... Н-да, попробуй тут действовать! Известно даже, с какого конца приняться. И под ложечкой сосет от страха, будем откровенны, чего уж тут!

Как только я сказал себе это, мне стало еще страшней, даже пот прошиб. Я принялся расхаживать по лаборатории, чтобы успокоиться, но что-то ноги меня не очень слушались и вообще...

«Посоветоваться бы с кем...» — тоскливо подумал я. Но превосходно я понимал, что посоветовать мне могут только одно — срочно обратиться к психиатру. А если я у Шелеста совета спрошу, так он немедленно распорядится, чтобы меня к хронокамерам и близко не подпускали. Это уж точно. Да и что я ему скажу? «Разрешите мне по личным обстоятельствам смотаться на часок-другой в прошлое? Поле рассчитать — это нам раз плюнуть!»

Нет, на консультантов рассчитывать нечего. И придется самому в хорошем темпе пошевелить мозгами.

Значит, что же мы имеем в активе? В активе мы имеем тот факт, что я (то есть опять-таки не лично я, вот этот самый, а какой-то еще Борис Стружков) совершил переход во времени минимум один раз! Из этого следует, что такой переход не только возможен в принципе, но и осуществим (поскольку он уже осуществлен!) практически. Остается выяснить, как же его осуществить, но это все же нюансы...

Теперь пассив. Что говорит по этому поводу наука хронофизика? Наука хронофизика в принципе не имеет никаких возражений против путешествий человека во времени — ну, возражений в смысле технической возможности таких увлекательных экскурсий и экспедиций. Не имеет. Но — в принципе. А от принципа до практики расстояние иногда такое, что хоть в парсеках его измерь.

Одно время этим вопросом общественность сильно интересовалась: мол, скоро ли можно будет к прадедушке в гости прогуляться или, наоборот, к правнукам заглянуть — как они там без нас управляются? Общественность, она ведь настырная. Про кибернетику в свое время почитали — и сразу начали интересоваться насчет мыслящих машин и человекоподобных роботов: как да что, да не заменят ли они нас. Потом на космонавтику переключились: вынь да положь нам фотонные ракеты — к звездам слетать просто не терпится! То же самое и с путешествиями во времени. Мы все давно уже привыкли: как узнают, что ты в Институте Времени работаешь, так непременно кто-нибудь спросит насчет путешествия во времени! Конечно, тут и фантастика свою роль играет. Ведь у фантастов всякие там роботы, включая сверхгениальных, ракеты, в том числе фотонные, и путешествия во времени — это давно уже не тема сама по себе, а просто обстановка действия, как в современном романе телевизоры, транзисторы и реактивные самолеты.

Мы с Аркадием даже считали, что здесь какая-то закономерность работает. Вот три разные области — кибернетика, космонавтика, хронофизика. И у каждой есть свои «эффектные» проблемы, которые в принципе ре-

шить вроде возможно, а на практике никак не получается. Кибернетика не отрицает мыслящих машин, и космонавтика не отвергает фотонных ракет; в принципе и то, и другое признается возможным. И мы тоже признаем такую возможность, что люди будут во времени путешествовать — в принципе признаем, в перспективе. А между собой в институте даже и не разговариваем на эту тему. Ну хотя бы потому, что к нашей работе она имеет весьма отдаленное и чисто теоретическое отношение. Некогда просто да и не к чему нам об этом говорить.

Неспециалисту, конечно, может показаться, что никакой принципиальной разницы между брусочком и человеком нет. Поэтому и Линьков меня сразу спросил: а как, мол, насчет человека? Но мы в этой каше уже не первый год варимся, и чем дальше уходишь в дебри хронофизики, тем яснее видишь, сколько проблем стоит еще на пути к этой «принципиальной возможности». Все проблемы и все науки тут переплелись и перепутались, и сквозь них прорубаться надо, как сквозь джунгли. Тут тебе и физика, и биология, и социология... Оно, положим, и везде так, не только в хронофизике. Мыслящие машины, например, — это ведь тоже не одна задача, а целый задачник. Сначала — техника, ну, а в ней без физики ни шагу. Дальше — поскольку это связано с устройством человеческого организма, то и без биологии не обойтись. А социальные вопросы и сами вылезают на первый план, никого не спросясь: нужны ли человечеству мыслящие машины, не восстанут ли они против людей, не заменят ли они людей, не обленятся ли люди, если все за них будут делать роботы, — ну, и так далее.

То же самое и у нас.

Какие нужны поля, конфигурации, мощности, камеры для того, чтобы перемещать человека во времени, — это все проблемы из области техники, физики, математики. И все это еще цветочки по сравнению с дальнейшим, где имеются ягодки, и даже весьма ядовитые. Хотя и на цветочках этих вполне можно поскользнуться, а то и шею сломать. Показали нам с Аркадием парочку прикидочных расчетов — с ума можно сойти! Аркадий, конечно, виду не подал, заявил, что, мол, нам это вроде кроссвордов,

для отдыха, а сам еле выбрался из этих математических дебрей.

Ну, а биология — это следующая степень трудности. Нет ведь никакой гарантии, что человек вообще сможет вынести перемещение во времени. Опасностей тьма! Тут тебе и переменное магнитное поле, которое и вообще не сахар, а уж тем более когда оно такой жуткой силы. Тут тебе и взаимодействие с тахионами, что в просторечии означает облучение; с этим, понятно, тоже шутить не приходится. А потом, кто его знает, что вообще произойдет, если в тебе все биологические процессы вспять двинутся? Молодеть, что ли, начнешь? Вроде бы оно и неплохо, только неизвестно, как далеко пойдет это дело и когда прекратится. Если у кого на лысине кудри завьются или недостающие зубы снова во рту прорастут, это можно приветствовать. Ну, а если дальше больше, эти зубы опять выпадут, а вместо них молочные пойдут прорезываться, если на тебя корь нападет или коклюш и ты начнешь заново учиться ходить и говорить, — тогда как? Никто ведь ничего не знает. Японцы пробовали это дело на мышах — так у них мыши мерли как мухи, а почему, толком неизвестно: не то их поле убивало, не то тахионы.

А уж самые ядовитые «ягодки» — это история, социология и так далее. Тут, как подумаешь чуточку, так прямо руки опускаются и по спине муравчики бегают. Возьмем мой случай — сугубо личный и частный. Иду я к Шелесту и говорю: «Разрешите в прошлое смотаться». И, допустим, дают мне такое разрешение. Но вот интересно: что именно мне разрешают и на что рассчитывают при этом? Я действительно отправляюсь по сугубо личному делу: мне нужно спасти друга и выяснить, по какой причине он погиб. И допустим, мне удастся спасти Аркадия... Да если и не удастся, все равно: ведь я там, на уже несуществующем для нас отрезке времени, хожу, говорю, совершаю какие-то действия, а значит, влияю на ход событий. Изменяю их. Изменяю события, которые уже произошли, совершились и породили целую цепь взаимосвязанных последствий. Что из этого следует? То, что я своими действиями порождаю иные следствия. Что я создаю иную историю, иной мир, не тот, в котором я жил. Или так — я подвожу этот мир, как поезд, к стрелке и

пускаю его на другой путь. А в поезде этом и я сам, и наш институт, и город, и так далее. И все это движется теперь в другую сторону и постепенно уходит все дальше от прежнего мира, где я жил...

Нет, минуточку... А что же тогда будет с тем, то есть с этим вот миром?! С этим, где Аркадия послезавтра будут хоронить, где Линьков меня подозревает, а Нина презирует? Я хочу изменить именно эти обстоятельства, но ведь я изменю весь мир вообще? Или нет? Тьфу ты, я ведь вчера только объяснял все это Линькову, а теперь вдруг сам запутался! Хотя чему удивляться! Разговор с Линьковым был чисто теоретический, отвлеченный, а теперь человечество в моем лице впервые столкнулось с таким вопросом на практике. Потому что если я (другой «я», но все равно) уже побывал в прошлом, то проблема из теоретической превратилась в практическую: что изменил мой вояж в прошлое и в каком, собственно, мире мы живем — в том или в этом... то есть какой он — измененный или тот, прежний?

Человечество в моем лице крякнуло от непосильного интеллектуального напряжения и махнуло рукой, отчаявшись что-либо понять на данном этапе. Ведь надо же: Линьков вчера (неужели только вчера?) спросил, не живем ли мы в мире, который кто-то уже основательно изменил. А я так спокойненько ему ответил, что, мол, даже и не сомневаюсь в этом нисколько. Но это говорилось в основном для того, чтобы произвести впечатление на Линькова, и мне было, честно говоря, безразлично, измененный это мир или нет, — ну просто я над этим не думал. А сейчас дело оборачивается нешуточно: ведь если мир изменен, то это я его изменил, Борис Стружков, пускай другой совсем и мне лично незнакомый, но все же — я... Тьфу ты пропасть! И я же собираюсь снова лезть в прошлое и снова изменять мир...

Да, но что я натворил там, в прошлом, вот интересно! В каком направлении я переиначил события? И зачем я вообще туда полез? Позвольте, а зачем я сейчас лезу... то есть собираюсь лезть? Спасти Аркадия и распутать весь этот узел, так? Постой, постой! А может, я — другой я! — уже сделал это? Может, затем и лазил в прошлое? То есть, скорее всего, затем... наверняка затем!

Странно это было и неприятно — стоять в пустой лаборатории, такой пустой и тихой, что в ушах звенит от тишины, и рассуждать о том, что и почему я делал, твердо зная, что я — то лично этого не делал! Я оглянулся сам на себя — на себя лично, который вот тут стоит, — и нашел, что выгляжу я довольно глупо и что лучше бы не торчать, как пень, посреди лаборатории. Сделав этот вывод, я кое-как добрался до своего стола и плюхнулся на табурет возле него. От перемены позиции мне легче не стало, наоборот, мысли как-то совсем разбежались, но я встряхнулся и решил, что сейчас буду рассуждать строго логически, не поддаваясь эмоциям.

Ну вот, логически: полез бы я спасти Аркадия в прошлое или в будущее, все равно? Безусловно, полез бы. Но полез бы лишь в том случае, если б знал, что он погибает или уже погиб, ведь так? Значит, если я из того, неизменного мира (допустим, что этот, в котором нахожусь в данный момент я, уже изменен) отправлялся в прошлое, чтобы спасти Аркадия, то я знал о смерти Аркадия, она и в том мире была совершившимся фактом! Тогда что же получается? В том мире Аркадий умер; я отправился в прошлое, чтобы спасти Аркадия, и... выходит, я его не спас, потому что и в этом, нашем, мире он мертв! Так, может, если я опять отправлюсь в прошлое и создам очередной мир, то Аркадий все равно погибнет и в том мире? Но это же чепуха какая-то получается.

Постой, а почему я так уверенно рассуждаю именно о прошлом? Может, в лаборатории видели меня, пришедшего в свое будущее? Впрочем, тогда я должен был бы знать об этом... Или не должен? Ох, шею сломать можно на этих прогулках во времени!

Я все отгонял от себя еще одну мысль, а она упорно вертелась рядышком и ехидно хихикала. Почему знать, может, этот мой приход в прошлое и стал причиной смерти Аркадия! Что, если я — тот я! — вовсе не собирался спасти Аркадия, а наоборот?... Ведь сидел же кто-то в нашей лаборатории, запертый изнутри... потом пришел Аркадий. Потом, поздно вечером, оттуда вышел человек, и этот человек был я. А Аркадий в это время лежал без сознания, умирал... Как же я мог выйти и бросить умирающего Аркадия, если хотел его спасти? Даже если

я отправился в прошлое с любой другой целью... кроме одной! Можно ведь допустить и такое — что в том, неизменном мире у меня были совсем другие взаимоотношения с Аркадием... Ну нет, это я уж хватил! Во-первых, я бы тогда и в прошлое не полез. Хотя... постой! А если это был хитроумно задуманный план? Нет, с ума я сошел! Даже обидно за того Бориса Стружкова, хотя юридически я за него вроде и не отвечаю. Но дело опять же не в эмоциях, а в том, что нельзя тасовать миры, как колоду карт, по своей прихоти. Они ведь растут из общего корня, эти разные миры, и новое ответвление может начинаться лишь от той точки, в которой побывал путешественник во времени и совершил там какие-то дополнительные действия. То есть в данном случае это было 20 мая сего года, от этого вечера и идет развилка между тем миром и этим, где я нахожусь, а до 20 мая это был общий мир, тот, какой я лично знаю и помню. Если только не побывал в прошлом еще кто-нибудь! Это, между прочим, вполне возможно. В США, в Японии, во Франции существуют исследовательские центры, аналогичные нашему институту. Может, они вообще продвинулись дальше нашего, а может, просто нашелся там какой-нибудь умник вроде меня или Аркадия, сообразил насчет перехода, полез куда не надо и изменил мир неизвестно как. Ну, об этом лучше не думать, а то вовсе запутаешься...

Потом, разница между «ответвлениями» возникает и увеличивается лишь постепенно. И величина ее зависит от силы воздействия. Если, допустим, я отправлюсь на три дня назад и там сломаю вот этот табурет, то мир, конечно, изменится: одним табуретом в нем будет меньше. Но все воздействие ограничится воркотней завхоза или, на худой конец, выговором в приказе кому-то из Борисов Стружковых. Ни в масштабах космоса, ни в глобальном масштабе это, надо полагать, ничего не изменит, и даже в областном масштабе пройдет незамеченным. Другое дело, если я этот табурет сломаю о чью-нибудь голову — например, Эдика Коновалова. Мир изменится заметней. Не потому, что в нем не станет Эдика — нет, Эдик наверняка уцелеет в отличие от табурета, — но разговоров будет черт те сколько, и вообще... Впрочем, чепуха, это тоже воздействие, затухающее в небольшом радиусе. Бу-

дет жив Аркадий Левицкий или нет — это различие куда более существенное, поскольку влияет на ближайшее развитие хронофизики, а это постепенно может изменить картину мира и в глобальном масштабе, и так далее... Воздействие распространяется постепенно, концентрическими кругами, и так же постепенно затухает во времени и в пространстве... Тут, наверное, Азимов прав. Но, с другой стороны, эти миры все же не параллельны: они могут расходиться вначале под ничтожным углом, однако, раз первоначальный толчок дан, они постепенно будут отходить все дальше друг от друга. Но воздействие распространяется и нарастает постепенно, и каких бы я дел ни натворил в прошлом три дня назад, мир сегодня еще не успел бы существенно измениться. Да и вообще зря я конструировал всю эту сложную схему! Три дня-то назад, до двадцатого мая, мир еще не разветвлялся? Нет. Ну, а три дня назад мы с Аркадием врагами, во всяком случае, не были и за нами стояла многолетняя крепкая дружба. Так что не стоит и гадать. И не стоит конструировать демонического хроногангстера Б.Н.Стружкова, который способен придумать такой вариант убийства, что сама Агата Кристи позеленеет от зависти, и способен вдобавок, ради реализации этого варианта, не моргнув глазом шагнуть в хронокамеру.

Н-да, хронокамера... Я тут сижу да раздумываю, а хронокамера стоит без дела и, главное, время идет! Я взглянул на часы: без двенадцати семь. Пока я о времени рассуждаю, оно себе движется да движется и увлакивает меня все дальше от той точки, куда я собираюсь попасть! Может, оставить мне в покое теорию да заняться как следует практикой? Я ведь экспериментатор, я куда увереннее себя чувствую, если руки заняты делом, а не лежат без толку на столе, как сейчас. Я посмотрел на них — руки ничего, серьезные руки, надежные, я в них верю; руки у меня расторопнее и изобретательнее, чем мозги, — так мне иногда кажется.

«Значит, бросаем думать, начинаем дела Делать, — сказал я себе и вытащил из ящика большой блокнот. — Да и чего думать-то? Ну, не занимались пока проблемой перемещения человека во времени, так и что? Не занимались — значит, никому не нужно было. А мне вот теперь

позарез нужно, я и займусь. Хватит теории, даешь практику!»

Подбодрив себя этими энергичными заявлениями, я немедленно приуныл снова. Начинать-то с чего? Вернее, как? Потому что для начала нужно рассчитать поле, которому можно будет безбоязненно вручить свою бессмертную душу вместе с ее телесной оболочкой. Рассчитать поле — легко сказать! Мне аж холодно стало, когда я вспомнил те прикидочные расчеты. Аркадий и то чуть голову на них не свихнул, а где уж мне!

Ну и кретин же я! Самонадеянный кретин. Примчался на рысках в лабораторию и думал, что я тут в два счета переверот в хронофизике совершу, что на практике решу проблему, которую все наши светила и светочи разума считают слишком еще сложной! В этот момент мне представилось, что хронофизика — это исполинская гора, а я у ее подножия сную, как бойкий муравей, и всерьез верю, что за вечер всю ее по камушкам растаскаю.

Но тут я спохватился. Да ведь все эти светила и светочи не знали того, что знаю я! Я — пока, должно быть, один-единственный во всем мире! — знаю, что человек уже путешествовал во времени! А это ведь в корне меняет дело!

Я вспомнил один остроумный фантастический рассказ — «Уровень шума» он, что ли, называется? Кто автор, я не смог припомнить, и образованного Линькова не было рядом, чтобы дать справочку. Но не в авторе суть. Там собирают особенно толковых и энергичных физиков, математиков и прочих специалистов и говорят им, что вот, дескать, погиб изобретатель, который только что открыл секрет антигравитации, и все расчеты вместе с ним погибли, и теперь надо это открытие сделать заново. Все эти ребята ни в какую антигравитацию абсолютно не верят. Но им убедительно врут, что дело уже сделано, даже показывают хитроумно смонтированный фильм, где якобы засняты первые попытки применить антигравитацию на практике. Они начинают работать как одержимые и действительно открывают антигравитацию! Поверили в то, что это уже было осуществлено на практике, потому и открыли!

Меня вроде никто не обманывает. Разве что я сам себя запутал, сконструировал неверную теорию... Но я не вижу другого объяснения для всей этой путаницы, абсолютно не вижу! В общем, я верю, что путешествие во времени уже совершилось. Что решение этой проблемы существует. Лежит где-то рядом. Руку протяни — и схватишь. Вопрос только, куда протянуть руку. В какую именно сторону.

Может, попробуем все же прикинуть поле, которое потребуется? Исходные данные есть: габариты свои и вес я знаю, дистанцию заброса — тоже... Попробуем, что ли? Напряженность поля, конечно, потребуется умопомрачительная, и веер пучка — тоже... Соответственно и мощности потребуются гигантские по нашим масштабам. Но это все ерунда, это прямо по формулам считается. Загвоздка в другом — как сделать поле однородным в таком объеме, чтобы мог я поместиться и чтобы оно в то же время сохранило требуемую величину. Если эту проблему не решишь, нечего и соваться в хронокамеру — размажет тебя по времени так, что никакой Шерлок Холмс не сможет ни опознать тебя, ни даже собрать вместе для опознания: ведь каждый твой кусок будет удаляться от другого с такой же точно скоростью, с какой тот будет его догонять.

Я с опаской посмотрел на хронокамеру. Вот еще вопросик: выдержит она поле такой мощности или сорвется? Во мне ведь чистого веса девяносто кэгэ, не считая костюма и прочих мелочей. «Может, раздеться?» — тупо предположил я, но тут же фыркнул: представил себе, как я вылезаю двадцатого мая из хронокамеры нагишом и в таком виде разгуливаю по институту. Да в ней и весу-то, в одежде, — два, ну, от силы, три килограмма. Это все мелочи, а тут дело в принципе — можно ли в данной хронокамере надолго удержать такое поле (я еще понятия не имел, какое же именно!), чтобы перебросить человека на трое суток назад? Можно или нельзя?

А кто его знает, что тут можно и чего нельзя! По проектным данным вроде бы можно. А на деле получается, что только начнешь поле наращивать — и все: то обмотка секционная летит, то конденсатор течет, то вообще вся стабилизация пропадает, пучок пляшет, поле скачет, бру-

сок на куски разваливается. Но брусок развалится — это не катастрофа, а самому-то мне разваливаться и размазываться неохота. Потом, у бруска мозги отсутствуют, а у меня они все же есть. А если поле сорвется, то при такой громадной напряженности скачок даже на какие-нибудь десять процентов начисто смоем все содержимое моих драгоценных мозгов, и выйду я из камеры чистенький и пустенький, как новорожденный младенец, весело пуская пузыри, — если вообще выйду... Нет, об этом даже думать страшно, ну его! Уж лучше пускай меня по времени размажет, по разным столетиям. Свалится мой палец, например, куда-нибудь в средние века, и что тогда будет? Как его определяют: перст божий, скажут, или, наоборот, — чертов палец?

Я балагурил сам с собой, стараясь отвлечься от мысли об этом проклятом магнитном поле, но оно влезло мне в голову и никак вылезать не хотело. Мне даже начало казаться, что я его вижу: этикие змеищи белые, в руку толщиной, выползают прямо из ниоткуда, хищно тянутся к моему черепу и бесшумно ввинчиваются в мозги.

В конце концов мне, видимо, надоело думать обо всяких ужасах, я вдруг совершенно успокоился и перешел к расчетам.

— Разделим наши проблемы на количественные и эти... качественные, — по привычке начал я бормотать, будто давая объяснения какому-то недорослю. — Количественные — это те, которые я могу посчитать, а качественные — это, наоборот, те, которые я посчитать не могу, как-то: биология, социология и прочее. Будем исходить из того, что нам надо. Надо нам забросить одного живого хронофизика на семьдесят два часа обратно, причем желательно, чтобы он прибыл на место назначения, полностью сохранив свой физический и, так сказать, моральный облик. Зададимся мы для этого сфероидальным полем, поскольку оно у нас самое простое, и попробуем добиться, чтобы оное поле нарастало с течением времени, но в черепашьем темпе. В противном разе, — объяснял я незримому слушателю, листая справочник, — быстрый рост поля нас к добру не приведет: переменного поля даже самый могучий хронофизик не выдержит...

Через полчаса я почувствовал, что безнадежно тону, захлебываюсь в океане интегралов. Перед глазами бестолково мельтешили ехидные черные значки спецфункций. Блокнот худел на глазах — я методически отправлял исчерканные листки под стол. Я топтался на месте и с тупым упорством пробивал лбом стену: пытался за один вечер решить математическую задачу, на которую добросовестный теоретик должен был бы потратить месяцы, если не годы. Словом, я взялся не за свое дело и с каждой минутой все яснее убеждался в этом. Таких полей, какие мне требовались, в справочнике, конечно, не было, на скорую руку я их вычислить не мог (да и не на скорую тоже), а прикидка давала такие ошибки, что проще уж было бы сразу пойти и сунуть голову под гидравлический пресс. Шут их знает, может, такие поля вообще неосуществимы?! Ведь не посчитал же их почему-то никто до сих пор!

В конце концов я отчаялся и сдался. Посидел, побарабанил пальцами по столу, потом посмотрел на часы. До девяти оставалось меньше часа. Неужели все-таки придется звонить Линькову? Ну что я ему скажу? Он мне и так не верит, а если узнает, что и Нина меня видела... Может, лучше я Нине позвоню, поговорю с ней еще раз, — должна же она понять! Да, поймет она, как же! Вон она как на меня сегодня смотрела... да и не только сегодня. Теперь-то уж я понимал: она с первого дня, с того нашего разговора, ждала, что я все ей расскажу, все объясню.

Я вскочил и подошел к хронокамере. В ее толстом двойном стекле отразились два моих лица, чуть сдвинутые, одно сзади другого, будто изображение нерезко навели на фокус. Два Бориса Стружкова таращились на меня из черной пустоты хронокамеры, словно путешественники во времени на своего несостоявшегося коллегу. Символическое зрелище! Я прижался лбом к стеклу, и оба Бориса, словно по команде, придвинулись ко мне. Мы стояли, как заговорщики, шепчущиеся о чем-то. Потом я с ожесточением вздохнул и поплелся обратно к столу. Снова я подумал тоскливо, что время уходит, а время — это, как известно, мощь; чем больше дистанция заброса во времени, тем больше требуется мощ-

ность, а я бессмысленно стою и созерцаю собственные отражения.

Правда, оставался у меня в запасе еще один шанс. Но это даже и шансом назвать нельзя было — так, совсем уж неприличное что-то. Я мог нахально махнуть рукой на всякие теории и, не мудрствуя лукаво, попросту попробовать. Взять, к примеру, то поле, в котором мы гоняем бруски, нарастить его до предела, прикинуть, что получается, и полезть на авось в хронокамеру. Вероятность успеха здесь была такая, примерно, как вероятность попасть в цель, если стреляешь зажмурившись и даже не знаешь, не нацелено ли ружье тебе в грудь... Но как быть? Вероятность, что я сделаю сию минуту теоретический расчет, еще меньше.

Я снова с сомнением глянул на хронокамеру, перевел глаза на пульт, с пульта — на окно. В окне было бледно-зеленое вечернее небо над темными кронами лип, а в небе летел крохотный самолетик, ослепительно сверкая крыльями. Из самолетика вывалилась и понеслась к земле еле заметная точка, потом над ней развернулся белый купол парашюта. Это аэроклубовцы упражняются.

Если б существовал хоть один шанс из сотни, что я доберусь до прошлого живой и здоровый, я бы рискнул! Ведь речь идет об Аркадии, о том, чтобы его спасти! И не побоялся бы я изменить историю! Человечество только выиграет, если Аркадий останется в живых и не надо будет его послезавтра хоронить. Это даже не изменение истории, а минимально необходимое ее исправление.

Тут меня вдруг слегка тряхнуло. Значит, тот самый Аркадий, которого уже вскрывали и собираются хоронить, вдруг окажется снова живым? Как же это? Воскрешение Лазаря получается, мистика, евангельские чудеса, а не наука! Да нет, что это я, в самом деле! Ведь не тот же самый Аркадий будет жив, а другой... Или все-таки тот же? Опять эта карусель с измененными мирами! Постой... давай, наконец, разберемся! Возвращаюсь я в прошлое, когда Аркадий еще жив... Но он ведь умер, ты сам видел его мертвым, — как же он может быть жив? Да... стоит вообще допустить, что человек может вернуться в прошлое, и сразу натыкаешься на целую кучу парадоксов! Ну хорошо, а почему, собственно, я должен

их бояться, этих парадоксов? Что же, какой-то паршивенький брусок лучше, чем старший научный сотрудник, кандидат наук Б.Н.Стружков?! Только и всего, что весит он меньше и за сохранность его мозгов в переменном поле не нужно беспокоиться! А это, кстати, не такое уж принципиальное отличие: Эдик Коновалов не уступит в надежности бруску, его никакое поле не проберет — ни статическое, ни переменное...

Тут что-то осторожно шевельнулось у меня в голове и сразу притихло, затаилось. Что же это было? Вот сейчас, когда я про брусок думал, опять трепыхнулось что-то и замерло... Где же это оно, куда запряталось? Нет, не поймаешь...

Ну неужели я так и уйду ни с чем, и отправлюсь к Линькову, и буду тоскливо и неубедительно бормотать про переход во времени, про изменяющиеся миры, а он будет смотреть на меня ярко-синими глазами, холодными и непрозрачными, как кафельные плитки, и ничему, конечно, не поверит! Совершенно бесполезный, унижительный разговор... Нет, не пойду я к нему ни за что!

Я замычал сквозь зубы и яростно мотнул головой. Да что же это! Ведь я же знаю, что существует туннель сквозь время! Ведь прошел же по этому туннелю другой я! Есть выход, есть решение, оно где-то рядом, а я его никак не ухвачу! А ну-ка вернемся к брусочкам!.. Брусочек выдержит, Эдик выдержит, я не выдержу... Поле... градиенты... А почему тот Борис выдержал? Прогрел же он сквозь эти градиенты — и ничего... Постой, как это я сказал? Прогрел сквозь градиенты... прогрел сквозь... Вот сейчас у меня в мозгу что-то с хрустом повернется, откроется какая-то дверца, хлынет свет... что-то простое и совершенно гениальное... Только при чем тут градиенты? Он прогрел сквозь градиенты... Постой... сейчас... сейчас... Вот оно что!!

Дверца в мозгу не открылась, но словно пелена какая-то бесшумно упала, и стало очень светло, и я с пронзительной ясностью увидел все решение задачи. Не знаю, как насчет гениальности, но простоты здесь хватало, в этом решении: оно было просто, как колумбово яйцо. Вряд ли я смог бы дать математически корректное описание своей идеи, но физически она была для меня несо-

мненна и ясна... ну, как закон Архимеда. Для перехода надо было использовать те самые градиенты, которых я так боялся, — те перепады поля, что запросто могли размазать меня по времени или вернуть в младенчество!

Мы всегда старались сначала получить однородное поле, а затем нарастить его и равномерно облучить брусочек пучком сверхсветовых частиц. И никогда нам в голову не приходило — и не только нам с Аркадием, а вообще никому! — что можно ведь работать и с неоднородным полем, только надо менять интенсивность пучка в соответствии с неоднородностью поля. Да и как мы могли до этого додуматься? Работа шла все время на маленьких объектах вроде этих брусочков, а для них даже в самом паршивом поле можно разыскать относительно однородный участок.

Но в том-то и штука, что для больших тел принцип однородного поля совершенно не годился! Даже грубая прикидка, которую я сделал, убедила меня в этом. Либо таких полей вообще не существует, либо они уж такие особые и хитроумные, что их всю жизнь можно искать и не доискаться. И ведь все это, в общем, знали, и я тоже знал и расчеты сейчас делал только из упрямства — раз известно, что путь через время уже проложен, так, может, он именно здесь и есть, только его не видно! Но если бы путь лежал действительно через однородное поле, то есть если б можно было рассчитать такое поле для переброски человека, так уж давно бы какой-нибудь умник посидел на досуге, посчитал, и лазили бы мы через это поле, как через дыру в заборе.

Мне как-то еще не верилось, что я действительно решил такую сумасшедшую задачу, — чересчур уж просто получилось! А в свою гениальность я не верил; я знал себя в масштабе один к одному: на что способен и чего не вытяну. Да и потом, меня прямо смущала какая-то... ну, примитивность, что ли, моего подхода. Я ведь действительно рассуждал почти на уровне школьника!

Выглядели мои рассуждения примерно так. Скорость перехода зависит в нашей хронокамере от величины поля в данной точке и от плотности потока частиц, который сквозь эту точку проходит. Для того чтобы скорость всюду была одинаковой, мы обычно как делаем? Добиваемся,

чтобы и поле всюду было одно и то же, и поток везде имел одинаковую плотность. А в большом объеме, который нужен для переброски человека, ни того, ни другого добиться явно нельзя — во всяком случае, обычными методами. Это и считалось «трудностью номер один» в данном вопросе. Вот я и рассудил: давай-ка натравим их друг на друга — поле и поток. Там, где поле сильнее, сделаем поток послабее, а где поле послабее, пусть плотность потока будет соответственно выше. Что тогда получится? Они тогда вместе дадут по всей камере, во всех участках совершенно одинаковый результат. И никакие нам градиенты тогда не страшны. Какой величины объект ни сунь в хронокамеру, все его части будут совершать переход с одной и той же скоростью, и прибудет он у нас к месту назначения в целости и сохранности.

Не знаю, почему раньше никто не додумался до такой идеи. Наверное, все были загипнотизированы однородными полями и просто не думали в этом направлении. Мне вот тоже до сегодняшнего вечера ничего в голову не приходило, да и потом вряд ли пришло бы, если б не такая крайность.

Я основательно воспрянул духом; все остальное мне теперь казалось пустяками — возьму вот и решу все сразу. Что сначала? Как управиться с этими потоками? Ну, это элементарно. Я быстро набросал схему обратной связи от нашего сканографа, который промерял поле в разных точках, к управляющему блоку. Мне нужно было задать такую связь, чтобы сильное поле росло помедленнее, а слабое — побыстрее, тогда вокруг сильного Магнитного поля будет слабое электрическое, а вокруг слабого — сильное. Тут все дело в том, что у нас в камере поток тахионов управляется как раз электрическим полем. Вот и получится, что фокусировка будет слабее там, где магнитное поле сильнее, — а этого я и добивался.

Вообще-то вся эта сложная самоуправляющаяся система мне, наверное, и во сне бы не приснилась, но сейчас я чувствовал... ну, вдохновение, что ли! Наверное, вдохновение, — уж очень у меня все легко получалось, я сам диву давался! А может, первая удача меня подхлестнула, и я поверил, что все могу, все умею. Вот позвонить бы Нине да рассказать — пускай знает, какой я на самом де-

ле! Жаль, что некогда разговаривать... Я взглянул на часы — девять. Нет уж! У нее теперь небось и телефон занят — она сама названивает общему нашему знакомому, товарищу Линькову, и объясняет ему... Что же, интересно, она ему объясняет?

— Ну ладно, ладно, объясняй, — беззлобно проворчал я, усаживаясь перед аналоговой машиной, — ты там объясняй все, что хочешь, а я пока здесь поработаю. А ведь не провела бы ты со мной просветительную беседу на скамеечке — и открытия бы никакого я не сделал!

Надо было все проверить на машине. Бумага — она ведь что хочешь стерпит, а машина вранья не любит. Я задал первое попавшееся поле и расписал самую примитивенькую программку.

— Так! Теперь посмотрим, как все это будет выглядеть на модели, — пробормотал я и поднял глаза на аналоговый осциллограф: он имитировал то, что будет происходить в хронокамере, если подашь на нее исследуемый режим.

В квадратном окне осциллографа розовые молнии воображаемых тахионных пучков били из углов экрана в ажурное сплетение зеленых линий, изображавших структуру поля. Даже на глаз было заметно различие в толщине розовых следов — они еле проглядывали там, где зеленые линии сгущались, зато на бледно-зеленых участках наливались густым, почти алым цветом.

Странно: я не испытывал никакой радости, наоборот, начал вдруг волноваться. Впрочем, радоваться и вправду было рано: следовало еще убедиться, что камера на этом режиме не забарахлит, что удастся нарастить поле до нужной величины и удержать его, что... Словом, все могло еще лопнуть, как мыльный пузырь. И времени было мало! Просто совсем не было у меня времени: на часах уже четверть десятого. Устал я зверски, в горле пересохло, голова была тяжелая, как камень. Контрольную проверку я, конечно, производить и не думал, не до этого сейчас, мне бы только поле выбрать и рассчитать да камеру запустить, а там уж будем уповать на свое везение. И еще — на нашу могучую технику: она ведь творит чудеса, а мне сейчас позарез требуется одно чудо — не очень большое, средних размеров.

Я выбрал то самое сфероидальное поле, с которого начинал свои неудачные расчеты, и ввел цифры в нашу трудягу эвэмушку, отсюда они уже самотеком пойдут в виде программы в управляющий блок. Осталось только процедурные вопросы продумать: как я влезу в хронокамеру и как там расположусь. Рисковать попусту мне не хотелось, особенно теперь, когда переход становился все более реальным. Ну что ж, для страховки придется чуть ли не клубком свернуться на подставочке: ничего не попишешь — или удобства, или безопасность. Только бы не слететь с этой подставочки, — а то скатишься куда-нибудь в угол, а там, глядишь, неподдающийся градиент притаился и зубами клацает!

Войти в хронокамеру — тоже вроде бы не проблема, для этого случая сзади дверца предусмотрена. То есть она, конечно, предусмотрена не для этого случая, а совсем для других, более прозаических дел — для ремонта, для работы внутри. Но факт тот, что дверца имеется. Герметичность у нее автоматически восстанавливается, а вакуум наличествует только между двойными стенками, так что скафандр не нужен.

Ну вот, а теперь — на пульт!

— Сегодня тебе придется здорово поработать, красавчик ты наш, умница наш! — льстиво забормотал я, обращаясь к пульта.

Лебезил я перед красавчиком пультом не зря. Ведь в решающий момент вся ответственность ляжет на него: находясь внутри камеры, я, конечно, управлять переходом не смогу и придется полностью довериться автоматике.

Я прямо сам удивлялся, до чего я здорово работаю, — четко, быстро, но без суеты. И волнения опять ни малейшего, словно его и не было. Правда, исчезло и ощущение легкости, счастливой уверенности в своих силах. Может, потому, что сейчас никаких открытий и гениальных соображений уже не требовалось, а нужно было до предела напрягать внимание, чтобы проверить все детали, предусмотреть все мелочи. Я ведь не имел права ошибаться, все равно как сапер.

Я включил дистанционное управление, открыл с пульта заднюю дверь хронокамеры, пошел в технический

отсек и выбрал самую большую подставку, какая у нас имелаась. Уж на удобства плевать, это ведь недолго, — лишь бы не свалиться. Интересно все же, будет у меня при переходе какое-то ощущение времени? Я водрузил подставку в центре камеры, оценил взглядом всю конструкцию — ничего будто бы, неплохо получается. Позу мне придется принять на манер «Мефистофеля» работы Антокольского... Нет, он одну ногу небрежно опустил, а мне надо будет обе подтянуть к подбородку... Ничего, на время перехода как-нибудь удержусь в этой позиции. Смешно, конечно... Такой момент торжественный — исторический, можно сказать, момент: путешествие во времени, одно из первых в истории человечества, — а путешественник в такой неподходящей позе! Ну ничего, потомки простят. Ежели мне будут памятник ставить, скульптор все равно изобразит что-нибудь сильно героическое. Первым космонавтам, между прочим, тоже не очень-то удобно было летать... Заря космонавтики. Заря хроно... как же это будет? Хрононавтики, что ли? Не очень звучит, по-моему...

Ну, вроде все готово. Значит, так. Включаю автоматику с упреждением в пять минут — раз! Вхожу в камеру, закрываю дверь — это два! Пристраиваюсь на подставку — три! Потом пульт срабатывает, поле растет до заданной величины — и поехали...

Ничего себе — все готово! Ворона ты бесперая! Ты назад-то вернуться хочешь? Или решил так и остаться в своем прошлом, где один Стружков Б.Н. уже имеется и сидит сейчас в библиотеке, вместо того чтобы мчаться в институт спасать друга? Ладно, эту работу мы за него сделаем, а на остальное пусть не рассчитывает, сам пускай все расхлебывает, а я лучше к себе вернусь, во избежание всяких недоразумений... Интересно, а как же я вернусь?

Конечно, я мог бы вообще отключить хронокамеру, а там, в прошлом, опять наладить ее. Но лучше не рисковать — неизвестно, как там повернутся дела. Налажу я лучше автоматику таким манером: как только я снова войду в хронокамеру, дверь захлопнется и камера срабатывает. Так всего вернее будет.

Это мы, значит, решили. Теперь второе: как мне выбраться из камеры? Дверь изнутри не открывается, — конструкторам, наверное, и в голову не приходило, что перемещаемые объекты пожелают прогуляться за пределами хронокамеры. Подсоединить замок к автомату? Бесполезно: автомат ведь здесь останется, вместе со всем, что находится вне камеры. Ничего не поделаешь, придется менять конструкцию замка... Хорошо еще, что в принципе это возможно.

Я уселся перед дверью хронокамеры и выложил на газету все свое нехитрое слесарное хозяйство. Замок сидел в гнезде до невероятия прочно; казалось, что он прирос к двери и живьем его оттуда не вытащишь.

— Приступим все же, — забормотал я, вздыхая. — Никуда не денешься, дорогуша, придется тебе из уютного гнездышка на минутку вылезти, и сейчас же я тебя обратно прилажу, только поверну на сто восемьдесят градусов, понял? Сейчас мы это дело — раз-два! — провернем, плевое это дело для такого мастера, как я... Мастер, умелец, золотые руки... А, чтоб тебе! Жаль, что руки всего две, а будь я осьминог... то есть осьмирук... Ух, даже пот прошиб с этим миленьким замочком! Ну, наконец-то!..

Дальше все пошло куда легче и быстрее. Но что-то у меня настроение испортилось и всякие ехидные мыслишки в голову полезли. То ли меня этот замочек доконал, то ли проголодался я окончательно, но стало мне мерещиться, что время непременно учинит мне какую-нибудь пакость и совершенно я напрасно тут голову ломаю на пустой желудок и потом обливаюсь... Может получится из всего этого грандиозный пшик!.. Это мы себе построили такую удобную гипотезу — дескать, мировые линии разветвляются, отклоняются и можно с ними сделать что угодно, — а на самом-то деле, может, все не так и все иначе! Может, время наглухо заколочено и в прошлом нельзя уже сдвинуть ни песчинки, ни травинки, все определилось и застыло? Тогда, по логике вещей, в прошлом можно будет сделать только то, что уже делалось, то, что предусмотрено заранее. А поскольку мой переход раньше не делался, не предусмотрен, то он и осуществиться не сможет. Что-то не пустит меня в прошлое, остановит в настоящем... Что и как может меня остановить и не пус-

тить меня в прошлое, я понятия не имел, — не вахтер же там стоит, в самом деле! Но уж что-нибудь да имеется для таких случаев, какой-нибудь закон ехидный, о котором я ничего не знаю!

Постой, а брусочки? А «тот» Борис Стружков? Они-то двигались во времени? Ну, кто его знает! Насчет «того» Бориса все же не доказано, а брусочки из камеры не выходят и ничего в прошлом менять не пытаются, это уж точно. Может, их время пропускает, в награду за примерное поведение, а меня возьмет да не пропустит, догадавшись о моих намерениях.

Ладно. Думай не думай, а ехать надо.

Я еще раз проверил поле, включил резервные генераторы, перевел в рабочее положение тумблер «автоматический режим», установил таймер на пятиминутное упреждение... Как будто все.

Нет, нельзя же так! А если со мной что-нибудь случится на переходе? Никто ведь ничего и знать не будет! Правда, ребята кое-что определяют по хронокамере, во все же... Надо оставить расчеты... Тьфу ты, листки исчерканы уж очень, ничего не поймешь. Придется переписать все в рабочий журнал... Так! И чертежик дадим для наглядности. Адресуем это... а, прямо Шелесту! Письмо? Нет, не буду я, не могу!.. Вот Линькову написать, пожалуй, нужно. Нине, собственно, тоже... но не получится у меня, слов нету, а искать их уже некогда. Линькову сейчас напишем...

Я вырвал чуть ли не последний чистый листок из блокнота и написал: «Уважаемый Александр Григорьевич! Если случится так, что я не вернусь...»

И вдруг я почувствовал, что сердце у меня оборвалось и падает куда-то глубоко-глубоко, и даже вздохнуть нельзя. Я почему-то лишь сейчас сообразил, что иначе и не случится, — что я никак и никогда не вернусь в этот мир. Я уйду отсюда не на два-три часа, а насовсем, навсегда, бесповоротно!

Как же я раньше об этом не подумал? Ведь это ясней ясного! Даже если я выйду из камеры живой-здоровый, все равно сюда, в этот мир, мне уже не вернуться! Я ведь изменю историю, возникнет новое ответвление, новый измененный мир, и я останусь в нем, в этом измененном

мире. И если я там налажу камеру и отправлюсь в будущее, так все равно попаду в будущее уже того, измененного мира, не в этот мир... С этим я сейчас прощаюсь навсегда...

«Может, мне и камеру не включать на автоматическое возвращение? — растерянно подумал я. — Зачем мне там торопиться в будущее? Да нет, пускай возвращается сюда, хоть и пустая, здесь ведь она тоже нужна».

Значит, здесь меня уже не будет... Здесь я сейчас исчезну навсегда... Как же так? Постой, ведь это ну просто черт те что, нельзя же взять и исчезнуть и ни с кем даже не попрощаться! А Нина? Я ее, значит, больше не увижу?! Нет, постой, я что-то путаю, наверное. Ведь это будет тот же мир, незначительно измененный... вначале почти неотличимый от здешнего. Значит, там будет Нина, будет институт, лаборатория. Шелест. И Линьков будет... То есть нет! Линьков в институт к нам уже не явится: не-зачем будет... Но тогда вроде нечего трагедии разыгрывать?

Да, но для этой Нины, для той, которая сегодня плакала в скверике, а сейчас, вероятно, беседует с Линьковым о моем более чем странном поведении, — для нее-то я действительно исчезну навсегда. И в этом институте не будет уже ни меня, ни Аркадия... Если я и спасу его, то для того, другого мира...

Нет, больше я не мог думать, мне было страшно, меня прямо тошнило от страха. Я еле смог написать короткую и бестолковую записку, руки не слушались, мозги будто паутиной опутало, и больше всего мне сейчас хотелось бросить всю эту затею, а пойти лучше объясняться с Ниной, с Линьковым, с кем угодно, — лишь бы в этом, в моем мире, а не в другом каком-то!

Я, конечно, понимал, что никуда не пойду объясняться, а полезу сейчас в эту проклятую хронокамеру. Понимал, но как-то не верил. Неужели я это сделаю?! Я стоял у окна и глядел на яркий уличный фонарь... тот самый, который три дня назад осветил лицо того Бориса, будто специально чтобы эта Нина, моя Нина, его увидела! Интересно, куда же он потом девался, тот Борис? Нет, ничего мне уже не интересно, все мне безразлично, я не могу больше ни думать, ни переживать...

Неуверенно, как-то машинально я побрел в технический отсек, постоял у открытой двери в камеру, потом пригнулся зачем-то и шагнул внутрь. Дверь захлопнулась — мягко, почти бесшумно. Все. Теперь все. Таймер уже отсчитывает минуты. Надо устраиваться на подставке. Минуты через три-четыре в лаборатории раздастся негромкий щелчок — я его здесь не услышу, — это включится автомат, начнет наращивать поле, и тогда уже нельзя будет выйти из камеры, даже если будешь умирать от страха...

На минуту мне опять стало страшно: усталость накачивалась волнами и сейчас временно отхлынула. Я вдруг очень отчетливо, как-то наглядно понял, что если ошибся, неправильно рассчитал поле, то — все, конец мне! Голубое пламя лизнет стены камеры, потом исчезнет — и я исчезну вместе с этой яркой голубой вспышкой! Наверное, я ничего не буду ощущать, когда поле раздавит меня, размажет по времени... или все же буду? Никто ведь ничего не знает! А, все равно... Усталость опять захлестнула меня, как неприятно теплая, удушливо теплая волна. Она залила все: и страх, и тоску, и любопытство...

— Ну, размажет так размажет, что ж я могу поделать... рассчитал все вроде правильно, по идее не должно бы... — вяло говорил я себе, примавиваясь на подставке.

Я обхватил колени сцепленными руками, подтянул к подбородку и уткнул в них лицо.

Черная глухая тишина. Неприятно громко стучит сердце; кажется, ритм участился... Впрочем, все равно. Это медикам было бы интересно, они протянули бы в камеру датчики, измерили бы давление, пульс, дыхание... Нет медиков, никого нет, — просто один чудака решил прогуляться в прошлое по личным делам.

У меня, наверное, галлюцинации начались. Показалось, что я слышу щелчок автомата, хотя слышать его в камере никак невозможно. И тяжесть, которая вдруг навалилась мне на плечи, тоже, наверное, была воображаемой. У меня мелькнула бредовая мысль, что это поле давит на плечи и спину, и я даже слегка усмехнулся. Действительно, бред, — как это может живая протоплазма ощущать давление магнитного поля! Я невольно открыл глаза и слегка приподнял голову — хотелось посмотреть,

что же происходит. И вдруг полыхнуло прямо мне в лицо невыносимо яркое, ослепительно голубое пламя. Я зажмурился, полуослепнув, но и сквозь плотно сжатые веки видел яркие голубые вспышки; они набегали одна на другую, они слились в сплошное море голубого огня, в глубине которого пролетали и гасли мгновенные розовые молнии. Казалось, что в камере бушует гигантский голубой смерч, что сейчас ее вдребезги разнесет взбесившийся разряд. Наверное, поле все же сорвалось, и от перегрузки полетели к чертям все обмотки! Но я не бросился к двери, не выбежал в лабораторию, чтобы спасти, что еще возможно, вызывать помощь. Нет, я только плотнее сжался в комок и замер на своей подставке. Наверное, какое-то шестое чувство хронофизика подсказало мне, что это — не авария, не пожар, что я должен держаться, держаться изо всех сил... держаться еще... еще... еще!

И вдруг, по каким-то неуловимым признакам — наверное, опять шестое чувство сработало! — я понял, что все кончилось. Я медленно приподнял голову и открыл глаза. Голубое пламя исчезло, камера казалась немой и мертвой. И сквозь ее стеклянную переднюю стену я увидел свою лабораторию — тоже пустую и... светлую!

Мгновение назад за этим окном была ночь. Я взглянул на свои часы — они по-прежнему показывали одиннадцать без пяти. Но сейчас я видел сквозь стекло хронокамеры зеленоватое вечернее небо, и в этом небе сверкнул серебряными крылышками крохотный самолет.

Я сделал это! Я все-таки сделал это!!

Я прорвал время...

Линьков тоже начинает генерировать версии

Шелест постоял у порога, обвел лабораторию тяжелым, исподлобья, взглядом. Потом вдруг встrepенулcя, cловно увидев что-то неожиданное, и шагнул к хронокамере.

«Что он там видит?» — удивился Линьков. Он тоже оглядел с порога все помещение и не заметил ничего особенного — все чисто, все прибрано, окно закрыто, никакого беспорядка...

Шелест некоторое время внимательно вглядывался в хронокамеру, потом пошевелил губами, словно собираясь что-то сказать, но ничего не сказал и отошел к пульту.

Линьков тоже подошел к хронокамере. Все нормально, — камера темная, молчаливая; правда, подставка там стоит большущая, высоченная... Зачем бы такая подставка для крохотных брусочков? Что же удивило Шелеста — эта подставка? А пульт он чего разглядывает? Ну да, он же ищет причину перерасхода энергии... А на что, собственно, может расходоваться энергия в этой лаборатории? На переброски во времени, ясно! Значит, Стружков что-то перебрасывал вчера... большое, для этого и понадобилась такая подставка. Что же он мог перебрасывать? Вещественное доказательство, что ли? Доказательство — чего? Линьков вздохнул и еще раз, медленно и внимательно, оглядел лабораторию.

Если б тут не побывала уборщица! Но она явно все прибрала, все обтерла мокрой тряпкой, очень мокрой: на деревянном подоконнике еще темнеют пятна сырости. И теперь, конечно, все здесь чисто, все пусто... Что же увидел Шелест? Нет, пока он не выскажется, даже не стоит по-настоящему осматривать лабораторию. Да и что, собственно, искать? Стружков, похоже, исчез... Сбежал? Перед этим, возможно, что-то перебросил во времени... Куда, зачем? Ну, куда — это, пожалуй, можно догадаться: в будущее. На неделю, допустим... Доживет он до этого срока и получит обратно... Нет, чепуха выходит! Неужели он так и удрал, не оставил даже записки? На столе у него лежит рабочий журнал. Может, там что-нибудь?

Линьков двинулся к столу. Шелест, не оборачиваясь, негромко сказал:

— Странно...

— Что странно? — с живым интересом спросил Линьков.

Но Шелест не успел ответить — на столе у Стружкова задребезжал телефон. Шелест повернулся к столу, поднял трубку:

— Слушаю... Да, я уже видел... Погодите, сейчас я запишу...

Он придвинул табурет, уселся, достал ручку, огляделся, ища бумагу, потом раскрыл лабораторный журнал — и вдруг уставился на него, будто увидел там змею. Прижимая бормочущую трубку к уху, он кивком подозвал Линькова, глазами указал на журнал.

Линьков подошел. В журнале была короткая записка, аккуратно прижатая скрепкой к последним исписанным страницам. Линьков прочел — и ничего не понял.

— Погодите! — рявкнул вдруг Шелест в трубку. — Я после позвоню! — Он положил трубку. — Тут и расчеты, оказывается... Держите! — Он открепил записку, сунул ее Линькову, а сам уткнулся в страницу, на которой сверху было крупными буквами написано: «И.В.Шелесту».

Линьков посмотрел через его плечо, увидел наспех набросанный непонятный чертежик, строчки формул и снова начал перечитывать коротенькую записку, начиная словами: «Александр Григорьевич, обстоятельства сложились так нелепо, что другого выхода я не вижу...» Это было понятно, а вот дальше... «Решил перейти...» Но ведь это же чушь! Сам же Стружков говорил, что человек пока не может... позавчера говорил!

Шелест поднял голову, и Линьков увидел в его глазах растерянность и какое-то детское, наивное изумление. Это настолько не вязалось со всем обликом Шелеста, что Линьков тоже растерялся и забормотал что-то насчет неуместных шуток, хотя по лицу Шелеста уже видел, что дело вовсе не шуточное.

Шелест непонимающе поглядел на него и снова нагнулся над чертежом.

— Нет, до чего надежно и просто! — изумленно сказал он, выпрямляясь. — Вот ведь: вроде и на поверхности

лежит решение, а попробуй додумайся!.. — Он поглядел на Линькова. — Вы что, не поверили? Поверить трудно, я вас понимаю. Если б не это... — Он кивнул на чертеж. — Но, поскольку расчеты имеются... В общем, Стружков совершил переход во времени!

— Как это... переход? — растерянно проговорил Линьков. — Это ведь невозможно! Он мне сам говорил!

— Было невозможно, — почти будничным, деловым тоном ответил Шелест, — до вчерашнего дня. А тут вот, — он положил тяжелую короткопалую руку на чертеж, — содержится идея нового принципа... качественно нового принципа... Если хотите — открытия. Так что теперь положение существенно изменилось.

— Вы хотите сказать, — запинаясь, проговорил Линьков, — что он действительно...

Шелест кивнул, задумчиво, почти угрюмо глядя на чертеж.

— Именно это я хочу сказать, — пробормотал он. — Хотя и не могу в это поверить! Психика не срабатывает... — Он замолчал, смущенно усмехаясь и покачивая Толовой.

Линьков ошеломленно смотрел то на Шелеста, то на чертеж, то на хронокамеру. Борис Стружков, с которым он еще вчера говорил, отправился в прошлое? Прямо отсюда... вошел в хронокамеру, как в такси, и поехал? Поэтому и подставка такая большая, наверное. Хотя нет, подставка ведь не имеет отношения к делу, раз она здесь осталась? А Борис Стружков исчез... постепенно растаял, как тают брусочки в светящемся поле, — и вернулся в двадцатое мая... Но ведь нет сейчас никакого двадцатого мая, оно прошло, исчезло, сейчас двадцать четвертое, а двадцатое... вернуться в двадцатое — да это же невозможно! Существует только «сейчас». И эта лаборатория — сейчас, и я — сейчас, а «вчера» безвозвратно осталось позади! «Психика не срабатывает! — повторил он про себя слова Шелеста и усмехнулся. — Действительно: ни в какую не срабатывает психика, вопит во весь голос, сопротивляется! Нельзя в прошлое! Нельзя, чтобы Земля ходила вокруг Солнца — я своими глазами вижу, как Солнце крутится вокруг Земли!»

Шелест поглядел на него и опять усмехнулся.

— Тоже не можете привыкнуть? — сочувственно сказал он.

Линьков почему-то застеснялся и от смущения выпалил неожиданно для самого себя:

— Скажите... а вы уверены, что это... — он запнулся, но все же закончил, — ну, что это не мистификация?

Шелест неодобрительно покачал головой.

— Какая же мистификация? Вот ведь! — Он показал на чертеж. — Вы, конечно, не разбираетесь, но это — решение проблемы. Блестящее решение! Никогда бы я не поверил, что это можно сделать за один вечер! К тому же Стружков — экспериментатор. Если б это был теоретик — Левицкий, например... Да все равно и Левицкому пришлось бы повозиться... Нет, все верно, без обмана, чего уж! И мне бы радоваться, а я злюсь. Понимаете, от страха злюсь! Рано это, слишком рано, вот в чем беда!

— Вы имеете в виду — рано для науки? — неуверенно осведомился Линьков.

— Да нет. Для людей слишком рано! Не готовы они к этому!

— Вы считаете, — осторожно спросил Линьков, — что это может иметь большое практическое значение? В каком смысле?

— А кто его знает, в каком смысле! — сердито ответил Шелест. — Откуда нам это знать, если мы стоим у самых истоков? Пользы я, честно говоря, от этого никакой не усматриваю. В том виде, в каком оно есть сейчас, это открытие, конечно, великое — но пустое! Бесполезное! А вот вреда оно может наделать, если попадет в руки дуракам или мерзавцам. Да и вообще... Уже от перехода Стружкова произойдут какие-то последствия — почему я знаю, какие! Любые — в зависимости от характера воздействия... Вернее, не произойдут, а уже произошли.

— Ну, судя по тому, что мы с вами живы-здоровы и никаких перемен не видим, — заметил Линьков, — последствия не столь уж значительны...

— Да что мы с вами можем увидеть! Последствия-то будут не на нашей мировой линии, а на другой... на новой! Понимаете?

Линьков неопределенно хмыкнул: он далеко не был уверен, что понимает.

— Но попробуй это объяснить неспециалистам!.. — огорченно сказал Шелест. — Ничего ведь толком не объяснишь...

«Да уж, — подумал Линьков, — попробуй объясни все это. Скажут: чего там, просто ваш Стружков испугался разоблачения и сбежал. Почему-то, скажут, пока его никто ни в чем не подозревал, он никаких великих открытий не совершал и Левицкого спасти не пробовал... хотя была для этого самая нормальная возможность и даже обязанность! А приперли его к стенке, так он сразу эпохальное открытие совершил и тут же в прошлое полез? Опытный вы работник, товарищ Линьков, а позволяете себя за нос водить! Путешествие во времени! Что вы нас фантастикой-то кормите? Так вот и скажут, определенно!» Линьков вздохнул и поглядел на Шелеста: тот уселся за стол и, наморщив лоб, делал какие-то расчеты.

«Конечно, это не мистификация. Шелест — крупнейший специалист в этой области, его не проведешь. Стружков действительно ушел в прошлое. Отставим эмоции, преодолеем сопротивление психики, будем рассуждать логически. Значит, Стружков вернулся в двадцатое мая. Но ведь он там уже был? Как же так? Тихо, тихо, не будем поддаваться панике. Да, был. Значит... значит, там теперь уже двое Стружковых?»

— Игорь Владимирович, — робко спросил Линьков, — а что, Стружков... ну, там, в прошлом... он должен был встретиться с самим собой?

Шелест поднял голову и посмотрел на Линькова невидящими глазами. Потом до него все же дошел смысл вопроса.

— Ну да... в принципе, конечно! Может и не встретиться нос к носу, но вообще-то... — Шелест снова глянул в расчеты, потом недовольно засопел, схватился за трубку, назвал номер. — Шелест говорит. Ну, давайте ваши цифры... Та-ак... А вы твердо уверены, что не ошибаетесь? Ну-ну, верю. Но странно... — Он положил трубку и повторил, будто раздумывая вслух: — Очень даже странно.

Он встал и подошел к ЭВМ. Линьков смотрел, как он медлительно выбивает дыры на перфокарте, и продолжал раздумывать: «Значит, один Борис сидит в библиотеке, а

другой в это время появляется в лаборатории... ну да, в лаборатории, ведь камера могла переместить его только туда. Интересно, в котором часу он туда явился? Почему интересно? Стоп-стоп, что-то тут есть... Ах, вот оно что! Левицкий открывал дверь ключом, а в запертой лаборатории кто-то ждал его. Мы думали, что Левицкий дал этому человеку ключ. Но ведь все могло быть иначе...»

Линьков невидящими глазами смотрел на широкую спину Шелеста. Мысли проносились в его мозгу, обгоняя друг друга:

«Да, теперь приходится иначе оценивать многие факты, раз в их ряду становится переход в прошлое. Ведь это факт... теперь это факт, хоть и невероятный с виду. А если Стружков ушел в прошлое, то уже существуют его поступки в прошлом, и они меняют настоящее. А мы, выходит, ничего не знаем об этих изменениях... и не узнаем никогда».

Шелест гулко откашлялся и, держа перед глазами листок с расчетами, включил какой-то тумблер. На панели ЭВМ, вделанной в стену, начали перемигиваться короткие вспышки индикаторов — машина работала, заглатывая составленную Шелестом программу. Линьков вздохнул:

«Хорошо бы задать этой многоглазой умнице свои вопросы! А нельзя. В нее не введешь ни характеры Стружкова и Левицкого, ни их взаимоотношения. Дана помощь ЭВМ рассчитывать нечего, а самому тоже, пожалуй, не справиться... Попробуем все же... Что и как могло произойти в прошлом после появления Стружкова? Достоверно, пожалуй, лишь одно: что вышел он из камеры тут же, в лаборатории, — ведь камера перемещается только во времени, а не в пространстве. Ну, а дальше сплошной туман! Неизвестно даже, в котором часу Стружков там появился. Целился-то он, конечно, на вечер — не раньше чем часов на семь, надо полагать, — и на такое время, когда в лаборатории не будет никого, кроме Левицкого... Да, но из показаний Чернышева можно заключить, что там все время кто-то был, вплоть до одиннадцати. Так, может, это и был Стружков? Ведь в одиннадцать часов выходил из лаборатории именно он... Постой, но все это, наверное, происходило уже на другой

мировой линии, раз Стружков вмешался в прошлое?.. А кого же тогда видели Чернышев и Берестова? «Настоящего», «здесьнего» Стружкова, который никуда не уходил и не переходил, а сидел в лаборатории? Но зачем он там сидел, какую роль играл в гибели Левицкого?.. Ну, и так далее — вся серия вопросов, на которые нет никакого разумного ответа!

Ладно, допустим, что хронофизики ошибаются и никакого отклонения мировых линий не происходит, а все совершается на одной и той же линии. В конце концов, это лишь теоретические выкладки, экспериментально они не проверены. А тогда получается очень даже изящно и стройно. Стружкову никакой ключ не нужен — он просто выходит из хронокамеры и оказывается в лаборатории! Стройно-то стройно, а по сути нелепость: значит, так он там и сидел до одиннадцати и Левицкий при нем глотал таблетки, а ему хоть бы что?

Да... но вообще-то конструкция заманчивая! Специально для авторов будущих детективов. Идеальное убийство при помощи хронофизики. Преступник проводит весь вечер в компании, создает себе непоколебимое алиби, а наутро переходит опять в этот вечер, делает то, что задумал, и возвращается обратно. Все! Попробуй его изобличить! А впрочем, тогда и следователи пойдут на ускоренные курсы повышения квалификации, прослушают лекции по хронофизике, получают служебные хронокамеры — и пошла гонка во времени! Преступник заворачивает одну мертвую временную петлю за другой, следовательно тоже совершает фигуры высшего хронопилотажа... Картинка!

Но с другими это когда еще будет, а вот я, похоже, стану первым специалистом по «хронопреступлениям»! Первохронопроходцем, что ли. На дело Левицкого будут ссылаться в учебниках криминалистики... Сошлутся, как же! Обязательно сошлутся! Так и скажут: дело это было до примитивности простым, но бездарный следователь Линьков не смог отрешиться от казенной рутины и мыслить в категориях хронофизики...»

Тут Линьков разозлился на себя и решил во что бы то ни стало мыслить в категориях хронофизики. Минут пятнадцать он упрямо продирался сквозь дебри мировых ли-

ний, петель и двойников и с грехом пополам сконструировал из наличных фактов довольно стройную, хоть и безнадежно абстрактную схему. Мысленно оглядев эту конструкцию. Линьков покачал головой.

«Логический кошмар! — думал он. — Высмеет меня Шелест и правильно сделает!» Но у него прямо язык чешался выложить все это Шелесту. И момент был как раз удачный — Шелест отвернулся от панели и рассеянно поглядел на Линькова, словно удивляясь, что он все еще здесь.

— Игорь Владимирович, — неестественно громко сказал Линьков, — тут у меня одна версия наметилась...

Шелест, тяжело ступая, прошел к столу Бориса.

— Что за версия такая? — устало спросил он, садясь. — Изложите, послушаю...

— Это, прошу учесть, так только, абстрактная прикидка... — начал Линьков. — Понимаете, Стружков мог прибыть в лабораторию... в прошлое, как раз в тот момент, когда Левицкий выходил. Ведь Чернышев говорит, что когда Левицкий вернулся, в лаборатории кто-то был. Так вот, возможно, это и был Стружков.

— Это и есть ваша версия? — вяло спросил Шелест.

— Это начало моей версии, — пояснил Линьков. — Разумеется, для этого мы должны допустить, что все события происходят на одной и той же мировой линии... — Он искоса глянул на Шелеста — не смеется ли тот.

Шелест не смеялся. Он смотрел на Линькова немигающим взглядом и думал о чем-то своем.

— Я понимаю, что психологически это не лезет ни в какие ворота, — продолжал Линьков. — Стружков и Левицкий не могли запутаться в такой, можно сказать, гангстерской истории...

— Гангстерская история? Даже так? — чуть живее переспросил Шелест. — Да вы говорите, не стесняйтесь! В конце концов, любой вариант, даже самый сумасшедший, стоит проверить, если он отвечает каким-то фактам.

— Фактам-то он отвечает, но вот людям... людям никак не соответствует!

— Понятно. — Шелест усмехнулся. — Нам в физике легче — приходится иметь дело только с фактами. Вы, значит, попытались уяснить себе, что получается, если

мы допустим, что загадочный незнакомец в лаборатории — это был Стружков? Один резон я вижу — показания Чернышева и Берестовой становятся понятными. Это, конечно, может соблазнить.

— Соблазнить-то может, — со вздохом сказал Линьков, — но дальше логически приходишь к таким выводам, что остается только руками развести.

— Понятно! Ведь нужно объяснить, зачем Стружкову понадобилось сидеть в запертой лаборатории. И почему его пребывание там окончилось столь трагически для Левицкого.

— Вот именно! — подхватил Линьков. — Обычная логика ведет здесь к тому, что Стружков был заинтересован в смерти Левицкого, а этого я принять не могу. Можно рассматривать это лишь как чисто гипотетический случай. В гипотетическом случае два человека — назовем их А и Б — могли бы, скажем, находиться в скрытой вражде. Например, из-за ревности (Шелест поморщился)... или из-за научной конкуренции. Скажем, А сделал открытие — крупное открытие, фундаментальное, — а Б по некоторым причинам считает, что имеет права на соавторство. Но А ему в этих правах отказывает. Утром двадцать первого мая Б узнает, что А умер при загадочных обстоятельствах; притом листки из записной книжки, где, очевидно, были записаны основные положения открытия, эти листки похищены. Что получается? Б должен благодарить неведомого помощника — ведь он теперь может без опасений присвоить себе открытие А!

— История действительно получается гангстерская. — Шелест снова поморщился. — Но я не усматриваю тут разрекламированной вами логики... Стандартный уголовный сюжет...

— Нет, логика тут есть, и даже, на мой взгляд, изящная, только с гнильцой... Ну ладно, выложу уж все по порядку! Но с условием, что все это мы анализируем чисто гипотетически.

Шелест кивнул.

— Надо полагать, что Б, — начал Линьков, — усиленно размышляет: кто мог похитить листки и для чего? Вскоре выясняется, что Б видели в вечер смерти А в ла-

боратории... А тут нужно сказать, что открытие А позволяет перемещаться во времени...

Шелест быстро посмотрел на Линькова.

— Это вы заключили из моих слов? — спросил он. — Видимо, я нечетко высказался. Стружков вполне мог сделать это сам... в принципе вполне мог!

— Это уже другой вариант, другая версия... Допустим, что открытие все-таки не его, а Левицкого, но попадает к нему. Тут и начинается логика, которая скрепляет намертво всю эту вымышленную конструкцию. Б быстро соображает: с помощью машины времени я могу вернуться в прошлое и... убить А!..

Шелест криво усмехнулся.

— Я же предупредил, что с характерами это не согласуется! — напомнил Линьков. — Но уж давайте доведем эту линию до конца! Б рассуждает так: раз меня видели там, значит, я там был. И это сделало меня хозяином открытия. Значит, теперь я должен сделать то, что все равно уже совершилось. Я обязан заполнить «дыры» в прошлом, иначе некому будет убить А... и открытия я не получу. Совесть можно успокоить весьма просто: ведь А уже умер, стало быть, речь идет об убийстве уже умершего человека.

— Ну, положим, убивать-то все равно придется живого! — возразил Шелест.

— Конечно! Это Б просто себя успокаивает. И вообще нельзя это принимать всерьез. Но все же эта дьявольская логика меня смущает. Не могу я ей ничего противопоставить. Дальше так. Алиби у Б непробиваемое: он весь вечер нарочно сидит в компании. Значит, двойник может орудовать вполне свободно. К тому же Б заранее знает, что все удастся, — ведь это уже произошло!

— М-да! — хмыкнул Шелест. — Не знаю, как для преступника, но для следователя ситуация весьма соблазнительная!

— Потом Б является в прошлое, — уже смелее продолжал Линьков, — убивает А, похищает его записку... Теперь он размышляет: что же делать дальше? Обратите внимание: находясь в прошлом, он уже знает все, что произойдет в ближайшие три дня! Знает, что его двойник, который в данный момент сидит в библиотеке, будет по-

следовательно переживать все события, которые он, путешественник, уже однажды пережил, и что по истечении трех дней он придет к идее отправиться в прошлое. А для этого ему понадобятся чертежи открытия. Как же ему подсунуть эти чертежи?

Линьков сделал эффектную паузу. Шелест с ироническим любопытством смотрел на него.

— Он переписывает все в этот журнал! — с театральным пафосом сказал Линьков, указывая на лабораторный журнал. — А сам остается в прошлом — тайком, конечно. Ему нужно только прожить эти три дня — еще раз прожить! Потом его двойник отправится в прошлое, а сам он заявится к нам героем!

А как же! Ведь он открытие совершил, он хотел другу помочь, отправился в прошлое, чтобы его спасти... Только не удалось ему!

Линьков тяжело вздохнул. Искусственность конструкции назойливо лезла в глаза.

Шелест насмешливо хмыкнул:

— Ну, а как же он этого самого А... прикончил, разрешите узнать? Табуретом, что ли, трахнул? А с отравлением тогда как?

— Не знаю! — с нарочитым равнодушием ответил Линьков. — Этого я толком не продумывал. Ну, мог он А, допустим, в ту же хронокамеру сунуть — это очень даже подходит для гангстерской истории... Нет, правда, в этом что-то есть! Представляете, в камере мощное магнитное поле, наш Б сует туда А, у того начисто смывает память, и он теперь как дитя — хочешь, корми его снотворным, а хочешь... Брр! — Линьков поежился.

— Да, жуткое у вас воображение, Александр Григорьевич! — сказал Шелест.

— Ну как, вы все высказали?

— Все как будто... Так, детали некоторые остались. Например, как с хронокамерой быть?

— А что с хронокамерой? — вдруг насторожился Шелест и почему-то обернулся к вычислительной машине.

— Ну, в этом... гипотетическом случае, — задумчиво сказал Линьков, — «гангстер» Б, конечно, должен был предусмотреть, что ему нужно создать видимость не-

удачного путешествия в прошлое... Иначе начнутся распросы: что он там делал, да почему...

— Ну и что?

— Да ерунда все это! — Линьков махнул рукой. — Все вместе — ерунда. Хотя и логично с виду, но, вероятно, я где-нибудь элементарную ошибку допустил...

— А с камерой как же все-таки? — напомнил Шелест.

— Он мог, скажем, отправить камеру обратно. Сам остался в прошлом, а камеру для виду отправил обратно: будто он тут же и вернулся и не сумел спасти А... Это я к примеру. А вообще-то все это бред!

— Это, конечно, бред, — медленно сказал Шелест. — Но имеется тут один забавный фактик. Я вот посчитал сейчас на ЭВМ этот расход энергии... И получается, что в одном вы правы: камера действительно вернулась назад не пустая, а с нагрузкой!

Глава восьмая

Я медленно, с трудом выпрямился, разогнул замлевленную спину, спустил ноги с подставки. Непонятная тяжесть по-прежнему сковывала меня, давила со всех сторон, и казалось, что стоит мне пошевелиться, как весь мир со стеклянным звоном разлетится вдребезги.

Но все же я двигался, преодолевая эту странную тяжесть, и мир не разлетался вдребезги... этот мир, куда я попал. И вдруг я понял, что не знаю, куда попал, и не знаю, как это узнать. То есть, конечно, в прошлое, в этом у меня не было сомнений; но куда именно?

Я открыл дверь камеры, вышел, неуверенно ступая, — ноги затекли, в них будто иголки торчали, минимум по сотне в каждой, — аккуратно прикрыл за собой дверь и остановился в проходе из технического отсека. Отсюда я видел столы, часть дивана — да практически видел всю лабораторию. Она была пуста и тиха. Меня почему-то пугала и обескураживала эта мертвая тишина, и я никак не решался выйти из прохода между пультом и хронокамерой, — стоял да стоял, весь напрягшись, как пойнтнер на стойке. Я осознавал, конечно, что любые мои телодвижения не окажут сколько-нибудь заметного влияния на судьбу человечества в целом, но все же двигаться по-

баивался. Человечество в целом выдержит любое мое вмешательство, а вот здесь, в институте, я могу заварить такую кашу, что и не расхлебашь.

Эх, хорошо бы прямо сейчас, не сходя с места, придумать какое-нибудь элегантно-миниатюрное МНВ, в стиле героев Азимова! Выйти, например, сейчас в лабораторию, переставить графин с подоконника на стол — и спокойненько нырнуть обратно в камеру. И чтобы в результате этого Аркадий остался жив... Жаль только, что я понятия не имею, какое Минимальное Необходимое Вмешательство надо произвести в данном случае, да еще так, чтобы оно повлияло только на судьбу Аркадия... Судьбу человечества в целом я как-то не рвался переделывать. Раз уж Вечные, с их божеской властью, не смогли справиться с этим делом (Азимов это здорово объяснил!), так мне-то, в одиночку, и соваться нечего!

На этот счет мы с Аркадием как-то провели весьма оживленную дискуссию. Аркадий прямо трясся от злости, ругал меня на чем свет стоит и орал, что если б ему такое подвернулось, так он бы... И что вообще я, по его глубокому убеждению, дуб, начисто лишенный воображения и любопытства, если могу отвергать такую блестящую возможность! Он так пылко обличал меня, будто мне и вправду предложили власть над миром, чтобы в темпе исправить все исторические ошибки человечества с железной гарантией на будущее, а я нахально ответил: «Да ну его, некогда мне, и голова сегодня что-то побаливает».

Стоять и думать все же бывает полезно. Постоял я вот так, и в голове у меня что-то сработало, словно защелка соскочила в механизме. Все вокруг сдвинулось, а вернее, вдвинулось в свои реальные очертания. Время стронулось с места и пошло в своем обычном темпе. Мне даже показалось, что я слышу, как оно бодро и ритмично тикает где-то в районе моей левой верхней конечности. Я поглядел в данном направлении и обнаружил, что это тикают мои собственные часы фирмы «Восток», на восемнадцати камнях, хорошие, надежные часы, вполне пригодные для измерения времени, по крайней мере в пределах одного мира. Но даже и здесь, в другом мире, они хоть чуточку помогают ориентироваться. Например, сейчас на

них одна минута двенадцатого; значит, уже шесть минут я вот так стою возле камеры... Ночевать я, что ли, собрался в техническом отсеке?

Все вокруг выглядело теперь вполне реально и даже заурядно. Так, будто я прибыл на реактивном самолете куда-то далеко — ну, скажем, в Сибирь. В таких случаях ощущение времени ведь тоже путается: летел ты вроде и недолго, а попал в другой мир, и часы здесь показывают другое время, куда более позднее, чем твои, — ты за три-четыре часа полета прожил, выходит, целый день, тут люди с работы уже идут. Словно кто-то ножницами, аккуратноенько так взял да вырезал из твоей жизни несколько часов. Хотя ты и понимаешь, что все в порядке, а просто здесь другой часовой пояс.

«Ну пошли!» — сказал я себе, решительно шагнул в лабораторию и огляделся. Это — прошлое? Может быть, даже измененный мир? Поди догадайся! Все знакомо до мелочей, все привычно. Столы, табуреты, диван... вот и белоснежный красавчик пульт светит зеленым кошачьим глазом индикатора готовности, и стеклянная стена хронокамеры привычно тускло мерцает среди электромагнитов. Если б не торчала громадная подставка в центре камеры, можно было бы подумать, что весь этот переход мне просто приснился.

Я встряхнулся, как собака, вылезшая из воды. Неужели я действительно уже прожил однажды это время, уже видел то, что здесь только еще будет через час, завтра, послезавтра? Да нет, что это я? Того, что будет здесь, в этом мире, я, конечно, еще не прожил. Этот мир только возникает, новая мировая линия только-только начинает ответвляться от прежней, я стою у ее истоков, и от моих действий теперь зависит, насколько сильно она отклонится... Ах, чтоб тебе! Выходит, я в ответе за то, как сложится эта история? Я лично? Ничего себе...

Но пока отклонение мировой линии имеет чисто принципиальное значение, никак не практическое. В ближайшие часы мне, наверное, предстоит увидеть примерно то же, что было в том двадцатом мая, наблюдать тех же людей, те же события...

Да, кстати, а где же они, эти люди и эти события? Я вдруг понял, что налицо явное неблагополучие. Который

здесь час? Только что пролетел самолетик аэроклуба. Занятия секции парашютизма начинаются в семь... Допустим, что сейчас половина восьмого... ну, четверть восьмого! Тогда где же Аркадий? Опять куда-то ушел? Куда, интересно? Что это ему на месте не сидится, да еще в такой вечер? И того, второго, тоже не видать, и вообще все тихо-мирно, будто никакой трагедии даже не намечается... Странно. Очень странно. Допустим, они вот-вот вернутся или Аркадий один придет. Но время-то уж очень позднее! Ведь эксперты сказали, что снотворное было принято часов в шесть, если не раньше.

Может, я все-таки не в тот день попал? Эта вредная камера могла меня зашвырнуть и подальше, и поближе, не посчитавшись с моей программой, — я ведь даже контрольную проверку не провел...

Вообще в камеру-то я полез, а не успел подумать, как смогу определиться во времени и как буду спасать Аркадия. А если б я вышел из камеры и сразу увидел, что Аркадий лежит на диване уже полумертвый? Что я стал бы тогда делать?

Ну, положим, тут и думать особенно нечего, я же не врач, — вызвал бы «скорую помощь», это элементарно. А может, и сейчас стоит вызвать, заблаговременно, покуда кандидат в самоубийцы где-то разгуливает? Да нет, чепуха это, как он может разгуливать, приняв снотворное, он же максимум через полчаса после приема уснет. И по идее, именно здесь, на диване. Значит, либо он таблеток еще не принял, либо это вообще не тот день... Что же делать? До чего дурацкое положение! Рвался я в прошлое, спешил изо всех сил, мучился, голову ломал — и все для того, чтобы бессмысленно стоять на пороге технического отсека и заниматься пустопорожними рассуждениями? Как-то мне путешествие во времени иначе рисовалось... содержательнее, что ли...

Я досадливо поморщился и решительным шагом наискось пересек лабораторию. Ну вот, и ничего особенно-го, вот и прибыли в прошлое и сейчас займемся делом... В институте, наверное, пусто, а если кто и остался, то намертво засел у себя в лаборатории. А кто остался-то? Если это двадцатое мая, то Ленечка Чернышев определенно существует неподалеку. Не могла же действительность

уже так сильно измениться, чтобы Ленечка не сидел по вечерам в своей дорогой лаборатории! Ну, это потом; сначала для порядка обследуем нашу лабораторию.

Я начал методично, по квадратам осматривать лабораторию. Пульт все так же старательно и преданно следил за мной зеленым глазом индикатора готовности. Молодец пульт, ждет, старается, хоть и не понимает, что к чему... Ничего, друг, не сердись, я и сам не очень-то понимаю. Хронокамера стоит важная и надутая, с сознанием исполненного долга. И правильно: потрудились ты сегодня, голубушка! Шутка сказать — почти девяносто килограммов живого веса перебросить, без всякой тренировки, прямо после наших жалких брусочков!.. Обследуем подоконник... Чисто, пусто — ни соринки, ни бумажки. Перейдем к столам... Мой стол чистый, все убрано. Неужели это я такую аккуратность проявил?.. Стол Аркадия... Ого! В пепельнице окурки! Сейчас мы, до метода Шерлока Холмса, приглядимся к ним...

Окурки все сигаретные, с фильтром — такие Аркадий курит. Два окурка чуть тлеют — их небрежно ткнули в пепельницу и не до конца загасили. Значит, курили двое... значит, я вроде правильно попал.

Но кто же это был с Аркадием? Совершенно непонятно! Ну-ка сопоставим... В начале шестого кто-то ждал Аркадия в лаборатории, встретился с ним... они о чем-то говорили... Сейчас примерно восемь — а может, семь? — и они куда-то вышли... Значит, Аркадий должен вот-вот вернуться. Постой, а как же я? Ничего не понимаю! Неужели я проторчу здесь до одиннадцати — до одиннадцати по здешнему времени, — а потом преспокойно уйду и брошу умирающего Аркадия?

Нет, что-то тут определенно не клеилось. Но я не мог понять, что и почему. А понять мне надо позарез, иначе я черт те что могу натворить. И даже не узнаю, к чему это приведет.

Тут я с досады стукнул кулаком по столу Аркадия, по листку чистой бумаги, который лежал с краю.

Под бумагой что-то было! Что-то скользнуло под кулаком, бесшумно рассыпалось, развалилось...

Я поспешно схватил листок — и остолбенел, держа его в руке.

На столе лежала записная книжка Аркадия, в том самом неистребимом красном переплете. А рядом с ней — маленькие, узенькие оранжево-голубые пачечки...

Я глядел на эти пачечки, не веря своим глазом. Вот они. Мирно лежат рядом с записной книжкой. Аркадий куда-то вышел и на всякий случай прикрыл их бумагой. И запер дверь... Или нет? Я подошел к двери, потрогал — нет, не заперта! Как же это? Может, я все-таки попал в другой день? Снотворное Аркадий мог достать заранее... даже наверняка достал заранее, а не в тот же самый день. Но и открытая дверь ничего не доказывает. Известно, что дверь была заперта сразу после пяти и оставалась запертой минут двадцать. И еще известно, что Аркадий в это время куда-то уходил из лаборатории. А выходил ли он позже и запирали ли при этом дверь, никто не знает. Вот только время уж очень позднее, — по идее, Аркадий должен был давно уже проглотить эту дрянь, а не разгуживать где-то...

Что же делать, ну что же мне делать! Идти его искать?

Я вернулся к столу и с ненавистью посмотрел на аккуратные пачечки. Подумать только! Я до сих пор никак не мог поверить, что Аркадий покончил самоубийством. Я даже целую теорию сочинил, — из ничего состряпал демонического эксплуатационника и яд в роскошном импортном напитке. И все впустую. Аркадий, значит, вернулся в лабораторию и аккуратненько слопал всю эту пакость? И преспокойно лег на диван и стал дожидаться, когда настанет сон... сон, который незаметно для него перейдет в смерть?! Немыслимо! Почему, зачем? Стой! А записная книжка-то! Записка Аркадия!

Я схватил записную книжку, открыл ее поближе к концу. Ну, что же это? Расчеты, расчеты... чей-то телефон сбоку записан... а под конец — пять чистых листков. И все, и ничего кроме! Значит, Аркадий вот-вот явится сюда и напишет записку, а потом примется за таблетки? Потом уснет, и тогда кто-то придет и вырвет листки из записной книжки? Кто? И зачем?

«Ну, погодите вы! — подумал я, разъярясь. — Я вам покажу, как травиться! Я вам покажу, как письма воровать! Вы у меня побегаετε! — Я сгреб пачечки, завернул в листок бумаги и, злорадно ухмыляясь, засунул поглуб-

же во внутренний карман куртки. — Ну, Аркашенька, поищи теперь таблеточки! А если тебе уж так не терпится помереть, придумай что-нибудь другое!»

Тут я запнулся и тревожно подумал: а что, если он и вправду придумает? Но потом рассудил, что ничего Аркадий не станет делать, пока не выяснит, куда девались таблетки. И самоубийство не состоится — по крайней мере, сегодня. Дело сделано, и не двинуть ли мне поскорей обратно? Нет, нельзя. Ничего я еще не выяснил, да и самоубийство может состояться не сегодня, так завтра. Нельзя мне в хронокамеру... а жалко!

Думая об этом, я машинально оглянулся на хронокамеру, на пульт — и вдруг похолодел, прямо обледенел весь, от кончиков пальцев до корней волос!

Зеленый глазок на пульте погас!

Что это значит? Что же это значит? Ведь он был включен на автоматику! Постой... где включен? В будущем, из которого я прибыл. Так-так... В будущем, на три дня вперед стоит этот же самый пульт. Я его сам включил на автоматический возврат хронокамеры. А он взял да отключился. Как же это?! Он же не мог отключиться сам, по собственному почину! Никак он не способен на такое самоуправство!

Постой! Сам-то он, конечно, не способен, а вот под моим воздействием... Я ведь забрал таблетки и этим, вероятно, отклонил линию, и мои действия — сегодняшние, здешние — уже начали, пожалуй, влиять на дальнейший ход событий. От моих действий, как от камня, брошенного в воду, расходятся круги, все дальше, все шире, захватывая в свою орбиту другие события, мне пока неизвестные. И через три дня мир окажется не совсем таким, каким я его оставил. И значит, пульт там не будет включен — видно, некому там будет его включить.

Ясно... А неясно вот что: разве будущее может повлиять на прошлое? Однако тут же я сообразил, что вообще-то, конечно, не может, но как раз в данном уникальном случае это возможно, потому что включенная хронокамера связывает общим каналом два момента времени — настоящий и будущий. Она как бы одновременно существует и тут, и там. И если там, в этом загадочном

будущем, пульт почему-то отключился, то он должен отключиться и здесь.

Интересно, а где ж теперь та мировая линия, на которой я все время жил? Получается так, вроде свернул я на углу не в ту сторону, пошел по новому маршруту, и не видна уже прежняя, хорошо знакомая улица, и вернуться туда нельзя, и даже крикнуть «Прощайте!» нельзя, — те, кто остался там, не услышат и не ответят. Прежний твой мир не исчез, но ты исчез из него и для него. Все осталось там по-прежнему, и камера стоит, и пульт тебя дожидается... только никогда уже не дожидется.

Теоретически это понятно, а эмоции бунтуют, примитивное чувство реальности возмущается: ну как это могут существовать в одном и том же месте минимум два разных мира?! Да и не очень-то они разные — в общем, все на один манер, с некоторыми вариантами... А может, вся эта теория насчет отклоняющихся мировых линий никуда не годится? Может, изменяя реальность при переходе во времени, мы попросту аннулируем ее, эту прежнюю реальность, и заменяем другой, уже измененной? Нет, постой, как же так? Я ведь только что был в одном времени, а попал в другое. Это же ясно: там была ночь, тут — вечер. И окурков в пепельнице там не было и не могло быть: я же не курю, а Аркадий... Я бессмысленно поглядел на пепельницу. Да, но это никакое не доказательство. Я сравниваю разные точки на одной и той же линии... разное расположенные во времени, но существующие одновременно... Постой, а пульт! Почему тогда погас пульт? Нет, и это ничего не доказывает... или, вернее, доказывает, что я уже изменил реальность... Нет, не так... нет, я окончательно запутался!

И вообще, сколько можно стоять и бесплодно теоретизировать? Этим вполне можно было и там, у себя, заниматься, а здесь действовать надо! И в первую очередь надо разыскать Аркадия. Где он, в самом-то деле, слоняется!

Двигаться надо в направлении зала хронокамер, это элементарно. Какие-то дела в том районе у Аркадия определено были...

Я решительно распахнул дверь лаборатории. Увидит меня кто — ну и пускай! Чего мне бояться? Увидят, так

примут меня... за меня же! Одет я так же, постареть за три дня не успел. Никому даже и не приснится, что я Борис, да не тот.

Вдруг я вспомнил о чем-то... о чем же это? Нет... скользнуло и исчезло — не поймаешь, не удержишь. Ну, ладно...

Я выглянул в коридор — никого нет. Я осторожно прикрыл дверь лаборатории и зашагал к боковой лестнице — той самой, где недавно, часа два-три назад, но в том, прежнем мире, Нина повстречала Аркадия...

Подумать только: там опять кто-то был! И не один. Прямо не лестница, а Бродвей какой-то... Я прижался к стене, осторожно выглянул на лестницу — и тут же попятился. Внизу стояли двое.

Я изо всех сил напрягал слух, стараясь разобрать, о чем они говорят. Хотя особенно напрягаться и не стоило — в институте было абсолютно тихо, а узкий туннель лестницы отлично работал как рупор, донося до меня каждый звук.

Но они молчали. Стояли и молчали. Это меня совсем уж с толку сбilo. Нашли тоже время и место для лирического молчания! Наконец чиркнула спичка, потом что-то затрещало. Вроде бы спичечный коробок сломали. Потом кто-то из них кашлянул, и я отчетливо услышал голос Аркадия:

— Ну что ж, пошли в зал!

— Угу, — буркнул тот, другой.

Внизу скрипнула дверь. Я крадучись спустился по лестнице. Пока ничего не прояснилось. Надо бы пробраться в зал хронокамер, понаблюдать.

Была еще одна причина, по которой мне хотелось сначала все разглядеть как следует. Я все побаивался, что наткнусь... ну, на самого себя! Ведь недаром же видели меня в институте вечером двадцатого мая! Конечно, эта история меняется с каждым моим шагом и все больше расходится с той, прежней, но не может же она сразу во всем измениться! Если загадочным гостем Аркадия был именно я — какой-то другой «я», — то мои теперешние действия вряд ли успели изменить столь существенный факт. А встречаться с самим собой и из первоисточника выяснять, какова же моя роль в этой истории, мне опре-

деленно не хотелось. То есть в случае чего никуда не денешься, конечно...

Я тихонько, на цыпочках пробежал по коридору нижнего этажа. В конце коридора была дверь с тамбуром — она выходила во двор, к эксплуатационному корпусу; я стал в тамбуре и сунул носок туфли в дверь, чтобы она оставалась чуть приоткрытой. Сквозь узкую щель я видел весь коридор и дверь зала хронокамер. Сейчас они выйдут, наверное. Уж тут-то я их разгляжу как следует: в коридоре светло...

Дверь зала медленно приоткрылась. Сердце у меня гулко стукнуло и полезло вверх, к самому горлу. Из зала вышел только один человек. И это был Аркадий.

Я отчетливо видел, как он прижмурился, — в зале, наверное, было темновато и яркий свет резанул ему глаза. Он постоял у двери, будто задумавшись о чем-то. Лицо у него было не то озабоченное, не то печальное, — нет, скорее хмурое... жесткое и хмурое.

Сердце у меня колотилось так громко, что я невольно прижал его локтем — испугался, как бы Аркадий не услышал. Теоретически я был вполне готов встретить здесь, в прошлом, живого Аркадия, — да ведь в расчете на это я и затеял всю историю с переходом. Но сейчас, когда живой Аркадий оказался в десяти шагах от меня, я еле на ногах устоял, даже за стенку уцепился, чтобы не упасть. Шестьдесят часов назад я видел Аркадия мертвым, а сейчас он как ни в чем не бывало стоял в коридоре — хмурый, злой, но живой! И сигарета, как всегда, торчит в углу рта, и глаза чуть прищурены, и смотрит он словно куда-то внутрь себя... Ну полное впечатление, что у Аркадия какой-то важный эксперимент не ладится! Вся моя злость на него пропала, мне хотелось крикнуть во весь голос: «Аркадий!» — и броситься к нему...

Но я остался в своем укрытии, а Аркадий повернулся и, слегка сутулясь, пошел обратно к боковой лестнице. Я выпрямился и вздохнул посвободней. Я даже злорадно ухмыльнулся, потрогав карман куртки: «Иди, иди! Войдешь в лабораторию и приятно удивишься!» Но тут же острая боль сжала сердце: ведь это Аркадий стоял и думал, что пора ему идти умирать!

Мне страшно захотелось догнать Аркадия, прижать его к стенке, добиться истины... Но я понимал, что это будет неразумно. Сейчас надо заняться в первую очередь «незнакомцем». С Аркадием я еще успею поговорить, он пока жив и невредим и минимум на полчаса имеет занятие — выяснить, куда девались таблетки. Запасной порции у него, конечно, нет. Вообще непонятно, где мог Аркадий раздобыть такую уйму снотворного, оно же по специальным рецептам выдается... Ах да, Мурчик! Не иначе как Аркадий к ней подкатился по старой памяти! То-то она вчера так разволновалась, когда я заговорил о снотворном, прямо голос у нее дрожал...

Я на цыпочках двигался к залу и все ожидал, что вот-вот скрипнет дверь, — тогда я срочно эвакуируюсь обратно в тамбур. Но дверь не скрипела и никто из зала не выходил. Да что же он там делает, что вообще там можно делать, в этом, еще мертвом зале, среди всякого хлама и мусора?! Я уже был сыт по горло всеми этими тайнами пещеры Лейхтвейса. Вот пойду сейчас и добуду интервью у этого типа, кто бы он ни был — хоть и я сам, мне уже все равно! Пора установить, кто есть кто и кто откуда.

Тут у меня снова что-то ворохнулось в мозгу... тяжело так, неуклюже. Я даже приостановился, прислушался, держа одну ногу на весу. Нет, затихло опять, упряталось... Ну ладно, потом додумаю, сейчас все равно некогда!

Я стоял уже у самой двери в зал хронокамер.

За дверью была тишина. Абсолютная тишина. Я приложил ухо, прислушался — ни звука не слышно. Спать он там устроился, что ли? Я осторожно потянул дверь на себя, она скрипнула, открылась; полоса света из коридора легла в полумрак зала, я увидел беспорядочно наваленные обрезки труб, дикую путаницу кабелей, черную, тускло поблескивающую тумбу трансформатора... Никакого человека я там пока не разглядел. Но он-то меня должен был отлично видеть, я ведь стоял на свету! «Вот врежет он мне сейчас чем-нибудь по башке!» — с неудовольствием подумал я. Но все же распахнул пошире дверь, шагнул через порог и торопливо огляделся.

Никто мне ничем не врезал. И вообще в зале вроде никого не было. Если б этот неизвестный посетитель попробовал спрятаться, я бы непременно услышал — тишина стояла мертвая.

Окна зала выходили в дворик между главным зданием и эксплуатационным корпусом, перед ними росли высокие кусты сирени, поэтому тут было темновато даже днем. Я щелкнул выключателем у двери — вверху загорелись белые нагие огни больших лампочек, развешанных по всему потолку на еле закрепленной проводке.

Ералаш в зале был просто ужасающий, мне даже непонятно стало, как сами-то монтажники пробираются сквозь эти строительные джунгли. Но спрятаться тут было негде, разве что в глубине зала, за хронокамерами. Они стояли, все три в ряд, у задней глухой стены — высоченные кубы, раза в три больше нашей лабораторной. Четвертую монтажники еще не поставили, только фундамент под нижний электромагнит подвели.

Так что же он, действительно за хронокамерами спрятался? Ладно, пошуруем там. Я поднял обрезок тонкой трубы длиной более метра и начал пробираться к хронокамерам, путаясь в кабелях и расталкивая грохочущие трубы.

За хронокамерами тоже никого не было. Да что ж это, в самом деле? Сквозь канализацию он, что ли, просочился, как Кристоаль Хунта у братьев Стругацких? В хронокамеры, может, заглянуть? Да чего в них заглядывать, они все насквозь видны, там мышь не спрячется... Нет, постой, третья хронокамера вся завалена... щиты какие-то, подставки... Щиты будто нарочно так поставлены, что со всех сторон загораживают середину камеры.

Я рванул дверь хронокамеры. Она открылась неожиданно легко и бесшумно, и я ступил на порог. Ну и здоровенная же хронокамера! В ней кабинет вполне можно оборудовать.

— А ну выходи! — негромко, но отчетливо сказал я. — Быстренько, быстренько давай! Некогда мне с тобой...

Вдруг что-то мягко толкнуло меня в спину. Я покачнулся, невольно шагнул вперед, чтобы удержаться на ногах, споткнулся о щит, упал... Что же это? Он, выходит,

там был, в зале?! Я вскочил и обернулся к двери, чтобы увидеть его. Дверь была закрыта. За ней никто не стоял.

Мне вдруг стало невыносимо тяжело, — что-то сдавило сердце, в глазах потемнело... нет, побагровело. Дрожащий багровый свет залил всю камеру... Или это мне показалось? Я медленно, с трудом повернулся в этом тяжелом красном сумраке и увидел сквозь двойное стекло передней стенки странное, какое-то перекошенное лицо Аркадия.

Я хотел кинуться к нему, но не мог даже шевельнуться. Багровый туман сгустился, лицо Аркадия растаяло в этом тумане, и я ничего больше не видел...

Что-то твердое и острое врезалось мне в правое бедро, что-то больно давило на шею. Я осторожно пошарил вокруг... Кусок металлической трубы... фанера...

Я открыл глаза. Да ведь это все те же щиты и подставки. И еще кусок трубы, который я прихватил для самообороны. А я лежу на всем этом, как факир на гвоздях... Даже странно, что болит только бедро и шея!..

Я оперся на правую руку и рывком, с большим усилием встал. Неудачно встал — прямо скажем, неаккуратно: под ногами что-то перекатилось, я ударился плечом о щиты, они дрогнули и медленно, будто раздумывая на ходу, начали разваливаться и падать. Я взмахнул руками, пытаюсь удержать равновесие, но щиты, перед тем как грохнуться на пол, мстительно саданули меня по щиколоткам. Я тихо взвыл от боли и почти упал на дверь. Дверь услужливо распахнулась под тяжестью моего тела, и я вывалился наружу под злорадный грохот щитов и подставок.

— «Герой эпохи, путешественник во времени! — обличал я себя, поднимаясь и старательно стряхивая пыль с локтей, колен и прочих частей тела и одежды. — На плечочку тебя бы заснять, вот фильмик получился бы потомкам в назидание, а также и для увеселения! Ты бы хоть на момент, для фотографии, принял какую-нибудь достойную позу! То торчишь на подставке, скрючившись в три погибели, как сонная курица на насесте, то тебя кто-то швыряет в камеру, как слепого кутенка в воду, то ты начинаешь изображать Дон-Кихота от хронофизики и тер-

пишь позорное поражение в схватке с подставками и щитами! Скандал! Повезло тебе, что нет рядом кинооператоров, они бы тебя запечатлели...»

Кончив бормотать и отряхиваться, я медленно разогнулся и поглядел вокруг.

Ничего я не увидел. Прежде всего потому, что было совсем темно. Только слабый свет лампы над входом в эксплуатационный корпус, пробиваясь сквозь кусты сирени, освещал небольшое пространство у окон. Ночь. Который же это час? Я посмотрел на светящиеся стрелки своих часов. И даже глазам не поверил: стрелки показывали двенадцать минут первого!

Ничего не поймешь! Спал я, что ли, в камере? Или без сознания валялся? Когда я выходил из тамбура, на моих часах было двадцать три минуты двенадцатого. На осмотр зала ушло минут пять-шесть самое большее. Значит, минут сорок — сорок пять у меня просто пропало неизвестно куда. И почему так быстро стемнело? Может, здесь было не начало восьмого, как я думал, а, скажем, около девяти? Парашютная секция занимается часа два, самолетик мог уже возвращаться с занятий, когда я его заметил... Может, тогда правильно стемнело за сорок минут? Ночь если темная, безлунная и небо облачное... Я что-то не мог припомнить, новолуние сейчас или нет и какая была погода двадцатого мая. Да и вообще здесь, в этом мире, и погода, пожалуй, могла измениться. Нет, все же не могло так быстро стемнеть! Главное, что не девять было, когда я в зал входил, — солнце еще всюду светило в коридоре...

Ну, допустим, что стемнело все же по правилам. Но куда же девалось мое личное, на моих часах отмеренное время, мои законные сорок минут? Может, я потерял сознание? Но почему, спрашивается? Толкнул меня кто-то, кажется, — так ведь мягко толкнул, это я просто от неожиданности упал или оттого, что споткнулся. И по голове меня вроде бы никто не бил, а почему-то вдруг все мутиться начало перед глазами, какой-то красный туман ни с того ни с сего... Вообще непонятно, кто же это меня толкнул, если в зале абсолютно никого не было? И Аркадий... Ведь не примерещилось мне, я уверен, что видел его лицо — странное какое-то лицо, перекошенное не то

ухмылкой, не то гримасой... злое даже... Ну ладно, насчет выражения лица я мог еще ошибиться, не разглядеть, но что видел я именно Аркадия, а не кого другого, это уж точно! Неужели это он меня и толкнул, а потом обежал вокруг хронокамеры, чтобы полюбоваться, как я там барахтаюсь среди щитов и подставок? Ведь на дверь я поглядел сразу — там никого не было. Но зачем бы Аркадию толкать меня? Запереть он меня, что ли, хотел в хронокамере? Так ведь дверь осталась, по-видимому, открытой... Или нет?

И куда девался все же тот, второй? Кто он такой? Зачем пришел и куда исчез? Другого-то выхода из зала нет. А окна были закрыты, я специально проверял, — да, закрыты, ручки шпингалетов завернуты до отказа. Так куда же он девался? Выскочил, пихнул меня и опять сквозь землю провалился? Если б он меня попытался убить, это все же было бы понятней: хотел избавиться от свидетеля, допустим... А может, меня все же чем-то саданули по голове? Я осторожно ощупал голову — нет, шишки и ссадины отсутствуют, нигде ничего не болит, только муть какая-то в голове. «Снотворным, что ли, меня угостили?» — подумал я вдруг и, хотя мысль была совершенно идиотская, судорожно схватился за карман. Нет, конечно, пачечки лежали на месте.

Нет, самое главное — Аркадий! Что бы со мной ни случилось, он ли, не он ли был виноват в этом, но как он мог уйти и бросить меня: лежи, мол, Борька, пока не очухаешься! Видел же он, что я падаю!

Объяснение, пожалуй, одно: Аркадий боялся, что я увижу этого «незнакомца», полезу выяснять отношения, чему-то помешаю. Вот они что-то со мной и сделали, чтобы временно обезвредить. Допустим, какой-то дурманящий газ напустили в камеру... для этого и понадобилось затолкнуть меня туда, в небольшое замкнутое пространство, где концентрация газа будет достаточно высокой... Откуда газ? А я почему знаю? Может, «незнакомец» где-то раздобыл...

Я почти бегом кинулся из зала. Только очутившись в коридоре, я сообразил, что за сорок минут в зале многое изменилось... то есть, может, и не очень многое, но путь к двери безусловно был расчищен, мне не пришлось сно-

ва карабкаться через всякие завалы. Неужели это Аркадий со своим дружкой в срочном порядке облегчил жизнь монтажникам? Впрочем, может, не монтажникам, а самому себе, раз у него завелись какие-то дела в зале хронокамер. Что ж это за дела все-таки, если из-за них... Я резко затормозил у самой лестницы. Чего это я, собственно, так разлетелся? Ждут меня там не дождутся, что ли? Если уж они с ходу газом меня угостили, то по второму разу неизвестно чего и ждать...

По лестнице я шел медленно, цеплялся за стену, чтобы ступать полегче, не скрипеть. Поднявшись до середины, решил постоять и послушать. А заодно и подумать малость.

Что-то решительно не клеилось во всей этой истории! Например, как это они так сразу сообразили затолкать меня в камеру и пустить туда газ... Ну и замысел вообще-то! И откуда взялся газ? Ждали они меня, что ли? Если действительно ждали, тогда, значит, это все же временная петля. И тогда я не случайно сообразил и решил все это именно сегодня... Обидно что-то получается, — вроде и не сам я соображал и решал, а зацепила меня петля времени и поволокла, как бычка на веревочке...

И вдруг мне все стало ясно. Не было никакого газа (ну и здоров я сочинять, ничего не скажешь!), не было, конечно, и незаметных ударов по моему драгоценному черепу. А просто Аркадий со своим дружкой запихнули меня в хронокамеру и куда-то вышвырнули из ихнего времени, чтобы я у них под ногами не путался. Какого «меня» они имели в виду, это неизвестно, но, так или иначе, я им мешал... Мешал спокойно глотать таблетки, ну что ты скажешь! Вот они меня и выбросили куда-то: катись, милочек, ты нам тут совсем без надобности!

Я до этого мог бы и раньше додуматься — видел же, что и стемнело как-то ненормально быстро, и в зале почему-то прибрано и убрано. Но я ведь был совершенно уверен, что хронокамеры в зале не подключены. Зря был уверен, оказывается! Значит, Аркадий все эти дни ходил не в эксплуатационный корпус, а в зал хронокамер. И дружок его, должно быть, из монтажников... эксперимент они вместе готовили...

Так-так! Аркадий, значит, тоже нашел возможность перехода во времени! Принцип решения у него, по-видимому, другой какой-то, даже по световым эффектам видно... Наверное, не такой наивный и простодушный, как у меня, что-нибудь посложнее, позаковыристее. Аркадий любит хитроумные штучки, да ему и карты в руки, он ведь теоретик, а я... Хотя постой... Может, у меня наивней, но лучше? Чего это я, спрашивается, сорок минут без памяти провалился после «ихнего» перехода? Может, это у них такое побочное действие получается, за счет высокой сложности? Тогда я за простоту и наивность.

А может, дело в том, что я в момент перехода вел себя, так сказать, нетипично: валялся на полу хронокамеры, вскакивал, вертелся туда-сюда? Вообще-то даже удивительно, что я отделался обмороком.

Нет, все-таки это ужасающее свинство — вот так швырнуть человека в хронокамеру и, ни словом не предупредив, включить поле! С ума они сошли! Или уж Аркадий создал такое идеально однородное поле, что в камере хоть гопака пляши — все равно перейдешь целиком и без дефектов? Похоже, что так...

То-то и дверь камеры так легко открывалась! А я вывалился оттуда, словно куль с картошкой, и даже не сообразил, как это дверь могла открыться... А как, в самом деле? Может, я, когда упал на дверь, придавил ручку?

Однако же история! Никогда я не поверил бы, что Аркадий способен запихнуть меня в хронокамеру и швырнуть куда попало... Э, мало ли что! Когда меня спросили три дня назад, мог ли Аркадий покончить самоубийством, я что ответил? Только и твердил: нет, не мог он этого сделать! А теперь...

И все же с хронокамерой дело туманное. Могло быть и так: Аркадий обнаружил, что таблетки исчезли, кинулся обратно в зал, чтобы сообщить это компаньону, а тот пока что взял да и запихнул меня в камеру! Аркадий прибежал в момент «старта» — и, естественно, остолбенел. Зловещая гримаса на его лице могла относиться вовсе не ко мне, а к компаньону.

От этой гипотезы у меня как-то легче на душе стало, и я бодро зашагал по лестнице. Ну да, теперь понятно, почему Аркадий исчез, почему не стал меня дожидаться:

где же он будет меня ждать, когда я уже в другом мире, на другой мировой линии... Стоп-стоп! А теперь-то что происходит? Ведь я же опять создаю новую мировую линию! Шагаю по лестнице — и создаю линию, и отклоняю ее от прежней. Ох и неудобно мне стало от этой мысли! Не хотелось мне создавать никаких линий! Мне бы обратно, на прежнюю, на мою вернуться... Только не видеть мне больше этой «моей» линии никогда...

Я подошел к нашей лаборатории, оглянулся — не идет ли кто, — сунул ключ в замочную скважину. И вдруг меня холодным потом облило от страха! Что, если эти паршивцы швырнули меня всего часа на три-четыре вперед? Что, если это ночь с двадцатого на двадцать первое и там, за дверью, лежит мертвый Аркадий? Умерший не от снотворного, а от чего-нибудь еще... или все же от запасной порции таблеток... Я попытался наспех прикинуть, возможно ли это, но ничего не смог сообразить, а торчать в коридоре, держа ключ в двери, было глупо и опасно. Я повернул ключ — дверь бесшумно открылась. Я нашарил выключатель, щелкнул...

Диван был пуст. Лаборатория — тоже. Все было пусто, чисто, прибрано. На столах ни бумаг, ни окурков, ни записных книжек.

Делать мне здесь было совершенно нечего, с порога видно, что даже и входить незачем. Протягивая руку, чтобы повернуть выключатель, я почти машинально глянул на хронокамеру.

Моей подставки в ней не было!

То есть как же это так? Ведь, по идее, она должна быть! Или я уж совсем запутался? Я глядел на пустую хронокамеру и с места не мог сдвинуться. Вообще я что-то стал застывать на каждом шагу с тех пор, как прокатился по времени. Мне это уже надоело. Шаг сделаю, а потом стою и мучительно соображаю, куда же это я шагнул и куда шагать дальше. Но, с другой стороны, что же делать? Шагать не думая? Беда в том, что ничего я так и не смог обдумать, а теперь, по милости Аркадия, и вовсе запутался в этих мировых линиях...

Переместить хронокамеру (вернее, ее содержимое) обратно, в двадцать третье мая, никто не мог — она уже не принадлежала тому миру, который я покинул. Так что

вроде бы и подставке полагалось оставаться на месте. Однако ее нет. Почему?

Остаются две возможности: либо опять что-нибудь изменилось в будущем и кто-то «оттуда», «сверху», выволок мою камеру из прошлого, либо я сам проник еще глубже в прошлое, туда, где моя хронокамера с большой подставкой вообще не появлялась.

Меня даже в жар бросило, и дышать трудно стало. Я пересек лабораторию, распахнул окно, вдохнул прохладный ночной воздух. Стало легче, я немного успокоился. Ну ее, эту подставку, не интересует она меня совсем, и вообще ничто меня уже не интересует, а о хронофизике я без содрогания думать не могу! Вот пойду сейчас домой и завалюсь спать, мотайтесь вы себе как хотите по времени, а я больше с места не сдвинусь!..

Я вышел из лаборатории, повернул к боковой лестнице. И вдруг мне показалось, что все это уже было. Так же я размышлял, стоя у двери, так же свернул направо и...

Я вдруг вспомнил! Вспомнил — и оглянулся... Показалось мне или вправду кто-то сейчас прошмыгнул мимо нашего коридора к главной лестнице и скользнул по мне испуганным взглядом?

Я не повернул назад, не вышел в главный коридор, чтобы выяснить, было это на самом деле или почудилось мне. Но я уже понял! Это ведь в точности повторялись те события, о которых рассказывали Нина и Чернышев!

Только что я стоял у окна нашей лаборатории, у окна, выходящего на улицу, и свет фонаря падал мне на лицо. Теперь я вышел из лаборатории и пошел к боковой лестнице... И кто-то, проходя мимо нашего коридора, увидел меня в эту минуту. Я снова проделал все то, о чем с недоверием и изумлением узнал сегодня днем в том, прежнем мире. Правда, мои часы показывают более позднее время, но, может быть, в этом мире сейчас именно без пяти одиннадцать?

Но нет, это же невозможно! Это просто какое-то случайное совпадение! Ведь в том двадцатом мая, которое видели Нина и Чернышев, я около одиннадцати сдавал книги в библиотеке, а Аркадий лежал без сознания, уже полумертвый! Если какой-то Борис Стружков и побывал двадцатого мая вечером в лаборатории — в том мире! —

то это был не я, а другой Борис Стружков: я ведь об этом ничего и не знал, пока Нина мне не рассказала! А впрочем, пожалуй, я мог ничего и не знать... тогда! Я ведь услышал рассказ Нины до того, как совершил переход в прошлое. Я «тогдашний» еще не догадывался о том, что такой переход возможен, и мог не знать вообще ни о чем, что связано с этим переходом. А вот я «теперешний»...

Да нет, что же получается! Выходит, я должен был попасть в это прошлое раньше, чем я туда попал... раньше, чем понял, как туда можно попасть! Ну, допустим, это фокусы временной петли... Но как мог я — тот же самый я! — потом вернуться в будущее и выслушивать от других рассказы о своих похождениях, сам ничего о них не зная? В то же самое, неизмененное будущее! Ведь я после перехода должен был попасть уже на новую мировую линию!

И потом, если это то самое двадцатое мая, так куда же девался Аркадий? Почему он до сих пор ходит неизвестно где?

Я почувствовал, что у меня голова распухает от всей этой путаницы. С каждым часом, с каждым шагом меня все глубже втягивало в водоворот времени, и я уже не понимал, как я выберусь. Героя Эдгара По, попавшего в гигантскую воронку Мальстрема, спасла наблюдательность и пристрастие к логике: он заметил, что тела цилиндрической формы опускаются гораздо медленнее других, уцепился за бочонок и спасся. А я? За что мне-то уцепиться в этом водовороте времени? Все непрерывно меняется, и я никак не могу уловить логики в этих переменах. Погас глазок на пульте... Исчезла подставка... Аркадий не лежит на диване, а разгуливает по институту... А меня швыряет в этом водовороте, как щепку, перебрасывает неизвестно откуда неизвестно куда, и попробуй тут разберись, за что уцепиться!

Мне уже было все равно, увидит меня кто-нибудь или не увидит. Я быстро сбежал по лестнице и боковым коридором вышел в вестибюль, к главному входу.

При свете уличного фонаря можно было разглядеть стрелки на больших институтских часах. Без десяти десять! А на моих... на моих двадцать шесть первого.

Значит, здесь без десяти десять... Но какого же дня?

Версия умерла — да здоровствует версия!

— Э то... это что же означает? — спросил Линьков, запинаясь. — Что моя... ну, что та версия... она справедлива?

Он тут нее осознал, что не хочет, что даже боится этого внезапного подтверждения. И по усмешке Шелеста, добродушно-иронической, увидел, что тот понял его страх.

— Ну что вы, Александр Григорьевич! — успокоительно прогудел Шелест. — Ничего даже подобного! Версию вы действительно предложили изящную и рассказали прямо-таки захватывающую историю...

— Но ведь история-то была целиком вымышленная, — сказал Линьков, обретая обычный свой спокойный тон. — А если камера вернулась с нагрузкой, то это будто бы подтверждает...

— Не подтверждает, — возразил Шелест, — наоборот: опровергает!

— Позвольте, — удивился Линьков, — может, я вас неправильно понял? По вашим расчетам вышло, что камера вернулась с человеком, ведь так?

— Ну, не совсем так. По расчетам нельзя установить, был это человек или, допустим, чурбак того же веса. Но поскольку чурбак не может открыть дверь камеры и уйти, а камера пуста...

— Да, действительно, я не сообразил, — смущенно сказал Линьков. — Почему-то я думал, что для перехода нужно одинаковое количество энергии, независимо... Как это я... ведь в пустой камере не совершается работа!

— Почти не совершается, — поправил Шелест. — Все-таки сама камера имеет массу, и подставка — тоже... Но чтобы переместить добавочный груз, конечно, требуется соответственная добавочная энергия. Подсчитал я грубо, разумеется, но сомнений нет: за вычетом обычной мощности, остается как раз такая добавочная, которая в данном режиме нужна для двойного переброса массы килограммов этак восемьдесят.

— Значит, Стружков вернулся? — задумчиво проговорил Линьков. — Странно... Где же он?

— Этого я не знаю. Но ясно, что он вернулся.

— А может, при переходе... Вы уверены, что он, так сказать, жив-здоров?

— Кто ж его знает, — помолчав, ответил Шелест. — Однако ведь он вышел из камеры... и из института. И без посторонней помощи, надо полагать. Странно, конечно, что он до сих пор не показывается...

— Вахтера надо спросить, — спохватился Линьков. — Я пойду узнаю, кто дежурил вчера вечером.

— А у наших вахтеров дежурства суточные, смена в восемь вечера; скорее всего, он же сейчас и дежурит. После совета я буду у себя, и вы уж, пожалуйста, сообщите, что успели узнать. Если, конечно, сам Стружков до тех пор не объявится.

— Да, но как быть с этой «гангстерской версией»? — спросил Линьков. — Психологические натяжки в ней явные и ужасающие, а логически она выглядит вполне аккуратно. И все факты отлично нанизываются на одну нить, располагаются на одной мировой линии... Если путешественник во времени вмешивается в прошлое, он ведь тем самым создает новую мировую линию? Но в данном случае никаких новых действий даже не предвидится! Все, что предстоит совершить нашему гипотетическому Б после возвращения в прошлое, уже совершено, уже было на нашей мировой линии: и смерть А, и похищение его записки, и даже то, что этого Б видели поздно вечером в институте.

— Ну, это, знаете... — недовольно отозвался Шелест. — События, говорите, совершились еще до перехода Стружкова в прошлое? А кто же их тогда совершил, можете вы мне объяснить?

— Да, с причинностью здесь обстоит плоховато! — подумав, согласился Линьков. — Если переход Стружкова — причина, а, скажем, похищение записки — следствие, то получается, что в той схеме следствие предшествует причине.

— Вот именно! — сказал Шелест. — Все эти петли времени очень эффектно выглядят в фантастических романах. И даже не только эффектно, а вроде убедительно. Пока не подойдешь к ним с логической проверкой. А тогда сразу обнаруживается, что все это — сплошной блеф!

Да вот вам такая простенькая логическая задачка для проверки — на основе вашей же схемы. Допустим, что ваш Б встречается в прошлом не А, а самого себя. Возможен такой вариант?

— Вполне! — согласился Линьков, и вдруг мелькнула у него в голове какая-то странная ассоциация, смутная догадка...

— Так вот. Предположим, что Б убьет не А, а самого себя, то есть тамошнего своего двойника, — продолжил Шелест. — Могут, по-вашему, оба эти события — и переход в прошлое и убийство самого себя — лежать на одной линии?

Вот оно! Линьков застыл, прислушиваясь к отчетливо зазвучавшей наконец мысли. Как просто! Как ясно! А он-то ходил три дня вокруг да около, совсем рядышком — и ничего не видел!

— Ох, простите, я задумался... — пробормотал он, поняв, что Шелест молча ждет его ответа. — Ну конечно, конечно, эти два события никак не умещаются на одной мировой линии! Если Б убил себя в прошлом, то он не может существовать в будущем. Это значит, что на данной линии у него нет продолжения. И это значит, далее, что неоткуда взяться тому Б, который пришел из будущего, некому убивать, и поэтому убийство произойти не может... Да, но ведь из этого следует, что самого себя убить невозможно!

— Ничего подобного! — возразил Шелест. — Вовсе не это следует, а другое: что в результате такого вмешательства возникает новая мировая линия!

— Понятно... — после паузы сказал Линьков. — А раз это происходит при одном виде вмешательства в прошлое, то должно происходить и при всяком другом, так?

— Разумеется. Время ведь не может приобретать различные свойства в зависимости от того, как ведет себя ваш гипотетический Б или какой-нибудь реальный путешественник во времени.

— Я вот чего никак не могу усвоить, — сказал Линьков. — Эта новая мировая линия, этот другой мир — он ведь существует, по-видимому, рядом с нашим? Но время-то едино...

Шелест задумался, озабоченно хмуря кустистые брови.

— Ну, как вам сказать... Единство времени мы, собственно, понимаем как воплощение единства мира... единства событий, образующих ту материальную систему, в которой мы живем. Создайте новые события, новую систему, и она будет обладать «своим временем». Ведь нет «времени вообще»! Нет такого времени, которое существовало бы отдельно от материального мира, от событий. Это просто термин, и довольно путанный термин, надо сказать. Лучше было бы говорить об определенной последовательности событий. А переходы, «путешествия во времени» дают возможность менять эту последовательность, добавлять к ней новые события или ликвидировать прежние. Такая возможность до сих пор не рассматривалась всерьез, но все же у нас для этого даже специальное обозначение имеется — «создать новую мировую линию». Неточное обозначение, да что поделаешь: терминология еще не разработана для этой области. Да, кстати, еще один довод не в пользу теории единого времени и временных петель. Ведь по этой теории выходит, что раз наш, «здесьшний», Стружков вернулся в двадцатое мая, то «тамошний» Стружков, который сидел весь вечер в библиотеке, дожив до двадцать третьего мая, тоже должен будет отправиться в прошлое, и тоже в двадцатое мая. А там у него в свою очередь двойник есть, и опять-таки сидит в библиотеке, и тоже должен будет отправиться в прошлое, и заставить своего тамошнего двойника повторять свои действия... И так далее. А если вся эта орава Стружковых ввалится в одну и ту же лабораторию в одно и то же время, что не исключено...

— Да, — сказал Линьков, — это уже фарсом попахивает...

— А вообще-то, — продолжал Шелест, — о времени мы пока знаем страшно мало! Его нет вне реальных событий, вот мы его только через них и воспринимаем. Сменяются события — мы говорим: время идет... А каков закон их смены? Однозначен ли он? А может, мы так сформированы окружающим миром, что способны воспринимать только один из многих возможных вариантов события? Вы бросаете монету, она может упасть орлом

или решкой вверх. Но, может быть, одновременно осуществляются оба варианта, а мы способны видеть лишь один из них — по принципу «или–или», как элементарная двоичная ячейка? Вам это понятно?

— Понятно... — поразмыслив, ответил Линьков. — Я не могу представить себе предмет иначе, как в его единственном виде — скажем, с данной определенной длиной. А между тем я знаю — по Эйнштейну, — что он существует одновременно и для других наблюдателей и обладает для всех них разными длинами. Вот если б нам получить этакое «множественное зрение»! Как изменилась бы для нас картина мира!

— То-то и беда, что ничего мы такого не имеем и не будем иметь! — с искренним огорчением сказал Шелест. — Мы намертво привязаны к своей системе, к одной точке зрения. Но плохо даже не это. Плохо то, что мы склонны считать эту свою точку зрения универсальной и всеобъемлющей. Мы все еще больше доверяем своим чувствам, грубому, несовершенному чувственному восприятию, чем разуму. Никак не оторвемся от своего пещерного предка! А ведь разум-то может подняться до «множественного зрения»! Он может совместить все аспекты в едином целом. Но мы не верим своему разуму! Мы боимся признать, что истинный мир непохож на тот упрощенный, бедный, однозначный слепок с него, который нам дан в ощущениях. Если б можно было хоть иногда, хоть на краткий срок подниматься над данной системой событий, над временем, над временами и видеть подлинное разнообразие мира глазами тела, а не только разума — вот тогда мы поверили бы: мол, собственными глазами видели! Но собственные наши глаза способны видеть лишь здесь и сейчас... вот мы и не можем себе представить, что в одном и том же «нашем» пространстве может преспокойно размещаться еще что-нибудь, какой-то другой мир, третий мир... Но знаете, я уверен, что это уже ненадолго, что это последние ступеньки, и вот-вот мы поднимемся над проклятой плоскостью нашего мира и увидим действительность во весь рост, действительность бесконечно разнообразную! Мы с вами еще это увидим, при нас это будет!

— Вы считаете, что возможна такая кардинальная перестройка человека как биологической особи? — серьезно спросил Линьков, потрясенный этой пылкой тирадой, такой неожиданной для сурового и насмешливого Шелеста. — И... так быстро?

— Ну-ну! Это я занесся чересчур и вас даже с толку сбил... — Шелест слегка смущенно усмехнулся. — Но знаете, такая досада иногда берет! Нет, я, конечно, не имел в виду биологическую трансформацию нашего организма, речь шла только о глазах разума, которыми мы научимся по-настоящему пользоваться... с помощью приборов, конечно. И вот это... — он хлопнул рукой по журналу с расчетами, — ну, открытие Стружкова, оно поможет поскорее добраться до этой ступеньки, откуда уже видно... Какой все-таки молодец Борис, ах молодец! Все мы ходили поблизости от этого, предчувствовали, воображали. А он взял да сделал! Сам рассчитал, сам первым рискнул... Молодчина!

Линьков почувствовал себя совсем уж неловко. Стружков — герой, а он про него дикие гангстерские истории сочиняет. Он начал яростно протирать очки и спросил, не глядя на Шелеста:

— Да, но, значит, мы окончательно постулируем, что Стружков вернулся и, стало быть, не мог воздействовать на прошлое?

— Конечно. Раз он вернулся, значит, никаких воздействий не совершал. Иначе создалась бы новая мировая линия.

— И он оказался бы на этой линии и вернулся бы в тамошнее будущее, а не в наше? — продолжал Линьков.

— Совершенно верно, совершенно верно, — подтвердил Шелест, глядя на часы. — Вы, Александр Григорьевич, у нас заправским хронофизиком становитесь, все с ходу схватываете. Но мы с вами заговорились, а мне хоть к концу заседания надо попасть на ученый совет. Значит, заходите ко мне. Через полчаса примерно я освобожусь.

Оставшись один, Линьков попытался мысленно представить себе, как это может монета падать одновременно и орлом и решкой вверх, но не сумел и огорченно покачал головой.

«Нет, хронофизиком тебе не быть, — сказал он себе. — А вот от своих прямых обязанностей ты что-то стал интенсивно отлынивать. Тебе бы сейчас не умствовать бесплодно и не лезть в первопроходцы от хронофизики, а подумать бы серьезно над новой версией. Ведь есть же она, новая-то версия, подсказал ее тебе Шелест, сам того не зная...»

А пока Линьков отчитывал себя за легкомыслие, новая, внезапно возникающая версия вползала все глубже в его мозг и устраивалась там поудобнее, чтобы уж никакими силами ее нельзя было оттуда вытутить.

«Собственно, почему я считаю, что она внезапно возникла? — подумал Линьков. — Как раз вполне закономерно! Конечно, если б я не узнал об открытии Стружкова и о его переходе, мне бы такое решение никогда и в голову не пришло. Но уж в этой плотной хронофизической атмосфере домыслиться было легко. Даже тот бред, который я на ходу сконструировал и беззастенчиво изложил Шелесту, и он сыграл свою роль, и он приблизил меня к истине. Ведь в университете такими понятиями оперировать не учат, так что это у меня вроде подготовительного занятия было — на применение хронофизики в следственной практике. Даже если б Шелест не подsunул мне свой заковыристый пример, я бы все равно, рано или поздно, добрался бы до такого варианта, раз уж начал оперировать хронофизическими понятиями. Тут главное — вообще принять в расчет, что возможно без всякой мистики встретиться с самим собой. Остальное уже элементарно».

Он мысленно объявил себе благодарность за успехи на поприще уголовной хронофизики и глянул на часы. Шелест через полчаса его ждет, а он тут стоит и вхолостую мыслит, не достигая никаких ощутимых результатов. Не лезть же к Шелесту опять с одними догадками! Факты нужны, доказательства.

«А где их взять? — с грустью думал Линьков, оглядывая лабораторию. — Хронокамера никаких показаний по делу тебе не даст, пульт — тоже. Хронофизику они, может, что-нибудь и сообщили бы по дружбе, а тебе — дудки! Нет, что уж тут, только на самого себя и приходится рассчитывать, на свои персональные мозговые из-

вилины... Правда, кое-какие фактики уже имеются, нечего нам прибедняться. Раньше я этим фактам особого значения не придавал, а теперь они как раз к месту придутся. Беда только, что фактов этих кот наплакал. Некоторые детали из показаний Берестовой. И еще слова Аркадия, которые этот стервец Марчелло запомнил и передал... насчет его конфликта с самым близким другом. Действительно, куда уж ближе! Да, маловато фактов... Но для начала попробуем на этом материале, хоть с проблемами, реконструировать события.

Значит, видели-то его, а принимали за другого — это понятно... Откуда же он мог появиться? Если б он в лаборатории сидел, то легко было бы понять, как он туда попал. Но в лаборатории он не мог сидеть, это не согласуется с показаниями Берестовой. Значит, надо искать другие пути. Что ж, поищем... А может, Стружковым сначала заняться? Да нет, Стружков никуда не денется... если это и вправду Стружков вернулся. А вообще-то говоря, именно в этом пункте Шелест рассуждал не очень убедительно с точки зрения психологической. Если уж Стружков захотел и сумел перейти в прошлое, так почему же он немедленно вернулся, ничего не сделав? Не туда попал, что ли? Но он ведь мог повторить попытку... должен был повторить, если так уж хотел спасти Левицкого! Испугался, что попадет в другой мир, на другую линию? Ну, об этом он наверняка подумал раньше, до перехода. И если б он так боялся этого, то вообще не решился бы отправиться. Да нет, это на него непохоже, совсем непохоже! Если к Стружкова правильно понимаю, то ничего он не боялся, а напротив — только и думал, как бы поскорее добраться до двадцатого мая и начать действовать... Постой, постой! Подумаем над этим дальше. Стружков вряд ли стал бы проделывать за один вечер такую сумасшедшую работу и рисковать жизнью только для того, чтобы тихонько посидеть в хронокамере и вернуться обратно, ничего не сделав. Однако же камера вернулась не пустая. В ней кто-то был. И этот кто-то ушел из лаборатории, а дальше как сквозь землю провалился. Шелест, вполне понятно, решил, что это был именно Борис. И я тоже. Просто в голову не приходило, что в камере может оказаться кто-то другой! А ведь выходит, что

поторопились мы. И нечего удивляться странному поведению Стружкова: просто это не он, а совсем другой человек... А с этим новым героем все выглядит совсем иначе и вполне естественно. Вы поймите, Игорь Владимирович, — мысленно обратился Линьков к Шелесту, — ведь Стружков никак не может вернуться в наш мир! Он отправился в прошлое, чтобы активно действовать, и, если не погиб при переходе, то, выйдя там из камеры, немедленно начал действовать. И значит, создал иную систему событий, новую историю, новую мировую линию. Он уже не мог вернуться в наш мир. А вот камера его была, по-видимому, включена на возвращение — включена автоматически отсюда. Так что она осталась на нашей мировой линии. А здорово я все же наловчился рассуждать о хронофизике! — с мальчишеской гордостью подумал Линьков. — Вот ведь какую нетривиальную хронофизическую тонкость сообразил! Это, наверное. Шелест оценит. Ну конечно, и Стружков бы оценил, и вообще толковые хронофизики. А так попробуй кому объясни! Не поймут».

«Ну что ж! Начинаем искать! — с преувеличенной бодростью сказал себе Линьков, выходя из лаборатории. — Искать, конечно, не Стружкова, а того, кто в его камере сбежал из прошлого. И повезло же человеку! Впрочем, почему повезло? Он, надо полагать, и сам мог уйти... Наверняка мог! А вот взял и перешел к нам. Зачем? Эх, найти бы его, поговорить... Только он-то не стремится ни с кем разговаривать. Запрытался, наверное, постарался изолироваться от института...

А Шелест все ждет Стружкова... Да если б Стружков вернулся, он бы с утра уже околачивался в институте!

Линьков захлопнул за собой дверь лаборатории и шагнул было к боковой лестнице, но вдруг остановился и замер.

Только сейчас он понял, что новая версия, в сущности, не объясняет трех важнейших вопросов. По-прежнему остается неясным, почему и каким образом погиб Аркадий Левицкий, куда девалась его записка и откуда взялся Стружков, которого видели вечером в лаборатории Берестова и Чернышев.

Линьков медленно зашагал по коридору, на ходу пытаясь заново, в свете новой версии, рассмотреть эти непробиваемые загадки.

«Ну, встретились они, ну, поговорили, — раздумывал он. — Разговор у них, наверное, получился в высшей степени интересный и содержательный. Но ссориться-то им зачем? Чего они не поделили? Или это была не ссора? Но все равно — почему эта встреча привела к гибели Аркадия Левицкого? Что это было? Шантаж? Боязнь разоблачения? Эх, Линьков, Линьков... Случай-то в следственной практике уникальный, а ты его на уровень коммунальной кухни свести норовишь! Тут ведь все необычайно, невероятно, — и участники встречи, и условия, в которых она состоялась... Надо полагать, что и причина, и способ действий столь же необычны. Да только где тебе, Линьков, сообразить, о чем они говорили... не твой это уровень!

И с запиской по-прежнему непонятно... Он, что ли, забрал записку? Но зачем же ему?.. А тут еще Стружков неизвестно откуда вынырнул! Ну, действительно, как он очутился в институте в одиннадцать вечера?»

Линьков горестно покачал головой. Нет, хватит рассуждать! Надо факты добывать, факты! Секунду поколебавшись, он решительно двинулся по центральному коридору к выходу из института.

«Будем действовать по порядку, — рассуждал он, спускаясь в вестибюль. — Как он появился, проверим позже. А сейчас попробуем проверить, куда он девался. Шансов на успех тут очень мало, но для порядка надо спросить. Да и с Шелестом мы уговорились, что я пойду на проходную. Правда, мы имели тогда в виду выяснить насчет Стружкова, но это теперь ни к чему. А вот этого неожиданного гостя если б засечь... Только вряд ли на проходной о нем хоть что-нибудь знают — ведь не пытался же он пройти через проходную! Вообще-то непонятно, как он выбрался из института? Через забор, что ли? Пожалуй, единственный путь. Через проходную идти нельзя, оставаться до утра в институте тоже нельзя. Можно себе представить, что началось бы, если б его утром обнаружили! Да, но, может, он вообще и не собирался выходить из института? Зачем ему рисковать? И куда идти?

Прочел записку Бориса, посмотрел его чертежик, включил камеру — и двинул куда вздумается. Я бы на его месте так и сделал».

Линьков вошел в проходную. Макарыч отложил газету, снял очки в тонкой металлической оправе и с большим интересом поглядел на Линькова.

— Вы ведь вчера вечером тоже дежурили, Василий Макарович, — смущенно покашливая, начал Линьков. — Так вот, я хотел бы, чтобы вы постарались припомнить, не было ли вечером или ночью каких-либо происшествий.

— Происшествий никаких не было! — отрапортовал Макарыч. — Что вы! Какие такие происшествия? Я бы враз доложил, ежели что...

— Ну, ну, — успокоительно сказал Линьков, — вы меня, очевидно, не совсем поняли. Я имею в виду не ЧП, а так, мелочи какие-нибудь... Может, вы шум подозрительный слышали в саду или на улице. Или, может, через забор кто-нибудь перелезал...

— Что вы, что вы! — обиженно сказал Макарыч. — Через забор! Это же и есть ЧП! Ну только кто к нам полезет? Было бы за чем! Ни цветов тут у нас, ничего...

— Значит, ничего такого абсолютно не было ни вечером, ни ночью? — терпеливо спросил Линьков. — Меня, понимаете, всякая мелочь интересует. Ничего не припоминаете?

— Ничего как есть! — со вздохом сожаления ответил Макарыч. — И рад бы для вас припомнить — ну, ничего не было.

— А работал кто-нибудь вечером в институте? — на всякий случай спросил Линьков.

— Двое работали, — охотно ответил Макарыч. — Всего двое. Стружков, значит, и Юрченко. Ну, Юрченко-то сразу ушел, как я на вахту заступил, — может, четверть девятого было, но не больше. А Борис Николаевич, тот допоздна сидел. Самую малость до одиннадцати не дотянул.

— Что-что? — Линькову показалось, что он ослышался.

— Без пяти одиннадцать, говорю, ушел он... может, без трех...

— Стружков ушел без пяти одиннадцать?!

— Ну да. Ай опять с ним что не так?! — ужаснулся дед.

— Нет, нет, все в порядке, — торопливо сказал Линьков. — Просто я не знал, что он вечером был в институте.

— А вам, поди, сказали, что и не был! — с горечью заметил дед. — Ну, это на него кто-то по злобе наговаривает, а вы не верьте! Хороший уж больно парень: серьезный такой, самостоятельный.

— Но вы точно знаете, что это был Стружков? — не удержавшись, спросил Линьков.

— Неужели ж я Бориса Николаича с кем перепутаю! — обиделся дед. — Вышел, гляжу, заморенный, ступает еле-еле, но все равно вежливо так спокойной ночи мне пожелал...

— И пошел? — бессмысленно спросил Линьков.

— И пошел, а как же! — подтвердил дед, с любопытством глядя на него. — Домой пошел, спать. Может, с устатку проспал сегодня? Нету его что-то...

— Нету... спасибо... до свиданья... — совершенно обалдев, пробормотал Линьков и поплелся обратно в институт.

Глава девятая

Вечер был теплый и влажный. Наверное, прошел легкий дождик — плиты мощеной дорожки тускло блестели в полосе света, падавшей из проходной.

Мне вдруг стало страшно идти дальше. Я осторожно приоткрыл дверь проходной и заглянул в щелочку. А, дежурит Макарыч, это хорошо?

Макарыча я люблю: душевный старикан и к науке питает несокрушимое уважение. Особенно к нашей хронофизике. Он вообще-то убежден, что мы работаем в основном над проблемой омоложения и только таимся до поры, потому как еще не все постигли и превзошли. А потом объявимся и полным ходом начнем возвращать людей из преклонного возраста в самый цветущий.

— Работаете всё... — позевывая, прогудел он в желто-белые, прокуренные усищи. — Труженики, ох труже-

ники! Ай вам погулять никогда не хочется? Дело-то молодое!

— Некогда все... — пробормотал я, раздумывая, как бы к нему половчее подступиться, потом сказал проникновенно: — Какие тут гулянки, Василь Макарыч! До того заработаешься, бывает, уж и не понимаешь, на каком ты свете. Вот и сейчас, например, сообразить даже не могу, какое сегодня число. Представляете?

Выговорив все это, я жалобно поглядел на Макарыча. Старик сочувственно закивал.

— Наука... — сказал он добродушно. — В старое время ученые, говорят, и вовсе ничего не соображали в обыкновенной жизни, все равно как младенцы новорожденные. Девятнадцатое у нас сегодня, милок, девятнадцатое мая, да... А через два часа, значит, уже двадцатое будет.

Двадцатое — завтра! Только завтра! Значит, они меня еще на сутки назад швырнули... Зачем же это? Впопыхах, по ошибке, что ли? Я ведь им и отсюда помешать смогу, если правильно разберусь во всем.

Я задумался и перестал было слушать Макарыча, потом снова включился, где-то на полупhrазе.

— Иди уж, иди, мил человек, — сочувственно говорил Макарыч. — Прямо лица на тебе нет. И Аркадий твой тоже проходил сейчас, весь черный и с лица спал... Батюшки, думаю... — Тут Макарыч запнулся, поглядел на меня и спросил: — Ай вы с ним поругались?

— Мы с ним? Да вроде нет... — неуверенно ответил я, пытаюсь сообразить, какой же это Аркадий выходил сейчас из института: «здешний», наверное? — А что?

— Да так я просто... — сказал Макарыч. — Гляжу, поврозь выходите. Что ж, не мог он тебя пять минут подождать? Весь вечер, думаю, вместе просидели, а тут...

— Ну да... вместе... мы так просто... — забормотал я, не зная, что сказать.

— Иди, иди, голубок, — ласково сказал Макарыч. — Заговорил я тебя, старый леший...

— И то пойду, — сказал я расслабленным голосом. — Устал я правда до смерти. Спокойной вам ночи на трудовом посту, Василь Макарыч!

Выйдя из проходной, я машинально добрел до скверика, остановился и глянул на скамейку, где мы с Ниной объяснялись и никак не могли объясниться, а Время небось смотрело на нас краем глаза и хихикало: «Ага, попались, хронофизики!» Когда же это было? Пять часов назад, четыре дня вперед — поди разберись...

Вообще, куда же мне теперь идти? Где бы для начала хоть поспать часок? Я прямо с ног валился от усталости. Шутка ли, за один вечер столько всего! Сногшибательный разговор с Ниной; бешеная работа в лаборатории; путешествие во времени; отслеживание загадочного незнакомца в измененном мире и встреча с живым Аркадием; снова — и совершенно неожиданно! — переброска. Не считая того, что между прочим, этак мимоходом, я взял да открыл способ перехода во времени! Ай да Борис Стружков! Силен, бродяга! Да, вот именно — бродяга бездомный. Дома у меня здесь нет. То есть комната моя, конечно, существует, но в ней ведь другой Борис... Насколько я помню, он сейчас провожает Нину домой, вернее, бродит с ней по улицам и несет какую-то несусветную чушь... Конечно, ему-то что!

Нет, ну какое все же свинство со стороны Аркадия! Что это за манера — ни с того ни с сего совать человека в хронокамеру! Ну ладно, работали они там, готовили эксперимент потихоньку ото всех, даже от меня, — это я могу понять, хоть и обидно, что Аркадий от меня таится... Ну, не будем об этом... Но такие штучки устраивать! Использовать хронокамеру для расправы с «неудобными» людьми! А может, это они контрольную проверочку провели на мне? Да нет, это уж совсем дико выглядит: что я им, брусочек?

А самое главное, самое главное, что все это никак не объясняет, почему Аркадий покончил самоубийством! Наоборот, пожалуй, еще больше запутывает дело. Ведь если этот его загадочный компаньон был попросту помощником в подготовке эксперимента — монтажник он или кто другой, неважно! — то уж совсем ничего не понятно! Ну, открыл Аркадий, как перемещать человека во времени, ну, рассчитал поле, подготовил камеру для этой цели, — так ведь радоваться этому надо, великое дело сделано. А он вдруг самоубийством кончает! Обнару-

жил, может, что передвижение во времени — штука опасная, что человечеству это принесет больше вреда, чем пользы, и поэтому, из раскаяния и страха, решил отравиться? Опять белиберда получается: какой же ученый так поступит! Да и опасности, которые могут грозить человечеству, если оно начнет путешествовать во времени, давным-давно рассчитаны (вероятно, по принципу «зелен виноград!») и даже многократно отображены в художественной литературе, и не мог Аркадий испытать никаких внезапных потрясений по этому поводу, поскольку научную фантастику знал преотлично.

Еще через минуту мне стало совсем безразлично, выясню я когда-нибудь что-нибудь или нет. Устал я до невозможности, мысли путались, ноги заплетались. Я с удивлением обнаружил вдруг, что иду, вернее, плетусь... а куда, сам не знаю.

А впрочем, куда же еще? К себе, то есть к «здешнему» Борису, неудобно: увидит нас вдвоем хотя бы соседка, тетя Маша, и инфаркт ей обеспечен. Да и самому мне как-то морально тяжело разговаривать с другим Борисом Стружковым, мне себя одного вполне хватает. Значит, некуда мне идти, кроме как на улицу Дарвина, дом номер шесть, квартира четыре, второй этаж, где проживает наш дорогой Аркашенька. Приду я к нему и скажу: «Вот что, друг, надоело мне за тобой гоняться по времени, я тебя тут, в пространстве, прищучил и выпускать не намерен. Выкладывай все как на духу, не канителься! А если нет — дуэль! На мясорубках! Одолжу мясорубку у Анны Николаевны и такой из тебя фарш приготовлю! Ух, какой я из тебя сделаю фарш!»

Представив себе эту сцену, я сразу оживился и воспрянул духом. Несколько смутило меня лишь одно странное обстоятельство: при словах «мясорубка» и «фарш» у меня слюнки потекли! Но, поразмыслив, я понял, что людоедских наклонностей, странствуя по времени, не приобрел, а только мой пустой желудок совсем некстати включился в мысленный идейный спор, не понимая, о каком фарше идет речь.

Улица Дарвина начиналась в двух кварталах от института, а еще через квартал кончалась: в ней всего-то была дюжина домов, с обеих сторон.

Ну, вот. Улица Дарвина уперлась в ограду сквера. В глубине сквера — бывшая церквушка, лет сорок назад переоборудованная под клуб пищевиков, мы там фильмы смотрим. Дом номер шесть у самого сквера. Аркашкино окно на втором этаже, третье слева от парадного. В окне темно.

Вот тебе раз! Куда же девался Аркадий? Пришел — и сразу спать завалился? Непохоже на него. Да и быстро чересчур. Вышел он из института за пять минут до меня — так Макарыч сказал? Прикинем на мое собеседование с Макарычем, на стояние у скверика, на медленную ходьбу еще минут пять, ну, десять, допустим. Даже если он не ужинал и чаю не пил... хотя наверняка проголодался, целый вечер ведь сидел в лаборатории... Все равно: раздеться, вымыться, постелить постель, лечь — и то еле успеешь. Нет, наверное, Аркадий не приходил еще домой. Интересно, куда же это его понесло на ночь глядя?

Ну что ж, подождем. В скверике посидим... Нет, не посидим, скамейки у входа нет, а нам нужно видеть и улицу, и окно Аркадия. Станем, значит, вот под этим симпатичным пожилым кленом и обопремся на его надежный ствол.

Улица просматривается отлично, вход в дом номер шесть и того лучше, его освещает яркий фонарь над воротами сквера. В окне у Аркадия по-прежнему темно...

Я все время упорно созерцал улицу, и не мог бы не заметить Аркадия — пари готов держать! Аркадий безусловно не проходил при мне по улице и не входил в свой дом. И все же в его окне зажегся свет! И промелькнул темный силуэт человека. Откуда же он взялся, что за чудеса!

Я выбежал из скверика, влетел в парадный и одним духом взвился на второй этаж. У нас с Аркадием был условный сигнал — два длинных звонка, потом один короткий. Звонил я негромко, чтобы не разбудить Анну Николаевну. Дверь Аркадия ближе по коридору, он должен услышать. Я чуть подождал и позвонил снова.

Тихонько скрипнула дверь. Пауза. Потом послышались шаги — осторожные, крадущиеся... Я подумал, что Аркадий боится разбудить соседку. Шаги вплотную при-

близилась к двери и, не останавливаясь, стали удаляться! Что же это такое? Почему Аркадий не открывает? Он ведь понимает, что это я: звонок-то наш, условный! Шаги удалялись в сторону кухни. Я нажал на кнопку изо всех сил — звонок надрывно задребезжал в коридоре. Внутри щелкнул замок, открылась дверь, раздались вздохи, позевыванье, сонное бормотание, шаркающие шаги.

— Кто это там? — сердито и тревожно спросила Анна Николаевна. — Звонят, как на пожар!

— Анна Николаевна, это я, Борис, простите, не сердитесь, откройте, у меня важное дело! — взмолился я.

Анна Николаевна, зевая, возилась с цепочками и замками.

— Какое такое дело? — бормотала она, стоя на пороге. — Аркадия дома нет, и не придет он сегодня, еще утром мне сказал, что если до десяти не вернется, значит, не ночует дома. А вам-то он чего ж не сказал?

Я почти оттолкнул Анну Николаевну — она ахнула и разинула рот — и бросился к комнате Аркадия.

Дверь была приоткрыта. Внутри — темно. Я щелкнул выключателем. В комнате никого не было.

Анна Николаевна, стоя у входной двери, ошарашенно моргала и пыталась что-то сказать. Я промчался мимо нее в кухню. Ну конечно, дверь черного хода настежь. Кто-то вышел отсюда, из кухни, — задвижка-то изнутри...

Я запер дверь на задвижку и вернулся в коридор. Анна Николаевна, застыв у входной двери, добросовестно тарасила на меня сонные, слипающиеся глаза и силилась заговорить.

— Здесь кто-то был, понимаете? — отрывисто сказал я. — В комнате Аркадия. Я сам только что видел, как в окне зажегся свет. И этот тип сбежал, когда услышал мой звонок. От меня сбежал. Через черный ход.

— Это как же так?! — Анна Николаевна совсем проснулась от страха. — Это что же делается-то, господи! Да ведь дверь-то у нас на цепочке была, Боря! Через окно он влез, не иначе, ой, батюшки! И ведь говорила, говорила я Аркадию сколько раз, чтобы окно не бросал открытым...

Я заглянул в комнату Аркадия, Окно было закрыто. Да и вообще чушь порет Анна Николаевна — кто же это полезет с улицы, на виду у всех, в окно второго этажа? Нет, войти он мог только через дверь. Значит, у него был ключ... Он вошел до десяти: Анна Николаевна в десять, как всегда, легла спать и дверь заперла на цепочку. Он, должно быть, знал этот внутриквартирный распорядок...

Ключ... Опять у кого-то есть ключ! На этот раз не от лаборатории, а от комнаты Аркадия. Странно все же... Кому Аркадий мог дать ключи и, главное, зачем?

Может, это сам Аркадий и был? Но чего ему бегать от меня? Хотя я бы этому особенно не удивился. Я, кажется, полностью израсходовал запас удивления на сегодняшний день. Нет, Аркадий тут не мог быть! И не стал бы он сидеть впотьмах в своей комнате. Это сидел кто-то чужой... и боялся, что Анна Николаевна его заметит. Наверное, зажег он свет, когда увидел, что в окнах у Анны Николаевны стало темно... И то не сразу зажег, а подождал, пока соседи наверняка уснут.

Да... и ключ у него есть, и мой условный звонок он знает, и привычки Анны Николаевны ему знакомы. Кто бы это мог быть? Неужели все-таки я... то есть какой-то еще Борис Стружков! Какой-то еще? Значит, это уже третий — на сегодняшний день, как говорится... «Что это Стружковы, как грибы после дождя, повсюду выскакивают? — неодобрительно подумал я. — Стружков «здесьний» (тоже я), Стружков еще один (тоже, наверное, я — может, «завтрашний» либо «позавчерашний»)». Еще какого Стружкова ждать прикажете? — Мысли эти не вызывали у меня уже ничего, кроме усталости. — Ну, я так я. Даже понятней выходит: услышал я свой звонок, не захотел сам с собой встречаться — а кто захочет?! — и шмыгнул через черный ход. Может, я сам себя и толкнул в хронокамеру? А что? Все возможно...»

Я так задумался, что перестал слушать испуганные причитания Анны Николаевны. Но постепенно сквозь поток моих мыслей пробилось слово «милиция», и тогда я понял, что надо действовать. Милиции мне только не хватало в этом деле!

— Да что вы, Анна Николаевна! — горячо сказал я. — Милиция придет, а мы ей что скажем? Убили кого, избили, ограбили?

— Может, и ограбили? — недоверчиво заметила Анна Николаевна.

Она зашла в комнату Аркадия, покрутилась там минуту-другую.

— Так будто бы все на месте, и костюмы в шкафу висят аккуратно, и в стол, видать, никто не лазил... — растерянно сказала она, снова выйдя в коридор.

— Ну вот видите! — подхватил я. — Высмеют нас милиционеры, скажут: померещилось вам, никого тут не было!

— Ой, не померещилось, Боря, не померещилось! — испуганно округлив глаза, возразила Анна Николаевна. — Накурено там в комнате, дышать нечем, и сигарета, гляжу, в пепельницу ткнута наспех, дымок еще от нее идет... Лучше-ка я милицию вызову, боюсь я, ей-богу, боюсь!

Уж я ее уговаривал-уговаривал, прямо охрип, тем более что объяснялись мы полупшепотом, чтобы ее семейство не разбудить. Наконец поладили на том, что я переночую в комнате Аркадия, а входная дверь будет на цепочке. После этого Анна Николаевна отправилась к себе и долго возилась, запирая свою дверь на все замки, а я остался один.

Цепочку со входной двери я тут же потихонечку снял, стараясь не брякать. Аркадий теперь уж, видимо, не придет, но вот этот загадочный тип... вдруг он вернется? Постоит тоже в скверике, увидит, что в окне света нет, и попытает счастья снова. Ведь что-то же нужно ему было здесь, иначе не лез бы! Правда, может, он уже добыл то, за чем охотился... да нет, вряд ли! Я начал звонить через две-три минуты после того, как он включил свет, а в комнате, по словам Анны Николаевны, все было на месте, ничего, значит, не переверочено, не разворочено в поспешных поисках. Он, наверное, только начал оглядывать комнату и соображал, где это может быть, а тут звонок... «Ну и фантазия у тебя, брат! — одернул я себя. — Концепции из тебя сыплются, как пшено из дырявого мешка, по любому поводу! Да почему ты знаешь, может,

он вообще ничего не искал, а ждал или прятался. Ладно, спрячемся и мы, устроим засаду по всем правилам».

Я не стал зажигать огня в комнате и даже окно побо-
ялся открыть, хотя действительно этот тип прокурил тут
все насквозь. В свете уличного фонаря я разглядел пе-
пельницу на подставке торшера, вынес ее в коридор, ис-
следовал окурки. «Столичные». Те же, что курит Арка-
дий. Ну, это он, наверное, Аркашкины сигареты истреб-
лял, пока сидел здесь. Я вытряхнул окурки и пепел в му-
сорное ведро на кухне, вернулся в комнату и, не раздева-
ясь, повалился на тахту. Ох, с каким наслаждением я вы-
тянулся на спине и закрыл глаза! Правда, мне сразу по-
чему-то представилось, что я уже лежал на этой тахте,
совсем, недавно, полчасика назад, прислушивался, не ходит
ли кто по квартире, хотел и не решался зажечь свет. Я
даже передернулся весь и головой замотал, чтобы ото-
гнать это нелепое ощущение. Но стоило мне снова за-
крыть глаза, как опять полезла в голову всякая дичь.

Упорно мерещилось мне, что стоит там, на улице, и
пристально смотрит в темное окно комнаты Борис
Стружков. Но я не мог разобраться, какой же это Борис —
не то я сам, не то другой... тот, который сбежал отсюда.
А может, еще какой-нибудь?.. Еще один Стружков... ве-
реница Стружковых... стройные ряды Стружковых...
колонны Стружковых... Глаза у всех вытаращенные, не-
доверчивые, так и бегают по сторонам, обстановку изу-
чают; и номера у всех на груди — порядковые, для раз-
личия. Нет, не ряды, не колонны... цепочка! Они идут
один за другим, соблюдая дистанцию... Вот какой-то
очередной Борис выбегает из скверика, мчится вверх по
лестнице, звонит... Предыдущий Борис крадучись уди-
рает из комнаты на кухню... исчезает. Пришедший зани-
мает его место на тахте, а в скверике, под кленом, уже
стоит следующий Стружков. Вот и он бежит по лестни-
це... сейчас позвонит, вот он звонит... звонит...

Я проснулся от оглушительного трезвона. Это орал
будильник у меня над головой, на полочке тахты. Арка-
дий его, что ли, завел? И тогда я понял, что за окном во-
сю светит солнце.

Значит, я улегся и преспокойно проспал до утра! То-
же мне — засада... Этот тип мог запросто явиться и меня

в окно выбросить — я бы, наверное, только на тротуаре очнулся. Оно, конечно, неудивительно после такого занимательного вечера, с путешествиями и приключениями... Но все же... эх ты, комиссар Мегрэ...

В дверь постучали, нервно и торопливо. Я вскочил и, на ходу приглаживая волосы, кинулся открывать. Это была Анна Николаевна, уже утренняя, деловая, подтянутая, — сразу видно, что на работу спешит. Но глаза у нее все-таки были тревожные и растерянные.

— Я было не хотела вас будить, но мне на работу пора, а у вас, слышу, будильник зазвонил...

— Да нет, я уже встал, мне тоже пора... — смущенно пробормотал я. — Ночь вроде прошла спокойно.

— Ночь-то спокойно, а вот звонили сейчас Аркадию, я хотела вас позвать.

Сон с меня сразу слетел — вчерашний сумбурный день опять навалился всей тяжестью на сердце, и оно запылало от предчувствия беды.

— А кто звонил-то? — Я старался быть спокойным.

— Да кто его знает! Мужчина какой-то. Голос чудной, хрипучий такой. Левицкого спрашивает. «Дома, говорит, Левицкий?» Я говорю: мол, постучу сейчас, узнаю, — думала, может, он ночью пришел... вижу, цепочка снята...

— Надо было сразу меня позвать! — простонал я.

— Да не пустил он меня! Говорит — не надо, мол, его беспокоить. А сам словно бы забеспокоился, быстро-быстро так заговорил: «Передайте ему, говорит, пускай он придет в восемь часов, как условились».

— А где? Куда приходиться-то?

— Он только сказал, что на том же месте, где всегда. «На нашем месте» — так вот сказал. Аркадий-то, верно, знает, какое место.

— И больше он ничего не говорил?

— Говорил... — Анна Николаевна наморщила лоб, стараясь припомнить. — Насчет таблеток каких-то сказал...

— Таблеток?!

— Ну да! «Скажите, говорит, Левицкому, что я насчет таблеток, он, говорит, поймет...» И трубку сразу

повесил. Больше ничего не сказал... Ой, опаздываю я, заговорилась!

Анна Николаевна ринулась к вешалке, схватила плащ.

Я стоял и смотрел на нее. Завтра двадцать первое мая. В этот день я, в том, уже ушедшем от меня мире, пришел к Анне Николаевне, и она мне сообщила о загадочном госте Аркадия, парне с усиками, похожем на Раджа Капура. Она тогда обнаружила наблюдательность, хотя след и был ложным.

— Анна Николаевна, — спросил я, провожая ее к двери, — а вам этот голос совсем не знаком, который по телефону-то говорил?

— Нет... словно бы нет... — неуверенно ответила она, приостанавливаясь.

— Только, я думаю, он подделывался... нарочно хрипел-то! Может, правда боялся, что я его распознаю. — Она опять испугалась: — Ох, Боря, кто ж это такой? Вы додумались, может?

Я покачал головой.

— Стараюсь додуматься, но пока не выходит, Анна Николаевна...

— Ой, нехорошие какие дела пошли! — тревожно сказала Анна Николаевна. — Боря, дверь-то, дверь не забудьте захлопнуть как следует, а то она отходит! — крикнула она с порога и побежала вниз по лестнице.

Я посмотрел на часы: было без четверти восемь по здешнему времени — я вчера переставил часы, сверившись у Анны Николаевны. И вдруг мне пришло в голову, что свидание-то назначено на восемь утра. Конечно, не вечера, как это я сразу не догадался? Ведь таблетки должны быть у Аркадия к концу рабочего дня, не позже! Но тогда «наше место» скорее всего обозначает тот самый скверик на углу возле института, где мы объяснялись с Ниной... «Наше место»... Кто же мог так говорить?

Кто, кто! Чего уж теперь гадать! «Нашим местом» это было для Аркадия Левицкого и для Бориса Стружкова. И ни для кого больше. Однако же! Вроде бы получается, что я же сам... то есть кто-то из Стружковых... любезно

доставил Аркадию яд? Помог осуществить мечту, так сказать? Весело...

Впрочем, думать мне было некогда. Все эти обрывки мыслей мелькали у меня, пока я наспех умылся и пригладивал волосы щеткой Аркадия. Голоден я был зверски, но готовить завтрак было некогда и к тому же я не знал, где чьи продукты лежат в холодильнике. Я схватил со стола Анны Николаевны кусок хлеба и, на ходу заглаывая его, ринулся вниз по лестнице.

Таблетки... он, значит, принесет Аркадию таблетки? Я машинально притронулся к карману куртки — пачечки по-прежнему лежали там. Пачечки, которые я взял вчера... то есть сегодня вечером со стола Аркадия. Но до этого момента теперь остается часов одиннадцать—двенадцать и кто-то еще только собирается передать Аркадию эти самые таблетки...

Вот сейчас я спрячусь в кустах и посмотрю — кто же этот благодетель! А потом выйду, представлюсь и... Ох и выдам же я ему! За все! За таблетки, за Аркадия... за идиотские штучки с хронокамерой, — чтобы разучился живых людей вместе с грязными досками туда-сюда швырять... За Анну Николаевну — тоже... чтобы не разгуливал по чужим квартирам среди ночи, чтобы не хрипел чужим голосом в телефон!

«А если это окажется я сам?» — подумал я с тревогой. Да-а... тогда придется менять программу на ходу. Самому себе как-то неловко морду бить... А между прочим, никто там и не может появиться, кроме одного из Борисов Стружковых! Никто другой таких подробностей об Аркадии не знает... Нина разве? Но Нина не сумела бы говорить хриплым басом по телефону. А кроме того, она весь вечер проболтала со мной... со мной «здесьним»... вернее, «тогдашним»... «теперешним»... Ах, чтоб тебе, ну и путаница! Но, словом, я отлично помню, что девятнадцатого мая мы сидели с Ниной в кафе, а потом до полуночи шатались по улицам и никак она не могла до десяти часов оказаться в квартире Аркадия... Не говоря уж о том, что если б и могла, так зачем ей туда лезть?

Без двух минут восемь я прилег на прохладную зеленую траву за высокими кустами боярышника и тяжело перевел дыхание. Вход в скверик и главная дорожка про-

сматривались отсюда отлично. А за моей спиной поднимался кирпичный брандмауэр трехэтажного дома, так что укрытие было превосходное. Плохо только, что голод мучил меня все сильнее. Ведь со вчерашнего (или с послепослезавтрашнего?) обеда я ничего во рту не держал, кроме этого кусочка хлеба, а он только раззадорил аппетит. Меня мутить начинало с голоду и обо всяких петлях и прочих каверзах времени думать не хотелось... В голову почему-то упорно лезла яичница-глазунья. Уж не знаю, почему именно яичница, но я ее прямо наяву видел: из трех яиц, и вся беленькая такая, пузырчатая, а желтые глазки так и колышутся, а краешки так и подпрыгивают в шипящем масле, золотистые, кружевные, аппетитно хрустящие краешки... Я облизнулся, глотнул слюну и зажмурился от судороги в пустом желудке.

А когда я открыл глаза, то увидел, что по аллее торопливо шагает человек.

Вот так штука! Это был вовсе не Борис! Это был Аркадий!

Я даже за кусты уцепился — показалось, что земля подо мной дрогнула и куда-то поплыла. Я глядел на аллею и пытался сообразить — почему Аркадий, откуда Аркадий, как он узнал?

Что это я какой недогадливый! Он, наверное, заранее сговорился с этим своим «незнакомцем», а тот позвонил утром просто для страховки, не зная, что Аркадий дома не ночует... Постой! Тогда получается, что «незнакомцев» уже двое: один сидел в комнате Аркадия, другой звонил утром? Нет... это мог быть один и тот же! Он не дождался Аркадия, пришлось удирать... утром позвонил. Да, возможно... Но так или иначе, где же он? Аркадий вон ждет не дождется и явно нервничает: то на часы смотрит, то на вход в скверик... даже гримасничает от нетерпения и переминается с ноги на ногу, как застоявшийся конь. Что-то в нем странное, в этом Аркадии, а что — понять невозможно...

Аркадий снова посмотрел на часы и досадливо оскалился. Я тоже глянул на свои часы. Двадцать семь минут девятого! Через три минуты начинается рабочий день в институте. Поэтому Аркадий и нервничает. А «незнакомец»-то, он разве не знает об этом? Знает, конечно, — не

зря назначил свидание рядом с институтом, за полчаса до начала работы. Тем более странно... И вообще, куда же он девался? А что, если... что, если... (Я чуть не вскочил, так поразила меня эта мысль.) Что, если я уже начинаю наблюдать «то самое» двадцатое мая со всей его загадочной путаницей? Может быть, «незнакомец» потому и появился в нашей лаборатории после работы, что утром они с Аркадием не смогли встретиться?

Словно подтверждая мою догадку, Аркадий опять поглядел на часы, раздраженно махнул рукой и направился к выходу.

Нет уж! Не мог я допустить, чтобы Аркадий на моих глазах повторял, как заводная кукла, все, что привело его в этот день к бессмысленной гибели! Не мог я этого допустить, и никакая логика тут не помогала, никакие рассуждения о временных петлях не могли меня остановить! Ведь через две минуты Аркадий войдет в институт — и никогда уже не выйдет обратно!

Я выбежал из-за кустов на аллею. Аркадий шел задумавшись, ничего кругом не видел и не слышал.

Я хлопнул его по плечу. Он вздрогнул и резко повернулся. С минуту мы молча глядели друг на друга. Аркадий озабоченно хмурил густые черные брови и словно старался что-то сообразить. Наконец он сказал деланно-небрежным тоном:

— А, Борис, это ты! А я, знаешь, задумался что-то и совсем тебя не заметил... Ты откуда тут взялся?

Для человека в моем положении этот вопрос звучал несколько двусмысленно. Но я почти не обратил на это внимания и даже не ответил ничего Аркадию. Я не мог оторвать глаз от его костюма. Главное, от его немыслимо шикарных отворотов...

Что и говорить, очень странно в таких обстоятельствах вдруг забыть обо всем и погрузиться в созерцание костюма! В нормальной обстановке я либо вообще не заметил бы, что у Аркадия обновка, либо глянул бы мимоходом и пробурчал что-нибудь вроде: «Ничего вещичка!»

Но тут дело обстояло иначе. Недаром я четвертый день подряд занимался в основном тем, что сопоставлял и пытался связать воедино разрозненные и с виду весьма

далекие друг от друга события, факты, детали. Видно, мозг мой уже настроился на автоматическое включение по программе: факт—ассоциация—гипотеза и так далее. И сейчас эта программа сработала четко и безотказно.

Костюм на Аркадии был вообще странный. Наверное, на такой костюм я отреагировал бы даже помимо всяких ассоциаций. Ну, отреагировал бы однозначно: просто покатился бы со смеху. Клоунский какой-то наряд, ей-богу! Коричневый пиджак, двубортный, с невероятно широкими отворотами. А отвороты — кожаные! И вдобавок пристегнуты по краям на большие медные кнопки.

Но сейчас мне было не до смеху. Глянул я на пиджак Аркадия и моментально вспомнил слова Нины: «Костюм на нем какой-то странный был... борта широченные и блестят...» Мозг уже заработал по схеме и начал выдавать вопрос за вопросом: «Почему я не видел его в этом костюме двадцатого на работе? Такие борта и я бы заметил!.. Где он прятал этот костюм и зачем надел его сразу после работы?.. Зачем вообще понадобился Аркашке такой идиотский костюм?..»

Я все стоял, уставившись на сверкающие медно-красные кнопки и мучительно соображая: зачем они? Мне вдобавок почему-то страшно было поднять глаза на лицо Аркадия — вдруг он сейчас ухмыльнется так же криво и зловеще, как вчера у хронокамеры? Мне казалось, что если я снова увижу эту ухмылку, то не выдержу: заору, ударю Аркадия или убегу сломя голову.

Пока не выдержал Аркадий: он нервно передернулся и спросил довольно неласковым тоном:

— Чего это ты такой обалделый... и помятый весь? В парадном, что ли, ночевал?

Почему — в парадном? Странные у Аркашеньки фантазии. Сам-то ты где ночевал, брат, вот интересно! Я осторожно поднял глаза. Никаких зловещих гангстерских ухмылок; глаза, правда, слегка насмешливые, но у Аркадия они почти всегда такие. А вообще-то вид у него неважный: лицо осунулось и почернело, веки красноватые, воспаленные. Не спал он сегодня, что ли?

— Нет, зачем же в парадном? — медленно ответил я, глядя на него. — Я у тебя, Аркашенька, ночевал. На твоей шикарной тахте...

Аркадий дернулся и приоткрыл рот, словно хотел что-то сказать. По лицу его пробежала легкая судорога. Потом он сказал, глядя в сторону, преувеличенно небрежным тоном:

— Я задержался там... в одном месте. Поздно было идти далеко... Я там и переночевал.

Давай, давай, Аркашенька! Сделаем вид, что мы тебе поверили. Только не скажем, что кто-то сидел в твоей комнате. Не исключено, пожалуй, что это ты сам и был.

Аркадий вдруг начал счищать какое-то невидимое пятнышко с рукава и, не поднимая глаз, отрывисто спросил:

— Ты что, на работу вообще не идешь сегодня?

— Да понимаешь... — доверительно сказал я, не спуская с него глаз, — я тут с одним человеком уговорился встретиться, а он что-то не идет. Вообще-то действительно пора на работу, опоздали мы. А ты как сюда попал?

Аркадий нахмурился и подозрительно глянул на меня.

— Да так, по дороге зашел... — пробормотал он. — Ну, пошли, что ли, в институт?

Я лихорадочно соображал, что ответить. В институт мне идти, конечно, нельзя: «здесьний» Борис наверняка только что миновал проходную. «Незнакомец» не появился и вряд ли уже появится. Аркадия выпускать из виду нельзя, а как его задержать, непонятно. Дурацкое положение! Аркадий явно принимает меня за «своего» Бориса и удивляется, почему я так странно веду себя... Что же делать?

— Да я, пожалуй, подожду его немного, — сказал я. — Ты начни пока без меня...

Представляю себе, как он удивится, когда войдет в лабораторию и увидит там «своего» Бориса! Постой, а ведь это идея! Нужно позвонить в лабораторию и предупредить двойника или, еще лучше, вызвать его сюда из института, ведь по телефону такие вещи не объяснишь. Да, но пока я буду звонить, Аркадий уже доберется до лаборатории! Ага, кажется, нашел...

— Слушай, Аркашка, — сказал я умоляюще, — будь другом, добеги до продмага, купи мне что-нибудь поже-

вать. Я боюсь отойти — вдруг мой человек придет. А я, понимаешь, проспал и ничего у тебя там не успел перехватить...

Аркадий хмуро кивнул и направился к выходу.

— Я тебя у выхода подожду, — сказал я, — чтобы тебе меньше бегать.

Мы молча дошли до выхода, и Аркадий свернул налево, к продовольственному магазину.

Будка автомата стояла тут же, на углу. Я торопливо сунул монетку, набрал номер лаборатории и покосился через плечо на улицу — не идет ли Аркадий. Впрочем, он не успеет так быстро обернуться, минут пять у меня наверняка есть.

Громко щелкнуло у самого уха, и незнакомый мужской голос сказал, продолжая разговор с кем-то в лаборатории:

— ...Возьмем искровую. Сходи на склад... — а потом, уже в трубку: — Я слушаю!

— Это лаборатория локальных перемещений? — неуверенно спросил я: незнакомый голос сбил меня с толку.

— Нет, нет, — нетерпеливо ответил голос. — Локальные — 28–51. А здесь биологи.

Какие еще биологи? У нас в институте не было такого отдела!

— Простите, — пробормотал я, — я, видно, ошибся... У Стружкова всегда был 28–56.

— «Всегда»! — насмешливо сказал мой невидимый собеседник. — Да у нас этот номер еще с прошлого года... хватились!

На том конце положили трубку.

Второй монеты у меня не было. Ну ладно, пока она мне даже и не нужна. Сперва надо понять то, что я слышал. «С прошлого года»!.. Что же это значит?

Я вышел из кабины и стал, прислонившись к ее стеклянной стенке. Аркадий все не шел. Да и хорошо, что он не идет. Мне надо подумать. Мне надо хорошенько подумать. Ох, и влип я, кажется! Ох, и дурака сваял!

Да, собственно, что думать? Информация ведь совершенно недвусмысленная: в том мире, в котором я сейчас нахожусь, наша лаборатория еще с прошлого года

имеет другой номер телефона. Вроде бы ничего тут удивительного нет, это же измененный мир. Но вот ведь какая закавыка! До сих пор я предполагал, что двигаюсь в прошлое: сначала из двадцать третьего мая попал в двадцатое, потом из двадцатого — в девятнадцатое.

А прошлое-то не могло измениться! Все, что случилось до девятнадцатого мая, должно оставаться неизменным!

А год назад наш номер был 28–56!

Это означает только одно: я нахожусь теперь не в прошлом. Я попал в будущее, вот куда я попал!

Спокойно... спокойно... Проверим свои рассуждения, проверим еще раз. Значит, так... Допустим, сейчас все-таки двадцатое мая 1974 года. Я нахожусь в этом мире всего один день. Конечно, я его немного изменил своим вмешательством, и что-то тут происходит уже не так, как происходило двадцатого мая 1974 года в прежнем моем мире... Вот, например, мы встретились с Аркадием в сквере, и он сейчас не на работе, а в том двадцатом мая он, я помню, пришел на работу вовремя. Изменения есть, это понятно, но они пока небольшие, локальные. Они затронули только Аркадия, ну, еще Анну Николаевну... В остальном мир, конечно, не изменился. Следовательно, перемену телефона никак нельзя приписать моему вмешательству в прошлое. Если бы номер изменился из-за моего вмешательства, то это следствие очень косвенное, и оно могло бы произойти лишь на более или менее значительном отдалении во времени.

Переменить номер по не зависящим от меня причинам могли когда угодно, хотя бы и сегодня, двадцатого мая. Но ведь это произошло не сегодня, а еще в прошлом году! И биологов в институте никаких не было ни в этом году, ни в прошлом. А это уже серьезное изменение. Да нет, дело, похоже, ясное... Ну и ну!

Я еще раз посмотрел в ту сторону, откуда должен появиться Аркадий. Его не было.

Не стану же я спрашивать у прохожих: «Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?» Я не поэт, а хронофизик, мне неловко. Хотя — зачем такие лобовые приемы? Надо поделикатней.

Я начал внимательно разглядывать прохожих. Ага, вот кто мне нужен, — этот молодой парень в зеленом плаще с муаровыми отливками... Интересный какой плащ! Но это потом... А вот из кармана плаща у него торчит газета...

— Простите, — сказал я, шагнув к парню, — это у вас сегодняшняя газета?

— Вчерашняя, — будто извиняясь, ответил парень. — Вечерняя.

— Если вечерняя, тоже хорошо! — торопливо сказал я. — Можно у вас ее... на секундочку? Мне тут нужно одну вещь посмотреть...

— Да пожалуйста! Хоть и совсем возьмите, я ее прочел, — добродушно отозвался парень.

Газета жгла мне ладонь. У меня еле хватило сил не разворачивать ее тут же на улице, уйти в скверик, повернуться спиной к прохожим. Руки тряслись, когда я расправлял свернутые в трубку листы.

Вчерашняя газета. Вчера было девятнадцатое мая. Девятнадцатое мая 1976 года!

Линьков находит след

Захлопнув за собой дверь, Линьков прислонился к шершавой серой стене проходной и перевел дыхание. Информация, полученная от Макарыча, здорово подкосила его. Стружков, значит, вернулся и преспокойно ушел из института, даже вахтеру на прощанье ручкой сделал? Нет, это уж ни в какие ворота не лезет!

«Как же так? — растерянно думал Линьков, не замечая, что снова начал накрапывать дождик. — Не с потолка же я взял, что Стружков не может вернуться! Ну, предположим, я психологический просчет допустил, чего-то не учел. Но по логике это не проходит, по простейшей логике! Стружков горы переворачивал, чтобы в прошлое поскорей попасть, а попал и даже войти туда не захотел? Где тут логика? Он же хотел и Левицкого спасти, и себя от подозрений очистить, а что получилось? Что он скажет мне, например? Или Нине? Как оправдывает теперь свое поведение? Ему же проще всего не возвращаться к нам, а перейти на новую мировую ли-

нию... Ну, двойника бы там встретил — что ж, с самим собой легче договориться!»

Тяжелая капля скользнула Линькову за шиворот, он вздрогнул, огляделся и под теплым шумным дождем побежал к зданию института.

«А записка-то! — вспомнил он в вестибюле, отряхиваясь и приглаживая намокшие волосы. — Записку он почему не забрал?! Ну, допустим, он почему-то не смог или не решился выйти из камеры в прошлом. Так ведь по возвращении он первым делом должен был уничтожить свою записку! Зачем же трезвонить на весь институт, что ты потерпел неудачу, когда вполне достаточно сообщить о своем блистательном открытии и о первом переходе, и все будут вопить от восторга! Даже Шелеста вон как пробрало! А он и записку оставляет лежать, и вообще в институт не является... Ну сплошная бессмыслица! С ума он сошел, что ли! Постой... А может, с ним на переходе что-то случилось? Память отшибло? Нет, это уже я чепуху сочиняю! Магнитное поле начисто смывает память, даже из камеры после этого не выйдешь, а Стружков нормально ходил и с вахтером общался...»

Линьков глухо замычал от злости и тут же смущенно обернулся. Но в вестибюле никого не было. Дождь всю барабанил в стекла, весело хлюпал и журчал, стекая с крыш, но небо на западе уже посветлело и ветер поспешно разгонял тучи, расчищая дорогу солнцу. Линьков посмотрел в окно, и эта картина его почему-то приободрила. Он встряхнулся и бодро сказал себе: «Решено. Стружкова оставляем на потом. Если он за это время не явится, начнем розыск по всей форме. А пока проверим, откуда же явился тот... гость!»

Он двинулся влево по широкому светлому коридору, обшитому старинными резными панелями, прошел мимо двери расчетного отдела, на секунду замедлив шаг, и завернул за угол. Прямо перед ним, метрах в двадцати, был выход во внутренний двор, к корпусу эксплуатационников. По правой стороне чернел узкий проем боковой лестницы, а дальше виднелась приоткрытая дверь зала хронокамер.

«Тут мы и начнем соображать, — сказал себе Линьков, останавливаясь. — Впрочем, особенно-то соображать нечего. В наличии у него всего две возможности — эксплуатационный корпус и зал хронокамер. В эксплуатационном хроноустановки есть, но они, как я понимаю, по размерам непригодны для интересующего нас случая. В зале камеры вполне подходящие, но они еще не работают. Однако чудес на свете нет, а есть, наоборот, суровые факты. Поэтому мы все же и в зал заглянем, и в корпус пройдемся. И начнем мы с зала, потому что он ближе и во всех отношениях удобней для нашего героя. Монтажники начинают раньше и кончают раньше — значит, после пяти здесь наверняка пусто. И войти легко, а к эксплуатационникам нужен специальный допуск».

Линьков просунул голову в приоткрытую дверь. В огромном, ярко освещенном зале стоял сплошной хаос и шум. В углу надсадно визжала электродрель, кто-то тянул через весь зал тяжелый и грязный воздушный шланг; всюду валялись доски, обрезки труб, мотки кабеля. У дальней стены внушительно высились громадные кубы, в которых Линьков с удивлением признал хронокамеры.

Линьков перешагнул порог и остановился. Никто не обратил на него внимания. Дрель замолчала, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул:

— Поддай напряжение на вторую!

Линьков двинулся в сторону хронокамер, с переменным успехом лавируя между досками и трубами.

Люди в темно-синих, испятнанных известкой и краской халатах возились у второй хронокамеры. В ее настежь распахнутом нутре болтались провода, поблескивали круглые черные коробки приборов, присосавшиеся к стенам и полу, торчали ребристые грани какой-то стальной конструкции. Внезапно в камере полыхнула слабая розовая вспышка, и тот же голос проорал:

— Дай вторую ступень!

Снова дико взвыла электродрель, и за третьей камерой, где люди суетились у огромной дыры в полу, пронзительно лязгнуло железо.

Линьков пробрался к вихрастому долговязому парню и сквозь нестерпимый вой дрели прокричал ему на ухо:

— Кто здесь главный?

Человек обернулся и беззвучно зашевелил губами, указывая на людей, хлопочущих вокруг дыры в полу. Дрель вдруг замолкла, и человек прокричал конец фразы: «...где фундамент!»

Линьков торопливо спросил:

— Вы здесь каждый день работаете? До которого часа?

— В четыре обычно шабашим. Но бывает, и до пяти задерживаемся.

— И много еще вам работы? — допытывался Линьков.

— А кто ж его знает! — весело сказал парень. — Одну камеру уже опробовали, гоняли на рабочем режиме вхолостую, со второй вот возимся, а четвертая... ну, сами видите. — Он показал на уродливую, с рваными краями Дыру, где, очевидно, находился фундамент четвертой хронокамеры. — А вы из газеты, что ли?

Из камеры высунулся плечистый парень в пропотевшей голубой майке и заорал:

— Сергей! Кабель подтяни, потолочные сопла буду проверять!

Собеседник Линькова мигом метнулся куда-то за камеру. Снова истошно взывала дрель.

«Значит, одна хронокамера здесь уже опробована! — бормотал Линьков, морщась от воя и грохота. — Что ж, пойдём-ка мы познакомимся поближе с этой камерой...»

Осторожно пробираясь сквозь дикую путаницу кабелей, он подошел к первой хронокамере. Она почему-то была битком набита всякой чепухой. Сквозь стеклянную дверь Линьков видел груды деревянных подставок, навалом брошенные щиты, доски, карнизы.

«Нашли тоже место склад устроить! — с неодобрительным удивлением подумал Линьков. — Едва успели отладить камеру и уже сразу захлामीли так, что смотреть противно. Но ему это даже удобно: за всем этим бараклом можно спрятаться, никто и не увидит... А камера здоровенная, раза в три больше лабораторной. И

совсем готова, действительно, даже вокруг нее уже прибрано».

И правда, пол вокруг этой камеры был чисто подметен, и никакие шланги, доски, трубы здесь не валялись. Только у двери лежало что-то маленькое, яркое.

Линьков машинально наклонился и поднял пустой сломанный спичечный коробок. Хотел было бросить, но не бросил, а стал разглядывать. Чем-то его заинтересовал этот коробок — может, тем, что лежал так одиноко и приметно именно здесь, в единственном чистом уголке, куда монтажники, по всей видимости, уже и не ходят. «Неужели кто-то перекур устроил именно вот здесь?» — думал Линьков, осторожно расправляя и выпрямляя изломанный коробок. Выпрямил, внимательно осмотрел — нет, ничего особенного, коробок как коробок, с картинкой из серии «Птицы СССР»: сидит этакая хитрая птаха со здоровенным клювом и сбоку надпись — «дятел». Линьков хотел уже выбросить коробок и вдруг увидел...

Еще не веря собственным глазам, он снова всмотрелся — да, все правильно, наконец-то! Тот след, реальный, неопровержимый след, который он искал, почти не надеясь найти...

Значит, он прав: эта история начиналась отсюда.

Глава десятая

Значит, я в 1976 году! Ничего себе, веселенькая история... Целых два года! И камера в зале была налажена на такие большие дистанции? На два года? Ай да Аркадий!

Я подошел к выходу, глянул на улицу — Аркадия не было. Куда это он пропал? Минут пятнадцать прошло, не меньше.

Стоп-стоп-стоп! Если я нахожусь в будущем, так кто же тогда этот Аркадий? Он принимает меня за «своего», за «здешнего» — значит, он тоже «здешний»? Вот и костюм на нем... «Странный костюм, немодный», — сказала Нина. Понятно: это мода семьдесят шестого года. Семьдесят шестого, а не семьдесят четвертого. Да, но ведь

Нина видела его в этом костюме в семьдесят четвертом году...

Его? Этого Аркадия?!

Аркадий из 1976 года был у нас в 1974 году? Что ж, это возможно, раз он освоил такие дистанции. Зашвырнул же он меня на два года вперед, будь он неладен! Да, но тогда...

Если у меня сейчас не лопнет от натуги череп, я, кажется, все пойму... еще немножечко, и все пойму! Только бы Аркадий не пришел раньше времени... только бы он не пришел...

Я почти бегом кинулся в глубь сквера, сел на самую дальнюю скамейку. Огляделся. Эх, все чистенько, нигде ни прутика... Кусты ломать нехорошо, но для такого случая прощительно. Не каждый день сидят в этом сквере путешественники во времени!

Прутик оставлял на плотном сыроватом песке дорожки четкие, хорошо заметные линии.

— Предположим, — бормотал я, — предположим, что эта линия изображает у нас историю мира от пещер до небоскребов и далее в грядущее... И на этой мировой линии мы пометим две точки — год 1974 и год 1976. И из второй точки в первую мы проведем пунктиром сбоку вот такую дужку — она нам покажет переход Аркадия, этого самого пижона с медными кнопками, который теперь решил, видно, уморить меня голодной смертью. Нарисуем мы эту дужку сбоку, потому что переход совершался не в обычном времени, а помимо него, это ясно... Так! Ну вот, прибыл он, наш Аркашенька, и принялся расхаживать по институту... в костюмчике своем. Тоже мне конспиратор, костюм сменить не мог! Ну ладно... И что же получается? Нина встретила его на лестнице. Он, очевидно, шел из зала. Ведь переход-то он совершал с помощью хронокамеры в зале. Ну понятно, в 1976 году большие хронока-

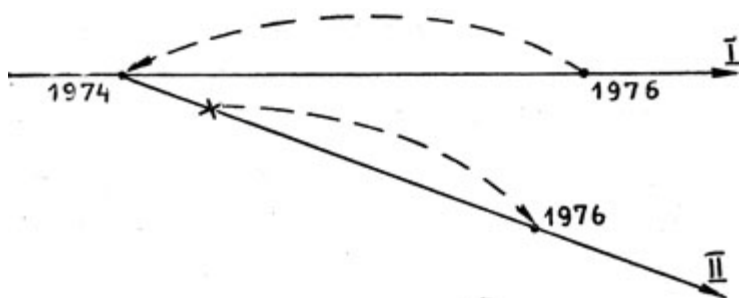
меры давно уже работали, можно было любую наладить, включить и все такое прочее... Теперь понятно, почему меня зашвырнуло сюда, в 1976 год: Аркадий, наверное, включил камеру на автоматическое возвращение, как и я свою кустарную «машину времени»... Значит, это именно он поднимался по лестнице в своем пиджачке с кнопками! Но тогда... тогда и Чернышев мог видеть этого Аркадия, а не нашего...

Я растерянно вздохнул. Как-то все странно получается... Что ему понадобилось в нашей лаборатории?

Но ниточка, за которую я потянул, уже разматывалась с нарастающей скоростью! Все факты будто сами выстраивались в ряд, и до того аккуратно, что я диву давался.

Аркадий побывал в прошлом, он ходил там, с кем-то встречался — словом, действовал, вмешивался в события. Но это значит, что после его появления в прошлом история начала меняться! История — это, конечно, слишком громко сказано, речь идет не об истории человечества в целом. Но в нашем микромире — в институте, в городе — некоторые факты, безусловно, изменились, а за этим последовали другие изменения, расходясь кругами... И кто его знает, до чего могли дойти эти изменения за два года!

Сейчас мы тебя выведем на чистую воду, бродяга, мы тебя вычислим! Отсюда, от точки 1974, мы вычертим новую мировую линию, которая постепенно отходит от прежней... Это та история, которую ты своими руками создал! И застрял в ней, и потерял навсегда свой прежний мир. Не попадешь ты в него, Аркашенька, было бы тебе известно! Украшай теперь своими кожаными отворотами измененный мир и подыскивай себе здесь местечко, да смотри не толкни «здешнего» Аркадия, он не обязан от-

вечать за твои фокусы! Понял? Нет? Ну, я ж тебе сейчас объясню! Ты в прошлом сколько-то времени провел? Провел. А на какой линии ты провел это время, как ты полагаешь? Ах, не знаешь? Так вот — на этой отклоненной линии! Сам же ты ее и отклонил своим присутствием. Вот я поставлю тут крестик, маленький такой крестик, — пусть он обозначает ту минуту, когда ты из прошлого опять в будущее двинулся. А эта вот дужечка — это сам переход. Куда он ведет, ну-ка сообрази! Раз ты в момент старта находился на второй линии, значит, и к финишу ты придешь на той же линии!

И я с торжеством посмотрел на созданное мною произведение хронофизического искусства. Нет, путешествия во времени явно полезны! Их можно рекламировать: расширяют кругозор, шлифуют мозги, закаляют нервы! Я уже совершенно свободно оперировал мировыми линиями, переходами, измененными мирами; я в самом деле вычислил передвижение Аркадия, сконструировал его судьбу согласно законам хронофизики.

Я откинулся на спинку скамейки и блаженно зажмурился. Ай да Аркашенька! Значит, он тоже чужак в этом мире. А ведь как держится! Как здорово разыгрывает аборигена! Я, мол, задержался в одном месте, потому и не ночевал дома. Знаем мы эти места, где ты задерживаешься! Но почему же Аркадий не удивился, когда я сказал, что ночевал у него на тахте? Если он думает, что я «здешний», то ведь у «здешнего» Бориса есть где ночевать. Или он знает о здешнем мире больше, чем я? Нет, вряд ли... Вид у него замученный, глаза красные. Дело ясное, ночевал он на скамейке в сквере или же в парадном на подоконнике. Но Аркадий вряд ли согласился бы вторично вытерпеть такое унижение, знаю я его! Скорее всего, он попал сюда недавно... даже наверняка недавно! И прибыл он сюда, надо полагать, из того же самого двадцатого мая, что и я, в той же самой хронокамере...

Постой-постой... А ведь, пожалуй, о нем, об этом Аркадии, говорил мне вчера вечером Макарыч! Скорее всего, о нем! Значит, он вышел из хронокамеры совсем незадолго до меня. И конечно, моментально улетучился из института — боялся с кем-нибудь встретиться.

Погоди... но ведь тогда он и вошел в хронокамеру тоже незадолго до меня!

Ну и путаница получилась, нарочно не придумаешь! Я еще раз провернул в уме ролик с этими кадрами, и меня смех разобрал. Я сидел, откинувшись на спинку скамейки, и весь трясся от беззвучного хохота, смеялся до слез, до изнеможения.

И тут появился Аркадий. Я поспешно затер подошвой рисунок на песке. От смеха мне стало определенно легче.

Аркадий притащил большущий батон и бутылку кефира. Я даже спасибо не успел сказать — накинулся на еду, глухо урча от блаженства, словно изголодавшийся кот.

— Ты чего так долго? Очередь, что ли? — промычал я, активно работая челюстями.

— Очередь, — рассеянно подтвердил Аркадий.

Я искоса поглядывал на него и восхищался: до чего натурально играет! Как он небрежно произнес: «Ну, пошли, что ли, в институт!» Мне тогда и в голову не пришло, что он «нетутошный»! Но сам-то он отлично знал, что ему в

институт дорога заказана! Интересно, с какой же целью он блефует?

Я уже утолил самый острый голод, и теперь намеренно снизил темп: старательно прожевывал хлеб, не торопясь прихлебывал из бутылки. Аркадий молча курил, откинувшись на спинку скамейки, и тоже, видимо, никуда не торопился. Брови он свел к переносице, на лбу легла глубокая вертикальная складка — тише, Левицкий думает! Что же он думает обо мне, хотел бы я знать?

Он никак не может предположить, что я следую за ним из прошлого. Он ведь в хронокамеру вошел раньше меня, это ясно. Значит, он может думать только одно: что я «здешний» Борис. Так сказать, Борис Стружков образца семьдесят шестого года, Борис-76 для краткости. А поскольку я, увидав его, не удивился, не ужаснулся и ни о чем таком не спросил, Аркадий должен был сделать вывод, что я его тоже принимаю за «здешнего». Как бы обозначить «здешнего» Аркадия? Придется, видимо, так: Аркадий-76-бис. А то ведь этот пиджон с медными кнопками — тоже Аркадий-76, только из другого мира. И в этом мире должен существовать его двойник. Так же, как и мой.

Я попытался прикинуть в уме, как это получается. Вот я прибыл в прошлое и встретил в прошлом самого себя. Нас, стало быть, уже двое. Если я там останусь, нас так и будет все время двое. Ну, а если я перепрыгну, например, на год вперед — что тогда? Ясно, я опять должен встретить в будущем своего двойника. То же самое и с Аркадием: его двойник сейчас сидит, должно быть, в лаборатории, телефон 28-51, и вкалывает, как положено, с Борисом-76 на пару, пока мы тут с этим Аркадием друг другу головы морочим... Нет, постой, что-то здесь не ладится... Ах, ну да! Откуда же тут возьмется второй Аркадий, если он умер два года назад? Не должен существовать никакой «здешний» Аркадий!

А между тем он существует! И живет все там же, и вчера утром разговаривал с Анной Николаевной, и в комнате у него все по-прежнему... То есть, наверное, что-нибудь переменялось, но я не успел разглядеть. Значит... значит, в этом мире, в измененном мире, Аркадий не умирал! И значит, это мое вмешательство так изменило события, что он не умер!

Я вздохнул с глубоким облегчением, выпил последний глоток кефира и стряхнул хлебные крошки с колен. Все! Больше не напугаете меня временной петлей! Нет никакой петли, ничьих я действий не повторяю и к смерти Аркадия непричастен... Зато явно причастен к его здешнему «воскресению»!

Аркадий сидел насупившись и яростно ковырял дорожку носком шикарной зеленоватой туфли. Я посмотрел на него и слегка усмехнулся. Прямо прирос Аркашенька к скамейке! Видать, что-то ему от меня нужно. Да понятно что: добыть побольше информации об этом мире. Но раскрывать свои карты он почему-то не хочет, вот и крутится вокруг да около, ждет, что я сам заговорю.

Все это я правильно сообразил, но, видимо, чересчур углубился в свои соображения, потому что Аркадий поймал меня врасплох. Он этак небрежно, не глядя на меня, сказал:

— Все же, Борька, чудно как-то получается: торчим мы с тобой в сквере, а там лаборатория пустая стоит...

— Почему пустая? — запротестовал я, не успев подумать. — Там ведь...

Тут я осекся, но поздноватое... Разомлел от радости, почил на лаврах детектива-любителя! Еще секунда — и брякнул бы: «Там ведь наши дубли!»

Нет, Аркадий хорошо рассчитал, удар был классный, ничего не скажешь! Если я только притворяюсь, что принимаю его за «здесьнего» Аркадия, то стгоряча могу ляпнуть: «Там ведь тоже Аркадий, в лаборатории...»

Значит, ему прежде всего хочется выяснить, есть ли тут его двойник! Ну, естественно... От этого ведь зависит его судьба в измененном мире.

Аркадий словно и не заметил моей обмолвки — все так же яростно ковырял туфлей песок. Но я понимал, что в мозгу его идет сейчас бешеная работа — он взвешивает все возможные значения этой обмолвки. Если я хотел сказать, что в лаборатории уже есть один Аркадий, значит, я прекрасно понимаю, кто передо мной, но почему-то скрываю это. Но, может, я совсем не это хотел сказать, может, я простодушно принимаю его за «здесьнего» Аркадия? Как бы это половчее атаковать меня снова?

Ну-ка сделаю теперь я свой ход!

— А знаешь, — сказал я, с сожалением заглядывая в пустую бутылку, — ты, пожалуй, прав. Мой человечек явно теперь не придет, и тут торчать неудобно даже. Пойдем-ка мы с тобой да включимся в трудовой процесс...

Аркадий нервно дернулся, услышав это. Он даже позеленел слегка.

— Пойдем... вообще-то пора бы... — неуверенно пробормотал он.

Мы вышли из сквера и медленно двинулись к институту. Я поглядывал на Аркадия сбоку и думал: «А чего он, собственно, секретничает? И вообще где же он был и что делал со вчерашнего вечера? Неужели так и не смог выяснить до сих пор хотя бы насчет своего двойника?»

Аркадий внезапно спросил, глядя в сторону:

— Слушай, у тебя случайно нет с собой... снотворного?

Рука моя невольно дернулась к внутреннему карману, где лежали таблетки... его же собственные таблетки! Хотя нет, не его... моего Аркадия.

Постой, какого еще «моего»? Мой Аркадий проглотил яд, это подтверждено протоколом вскрытия! Стало быть, есть еще один Аркадий? Ах, ну да, это таблетки «здесьнего» Аркадия, которого я назвал «Аркадий-76-бис». Нет, здесь без карандаша и бумаги моментально запутаешься! Но все это молниеносно промелькнуло у меня в мозгу, а с ответом я не задержался, сказал равнодушно:

— Что ты, я уж и не помню, когда оно у меня было! Мне ведь оно ни к чему, ты же знаешь...

Аркадий даже зубами скрипнул от злости и разочарования. Вопрос этот явно имел для него какой-то важный смысл, а я ответил не в жилу, вот он и разозлился. Действительно, бедняжка Аркадий: старается, изоощряется, рассчитывает сложнейшие многоходовые комбинации — и все впустую, некому оценить его способности и энергию! Ничего, Аркашенька, я ценю, я все вижу, — ты даже вспотел от напряжения.

Аркадий действительно который раз уже прикладывал носовой платок ко лбу, слегка прихлопывая его, как промокашку. Потел он» конечно, не от жары: утро было довольно прохладное. Мы с каждым шагом приближались к

институту, и Аркадий отчаянно нервничал, но сдаваться не хотел.

Неужели мое поведение ни на секунду не показалось ему странным? Или он настолько поглощен своими делами, что обо мне толком и не думает? Как принял исходную установку, что я — «здешний» Борис и принимаю его за «здешнего» Аркадия, так и не слезает с нее. Вот осел упрямый! Помочь ему, что ли?

— Аркашенька, — сказал я умоляюще, — открой как другу: где ты такой костюмчик отхватил?

Он с надеждой посмотрел на меня. Еще бы! Если я задаю такие вопросы, значит, я о «своем» Аркадии не все знаю, а тогда...

— Ты разве не помнишь? — Он говорил осторожно, будто по тонкому льду ступал. — Я ведь тебе рассказывал...

— А-а! Правильно ведь, рассказывал! — закричал я, имитируя радостное облегчение.

У Аркадия лицо вытянулось от изумления. Он-то ведь прекрасно знал, что никогда он мне — вернее, тому, за кого он меня принимал, — ничего подобного не говорил! Он считал, что мы с ним впервые в жизни встретились — и, пожалуй, только в этом он не ошибался.

— Помню, как же! — Я улыбался весело и безжалостно. — Это ведь тот самый материальчик, который Зоя тебе преподнесла по случаю вашей годовщины? Она всем хвалилась, как тебя осчастливила!

Аркадий поперхнулся, заморгал, даже носом шмыгнул. Он был явно травмирован, но мне хотелось еще подбавить. Раз уж я ему жену придумал, так надо ее поярче обрисовать!

— А что, неверная информация? — сочувственно спросил я. — Да уж, Зоенька соврет — недорого возьмет! Но ты не расстраивайся, она ведь любя...

Ну, пожалуй, хватит! Смуглое лицо Аркадия сделалось серо-желтым — это он так бледнел, — и в глазах у него появилось затравленное выражение.

Мы были шагах в десяти от проходной, и меня уже ноги не очень слушались. Куда Аркадий лезет?! Вот выйдет кто-нибудь из института — и такая каша заварится! Но тут Аркадий остановился и хмуро сказал:

— Совсем забыл: мне позвонить надо! Ты иди, я чуть позднее приду.

Эх, балбесы мы! Оба ведь трясемся от страха, а все танцуем друг перед другом, как Манилов с Чичиковым. «Мол, ты первый иди!» — «Нет, раньше ты!» А сами только и думаем, как бы поскорее удрать с этого опасного места! Но преимущества были на моей стороне, и я не собирался отказывать себе в удовольствии.

— Из лаборатории позвонишь! — решительно сказал я. — Мы и так уж целый час проканителились, пора и честь знать! Пошли, пошли!

Я сам себе удивлялся — вот это называется блефовать! Раньше я за собой таких талантов не замечал: может, они развились от перебросок во времени?

Аркадий затравленно посмотрел на меня.

— Нет уж! — огрызнулся он, потеряв самообладание. — Я отсюда позвоню!

— Да ты чего кипятишься? — с фальшивым добродушием спросил я. — Звони на здоровье. Я тебя подожду...

Аркадий сердито и растерянно отвернулся. Видно было, что ему уже хочется только одного — поскорее отделаться от меня, от «здешнего» Бориса, безмозглого типа, который почему-то нахально прогуливает, шляется по улицам и ни на копейку деликатности не имеет!

— Где ты меня подождешь? — нетерпеливо спросил Аркадий. — Здесь, что ли?

— Нет, зачем же! — ласково улыбаясь, ответил я. — Еще Селиванов выйдет, шум подымет, ты же знаешь, какой он вредный...

Аркадий заскрежетал зубами, но промолчал, а я, шагая с ним рядом, сочинял всюю:

— Знаешь, что он мне вчера сказал, Селиванов-то наш, на собрании? Передайте, говорит, вашему Левицкому, что он пижон.

Аркадий резко остановился:

— Кто это сказал?

— Как — кто? — Я удивленно посмотрел на него. — Я ж тебе говорю: Юрий Матвеевич. Товарищ Селиванов собственной персоной. Да ты не огорчайся. Ну его, сам он пижон!

Я мог резвиться на просторе: Аркадий понятия не имел, что делается в этом институте. Как и я, впрочем. Но инициатива была в моих руках. Белые начинают — и выигрывают!

— Ну ладно, — пробормотал Аркадий, — я ему это припомню...

Держится! Упорно не выходит из роли! Вот ведь характер!

Мы опять вернулись на угол, к скверику, — ближе автоматов не было. Аркадий вошел в кабинку, я видел, как он опускает монету и набирает номер. Первая цифра — явно двойка... так, теперь откуда-то из середины диска... теперь из конца... а это единица... 25–81. Понятно! Он-то этот номер знает...

Неужели он только сейчас догадался позвонить? Ведь это проще простого — чужим голосом позвать Левицкого, попросить его срочно выйти... Постой, постой! Что же это получается?

Когда я мысленно произнес: «говорить чужим голосом», эти слова мне кое-что напомнили. А потом — еще кое-что. И мне что-то совсем расхотелось потешаться над Аркадием и радоваться своему школьническому остроумию. Улыбка еще держалась некоторое время, словно приклеенная к лицу, и неестественно растягивала губы; потом я спохватился и согнал эту нелепую улыбку.

Говорить чужим голосом по телефону... А кто же это говорил сегодня утром с Анной Николаевной, нарочно хрипя и бормоча, чтобы она его не узнала? И почему «здешний» Аркадий сегодня не ночевал дома? И почему тот, кто назначал ему свидание «на нашем месте», на это свидание не явился? И «здешний» Аркадий — тоже? И почему, откуда ни возмись, пришел в сквер Аркадий-путешественник? Как он узнал о назначенном свидании? Что это все означает? Что свидание на самом деле состоялось ровно в восемь часов, но в каком-то другом месте? Или что тот Аркадий, который сейчас торчит в будке автомата, все-таки и есть «здешний» Аркадий и свидание в сквере сорвалось случайно, а загадочный «незнакомец» явится в лабораторию сразу после работы, как в «моем» мире? И кто сидел в комнате Аркадия? И почему он удрал, услышав условный звонок — наш с Аркадием условный

звонок? Словом, вопросы посыпались, как из дырявого мешка... За «здесьним» настоящим пошло «тамошнее» прошлое. Те загадки, из-за которых я отправился в сумасшедшее путешествие без надежды вернуться и которые так и остались неразгаданными. Почему все-таки погиб Аркадий? Кого Ленечка Чернышев и Нина видели в лаборатории? Какой Борис был там?

Поток уже давно захлестнул меня, я беспомощно барахтался, пытаюсь хоть на секунду вынырнуть на поверхность, глотнуть воздуха... Подумать только — минуты три назад мне казалось, что я все понял, все разгадал!

Если б у меня в распоряжении был хоть часок, хоть полчасика, может, я теперь и распутал бы кое-что. Но у меня и пяти минут не было! Дверь телефонной будки распахнулась, и Аркадий вышел.

Он совершенно переменился. Куда девались растерянность, подавленность, затравленный взгляд! Передо мной снова был прежний Аркадий — самоуверенный, слегка насмешливый. Что же это он выяснил? С кем поговорил? С Аркадием? Или с Борисом?

Аркадий подходил, засунув руки в карманы и с интересом меня разглядывая.

— Ну-ну, — покровительственно сказал он, — так ты говоришь, в лабораторию хотел пойти?

Ого! Кажется, теперь инициатива перешла в его руки! Нет, это мы еще посмотрим! Допустим, ты выяснил, что я — не «здесьний» Борис. Ну, а дальше что? То-то и оно: больше ты ничего не знаешь и знать не можешь.

— А ты — нет? — нахально удивился я. — Давно бы пора, между прочим! В самом деле, пойдем-ка мы!

— Пойдем, — неожиданно кротко сказал Аркадий. — Действительно, пора!

Я ничего не сказал, только глянул на него искоса. Мы повернулись, словно по команде, и в третий раз за это утро зашагали по коротенькому отрезку улицы от сквера до института. По-моему, у нас даже носки туфель поднимались на одинаковую высоту, как у солдат на параде. Во всяком случае, шагали мы не менее торжественно.

Так мы домаршировали до проходной, одновременно протянули руки к двери — и одновременно отдернули их, словно обжегшись. Несколько секунд мы помолчали, со-

бираясь с силами. Аркадий, конечно, справился с собой раньше, чем я.

— Прошу вас, сударь, — ехидно сказал он, галантным жестом указывая на дверь.

— Нет, это я вас прошу! — не сдаваясь, возразил я.

Продолжать эту дурацкую сцену было вроде и не к чему: оба мы понимали, что в институт никто из нас входить не собирается. Но и отступить было трудно.

— Ах, вот вы как! — надменно сказал Аркадий. — В таком случае, да будет вам известно, сударь, я вообще не войду в эту дверь!

— Я, со своей стороны, категорически отказываюсь войти раньше вас, сударь! — откликнулся я.

Аркадий поглядел на меня, что-то обдумывая.

— Ну что ж, — процедил он наконец, презрительно улыбаясь. — Самозванцев следует сечь! Публично, сударь!

Прежде чем я успел опомниться, он рванул дверь и вошел в проходную. Дверь за ним захлопнулась со странным, насмешливым скрипом — то ли я раньше не прислушивался, то ли звук этот существовал только в здешнем, измененном мире...

Я стоял разинув рот и тупо глазел на эту дверь, обитую черным, уже поседевшим на швах дерматином. А у нас... а там она тоже обита этой паскудной штукой? Или только в этом мире?

О чем я думаю, что мне эта дверь! Да, конечно... Однако она закрылась и не открывается. Аркадий не вылетает обратно, весь красный, кляня себя за нахальство и легкомыслие. Аркадий пошел в институт! Ну что же это? Что это может означать?

Который раз за эти дни я задавал себе этот sacramентальный вопрос! Который раз натыкался на внезапные провалы и преграды и не мог понять, что стоит по ту сторону — пустота или разгадка! Когда же кончится этот проклятый лабиринт, когда я выберусь на волю и смогу дать отдых своим мозгам — они ведь просто лопаются от натуги!

Аркадий пошел в институт! Неужели я неправильно рассчитал, и это «здешний» Аркадий? С чего я, собственно, начал разматывать эту ниточку? С костюма? Эх ты,

Мегрэ без трубки! Да почему ты знаешь, что здесь не носят именно таких костюмов?! Ты проверял это? Ты установил хотя бы при помощи примитивного визуального наблюдения, какова ширина отворотов у пиджаков здешних граждан? Слова Нины вспомнил? А если тот Аркадий, которого Нина встретила, был сам по себе, а этот — сам по себе, тогда что? Тогда влип ты, брат, по самую макушку!

Но ругал я себя больше от тоски и растерянности. Я все же верил, что не ошибся. Очень уж хорошая у меня получилась система — такая она была стройная, такая изящная, не хотелось с ней расставаться... А если какой-то факт не укладывается в нее, тем хуже для этого факта.

Я зачем-то потрогал дверную ручку, потоптался у проходной, потом отошел в сторонку. Мне было безразлично, видят ли меня из проходной или даже из окон института. Я сейчас хотел одного — спрятаться в какой-нибудь укромный уголок и там дожидаться конца всей этой истории. Пускай все будет без меня, не нужно мне славы, не нужно мне лавров, я скромный, простой путешественник во времени, я напутешествовался досыта, устал, мне бы лечь да укрыться. Вот пойду я сейчас домой, к своему двойнику, к этому благородному самоотверженному труженику, открою его комнату своим ключом — надеюсь, он не вздумал сменить замок? — и завалюсь спать. И пускай он сам разбирается во всей этой катавасии, а я уже сыт по горло!

Преотлично я понимал, что нет такого уголка, куда можно спрятаться. Не было его даже в том, «моем» мире, а здесь и подавно! Можно, разумеется, помечтать об этом несуществующем укрытии... или представить себе, как обалдеет «здешний» Борис, если явится после работы домой и увидит, что я мирно храплю на его диван-кровати... Можно еще...

Но я не успел додумать, какие еще призрачные выгоды можно извлечь из моего теперешнего положения. Дверь проходной распахнулась, с грохотом отлетела к стене, и на пороге появился Аркадий!

Он не просто вышел — он именно появился, возник, прямо-таки материализовался из черного прямоугольника дверного проема и явно нес в себе колоссальный заряд энергии. Возникнув, он стремительно обвел взглядом ок-

ружающий его мир, и я видел, что взгляд этот разыскивает меня!

Напрасно я старался исчезнуть — тихо, без той эффектности и блеска, что сопутствовали появлению Аркадия, — напрасно прижимался изо всех сил к старому дуплистому ясеню, у которого стоял: взгляд Аркадия остановился на мне, и я с тяжелым вздохом оторвался от ствола ясеня.

Аркадий, торжествующе улыбаясь, зашагал мне на встречу.

— Ну, иди сюда, самозванец! — ласково сказал он. — Иди, иди, я тебя не трону!

— Сам ты самозванец! — неожиданно для самого себя обиделся я.

— А это мы посмотрим! — все так же ласково возразил Аркадий. — Посмотрим, поглядим... — пропел он, все приближаясь ко мне. — Значит, Селиванов меня обозвал? Юрий... э...

— Матвеевич... — неохотно подсказал я.

— Именно вот, Матвеевич! И давно он у вас в институте работает?

Он подошел вплотную и разглядывал меня с холодным интересом удава, который уже загипнотизировал кролика и теперь прикидывает, как поудобней его заглотать.

— Караул! — шепотом закричал я. — Я буду жаловаться! Я до месткома дойду!

— Ты не дойдешь, — мстительно сказал Аркадий. — Тебя принесут. На носилках. В кабинет к товарищу Селиванову, и Зоя тебя перевяжет, чтобы ты не истек преждевременно кровью и не ушел от справедливого возмездия! Ясна тебе эта картина, самозванец?!

— Но почему, почему ты меня оскорбляешь? — надрывно воскликнул я. — Почему ты говоришь, что я самозванец?

— А вот потому! — веско заявил Аркадий и железной хваткой сжал мое плечо.

Вырываться было бесполезно: Аркадий на веслах развил прямо-таки стальной хват, почище любого капкана.

— Не соблаговолите ли вы, сударь, — медовым голосом пропел он над моим ухом, — пройти со мной в некий

вам известный скверик, где я буду иметь честь просить вас о сатисфакции?

И с этими словами он придал моему телу нужное направление и скорость.

— Соблаговолю... — с некоторым опозданием пробурчал я, слегка упираясь ногами в тротуар.

— Иди, иди, авантюрист, иди на суд общественности, — подбадривал меня Аркадий, нажимом железных пальцев проясняя свою мысль.

Я не понял: себя, что ли, он именует «общественностью», но промолчал.

До скамейки в скверике мы дошли без особых происшествий. На песке дорожки по-прежнему лежал мой пруттик. Аркадий молча усадил меня на скамейку, уселся сам рядом и лишь тогда разжал свою железную хватку.

— Слушай, Аркашенька, — вкрадчиво спросил я, потирая ноющее плечо, — а не собираешься ли ты, часом, присвоить себе функции нашего самого демократического в мире народного суда? Смотри, а то ведь у меня знакомые в прокуратуре есть...

— С каких это пор? — подозрительно осведомился Аркадий, хищно сжимая и разжимая пальцы.

— Да вот общался я недавно с одним следователем, — небрежным тоном сообщил я, — по делу о смерти некоего Левицкого... Очень, знаешь, толковый товарищ оказался, даже в хронофизике отчасти разбирается. Мы с ним просто, можно сказать, подружились, невзирая на такие печальные обстоятельства. Линьков, Александр Григорьевич его зовут...

Я болтал, искоса поглядывая на Аркадия. Выражение лица у него было странное: смесь изумления, недоверия и... и радости! Он ошеломлен, потрясен — ну это легко понять. А вот чему он радуется — явно ведь радуется, не смотря ни на что! — этого я понять никак не мог.

— Значит, он все-таки умер? — очень серьезно и печально спросил наконец Аркадий.

Я растерянно поглядел на него.

— Кто «он»?

— Ну, кто? Левицкий, ты же говоришь, — неохотно пробормотал Аркадий.

Я молчал. Очень уж странно и неприятно было слышать, как он говорит о себе: «Левицкий умер».

— Значит, умер... все-таки он умер... — тихонько бормотал Аркадий, словно говоря сам с собой. — И раз ты об этом знаешь, это случилось на твоей мировой линии. А почему же ты не удивился, когда увидел меня? Хотя понятно! Ты сообразил, что линии разрываются... давно сообразил. Интересно, что ты еще сообразил... очень интересно! А отчего он умер? — неожиданно спросил он, глядя на меня в упор.

— Снотворное, большая доза снотворного. По всем признакам — самоубийство. Но я в это не верил.

— Да, да... снотворное... — прошептал Аркадий, опустив глаза.

Он помолчал с минуту, потом тряхнул головой, будто сбрасывая невидимый груз, и снова поднял на меня взгляд. Лицо его было теперь напряженно-серьезным, почти угрюмым — таким оно бывало, когда эксперимент срывался по непонятным причинам.

— Давай откроем карты, Борис, — сумрачно сказал он. — Я тут чего-то, видно, не понимаю. Многое я реконструировал, пока за кефиром ходил... и потом... но не все. И ты, наверно, тоже?

Я молча кивнул. Я все еще не был уверен, что правильно понимаю его. Если это «здешний» Аркадий, так, собственно, что он мог «реконструировать»? Что он знал о смерти «моего» Аркадия? Какая связь между ними?

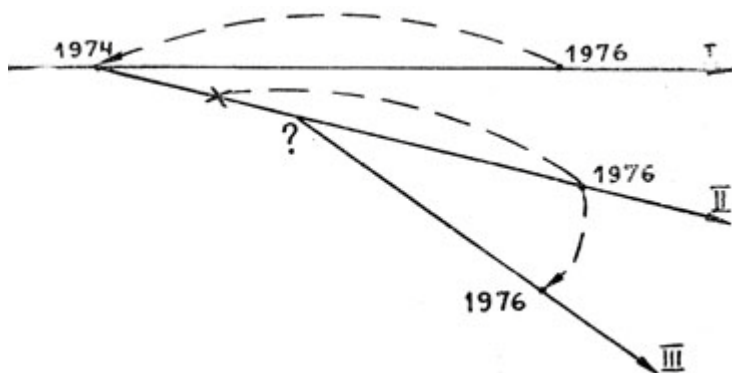
Правда, он говорил по телефону, потом ходил в институт. Может, там выяснил что-то... да нет, что он мог там выяснить, если сам «здешний»?! Вот если он «Аркадий-путешественник», тогда многое объясняется очень просто... А, надоело гадать!

— Аркадий, — сказал я решительно, — тебе это что-нибудь говорит?

И, наклонившись, быстро начертил прутиком на песке свою незамысловатую схему.

Аркадий сдвинул брови и всмотрелся. Потом молча кивнул и, отобрав у меня прутик, провел еще одну линию. Там, где она ответвлялась от второй, он изобразил большой вопросительный знак. Потом подумал еще секунду и быстро продолжил пунктир от второй линии к третьей.

Что ж, основное он понимал правильно. Кто-то, совершенно неожиданно для него, снова изменил мировую ли-

нию. Продолженный пунктир означал, что из-за этого изменения «Аркадий-путешественник» прибыл не туда, куда хотел. Попал вместо второй линии на третью. А вопросительный знак у основания третьей линии выражал недоумение Аркадия — кто же это еще, кроме него самого, смеет создавать новые мировые линии?

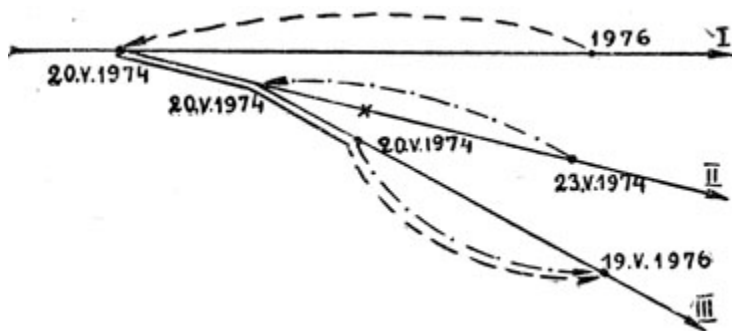
Сейчас я тебе объясню, дорогой ты мой! Поправлю я твой рисунок! Теперь для меня все это — задачки для первого класса. Вчера еще я бился в путанице мировых линий, как муха в паутине, а сейчас все эти переплеты и перекрестки вижу вполне отчетливо.

Я взял прутик и наклонился над схемой, чувствуя на себе напряженный взгляд Аркадия. Прежде всего нужно было убрать нелепый пунктир, соединявший сразу две линии. Дело обстояло вовсе не так, теперь я это понимал. «Аркадий-путешественник» вечером двадцатого мая 1974 года прибыл в наш институт из 1976 года — это во-первых. Его пребывание у нас породило новую мировую линию, ту самую, что на рисунке помечена цифрой II, — это во-вторых. И вот, пока он находился на линии II, беседуя с «тамошним» Аркадием, в ту же точку, в двадцатое мая, прибыл я. Это и было то третье, чего не понимал Аркадий!

Ну что ж... покажем свой переход пунктиром с точками, в отличие от путешествия Аркадия... Вот так! Стартовал я двадцать третьего мая семьдесят четвертого года и находился в тот момент на линии II. Прибыл на ту же линию, но на более раннюю точку — в двадцатое мая, того же года разумеется. И начал метаться по институту как ошпаренный: таинственного «незнакомца» выслеживал, Аркадия хотел уберечь... попутно таблетки уволок — и, естественно, повлиял этим на все последующие события... Проще говоря, взял и сотворил мировую линию с порядковым номером III и измененным ходом событий. Например, на линии II смерть Аркадия Левицкого является непреложным фактом. Отметим ее, кстати, крестиком... А на линии III такого крестика не будет, потому что там Аркадий благополучно существует поныне. И, вероятней всего, это именно он сейчас с интересом присматривается к тому, что я вычерчиваю на песке... Теперь надо объяснить этому Аркадию — присутствующему здесь Аркадию, кем бы он ни был, — что «Аркадий-путешественник» стартовал уже не со второй, а с третьей линии. Ведь он был в институте вечером двадцатого мая, когда я появился там, горя желанием все понять и все исправить, и немедленно перевел эту дружную пару Аркадиев на другие рельсы! Покажем ему эту пару Аркадиев вот такой двойной линией от момента их встречи до моего появления. Затем мы эту двойную линию поломаем в том месте, где я прибыл в прошлое и начал творить всякие чудеса местного значения, вот так... и протянем мы ее до драматической разлуки двойников в зале хронокамер... Расставим повсюду даты, чтобы он все до конца понял. Ну, а теперь покажем ему пунктиром, как «Аркадий-путешественник» совершил переход из зала хронокамер во вчерашний здешний вечер, на два года вперед, и тут же прочертим пунктиром мой переход вслед за ним... Все!

Я облегченно вздохнул, разогнулся и поглядел на Аркадия. Он смотрел то на рисунок, то на меня с таким видом, будто я ему Сикстинскую Мадонну изобразил прутиком на песке. Он просто глазам своим не верил! Он еще раз поглядел на рисунок, снова перевел взгляд на меня — взгляд этот по-прежнему выражал безграничное изумление, — попытался что-то сказать и не смог.

— В чем дело? — заботливо спросил я. — Ты чего-

нибудь не понял?

Аркадий снова беззвучно раскрыл и закрыл рот — я искренне любовался этим зрелищем, — потом глубоко вздохнул и помотал головой.

— Это ты, что ли, тут слонялся? — хрипло спросил он, тыча отобранным у меня прутиком в пунктир с точками.

Я скромно кивнул.

— Какого черта... какого дьявола тебя понесло в прошлое?! — яростно прошипел Аркадий. — Как ты вообще попал туда?!

— Ну, зачем так грубо? — с ласковой укоризной возразил я. — И нечистую силу ты совсем зря поминаешь. Я материалистически перешел, в согласии с законами хронофизики, и руководствовался при этом самыми благородными побуждениями. Тебя же спасти хотел... — невозмутимо продолжал я.

Аркадий отшатнулся и озадаченно уставился на меня.

— Какого еще меня? — подозрительно спросил он. — Ах, того... который умер... Понятно... только это был не я...

Он вдруг почти успокоился — только губы слегка подергивались да в глазах оставалось диковатое выражение.

Вспыльчив Аркадий Левицкий и самлюбив до крайности; иной раз я удивлялся, по каким мелким поводам он злится, бледнеет, багровеет, сжимает кулаки. Это плохо вяжется с его обычной скептической позой, с надменной и

язвительной усмешкой. Темперамент у него буйный, вот и берет верх над рассудком.

Аркадий долго и сосредоточенно раздумывал. Потом, видимо, пришел к какому-то решению и ехидно улыбнулся своим мыслям. Я сочувственно глядел на него — пускай потешит душу, ведь последнее слово все равно за мной. Он не знал того, что знаю я. Теперь я был почти уверен, что это «здешний» Аркадий.

«Несостоявшийся покойник, — думал я, глядя на него, — что ты можешь сказать в свое оправдание, ну что?! Ты у меня в ногах должен валяться за то, что я тебя спас, утащил твои таблетки, бросая тем самым тень на свой моральный облик! А ты готовишь мне какую-то пакость... Ведь готовишь, я же вижу...»

Аркадий поглядел через мое плечо и вдруг широко улыбнулся. Что он там увидел? Я тоже хотел было повернуться, но Аркадий снова сдвинул мне плечо своей железной лапицей и, глядя на меня в упор, сочувственно сказал:

— Самозванец ты мой несчастный!

— Сам ты самозванец и вообще ошибка природы! — отпарировал я. — Не забывай, что я тебя спас. Я ведь и назад могу все переделать, мне это раз плюнуть!

— Плюнь, дорогой, плюнь! — нежно произнес Аркадий. — Плюнь, а потом повернись — и приятно удивишься...

Я не успел ни плюнуть, ни повернуться — за моей спиной чей-то голос спросил:

— В кого это ты вцепился, Аркашенька?

— Да вот, в самозванца одного, — пренебрежительно бросил Аркадий и отпустил мое плечо.

Я быстро повернулся.

За моей спиной стоял... я!!

И лицо у меня на моих глазах становилось растерянным и глупым...

Линьков почти доволен собой

Линьков спрятал свою драгоценную находку, поднял голову и увидел, что черноволосый крепыш в клетчатой ковбойке очень ловко и напористо прыгает через груды досок и катушки кабелей, приближаясь к нему. Выбравшись на расчищенную площадку у первой хронокамеры, он весело крикнул:

— Это вам я понадобился? Так вот он я!

Узнав, что Линьков из прокуратуры, крепыш перестал улыбаться.

— Я — Демченко, бригадир. Слушаю вас, — суховато сказал он.

— Не беспокойтесь, у меня вопросы чисто технические, — заверил его Линьков. — Ни к кому из ваших касательства не имеют. Да я почти все уже и выяснил. Так, мелочи остались. Эта камера готова, как я понимаю? — Он тронул рукой огромный куб, рядом с которым они стояли.

— Да, она прошла испытания. Комиссией принята.

— Давно?

— Перед праздниками где-то... Ну, месяц назад.

— С ней уже работали?

— Ну что вы! — Демченко опять усмехнулся. — У нас тут не очень-то поработаешь. Сами видите, что делается. На консервации стоит камера.

— Понятно... А вот эти щиты, подставки и прочее — это все специально положили в камеру? Чтобы кто-нибудь ненароком туда не сунулся?

— Какие щиты? — удивился Демченко, поглядел в камеру сквозь стеклянную дверь и даже руками всплеснул. — У, лопухи! Вот я им!.. Фомич! — закричал он яростно. — А ну, Фомич, давай сюда!

Степенный полуседой человек в аккуратно пригнанном халате неторопливо подошел к нему и со спокойной укоризной сказал:

— Чего шумишь, бригадир? Я, чай, не глухой. Когда дрель утихнет, все нормально слышу.

— Мораль потом читать будешь! — нетерпеливо отозвался Демченко. — Ты лучше скажи, кто разрешил в ка-

мере свалку устраивать? Мало, что в зале свинюшник развели — не продерешься...

— Я не разрешал, — заявил Фомич, с неодобрением разглядывая камеру. — Видать, из нашей молодежи кто-то инициативу проявил.

— Руки оторвать за такую инициативу! — свирепо сказал Демченко. — Моментально пускай все перетасчат в комплектовочную. Количество и сохранность проверь! И выдай им как следует! Распустились! Перед людьми стыдно! Ультрасовременная техника, машина времени, понимать надо! А этим орлам что хронокамера, что мусорный ящик — без разницы!

Линьков еще поговорил с Демченко, выяснил, что работают монтажники действительно до четырех, редко — до пяти, и что зал оставляют незапертым, его потом дежурный по корпусу запирает. Это обстоятельство, впрочем, не имело существенного значения. Тот человек, о котором думал Линьков, наверняка имел ключ и от зала, и от лаборатории № 14. И, скорее всего, на самых законных основаниях.

Демченко, вдруг что-то сообразив, начал допытываться у Линькова, какое он дело ведет, — может, насчет самоубийства, и если да, то при чем тут монтажники и зал хронокамер? Линьков отвечал вежливо и туманно. Демченко продолжал спрашивать, и так они дошли вместе до выхода из зала. Тут Демченко снова увидел Фомича и, грозно хмурясь, спросил:

— Выяснили, кто барахолку в хронокамере устроил?

— Да вроде бы и никто, — слегка растерянно сказал Фомич. — Как один, все говорят: не клали мы туда ничего и близко даже не подходили.

— Нашкодили да еще и врут! — разъярился Демченко. — А я и сам знаю, что это Витька Мезенцев с двумя Юрками, кому ж еще!

— Не они, не они, то-то и дело, — поспешно возразил Фомич. — И никто не врет, все правду говорят, я ребят наших знаю.

— Ясно! Дух святой в камеру щиты и подставки таскал в свободное от работы время! — ядовито сказал Демченко.

— Про духа не скажу, а только наши ребята здесь без вины, — упорствовал Фомич.

Линьков попрощался и ушел. Он-то понимал, что ни монтажники, ни дух святой в этом деле не участвовали. И вообще картина происшествия была для него ясна почти полностью. Правда, он по-прежнему не понимал причин гибели Аркадия Левицкого. Но главного участника — и, вероятно, виновника — этой трагедии он теперь знал.

Шагая по коридору. Линьков все отчетливее ощущал, что самое главное в этой истории он уже выяснил. Если не считать запутанных приключений Стружкова. Но Стружков — в этом Линьков был почти уверен — прямого отношения к этой истории не имел. И вообще раз Стружков явился, пускай сам и объясняет, что к чему и почему: история у него, так или иначе, каверзная...

Проходя мимо расчетного отдела. Линьков приостановился. Может, Берестова знает что-нибудь о Стружкове?

Но Берестовой, к его удивлению, на работе не было. Рыженькая девушка за перфорирующим устройством, которая в первый приход Линькова сюда заверяла, что он сразу распознает Нину Берестову, теперь сочувственно пропищала, что Нина сегодня на работу не вышла.

— Заболела, наверное! — доверительно сообщила она. — А что удивительного! Нина ужас как переживала все эти дни.

Тут в разговор включились другие девушки и застрекотали наперебой:

— Как раз она ничуть не переживала, я даже поражалась!

— Много ты понимаешь! Нина выдержанная на редкость!

— А вчера она еле до конца досидела!

— Девочки, надо ей домой позвонить! Что ж это мы!

— Товарищ следователь, а правда, что Левицкого убили?

— А я знаю, за кого Нина переживает, — она за Бориса!

— Нет, за Аркадия!

— А вот и нет! На Бориса подозрение имеется, мне Эдик дал понять!

«И тут Эдик!» — с ужасом подумал Линьков, оглушенный этой трескотней, и потихоньку выскользнул за дверь.

«В самом деле, надо позвонить Берестовой!» — решил он и отправился разыскивать, откуда бы поудобней позвонить.

Нины дома не было. Старушечий голос ответил, что Ниночка на работе и вернется часам к шести. Это было уж совсем странно. Куда же она девалась? Несчастный случай по дороге на работу? Так ведь давно успели бы известить и семью, и институт... Нет, тут что-то другое! Да чего уж «что-то»! Это она с Борисом выясняет отношения. Он, наверное, позвонил ей прямо с утра, еще до работы, уговорил встретиться... Что же он ей такое сказал? После вчерашнего Нина не так легко согласилась бы разговаривать с ним. А она согласилась, и так увлек ее этот разговор, что она даже на работу не является до сих пор... ведь уже десять минут первого!

Где же они сидят? Может, к Стружкову пошли? Ну-ка позвоним Стружкову...

В квартире Стружкова долго никто не подходил к телефону, наконец отозвался неуверенный юношеский басок:

— Нету его дома. Не знаю, где он. С работы уже звонили, спрашивали. Не знаю, я его ни утром, ни вечером не видел. Может, и ночевал, но из нас никто его не видел...

Линьков положил трубку, снял очки и начал их сосредоточенно протирать. Может, рановато еще выключать Стружкова из круга подозрений? Что главное действующее лицо — не он, это ясно. Однако он мог принимать в этом деле какое-то участие. Что, если он замешан в эту историю и боится признаться? Может быть, он струсил или какую-нибудь глупость совершил, и ему стыдно, вот он и ведет себя так нелепо и противоречиво, что вообще ничего не поймешь... И с этим его переходом во времени сплошной туман. Если он вернулся, ничего не сделав, то с чем он к Нине пришел? А если сделал что-то в прошлом, то каким же образом смог вернуться в «свой» мир? Может, существует какая-то хронофизическая каверза и при определенных условиях возможно вернуться на свою

же линию? Или... или, может, Стружков вообще не в прошлое путешествовал, а в будущее? Тогда ему, возможно, есть о чем поговорить с Ниной! Мало ли что можно там узнать и мало ли как можно использовать эту информацию!

Эта неожиданная догадка привела Линькова в полное смятение. «Нет, надо к Шелесту! — решил он. — Без Шелеста я не разберусь, где уж! Да и полчаса давно прошли. Еще уедет Шелест куда-нибудь...» Быстро шагая по коридору второго этажа к кабинету Шелеста, Линьков думал, что сейчас ему Стружкова и видеть не хотелось бы: раньше нужно с Шелестом посоветоваться, а то неизвестно, о чем и как разговаривать с этим хитроумным и неуловимым Стружковым... Очень хорошо, что его пока нет в институте!

Но, выйдя из-за поворота коридора, Линьков нос к носу столкнулся с Борисом Стружковым. Они резко остановились и уставились друг на друга. И каждый из них прочел на лице у другого то, что испытывал в эту минуту он сам: растерянность и недовольство.

Глава одиннадцатая

Аркадий посмотрел на нас и жизнерадостно фыркнул. Мой двойник непонимающе глянул в его сторону и снова, с недоверием и ужасом, уставился на меня.

Уж кто-кто, а я его понимал!

Конечно, мы — не то, что прочие граждане, мы хронофизики, каждый день брусочки гоняем туда-сюда, в прошлое-будущее, к самим себе в гости, так что во всех парадоксах времени, включая встречу со своим двойником, мы должны разбираться совершенно свободно. Да мы и разбираемся, в общем-то, но чисто теоретически. Приходилось мне поддерживать разговор на эти темы в интеллектуальной среде различного уровня, давать необходимые разъяснения, справки и тому подобное, и я делал это с легкостью в мыслях необыкновенной, ничуть не затрудняясь, — ведь мне все это казалось бесконечно далеким от практики, от реальной жизни! Я уверен, что многие из тех, кто меня слушал, относились к этим про-

блемам гораздо серьезней; они не понимали, какая пропасть лежит между теоретической возможностью и практическим осуществлением, а я понимал... думал, что понимаю! В голову мне не приходило, что этим практическим осуществлением я же самолично и займусь! А теперь — на тебе! Гуляю по времени, как по парку культуры и отдыха, — то туда пройду, то обратно. И все аттракционы в этом заведении уже знаю как свои пять пальцев — всякие там петли времени, параллельные миры, двойники... И отлично понимаю, что во всех параллельных мирах, которые создаю я либо Аркадий, существует Институт Времени, в котором работает (или работал по крайней мере) Борис Стружков, а значит, в любом из этих миров я имею шанс пожать руку самому себе.

Ну вот, теперь этот шанс и осуществился. Стоит перед тобой молодой хронофизик Борис Стружков, и ты можешь пожать его честную руку, которой он, как и ты, швыряет брусочки... или что они там швыряют через два-то года? В самом деле — что? Во всяком случае, ясно, что не людей! Этот Борис травмирован нашей встречей куда сильнее, чем я, дело ему явно в диковинку... Впрочем, может, у меня такая же дурацкая мина? Нет, я, оказывается, улыбаюсь... демонстрирую свое моральное превосходство над неопытным двойником.

Странное все же чувство — видеть самого себя отдельно от себя. Это ведь совсем не то, что отражение в зеркале. Отражение точно повторяет тебя, каков ты есть в данный момент: и движения твои повторяет, и гримасы, и улыбки. А тут — я сижу, а он стоит, и одет он совсем иначе... А кстати, одет он... ну, Аркашенька, погоди, сейчас мы все выясним, вдвоем-то мы тебя живо определим!

Борис Стружков... Вот ты какой, оказывается, если смотреть на тебя со стороны! Неужели такой? Честно говоря, я был о себе несколько лучшего мнения... То есть я всегда знал, что красавцем меня не назовешь. Это Аркадий у нас типичный красавчик, а я — так, середнячок, ничего выдающегося. Но все же... и брови что-то чересчур мохнатые, и глаза слишком хмурые, и... ну неужели я такой широкий, почти квадратный?! Плечи как у гориллы, и загибок соответствующий. Из-за этого даже ка-

жется, что я ростом не вышел, а ведь мой рост — метр восемьдесят два. Поменьше, чем у Аркадия, но все же...

Тут я заметил, что Борис оглядывает меня, потом переводит взгляд на себя и морщится, недовольно и растерянно. Ах, ну да! Ведь он на два года старше! Однако... неужели меня за два года так разнесет? С чего бы это? Но спрашивать неудобно. Потом выясним...

А думаем мы с ним, наверное, одинаково. И потом, содержание памяти у нас ведь идентично! Я вдруг сообразил, что этот, старший, Борис знает обо мне все, решительно все, за исключением того, что произошло на линии II между двадцатым и двадцать третьим мая 1974 года. Все он знает, и все он помнит, что надо и что не надо... конечно, и те, чепуховые, в общем-то, казусы, о которых я всячески стараюсь забыть... Ах, чтоб тебе!

Я все старался разглядеть, есть ли у этого Бориса шрам на левой ладони, тонкий красноватый шрам, — это меня угораздило собственным кинжальчиком порезаться года два назад... Красивый такой кинжальчик, откуда его привезли, не помню, и служит он мне в основном для разрезания бумаги. Борис шевельнул левой рукой и словно нарочно показал мне шрам. Я начал побаиваться, что Борис будет отвечать мне моими же словами, если уж наши мысли и ощущения так совпадают. Но мы ведь даже не совсем похожи по внешности, и возраст все же разный!

Наконец Аркадию надоело созерцать, как мы молча таращимся друг на друга, и он решил взять инициативу в свои руки. Он лениво помахал прутиком и сказал, как рефери на ринге:

— Брек, Стружковы. Разойдитесь по углам. Засчитываю вам обоим поражение.

Я раздраженно повернулся к нему, и другой «я», как по команде, сделал то же самое. Аркадий захихикал.

Нелегко было заговорить с самим собой, но я это сделал.

— Ты не будешь возражать, если я его двину? — спросил я Бориса и сам удивился, до чего деревянный и скрипучий у меня голос.

Борис судорожно глотнул и тоже неестественным, срывающимся голосом ответил:

— Приветствую... вполне... и присоединяюсь.

Хорошо хоть слова у нас разные!

Аркадий откинулся на спинку скамейки и выставил вперед ногу.

— Ну, вы, поосторожней! — воскликнул он, встревоженно следя за нашим приближением. — Тоже мне, сямские братья-разбойники!

Он размахивал своей длинной ножищей, не подпуская нас к скамейке.

— Я зайду сзади, — предложил второй Борис уже спокойно и деловито. — Зайду сзади и схвачу его за уши, а ты хватай ногу и тяни на себя, понял?

Аркадий мигом вскочил, перемахнул через скамейку и, отбежав к дереву, драматически завопил:

— Сдаюсь! Вас много, а я один!

Мой двойник повернулся ко мне, хищно и весело скаля зубы.

— Простим, что ли, злодея? — спросил он.

— Пускай раньше покается! — ответил я.

Вот теперь Борис-76 мне даже нравился. Глаза у него азартно блестели, лицо покраснелось, оживилось. И потом, когда он двигался, то не казался излишне плотным — просто такой вот здоровенный, крепко сбитый парнюга, мускулы так и перекатываются под тонким серым свитером... Тут я поймал насмешливо-одобрительный взгляд Бориса и слегка покраснел, ощутив, что сам тоже поигрываю мускулами и, наверное, тоже покраснелся... Ну да, вот и волосы щекочут лоб — видно, так же растрепались, как у него.

— Да ты, я вижу, вошел во вкус! — сказал Борис. — Так разыгрался, что даже чувство реальности потерял. Вообразил, что Аркадии способен каяться! Уж поверь мне, как другу...

— Как самому себе, — поправил я.

— Верно! — с некоторым испугом согласился Борис. — Как самому себе... хотя к этому, понимаешь, трудно вато привыкнуть.

— Еще бы! — сочувственно сказал я.

Я и то удивлялся железной выдержке этого Бориса — он не охал, не ахал и даже с вопросами не лез, хотя сообщал во всей этой истории наверняка еще меньше, чем

Аркадий. Впрочем, может, у них здесь уже запросто гуляют в гости к самим себе? Нет, вряд ли: тогда Борис встретил бы мое появление совсем иначе. Начал бы уточнять детали: мол, откуда ты и как? А то ведь он травмирован крепко и даже не пытается это скрыть. А не спрашивает в основном из самолюбия: старается до всего своим умом дойти, без посторонней помощи. Ну, это уж мой характер, узнаю...

Интересно, что же он может сообразить? Допустим, что Аркадий ему ничего не сказал и сам он тоже ничего не знает. Вроде бы не может он ничего не знать, — неужели Аркадий все эти два года молчал? А если все-таки? Тогда у него сейчас в мозгах такая каша!

— Какое трогательное зрелище! — ехидничал Аркадий, снова развалившись на скамейке. — Единение широких масс Стружковых! Стружковы всех времен и миров, соединяйтесь!

— Заткнись на секунду, остряк-самоучка! — сказал Борис-76, а потом, смущенно улыбаясь, повернулся ко мне. — Все! Сдаюсь... И так и сяк ломаю голову, пытаюсь понять, откуда ты взялся, и не могу. Данных не хватает. Ведь этот умник ничего мне вообще не сказал. Ты же знаешь, как он обожает эффекты. Влетел в лабораторию на сверхзвуковой скорости, весь мокрый, дико посмотрел на меня, сказал: «Выходи в сквер через десять минут, дело есть!» — и тут же испарился... Ты — откуда?

Он повел головой куда-то вверх. Так! Он думает, что я из будущего. Значит, здесь еще не знают о возможности путешествий во времени? А как же Аркадий? Он-то пришел к нам из этого времени! Он один это все сделал, втайне ото всех? Или он все же не из этого времени? Из другого 1976 года? Правда, в институт он прошел бойко, и Борис его вроде признает. Но апломб у Аркадия всегда хватало. А на розыгрыше с Юрием Матвеевичем и Зоей я его поймал как миленького.

Впрочем, кто его знает, Аркадий, может, просто делал вид, что поддается на розыгрыш: хотел меня «уточнить».

— Ты из будущего? — уже не так уверенно переспросил Борис.

Аркадий хмыкнул. Борис оглянулся на него:

— Ну чего хмыкаешь? По-человечески сказать не можешь? Где ты его встретил-то? Ты поэтому и на работу опоздал?

Я взглянул на Аркадия: он небрежно развалился на скамейке, насмешливый, самоуверенный. Значит, это все же «здешний» Аркадий? Нет, невысказано!

— Ты меня не спрашивай, — сказал Аркадий, — я и сам не все понимаю. Ты вот его спроси, поговори с ним как Стружков со Стружковым. И учти: этот подозрительный тип уверяет, что он из прошлого...

Борис резко повернулся ко мне:

— Это правда?

— Да вроде бы... — ответил я.

— Как же это? — растерянно спросил Борис.

— Вот и я тоже не вполне соображаю, — снисходительно сообщил Аркадий.

— Не вполне?! — возмутился Борис. — А я вот ничего не соображаю, абсолютно ничего!

— Естественно... У меня все же это устройство, — Аркадий уважительно притронулся пальцами к своему лбу, — работает чуть лучше.

Если это «здешний» Аркадий, то у него, пожалуй, есть основания для самодовольства: уж очень он здорово разобрался в моих чертежах. Либо он все это откуда-то знал, либо... Тут я снова начал сомневаться в том, что он — «здешний».

— Ну ладно, — хмуро сказал Борис, — допустим, ты — гений. Но я — то простой хронофизик. И я не гордый. Пускай мне кто-нибудь объяснит, что к чему и почему, я только спасибо скажу.

Он сел рядом с Аркадием и вопросительно уставился на меня. Аркадий достал сигарету, похлопал себя по карманам в поисках спичек, потом что-то припомнил и досадливо поморщился.

— Ах ты! Значит, это я там их выбросил... — пробормотал он. — Ребята, у вас ни у кого спичек нет?

У «здешнего» Бориса спички почему-то нашлись... Курит он, что ли? Но это соображение прошло по самому краешку моего сознания: меня заинтересовали слова Аркадия о спичках. Заинтересовали и смутно встревожили.

— Где — там? — спросил я. — Где ты их выбросил?

Аркадий вдруг разозлился.

— Да тебе-то что? — огрызнулся он. — Пустой коробок был, понятно? Я его сломал и выбросил... Чего цепляешься?

Я-то знал, чего я цепляюсь и чего он злится! Я будто снова увидел вчерашний вечер; увидел, как я стою, прижавшись к стене, у площадки боковой лестницы и слышу голос Аркадия, а потом — странный хруст, будто ломается спичечный коробок...

Неужели это и есть тот самый Аркадий?!

Но тогда... тогда он потрясающе блефует! Ведь Борис даже не сомневается в том, что это «его» Аркадий. Я и сам в это почти поверил, несмотря на все, что знаю. А где же тогда настоящий «здешний» Аркадий? Или именно «здешний» и побывал у нас? Да нет, это невозможно — он тогда отклонил бы линию и вернулся бы в измененный мир, где уже есть «свой» Аркадий.

Вот разве только в этом мире не было «своего» Аркадия, и «Аркадий с кнопками» просто занял его место... Представляю, какой это вызвало переполох! Да нет же, опять я забыл! «Здешний» Аркадий существует, работает он вместе с этим Борисом в институте, и я ночевал в его комнате.

— Ну чего молчишь, чего душу тянешь? — хмуро спросил Борис.

— Сейчас, сейчас... — пробормотал я, торопливо делая прикидки.

Наконец я решился. А чего мне бояться вообще-то? Ошибусь — так все равно это выяснится через несколько минут. Зато, если я прав, Аркашенька сразу сбавит тон.

— Боря, — кротко попросил я, — будь другом, объясни, где раздобыл этот гражданин такую достопримечательную оболочку?

Борис захлопал глазами и повернулся к Аркадию. Тот стыдливо прикрыл руками свои блистательные кожаные отвороты.

— Не знаю... — изумленно сказал Борис. — Я и не заметил, что на нем этот балахон. Действительно, прямо-таки пугало огородное! Но какое это имеет отношение?..

Я ликовал. Мой расчет оправдался: Борис до того был ошеломлен встречей со мной, что до сих пор просто и не

глядел толком на Аркадия. Он не видел, как тот одет! И этот костюм кажется ему таким же странным, как и мне!

Ну, теперь можно пойти ва-банк!

— Аркашенька, — ласково сказал я, поворачиваясь к насупившемуся Аркадию, — скажи мне, Аркашенька, кто же из нас все-таки самозванец?

Борис уставился на нас обоих, видимо пытаясь что-то сообразить. Наконец он с усилием спросил, обращаясь к Аркадию:

— Ты... тоже?

Аркадий, словно извиняясь, развел руками!

— Увы, друг мой, я тоже...

— Вы, значит, вместе? — нервно допытывался Борис. — Чего же вы мне голову морочите? Сговорились? И откуда вы все-таки?

Аркадий вдруг обиделся.

— Я ни с кем не сговаривался, — надменно сказал он. — И ни с кем я не вместе. Я сам по себе. Пускай лучше этот тип, — он ткнул меня пальцем в грудь, — расскажет, как он сюда попал!

— Ну, с тебя тоже причитается по этой части! — заявил я.

Аркадий растерянно и тревожно поглядел на меня.

Значит, это все же был тот самый Аркадий, который побывал в нашем институте! Тот «странный» Аркадий, которого видела Нина, а потом Чернышев. Тот «незнакомец», которого я выслеживал на первом переходе во времени и потерял в зале хронокамер. Да и как мне было его не потерять! Я его искал в том мире, а он уже перешел в этот...

Ну ладно, он тот самый, он «Аркадий-путешественник». Но я — то как попал в 1976 год вслед за ним? Что же, выходит, хронокамера в зале была настроена на двухкратное перемещение? Чтобы сначала перебросить Аркадия, а потом меня? Так ведь никто же не знал, что я окажусь в зале! Я и сам этого не знал! Или камера была настроена так, что переносила человека в будущее и тут же возвращалась в прошлое, готовая к новому скачку?

Была, правда, еще одна возможность, очень сомнительная, но все же... Может быть, незадолго до меня из

института выходил все-таки «здешний» Аркадий, а этот появился здесь вслед за мной. Это он глядел на меня, когда я уводил у него из-под носа камеру... Но кто же тогда вернул ему эту камеру, кто вытащил его из прошлого? Сообщник в будущем? Кто же это?

Только один человек подходил для этой роли: «здешний» Аркадий. Он действительно вел себя вчера как-то странно: сидел допоздна в институте, потом ушел, но домой не явился, ночевал неизвестно где и, в довершение всего, не пришел сегодня на работу... Ему звонили какие-то странные личности, напоминали о таблетках и назначали свидания, на которые почему-то никто не являлся...

Я даже не успел это обдумать — все пронеслось в моем мозгу, как серия коротких вспышек. Но глухое беспокойство за Аркадия — за «здешнего» Аркадия — охватило меня. Что ж это такое, неужели нигде нет благородного Аркадия Левицкого, ни на одной мировой линии?

Я посмотрел на Аркадия. Он ответил мне нагло-безмятежным взглядом и, щурясь на солнце, ободряюще сказал:

— Кончай размышлять, путешественник. Высказывайся!

Ах так! Я повернулся к Борису, который уже изнывал от нетерпения.

— Значит, так: я здесь со вчерашнего дня. Точнее, с десяти вечера по здешнему времени. А до этого я жил в семьдесят четвертом году. И вот, двадцатого мая... — Я сделал паузу и посмотрел на Бориса: нет, эта дата ему явно ничего не говорила, он все так же изумленно и восторженно глядел на меня. — Ну, в общем, это неважно... А как я попал сюда, в 1976 год, этого я и сам не понимаю. По-моему, это все его штучки, Аркадия! (Аркадий пошевелинулся и неопределенно хмыкнул.) Понимаешь, я вошел в зал хронокамер, ты же помнишь, он в 1974 году был еще недостроен, и сдуру полез в одну из камер. Я ведь был уверен, что она еще не включена. А что она может перебрасывать человека, этого я и подумать не мог. И вдруг дверь за мной почему-то захлопнулась, потом красный туман откуда-то взялся... В мозгах у меня полное затмение наступило... Ну, и все.

— Что значит «все»? — удивился Борис.

— А то и значит... Очнулся я, вышел из камеры, гляжу — стемнело почему-то очень быстро... Ну, разобрался понемножку, что к чему: я, оказывается, в будущем! Привет правнукам от прадедов!

— Где ж тебя носило всю ночь, прадед? — неодобрительно осведомился Борис. — Почему ко мне сразу не пришел или к Аркадию? Ну... не к этому, конечно...

Я замялся. Мне не хотелось сознаваться, что я всего час назад понял, где нахожусь. И не хотелось рассказывать о бурной ночи в квартире «здесьнего» Аркадия, пока я не выясню, что он натворил и куда девался. Поэтому я промычал:

— Да так... ночь теплая...

— Небось на скамейке в сквере спал, дурень! — возмутился Борис. — Неужели у тебя соображения не хватило...

— Нет, Борис, он не дурень! — вдруг сказал Аркадий. — Уж поверь моему слову. Это он нас с тобой в дурнях оставить хочет, но мы не дадимся! Ты вот спроси его, как он в двадцатое мая попал! Не в это двадцатое мая, а в то, два года назад!

Ну конечно! Это его интересовало сильнее всего! Это его прямо-таки терзало! Он сразу поставил вопросительный знак на моем чертеже, отметил то, что для него было загадкой: кто же это разгуливает во времени и отклоняет мировые линии? Кто, кроме него, смеет это делать? А если этот нахал вдобавок из прошлого... то есть если он додумался до таких вещей еще в 1974 году, когда гениальный Аркаша гонял себе брусочки и ни о чем таком даже не мечтал, ну, это уж такой удар по самолюбию Аркадия! Впрочем, самолюбие самолюбием, а Аркадий при всем при том настоящий ученый, так что этот факт с научной стороны тоже не может его не интересовать.

Одного я все же не понимал: догадывается Аркадий, кто я такой на самом деле, или нет? Как он понимает «мою» пунктирную кривую на схеме?

Думая об этом, я вдруг словно бы увидел нашу веселенькую троицу со стороны... То есть если буквально со стороны смотреть, а тем более издали, то ничего особенного нет, все тихо-мирно. Центральная полоса России, ясное и теплое майское утро; небольшой тенистый скве-

рик в центре одного областного города, ухоженный такой скверик, чистенький, песчаные дорожки подметены и цветочки вдоль них высажены, решетчатые скамейки аккуратно покрашены в три цвета: желтый—синий—красный. И сидят в этом скверике на скамейке три друга, о чем-то беседуют, одеты прилично, спиртным от них не пахнет, драки не намечается... В общем, словно бы тут все в порядке. Но подойди поближе — и начнешь понемногу замечать, что тут не все в порядке. Пока не установишь, что все тут не в порядке. Но для этого придется сесть с нами рядышком и вникнуть в то, о чем мы говорим. С виду-то мы и вблизи можем сойти за норму. Что двое из нас очень похожи, это, конечно, факт вполне объяснимый: близнецы небось! Что у третьего собеседника пиджак больно чудной — ну, бывает! Пощеголять захотел парень и напялил какую-то зарубежную штуковину, а получилось курам на смех... может, это форма какого-нибудь тамошнего оркестранта либо официанта, а он за пиджак посчитал.

Зато разговорчики наши — это... «Ты откуда? Из 1976 года? — Да, только не из этого, а из другого совсем... — А вот я, братцы, из 1974 года! — Ну да? Здорово! Как же это ты? — Да так как-то... Иду я по институту, гляжу: хронокамера! Дай, думаю, зайду! А она как-ак швырнет меня прямо в 1976 год! А ты, значит, мой здешний двойник? Очень приятно познакомиться!» Ну, и так далее... Нет уж, хорошо, что никто нас не слышит.

Но пока я думал об этом и о многом другом, никаких разговоров мы не вели. Аркадий и Борис ждали, когда же я выскажусь и все объясню. А я сомневался, что смогу все объяснить. Вернее, не сомневался, что не смогу. Такая уж это была история! Я в ней подметил любопытную закономерность: как только мне покажется, что я в чем-то разобрался, тут же выясняется, что я проглядел небольшую деталь, которая в корне меняет всю картину.

Ребята смотрели на меня во все глаза и явно нервничали. Аркадий, конечно, делал вид, что ему все нипочем, и насмешливо улыбался, но я видел, с каким ожесточением он терзает листок липы: попробовал скрутить его в трубочку, но так нажал, что все пальцы зеленой мякотью измазал. Борис насупился и смешно оттопырил губы, как

обиженный дошкольник. (Неужели и у меня есть такая дурацкая манера? Надо будет последить за собой!)

Наконец Борис решительно встал и заявил, что он не намерен сидеть тут в рабочее время и смотреть, как я молчу и изображаю из себя роденовского мыслителя в одетом виде.

— Я пошел! — с достоинством заключил он, одергивая свитер. — Надумаешь говорить, позвони в лабораторию.

Я отлично понимал, что никуда он не уйдет, что тягачом его не вытащишь из сквера. Но мне было совестно: ну чего я, в самом деле, канителюсь? Рано или поздно объясниться нам придется, начинать это дело надо мне — и по справедливости, и просто для экономии времени и энергии: без моих объяснений слишком многое останется в тумане.

— Садись, друг, брат и двойник! — сказал я, вздыхая. — Лекция сейчас начнется. Только разрешите мне как лектору подкинуть одному из слушателей один вопросик. А именно: объясни ты мне, Борис, как ты меня воспринимаешь?

— То есть? — не понял Борис. — Какими рецепторами, что ли?

— Нужны ему твои рецепторы! — вмешался Аркадий. — У него свои такие же. Боренька-юниорчик, насколько я понял, интересуется результатами анализа и обработки той информации, которая поступает в твои мозги через эти самые рецепторы. То есть: что ты думаешь о нем, воспринимая его оптически, акустически, тактильно и... ну, как там еще?

— А-а... — протянул Борис.

Он ухватился за подбородок и начал его осторожно тереть. Тоже смешная манера. А это я уж безусловно делаю! Теперь вижу, до чего это нелепо выглядит... Модель ошибок! Словно тебя на киноплёнку засняли скрытой камерой, а ты глядишь и краснееешь. И чего он рот кривит? Ох, наверное, и я тоже! Ну и смешной же я тип, оказывается!

— Это... это, знаешь, нелегко объяснить... — вдумчиво говорил Борис, слегка кривя рот. — В общем, вижу перед собой... ну, двойника, скажем. Не просто очень по-

хожего человека, а именно двойника... не совсем, конечно...

Аркадий сочувственно и снисходительно улыбнулся.

— Да ну тебя! — разозлился Борис, поймав эту улыбку. — Сам небось тоже мямлить будешь! Я что имею в виду? Мы с ним не двойники. Я старше на два года и вроде потолстел за это время... — с неудовольствием заметил он, глянув на свой живот. — Но, с другой стороны, шрам на левой руке. Видишь?

— Он растопырил ладонь, демонстрируя Аркадию тот самый шрам. — Борька, покажи, я видел у тебя. Вот... Видал, Аркадий? Ну, и тому подобное... Значит, что? Обман зрения тут исключается. Биологических дублей конструировать пока не научились, слава те господи. Обращаемся к хронофизике и задаем ей вопрос: в каком случае может рядом со мной появиться еще один я? Получаем ответ: только в том случае, если он придет сюда из другого времени. Условие необходимое и достаточное. Тем более, что в принципе я такие штучки уже наблюдал...

— Ты? Наблюдал? — Аркадий так и вскинулся. — Где?!

Я захохотал, и Аркадий так яростно сверкнул на меня глазами, что из них будто искры вылетели. Борис-76 был и вправду постарше, посолидней, чем я, и на Аркадия меньше реагировал. Он спокойно объяснил, что в апреле был на конференции в Москве и там японские хронофизики показывали фильм о своих опытах на мышах.

— Своего они, в общем, добились, — сказал Борис. — Правда, в крохотных объемах — ну, мышь, представляете! И результаты неустойчивые. Но все же!

— А что же конкретно они делают? — спросил я, хотя больше из вежливости: подумаешь, событие — мыши; мы вон сами запросто разгуливаем во времени!

— Да что: суют мыша в камеру, выстреливают его на пять минут в прошлое... ну, в общем, по принципу петли работают. И появляется бодрый мыш № 2, тут же, рядышком... Расчеты они, правда, никаких не сообщали — говорят, рано еще, результаты ненадежные и вообще... Но смотреть эти картинки все же было интересно.

— А не липа это? — недоверчиво спросил Аркадий.
— Я что-то ни о чем таком не слыхал.

— Как же ты не слыхал? — удивился Борис, но тут же осекся. — Ах, ну да... Нам-то они и письма писали, эти японцы, и в газетах сообщения были... Аркадий, правда, на конференцию не поехал, сказал, что серию кончает. Как он смог от такого отказаться, просто не понимаю! — Борис-76 на секунду задумался о чем-то, нахмурился. — Да... но он тоже все знал, и вообще у нас это было, понимаешь?

Аркадий сейчас показался мне усталым, замученным, почти больным: наверное, он в эту минуту особенно остро ощутил, что здесь он чужой, лишний, что его место занято другим... то есть им же самим. Я это понял потому, что сам время от времени чувствовал себя удивительно мерзко и все по той же причине. Аркадий, наверное, заметил мой сочувственный взгляд, весь даже передернулся и начал преувеличенно интересоваться японскими мышами — что они, да как они, да какое это производит впечатление.

— Ну, какое же впечатление? — сказал Борис-76. — Мыши как мыши. Я ведь не могу разобрать, двойники они или нет. Вижу только: была одна мышь, и вдруг их стало две. А сами мыши, видимо, в этом ориентируются... чувствуют, что непорядок какой-то. Вот интересно, они свой личный запах ощущают? Возможно, что да. Во всяком случае, они очень суетились, все обнюхивали друг друга... и хвосты у них так забавно дрожали...

— Был бы у тебя хвост, — сумрачно заметил Аркадий, — он бы еще забавней дрожал, когда ты Стружкова-юниора обнюхивал.

Я хотел хорошенько выдать Аркадию за грубость, но Борис едва заметно подмигнул мне.

— Что у нас было после этой конференции, что у нас было! — весело сказал он, будто и не услышав реплику Аркадия. — Споры вплоть до драки. Аркадий особенно горячился, ну просто на стенку лез... Я имею в виду, конечно, не тебя, а моего, натурального Аркадия.

Аркадий слушал его с привычной насмешливой улыбкой, но при слове «натуральный» даже зашипел от негодования. Я расхохотался.

— Это еще что за термины? — угрожающе спросил Аркадий. — Тоже мне, хронофизик! Тот Аркадий натуральный, а я какой? Из пробирки, что ли, вылез? Думать надо, товарищи Стружковы. Причем — головой! Если умеете, конечно.

Борис равнодушно оглядел его с головы до ног и отвернулся.

— Может, ты и натуральный, кто тебя знает, — нарочито лениво проговорил он. — Я к тому говорю, что подозрительный ты какой-то. Вид у тебя не тот... не наш вид!

— Ну, знаешь, чья бы корова мычала! — возмутился Аркадий. — Да ты же меня за своего принимал, пока тебя твой двойник носом не ткнул в эти кожаные отвороты! Действительно, угораздило меня в таком наряде... Ну ладно!

Борис чуточку смутился.

— Это верно, не сразу я тебя раскусил, — сознался он. — Так ведь почему? Просто я посмотреть на тебя не успел! В лаборатории ты был считанные секунды. Что ты опоздал, так мой Аркадий тоже что-то повадился опаздывать. И пиджак этот я не разглядел... А все-таки повезло тебе, что ты никого не встретил по пути! И потом... слушай, как ты вообще решился лезть в институт? А если б ты на моего, на «здесьнего», Аркадия напоролся, тогда что? Еще на проходной подняли бы такой скандал — страшно подумать!

— Ну-ну, — снисходительно сказал Аркадий. — Блага современной цивилизации неисчислимы, и среди них не последнее место занимает телефонная связь. Не помните ли вы, товарищ Стружков, как в вашу лабораторию сегодня утром позвонил индивидуум, страдающий острым катаром верхних дыхательных путей, и спросил Аркадия Левицкого?

Я сразу вспомнил утренний звонок в квартиру Аркадия. Хриплый, простуженный голос... Ах, ловкач Аркашенька! Но я решил пока не говорить Борису о своей сегодняшней ночевке.

— Авантюрист! — пробурчал уязвленный Борис. — Действительно, хрипел и гнусавил ты довольно доходчиво.

— Вот так-то, молодые люди! — наставительно сказал Аркадий. — Получая информацию, стремись ее использовать. А роковые отвороты я временно нейтрализовал вот таким образом: распахиваем пошире пиджак, заворачиваем полы назад...

И он продемонстрировал нам, как это делается. Выглядело это довольно странно — не то ему жарко, не то он драться собирается, — но отворотов действительно не было видно.

Борис, однако, не сдался.

— Вот и это тоже... — вяло и брезгливо протянул он, выслушав объяснения Аркадия. — Уж очень ты какой-то несолидный! Эти дешевые розыгрыши по телефону, эти пробеги по институту в пиджаке навыворот... Все это, знаешь, выглядит как-то так...

— То есть позволь! — ошеломленно запротестовал Аркадий. — А что же мне было делать, по-твоему?

— Не знаю, не знаю... — отмахнулся Борис. — Например, не носить такого пижонского пиджака. Ты же ученый, а не...

— Да ты что! — Аркадий уставился на него с возмущением. — Это у вас таких костюмов не носят, а у нас...

— Не знаю, не знаю... — лениво повторил Борис. — Но пари держу, и у вас не все их носят.

— Не все, не все, успокойся, у нас униформы вообще нет! — сердито сказал Аркадий.

— Ну вот видишь, — невозмутимо продолжал Борис. — Это пижонство... все одно к одному. И нервный ты чересчур. Глаза бегают, руки трясутся. Подозрительно мне все это, ох, подозрительно...

У Аркадия в самом деле начали трястись руки — от злости. Я решил прекратить розыгрыш.

— Ты вот что, — обратился я к Борису-76, — ты обо мне доскажи!

— Что ж о тебе? — сказал он уже совсем другим тоном. — С тобой, наоборот, все ясно и надежно. Ты для меня с самого начала был вне подозрений. Нормальный, честный, добропорядочный товарищ, который путешествует во времени, строго соблюдая его законы. Да у тебя все это на лице написано... Открытое такое у тебя лицо, как книга, — все прочесть можно...

— Открытое оно у него, как же! — ядовито прошипел Аркадий. — Книга! Целая библиотека у него, а не лицо, романы из него штабелями можно брать, в очередь на них записываться!

— Злобствуешь, Аркашенька? — с кроткой укоризной сказал я. — Не понравилось тебе, значит, что посторонний человек правду обо мне сказал?

У Аркадия побелел кончик носа, и уши тоже побелели, — значит, он всерьез разозлился.

— Тоже мне правда! — буркнул он. — Хвалят сами себя, соловьями разливаются, а о деле толком высказаться не умеют. Смотреть противно.

— Не плачь, дитя, не плачь напрасно, — примириительно заговорил Борис-76. — Натуральный ты, натуральный, чего уж там! Вон ты и злишься всерьез по пустякам, совсем как мой Аркадий... И, между прочим, моего Аркадия тоже с неудержимой силой тянет к хронопутешествиям, да бодливой корове бог рог не дает. Он после этой конференции до хрипоты орал, что мы должны немедленно и целиком переключиться на опыты с человеком. Ну, на ближайшем семинаре Витька Самойленко доложил прикидочные расчеты — жуть, мрак и ничего не видно. Все, конечно, остыли. Аркадий, правда, сказал, что за такие расчеты убивать надо...

— И правильно сказал, — убежденно отозвался Аркадий. — Витька — дуб, разве он может...

— Витька, безусловно, не гигант, — согласился Борис. — Но я все это к тому, что за время дискуссии я как-то привык к идее встречи с самим собой. Даже обидно становилось иной раз: ну что ж это, думаю, ни один Стружков Б.Н. ко мне не заглянет хоть на часок. Посидели бы, поговорили, он бы рассказал, как там у них завтра-послезавтра...

— Почему именно завтра? — спросил я.

— Ну, а как же? Ведь самого себя встретить можно, я так понимаю, только если отправишься в прошлое, где ты уже есть. А если ты в будущее перескочишь, так ведь тебя там еще нет, верно? Откуда же тогда двойник?

— Постой-постой... — сказал я. — Вот я, например, прибыл сюда из прошлого, из 1974 года, а не из будущего...

— Как раз это меня и сбивает с толку! — признался Борис. — Я рассуждаю по-простецки. Вот, допустим, твоя мировая линия. — Все тем же многострадальным прутиком он провел длинную ровную черту на песке. —

Тут ты, а тут я. Я — это твое продолжение, тот же самый ты, только в следующий момент времени. Если я двинусь назад, я тебя непременно встречу, поскольку ты, то есть я сам, уже был раньше. Но если ты сделаешь скачок вперед во времени, обгоняя его естественный ход, то всех следующих Борисов ты как бы вместе с собой заберешь. Они из тебя еще только должны возникать, а ты в хронокамере сидишь... Сидишь ты, значит, и мгновенно превращаешься в следующего Бориса, в послеследующего, и так далее, пока в меня не превратишься. Значит, это я должен теперь выйти из камеры. Тогда снаружи меня быть не может.

— Он прав, — серьезно сказал Аркадий. — Если ты делаешь скачок назад, то там твоя линия уже существует, а если вперед, то она еще только возникнуть должна. В этом случае ты свою предстоящую мировую линию забираешь с собой в камеру, там она и продолжается. И в мире, который ты оставил, тебя уже нет: твоя мировая линия там оборвалась в тот момент, когда ты вошел в хронокамеру. А когда ты выйдешь из хронокамеры — уже в будущем, — с этого момента снова возникнет твоя мировая линия.

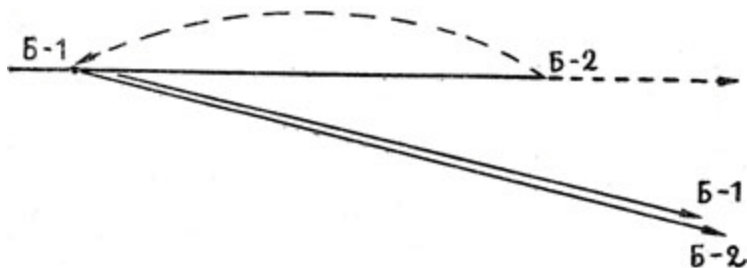
— Ну, с этим я согласен, — сказал я. — Но Борька не принимает в расчет одной вещи — петли...

— Я как раз хотел ему об этом сказать, — подхватил Аркадий. — Ты представь, Борис, что сначала ты назад подался. Так? И встретил там себя. У твоего двойника есть продолжение — следующий Стружков, как ты выражаешься, послеследующий и прочие. И у тебя есть, ведь так?

Борис-76 задумался.

— Ты хочешь сказать, что с этого момента идут уже две мировых линии Стружковых?

— Вот именно, две. Идут они параллельно, мирно сосуществуют до поры до времени. — Аркадий быстро вычертил прутиком другую схему рядом с чертежом Бориса.

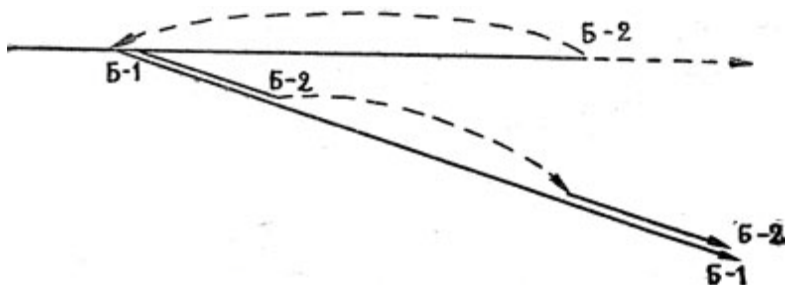
— Вот смотри: Б-2... это ты, Борис-второй... возвращается в прошлое к Б-1, к этому вот типу, что глаза на меня таращит. — Он ткнул прутиком в мою сторону, хотя я вовсе не таращил глаза: я же сам недавно рисовал такие картинки. — И начинаются две линии: у Б-2 — своя, у Б-1 — своя. Как ты думаешь, если Б-1 достигнет того времени, когда он уже станет Б-2, должен он все повторять за ним или нет? Ну, лезть в хронокамеру, возвращаться в прошлое и так далее?

— Нет, пожалуй, — задумчиво сказал Борис-76. — Зачем же ему все повторять? Вот если б к нему не являлся Б-2, Тогда конечно... Но он явился, и с тех пор все события пошли по иной линии, и Б-1 теперь, в сущности, совсем другой человек, значит, и история у него будет иная. Ты же сам показал, что обе линии отклонились от прежней, на которой Б-1 обязательно должен был когда-нибудь превратиться в Б-2.

— Соображаешь, Стружков! — похвалил Аркадий. — А теперь смотри: беру я этого Б-2, который в прошлое появился и немножечко побыл рядом с Б-1, беру я его и опять швыряю в будущее! Что теперь получится? — и он дорисовал схему.

Борис глянул на чертеж и покрутил головой.

— Понятно... — медленно сказал он. — Совсем вы меня заморочили, дубли несчастные! Я и сам бы все сообразил, если б вы тут не изощрялись... Конечно же, линия Б-1 как была, так и идет себе в будущее. То есть он все эти два года нормально работает, ест, спит, в кино ходит...

— Женится... — многозначительно вставил Аркадий.

А ведь в самом деле — женится... Аркадий и это успел выяснить или просто крючок закидывает? Мне стало как-то совсем уж неуютно. Все остальное — ладно, как-то утрясется... но вот Нина! Борис-76, по-видимому, даже не заметил ничего, слишком увлекся рассуждениями.

— ...Женится, — машинально повторил он, — и так далее... Словом, идет нормальным шагом по своей дороге. А этот стрекозел Б-1, — он покосился на меня, — нахально прыгает над его головой, одним скачком перемахивает через два года и начинает морочить голову бедному, хорошему, добропорядочному Б-2! Понятно... При таком обороте дел можно встретиться с собой и в будущем, ты прав, Аркадий.

— Я-то прав... — задумчиво отозвался Аркадий. — Сам знаю, что я прав. Но это вообще. А вот в частности, в данном конкретном случае? Тут ведь есть такая закавыка! Если встретиться с собой в будущем можно только при условии, что сначала смотаешься хоть на полчаса в прошлое, то каким же образом этот тип, — он слегка повел головой в мою сторону, — ну, словом, как он мог оказаться здесь перед тобой?

— А ты? — возразил Борис. — Ты ведь тоже вроде бы дубль? Или ты из будущего?

— Нет, я — то как раз по закону все сделал! — гордо заявил Аркадий. — Все честь честью: сначала махнул в прошлое, а потом уже в будущее двинулся, как на чертежке изображено... Ты только не думай, — вдруг заторопился он, — это я не ради встречи с самим собой... у меня совсем другие планы были. С собой я, наоборот, вовсе не хотел встречаться... — Он вдруг осекся и замолчал.

Я больше не мог вытерпеть — слишком стремительно и неотвратно надвигалась на меня истина.

— Аркадий, — хрипло спросил я, — значит, ты... это ты приходил к самому себе двадцатого мая?!

— Ну да! — криво улыбнувшись, сказал Аркадий. — А ты только теперь догадался?

Борис ошеломленно глядел то на меня, то на Аркадия, тщетно сиюсь понять, о чем мы говорим.

— Зачем? — еле выговорил я. — Ты приходил... зачем?

Аркадий молчал, вплотную сдвинув брови и прищурившись. Это означало, что он недоволен собой, но не хочет признаваться в этом, а потому злится. Я поймал его взгляд — сердитый, настороженный и в то же время какой-то растерянный... Ну, так и есть!

Мне теперь, собственно, все уже было ясно, но как-то не хотелось верить. Пускай он сам скажет. Я просто не смогу этого сказать... духу не хватит.

— Так зачем же? — снова спросил я.

Борис-76, конечно, почуял что-то неладное.

— Я... не понимаю... — сказал он, тревожно поглядывая на нас обоих. — К кому ты приходил, Аркадий? То есть когда?

Аркадий неопределенно хмыкнул и отвернулся. Я решил выступить для затравки.

— Понимаешь, Борис, — я говорил медленно, с запинками, с паузами, — дело это очень сложное... очень! Побывал Аркадий у нас в институте... ну, в том времени, откуда я прибыл... А утром, на следующий день... как это тебе объяснить, даже не знаю...

Я снова запнулся и замолчал. Аркадий наконец не выдержал:

— Да чего ты мямлишь! Утром на следующий день в этом самом институте обнаружили труп Аркадия Левицкого...

— К-какого Аркадия Левицкого? — спросил потрясенный Борис-76.

— Того самого! — со злостью сказал Аркадий. — Все того же! Который с тобой сейчас говорит. Который с тобой в институте работает. Натуральный труп натурального Левицкого, понял? — Он помолчал и добавил, криво улыбаясь: — И на этом основании твой натуральный двойник, кажется, думает, что я убийца! — Он в упор посмотрел на меня, я отвел глаза. — Ну, думай, думай на здоровье, я тебе не мешаю!

Он раздраженно пожал плечами и отвернулся.

— Но ведь, Аркадий... — заговорил Борис-76, откашливаясь, чтобы скрыть дрожь в голосе. — Но ведь ты не умер? И мой Аркадий тоже? Так что же получается? Какой труп нашли, почему? — Он растерянно посмотрел на меня. — Борька, чего же ты молчишь?! Вы что, разыгрываете меня или... Не мог же он сам себя убить! Скажи ему, что он чушь порет, что ты вовсе этого не думаешь!

Аркадий глядел на него, невесело улыбаясь.

— Чудак ты, Борька! — сказал он неожиданно мягким тоном. — С ума сойти, какой ты чудак! Ну чего ты прячешь голову в песок, словно страус? Разве дело в том, обиделся я на твоего тезку и дубля или не обиделся? Со всем не в этом дело...

Тут Аркадий помолчал немного, а потом, глядя прямо перед собой, очень медленно и спокойно выговорил:

— Я ведь действительно убил Аркадия Левицкого!

Линьков опять ничего не понимает

Линьков смотрел на Бориса и никак не мог разобраться в своих чувствах: то ли огорчает его эта встреча, то ли радует. «Пожалуй, больше радует, чем огорчает, — решил он. — Что рановато чуточку мы встретились, это пережить можно, как-нибудь разберемся. А вот то, что Борис Стружков все же вернулся, — это замечательно! Как ему удалось вернуться и чего мы не поняли, не учли, не смогли предусмотреть — это потом.

А сейчас — вот он, живой-здоровый Борис Стружков, вернулся из прогулки во времени, и стоять с ним рядом — это уже само по себе переживание!»

Изобретатель машины времени и первопроходец хронаса выглядел довольно-таки невесело, это Линьков сразу отметил. Лицо у него было серое, осунувшееся, глаза воспаленные, и держался он как-то скованно, будто не знал, на что решиться и куда идти.

— А, здравствуйте... — тоже скованно и неловко пробормотал Линьков. — Вы, значит, пришли?

Стружков будто и не заметил нелепости этого вопроса. Он мотнул головой, словно отгоняя какие-то свои мысли, и медленно, нехотя проговорил:

— Да... пришел вот. А вы... вы со мной хотите говорить?

Линьков удивленно посмотрел на него.

— Нет. Я, собственно, к Шелесту. Но с вами мне, конечно, поговорить хочется! Я вам домой только что звонил, кстати.

— Звонили? Мне? Ах да... — Борис хмурился, словно стараясь что-то сообразить. — Погодите, я что-то не пойму... Почему же вы звонили?

— Как, то есть, почему? — изумился Линьков. — Вы записку оставили... ну, насчет перехода, а потом не являетесь...

— Не понимаю... Как это: потом не являюсь? — растерянно сказал Борис. — А куда делась записка... и журнал с расчетами?

— Шелест забрал, — объяснил Линьков, с недоумением глядя на него. — Вас же не было утром, мы забеспокоились, пошли в лабораторию...

— Ах, ну да... Значит, Шелест знает. И вы... А еще кто?

— Не знаю. Шелест, по-моему, созывает небольшое совещание по этому поводу. Он Чернышева при мне вызывал и еще кого-то. Но пока у него ученый совет заседает. Кстати, надо его известить, что вы здесь, а то он вас ждет не дождется...

— И опять не понимаю, — тоскливо проговорил Борис. — Как это он может меня ждать? И вы тоже, говори-

те, звонили, искали... Ах, ну да! Вахтер сказал, наверное? И вы догадались? Неужели можно было догадаться...

— С вахтером я потом поговорил. Сначала Шелест подсчитал по расходу энергии, что камера не только ушла в прошлое, но и вернулась назад с полной нагрузкой... примерно соответствующей вашему весу.

— Понятно... — протянул Стружков. — А вы, значит, в хронофизике ориентируетесь?

— Пришлось отчасти разобраться, — сухо вато ответил Линьков, слегка обиженный. — И ваши лекции не пропали даром...

— Мои лекции? — искренне удивился Борис. — Я никогда лекций не читал! Ах да, вы, наверное, имеете в виду разговоры... — Он осекся и замолчал.

«Да что ж это с ним? — недоумевал Линьков. — Может, переход так подействовал? Все-то он позабыл».

— Не кажется ли вам, — светским тоном сказал Линьков вслух, — что вести разговор в коридоре несколько неудобно? Почему бы нам не посидеть в вашей лаборатории? Ведь у вас есть ключ?

Борис явно не пришел в восторг от этого предложения.

— Мне бы надо к Шелесту... а потом... — неохотно проговорил он.

— Так ведь Шелест сейчас занят, — возразил Линьков. — Я звонил секретарше, она сказала, что ученый совет все еще заседает, какое-то у них там каверзное дело.

— Каверзное дело? А, это, наверное, они с Туркиным возятся... — задумчиво отозвался Борис. — Ну ладно... только действительно сообщить надо Шелесту...

— Я сейчас же из лаборатории позвоню! — заверил Линьков.

В лаборатории окно было распахнуто, ветер шелестел бумагами на столе и в выдвинутом ящике.

— Это я тут хозяйничал... — смущенно пояснил Борис.

«Интересно, почему он сначала сюда кинулся, а потом только к Шелесту собрался? — раздумывал Линьков. — Про записку спрашивал... Что ж он, только теперь сообщил, что ее лучше бы ликвидировать?»

— У меня к вам целая куча вопросов накопилась, — сказал он, положив трубку после разговора с секретаршей Шелеста. — Можно, я по порядку?

— Пожалуйста, — досадливо морщась, сказал Борис. — Только я вряд ли смогу... Вообще-то лучше бы мне с Шелестом сначала объясниться. Вам трудно будет понять...

— А я все же постараюсь, — невозмутимо возразил Линьков. — Да и вопросы будут не такие уж сложные. Значит, вопрос первый: что вы сказали Берестовой по поводу того, что она видела вас в окне лаборатории вечером двадцатого мая?

— Что же я мог сказать? — смущенно проговорил Борис. — Я... ну, я ведь там действительно был...

Линьков даже растерялся — очень уж легко и просто Борис признался, что лгал все эти дни, лгал изощренно, артистически... Потом ему стало жарко от злости.

— Выходит, что о смерти Левицкого вы знали еще двадцатого мая? — жестко спросил он.

— Ну... можно сказать, что двадцатого... — подумав, ответил Стружков.

— И знали, почему он... умер?

— Да... знал... Поэтому я и... — Он осекся и замолчал.

Линьков ошеломленно уставился на него. Да что ж это, Стружков теперь во всем сознается, и без особого смущения, словно это был дружеский розыгрыш! С ума он сошел, что ли?

— Тогда уж давайте по порядку, — мрачно предложил он, протирая очки. — Как вы попали в лабораторию? Неужели через проходную?

К его удивлению, Борис вяло улыбнулся, словно услышал не очень удачную шутку.

— Нет, через проходную мне было бы трудновато, — с оттенком юмора сказал он. — Я прямо сюда, в лабораторию...

— Как это: прямо в лабораторию? — удивился Линьков.

Борис посмотрел на него тоже с удивлением.

— Да вот... — Он кивнул на хронокамеру. — Как же еще?

Линьков совершенно сбился с толку. Не зная, как дальше вести разговор, он уцепился за хронофизические проблемы:

— Но ведь если вы путешествовали в прошлое, вы не могли вернуться назад! То есть если вы там выходили из хронокамеры. А вы, я знаю, выходили!

— Выходить-то я выходил, — сказал Борис, — но тут есть одна заковыка... боюсь, что вы не поймете, это уже тонкости... Лучше бы я сразу Шелесту доложил, и вы бы заодно послушали...

— Воля ваша, — сдержанно сказал Линьков, уязвленный этим упорным пренебрежением к его способностям в области хронофизики. — Но Шелест вам тоже вряд ли поверит. Всего час назад он втолковывал мне элементарную хронофизическую истину, что раз вы вернулись, значит, из камеры не выходили и никаких действий в прошлом не совершали.

— Что касается действий, — медленно проговорил Борис, — то действий я, пожалуй, никаких особых не совершал... Мне кажется, я и не должен был отклонить мировую линию... Хотя... ах я дурень! Ну конечно...

У Линькова в голове какая-то неприятная пустота образовалась от всей этой путаницы, от этих нелепых ответов, совершенно между собой не согласующихся. О каком двадцатом мая, собственно, говорит Борис? Ведь если он попал туда через хронокамеру, то речь идет уже не о том «нормальном» двадцатом мая, с которого начинается в здешнем мире дело Левицкого, а о возвращении в прошлое. А это совсем другое дело! Но как же тогда могли его видеть Нина и Чернышев? Видели раньше, чем он там побывал? Опять нарушение причинности! Линьков рассердился и решил взять быка за рога.

— Вот что, — сухо сказал он. — Расскажите, пожалуйста, что конкретно вы делали вечером двадцатого мая?

Борис вздохнул и досадливо поморщился.

— Н-ну... что... — Он запинаясь на каждом слове. — Увидел Аркадия... на диване... Хотел вызвать «скорую помощь»...

— Почему же не вызвали?

— Телефон, понимаете, не работал! — растерянно сказал Борис. — Я побежал в зал хронокамер...

— Лаборатория Чернышева ближе, чем зал, — заметил Линьков.

— Я... я не знал, что Чернышев еще здесь — пробормотал Борис. — Вернее, не сообразил... растерялся!

— Ну хорошо, побежали вы в зал, — скептически сказал Линьков, — и что же дальше?

— А там телефон тоже не работал! — криво усмехаясь, ответил Борис. — Представляете мое положение? Я совсем растерялся!

— Так растерялись, что на все махнули рукой? — с нескрываемой уже насмешкой спросил Линьков.

Его злила эта бездарная, нелепая ложь. Злила и очень удивляла. Три дня Борис Стружков лгал виртуозно, ни на секунду не вышел из роли, а теперь не может сочинить хотя бы относительно правдоподобную версию, путается, противоречит себе самому.

Но Бориса возмутила эта насмешка, и он заговорил без прежней вялости.

— То есть как это: махнул рукой?! — почти крикнул он. — Да вы что! Я затем, что ли, в прошлое лез? Я обратно побежал, в лабораторию. Мне вдруг страшно стало, что, пока я бегая, Аркадий умрет... Он ведь совсем как мертвый был! — упавшим голосом сказал Борис. — Я пульс никак не мог нащупать и дыхания не слышал... И вот тут я голову совсем потерял! Сначала решил в проходную бежать. Потом в окно высунулся: думал, может, кто пройдет по улице, я закричу, — мне уже все равно было, пускай меня видят, пускай что угодно! Но никого не было...

— А Нина? — невольно спросил Линьков.

— Нину я не видел... может, она раньше проходила, еще до того, как я бегал вниз. Ну, в общем, я начал бестолково метаться из угла в угол. Стыд и позор, конечно, что я так растерялся. Но, понимаете, я рассчитывал, что попаду туда часов в шесть-семь вечера, а почему-то меня перебросило так поздно, почти в одиннадцать... и Аркадий уже умирал! Я к этому не подготовился как-то... и потом, телефоны эти проклятые, ведь надо же!

— Действительно... — отозвался Линьков, уже без насмешки.

Он не знал, что и думать: рассказ Бориса звучал теперь гораздо более правдоподобно. «Э, за счет интонаций! — вдруг обозлившись, решил он. — Опять он в роль вошел, вот и все. А сочиняет по-прежнему чушь. Взрослый парень, и знал ведь все это заранее, с чего бы он так уж растерялся?»

— Ну вот... И я даже понять не могу, чего меня туда понесло! — уныло сказал Борис.

— Куда это? — изумленно осведомился Линьков.

— Да вот! — Борис с ожесточением махнул рукой в сторону хронокамеры. — Понимаете, я туда случайно глянул и вижу: стоит там подставка, здоровенная такая! А я твердо знаю, что никакой подставки у меня в камере не было! И я вот так, ничего толком не сообразив, сунул-ся туда... Мне бы, дураку, подумать хоть минуточку, но где там! Совсем я был не в себе. Ну, мне, конечно, и в голову не пришло, что она на автоматику включена... Я только здесь понял, в чем дело. В общем, сунул-ся я туда — меня и швырнуло...

— Почему же вы обратно не отправились? — поинтересовался Линьков.

— Я... ну, просто я никак не мог разобраться, что произошло. Я не мог понять, почему меня швырнуло и куда я попал...

— Как же это? — удивился Линьков. — Ведь записка тут на столе лежала и расчеты...

— Ну да, вот записка... Но я все равно не сразу понял...

— А теперь вы уже понимаете? Разобрались во всем?

— В основном, пожалуй, да... С Ниной поговорил... Понял, какая путаница получилась... по моей вине...

— Берестова, очевидно, с утра была с вами?

— Да, я ее у дома подстерег. Мы долго разговаривали. Потом на телефонную станцию ходили...

— Зачем? — удивился Линьков.

— Да телефоны эти проклятые, — сказал Борис, — покою они мне не давали. Почему они все не работали, будто сговорились!

— Да, довольно странно, — согласился Линьков.

— Вот и Нина не могла поверить. Да оно и понятно. А вот, представляете, оказалось, что двадцатого мая с двадцати двух до двадцати четырех часов кабеле ремонтировали как раз в нашем районе. И отключили на два часа весь участок...

«Это уж он вряд ли сочиняет, — подумал Линьков, — это проверить можно, он же понимает. Но если не врет, что же тогда все это означает?»

— Ну ладно. — Линьков тяжело вздохнул. — Позвоню-ка я Шелесту, а то вдруг Тамара забыла передать... Да! Один только вопрос еще: вы, когда были там, записку Левицкого не видали?

Борис внезапно покраснел как рак и жалобно сказал:

— Ну я же говорил вам, что у меня полное помрачение было! Впрочем, на этот счет у меня даже имелись кое-какие соображения. Я как представил себе, что придет «скорая помощь» и начнут все записку эту читать... Ну, а потом я попал в хронокамеру и меня швырнуло... Ну, идиотизм получился ужасающий!

— То есть... — ошеломленно спросил Линьков, не веря своим ушам, — вы хотите сказать, что взяли записку?!

Борис тоскливо посмотрел на него и сунул руку во внутренний карман.

— То-то и беда, — сказал он, протягивая Линькову листок. — Именно вот, взял я записку... И наделал же я дел!

В эту минуту задребезжал телефон.

Глава двенадцатая

Борис-76 весь позеленел, когда Аркадий это сказал. Я и сам, наверно, выглядел немногим лучше. Такое услышать, даже если ждешь...

— Т-ты что, Аркадий?! — запинаясь, выговорил Борис. — Как это: действительно убил?! Ты что?!

— «Ты что, ты что»! — вдруг заорал Аркадий. — Реакции на уровне коммунальной кухни! Ученые вы или кто, в конце-то концов?!

Он чуть не раздавил сигарету, пока закуривал, — руки у него тряслись.

— При чем здесь... ученые мы или... — совсем рас-
терявшись, пробормотал Борис.

— А вот при том! — чутьочку спокойней ответил Ар-
кадий. — Думать надо, понимать надо!

— Но я вот именно не понимаю... — уныло сказал
Борис. — Ну, то есть совершенно ничего не понимаю! Ты
не умер... мой Аркадий тоже...

— А пес его знает, твоего Аркадия, почему он не
умер! — Усмешка Аркадия походила на гримасу боли. —
Во всяком случае, не моя тут заслуга. Это небось Борьки-
ны фокусы. — Он покосился на меня. — Я уж его спра-
шивал, но он увиливает.

— Борька, хватит! — сурово сказал мне Борис-76. —
Что ж нам, до ночи тут сидеть, пока ты соберешься с ду-
хом? Давай выкладывай карты на стол!

Я вздохнул: говорить мне было трудно даже после то-
го, как Аркадий сам сказал.

— Ну, значит, так. Аркадий... не этот, а мой Аркадий
вечером двадцатого мая глотнул смертельную дозу сно-
творного... Отравился! Сам! Я никак в это поверить не
мог! Но потом я увидел эти проклятые пачечки у него на
столе...

— Ты... увидел?! — изумился Аркадий. — Когда?! Не
мог ты видеть, не ври!

Я молча улыбнулся, и это взбесило Бориса-76.

— Интересно, чему ты радуешься? — свирепо спро-
сил он. — Увидел и что же ты подумал? Что у Аркадия
новое хобби — коллекционирование снотворных?

— Ничего я не подумал, — деланно-равнодушным
тоном сказал я. — Просто взял все эти пачечки и сунул
себе в карман.

— Сунул себе в карман? Совсем ты меня, Борька, за-
путал! — Аркадий со вздохом откинулся на спинку ска-
мейки. — Снотворное ты, оказывается, забрал, значит,
тот Аркадий не умер. Кто же тогда умер, спрашивается?
Может, я?!

— Подумай, подумай! — ехидно сказал я. — Ты же у
нас гений, ты и без подсказки сообразишь, умер ты или
не умер.

— Ну, я уж совсем ничего не понимаю! — заявил Борис-76. — Когда и где ты забрал таблетки? И если ты их забрал, то каким образом Аркадий отравился?

— Да вовсе он не отравился! — устало ответил я. — Ты же сам говоришь, что он с тобой работает! Только где он все же, этот неудавшийся покойник?

— Эт-то и меня интересует! — с расстановкой сказал Аркадий. — Очень даже интересует. Еще с вечера. Пробовал я звонить к нему... — он искоса глянул на меня, потом обернулся к Борису-76, — ну, в лаборатории на тебя напоролся... А вчера вечером ты его видел?

— Нет... Звонил я ему часов в семь, но никто не подошел к телефону.

— В семь! — с явным разочарованием протянул Аркадий. — В семь — это не то...

— А чего ты? — удивился Борис. — Мой-то Аркадий никуда не денется, у нас по времени пока не научились прыгать. Вы, ребята, лучше объясните мне как следует, что это за история со снотворным и почему ты, Аркадий, говоришь, что убил... Аркадия?

— На словах это не объяснишь, ты только хуже запутаешься, — сказал я. — Давай я тебе все нарисую. Аркадию я уже рисовал картинки, до твоего прихода. Только он, я вижу, ни черта не понял, хоть и представлялся, что понимает.

— Кое-что, положим, я понял, — возразил Аркадий. — Но, конечно, не все. Главное — эта ваша встреча! Мы ведь тут пришли к выводу, что если хочешь встретиться с самим собой в будущем, то нужно раньше побывать в прошлом. Так? Вот я и не понимаю! Ну да, картинки ты мне рисовал, но я, признаться, решил, что ты все это теоретически вывел и кое-что присочинил, чтобы меня ошарашить. А ты, значит, всерьез это насчет своего скачка в прошлое? Ну, не знаю... Может, я чего-то не учел? Как же ты мог передвинуться в прошлое? Откуда у тебя взялась хронокамера?

— Вообще-то хронокамеры, если ты помнишь, в 1974 году уже существовали, — кротко заметил я.

— Ну ты же понимаешь, о чем я говорю! — нетерпеливо бросил Аркадий.

— Погоди... — сказал Борис. — Я опять не понимаю! Почему ты говоришь только о прошлом? А в будущее в чем он мог двигаться, если не было хронокамеры? То есть хронокамеры, пригодной для переброски человека. Впрочем, дело вообще не столько в хронокамере, сколько в том, чтобы рассчитать поле... однородное поле. Но ведь и тебе это было нужно!

Аркадий прямо сиял от гордости. Наконец-то мы сообразили, что он сделал, — он и никто другой!

— Да, вот именно, — сказал он, стыдливо потупившись. — Я... видишь ли... ну, рассчитал я такое поле!

Он посмотрел, какое это произведет на нас впечатление. Вот ведь характер! Ну, сделал ты дело, и отлично, и радуйся про себя. И подожди, пока люди сами оценят, что ты сделал. Так нет, разве у Аркаши хватит терпения ждать? Он уж поможет людям побыстрее все оценить, без волокиты!

— То есть ты понимаешь, что это значит? — удивленно и чуточку обиженно спросил он Бориса-76. — Я рассчитал поле, которое позволяет человеку перемещаться во времени. На любые дистанции, в прошлое или в будущее. Ну конечно, только туда, где существуют хронокамеры.

— Как не понять! — сказал Борис. — Просто я не удивляюсь этому: ты ведь у нас гений, ты еще и не то можешь!

Аркадий подозрительно покосился на него, но промолчал.

— Так что же дальше? — спросил Борис. — Нашел ты, значит, это поле и, как я понимаю, решил, что теперь самое время прогуляться?

— Ну да... — уже неохотно сказал Аркадий. — Отправился я в прошлое. Потом еще раз. Встретился с самим собой. Потом снова встретился — как раз двадцатого мая, вечером...

— Ты... издалека? — спросил Борис.

— Из этого же года, из семьдесят шестого. Только, разумеется, из другого мира, не вашего.

— Понятно, понятно... Из того мира, каким он был до твоих путешествий! Потом ты свалился на голову ему и прочим, — Борис кивнул в мою сторону, — накуролесил

там со своим двойником, и в результате мир стал такой, каким его знаю я... Но все равно ты мне не объяснил, почему тебя не удивляет Борькино передвижение в будущее.

— А потому, что он, как я понимаю, в будущее кинулся вслед за мной, — объяснил Аркадий. — В моей хронокамере!

Он с такой гордостью сказал «в моей», словно эта хронокамера была его родовым поместьем.

— А ты чего молчишь? — накинулся на меня Борис. — Он правильно объясняет?

— Объясняет он, в общем, правильно, только не все знает, — ответил я. — Это верно, что сюда я ввалился случайно, и в его хронокамере, — я ведь рассказывал, как это было. Но в двадцатое мая 1974 года я прибыл намеренно. И в своей хронокамере. Я Аркашеньке это все рисовал, но он, по-моему, просто не может поверить, что кто-то еще, кроме него, способен рассчитать поле... Ты же знаешь Аркашеньку, от скромности он не умрет!

— Я не отрицаю... в принципе! — с достоинством произнес Аркадий. — Я всегда был о тебе очень высокого мнения, Борис, ты же знаешь... Ну, и потом ты ведь работал со мной, это тоже кое-что значит! Но не надо преувеличивать... да! Не стоит, знаешь ли, преувеличивать...

— Это в каком же смысле — преувеличивать? — поинтересовался я.

— В этом самом. Говоришь, что я от скромности не умру, а сам-то? «Я да я, в своей камере прибыл, я уже два года назад все это рассчитал!» Не советую, знаешь ли...

— Ну, а если все-таки? — спросил я, с любопытством глядя на Аркадия. — Если на минуточку допустить, что я и вправду взял да рассчитал поле, еще в 1974 году? Тогда что?

— Тогда честь тебе и слава! — неуверенно сказал Аркадий. — То есть ты и так молодец, если действительно отправился в прошлое в своей хронокамере. Действительно, Борька?

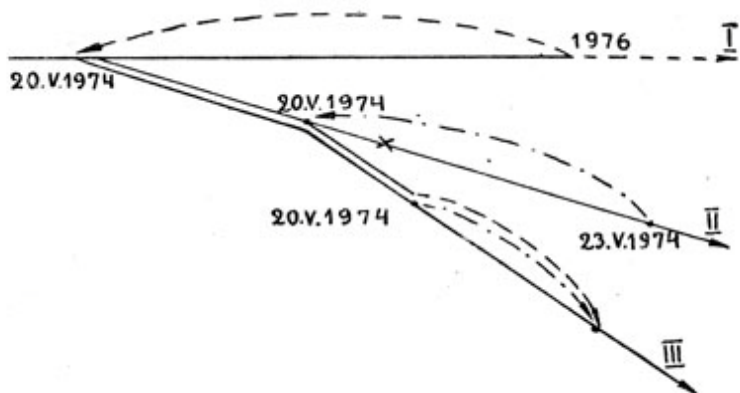
— Действительно... — сдержанно ответил я.

— Молодец, молодец! — величественно отозвался Аркадий. — Это здорово! И этого вполне достаточно,

чтобы похвастаться. А преувеличивать, я ж говорю, зачем...

Я неопределенно хмыкнул. Что-то крылось за этими словами Аркадия, а что, я не мог понять. Ну ладно, потом выясню!

— Ладно, не буду преувеличивать, раз тебе это не нравится, — кротко согласился я. — Так вот, Борька, смотри сюда!

Я быстро восстановил чертеж, который раньше делал для Аркадия.

— Видишь? — говорил я Борису. — Линия I — это его мир, где он изобрел свою «машину времени», на-шел свое поле. Вот он прибывает к нам... Возьмем для простоты последнее его прибытие, двадцатого мая... иначе много чертить придется — ведь он всякий раз, когда прибывал к нам, новую линию создавал... Ну ладно, пусть линия I — последняя из линий, созданных Аркадием. Это не та, где он рассчитывал поле, а та, с которой он свалился в «мое» двадцатое мая.

Аркадий поглядел на мой чертеж, сдвинул брови и о чем-то задумался. Борис-76 был заинтересован до крайности.

— Эти вот две параллельные линии, которые начинаются от двадцатого мая, — это встреча двух Аркадиев, да? — спрашивал он, не отрывая глаз от чертежа.

— Ну да! Они встретились в лаборатории, потом, видимо, пошли вместе в зал хронокамер... ну, Аркаша нам это обрисует подробней... Постой, а ты разве об этом не слышал?

— Да ничего я не слышал и ничего не знаю, ясно тебе? — огрызнулся Борис-76. — Куда мне до вас! Вы бывалые люди, великие хронопроходцы, а я — жалкий провинциал-домосед... И вообще не обо мне речь. Давай дальше, по порядку. Крест — это что?

— Это смерть моего Аркадия, — неохотно проговорил я.

Каждый раз, когда я об этом вспоминал, вся история переставала мне казаться хоть отчасти забавной, я ощущал нестерпимую горечь и боль. Ведь своего Аркадия я так и не спас. Да и невозможно это было, я подсознательно все время это понимал. В том мире, который я покинул, когда вошел в свою хронокамеру, смерть Аркадия Левицкого осталась трагическим фактом, и никакая хронофизика не могла этого изменить.

Я посмотрел на Аркадия. Другой Аркадий... Вот он пожалуйста, жив-здоров. Сидит рядом — рукой потрогать можно — и тоже смотрит на меня. И, кажется, понимает, о чем я думаю. Во всяком случае, глаза у него очень грустные.

Борис нахмурился.

— Я понимаю... — сказал он. — Для меня это только слова, я ведь ничего сам не видел. Но даже и на слух от этого обалдеть можно! Ты говоришь — «смерть моего Аркадия», и я ведь вижу, что для тебя это действительно смерть, что тебе и сейчас больно. Я просто представить себе не могу, как это все получилось. Но если ты это нарочно затеял, Аркадий, то... Нет, не буду! Досказывай, Борька, а потом мы за него возьмемся.

— Ну, этот вот отрезок линии II, что проходит под пунктирной дугой, — моя жизнь с двадцатого по двадцать третье мая того же года. Невеселая жизнь, прямо скажем. Первую-то ночь я преспокойно проспал, а утром двадцать первого вызывают меня срочно в институт и сразу обухом по голове

— Левицкий отравился! Следовательно пришел, спрашивает — что да как, да почему Левицкий это сде-

лал, а я даже приблизительно не могу понять, почему! Чего я только не напридумывал! Целые детективные романы!

— Постой-постой! — вмешался Аркадий. — На какого лешего ты сочинял детективные романы, когда в записке все объяснялось?

— Так ведь не было записки...

— То есть как — не было?!

— Да вот, представляешь: была, но ее кто-то украл...

— Украл?! Ну, знаешь! Ври, Борька, да знай меру!

— Нет, ну вас, ребята! — сказал Борис-76. — Я больше не могу. Уйду я лучше от греха... — И в подтверждение этого он поудобнее уселся на скамейке.

— Действительно, Борька, ты что-то завираться начинаешь! — укоризненно сказал Аркадий. — И сочиняешь бездарно вдобавок. Ну кому придет в голову воровать записку? Младенец поймет, что этого не может быть!

— «Не может быть, не может быть»... — сердито пробормотал я. — Как же, интересно, не может, когда — было! Стажил кто-то записку, говорю тебе!

— Может, он все же не написал? — вслух раздумывал Аркадий. — Странно... Мы обо всем договорились, вместе сочинили текст. А расчеты я заранее сам написал. Мы ведь не знали, будем ли после этого... — Он вдруг запнулся и замолчал.

А я в этот момент, совершенно некстати, вспомнил, как пытался расшифровать обрывок фразы из исчезнувшей записки, и, не удержавшись, спросил:

— Аркадий, а что означали слова в конце записки: «останется в живых»?

Аркадий, естественно, взвился: начал орать, что я такой да сякой. Борис-76 тоже разозлился и заявил, что просто не понимает, как я могу в такой момент заниматься нелепыми розыгрышами. Я долго и сбивчиво объяснял, что записки все же не было, а сохранились только оттиски двух-трех слов на следующей странице... В конце концов они поняли, в чем суть, и мы некоторое время помолчали, отдуваясь, как после тяжелой работы.

— Вернемся к нашим баранам, — сказал наконец Борис, — вернее, к нашему барану. Можешь ты нам объяс-

нить, баранья голова, что и почему ты натворил однажды двадцатого мая?!

Шутливая интонация этого вопроса ничего не означала, это была лишь привычная манера; я видел, что Борис волнуется, и сам волновался не меньше. Главное, я видел, что Аркадий на себя не похож, что ему трудно заговорить. Уж ясно было: ничего хорошего он не скажет!

Аркадий понимал, однако, что отмолчаться невозможно. Он со злостью погасил сигарету о подошву туфли — «мой» Аркадий вроде бы такого не делал, — отшвырнул сигарету, выпрямился и сказал преувеличенно твердым тоном:

— В общем, так! Когда я решил эту задачу и понял, что теперь есть практическая возможность передвигаться по времени, я пришел к мысли, что необходим решающий эксперимент... ну, для проверки безопасности движения.

Меня сразу холодом обдало, даже зубы застучали: я уже догадался, в чем дело. Я повернулся к Борису, ища сочувствия, но мой «двойник» этого не заметил: то ли он заслушался Аркадия, то ли думал о чем-то своем. Он еще не понял... Разные мы с ним все же, разные! И разность эта не столько в двух годах, сколько в трех днях. Он не видел Аркадия мертвым, не видел Нину чужой и враждебной, не искал выхода, разгадки, спасения, задыхаясь от боли и тоски... И не седлал градиентов для лихой скачки во времени.

— Ну вот... И тогда я подумал, — уже более спокойно и уверенно продолжал Аркадий, — что самый радикальный вариант парадокса времени — это когда человек убивает сам себя. Не дедушку или папу, как обычно предполагают в таких ситуациях, а именно самого себя! Это же элементарно: только так можно обеспечить чистоту опыта. Но почему-то никто до этого не додумывался...

А он додумался! Он, видите ли, сообразил! Борис-76 вдруг замычал, как от боли: видно, и до него дошло!

— Чего вы на меня уставились? — раздраженно сказал Аркадий. — Как маленькие! Вы что, не понимаете? Я же не кого-нибудь, а самого себя! Имею я право сам себя убить?

— Это ты кого спрашиваешь? — мрачно отозвался Борис-76. — Меня с Борькой, что ли? Удачную аудиторию подобрал, ничего не скажешь...

Да уж, действительно! Менее подходящую аудиторию на всей планете Земля нельзя было сыскать. Потому что нам двоим не нужны были никакие абстрактные выкладки, нам достаточно было посмотреть друг на друга и спросить себя...

— Ну, вот я — имею я право его убить? — Борис-76 произнес это вслух, указывая на меня. — Ты вообще хоть сколько-нибудь соображаешь, Аркадий, или уж вовсе...

Аркадий опешил. Он даже покраснел слегка. И не сразу смог заговорить.

— Понимаете, ребята... — сказал он наконец почти умоляющим тоном. — Понимаете, у вас совсем другая ситуация! Я как-то даже отвлекся от нее, когда начал объяснять... ну, насчет двадцатого мая... переключился на свое тогдашнее психологическое состояние. А я ведь тогда совсем иначе думал... абстрактно! Вы тут сидите и смотрите друг на друга, а я...

— И что же, ты все это обдумал... заочно? — саркастически спросил Борис-76. — А потом явился в двадцатое мая и кокнул своего двойника не глядя? Спиной ты, что ли, к нему стоял в этот веселый момент? Ну, поделись опытом, чего ж ты!

Аркадий сунул в рот сигарету, начал яростно чиркать спичками — три сломал, пока удалось ему закурить. Сделав глубокую затяжку, он сказал:

— Насчет прав, допустим, я ляпнул сгоряча... Верно, какие тут могут быть права! Но обязанности у меня ведь были?

— Обязанности? Это по отношению к кому же? — иронически осведомился Борис. — К себе как к личности, что ли? Или к двойнику? А, может, уж прямо к человечеству?

— Ничего я тут смешного не вижу! — огрызнулся Аркадий. — Именно вот — по отношению к человечеству! А ты как думал? Человечество получает от меня шикарный подарок — возможность передвигаться во времени. А подарочком этим можно распорядиться так, что он окажется пострашнее термояда, сам понимаешь! Измене-

ние миров, вмешательство в прошлое, в будущее... Так, по-твоему, я должен был сунуть людям этот ценный подарочек, весело улыбнуться и отойти в сторонку — мол, разбирайтесь сами? А я вот думаю, что я обязан был — понимаешь, обязан! — лично проверить хотя бы самые важные аспекты!

— Что-то в этом есть, конечно... — нехотя согласился Борис-76 после долгого молчания.

Ну да, в какой-то степени Аркадий был прав. Если б я сделал свое открытие не в такой дикой спешке, если б у меня была возможность хоть чуточку подумать, я бы тоже постарался проверить все, что возможно.

— Осудить меня, конечно, легче легкого! — продолжал Аркадий. — Почему, дескать, в одиночку полез, почему ни с кем не советовался? Ну, каюсь, ну, не лежит у меня душа к благоразумным поступкам! Против натуры ведь не попрешь! Поймите, ребята, я ведь тоже человек. Я два года над этим голову ломал! Все кругом говорили: «невозможно», «непробиваемо», а я вот пыхтел-пыхтел — и пробил! И что же, я после этого пойду на семинар и тихо-спокойно доложу, что, мол, так и так, мною доказана принципиальная возможность путешествия человека во времени? А потом начальство изберет какого-нибудь индивидуума с железными нервами, прошедшего все медкомиссии, для первого в истории путешествия во времени, и он на моих глазах полезет в хронокамеру, а я буду стоять в сторонке и облизываться?! Нет уж, извините!

— Почему кого-то другого, а не тебя? — удивился Борис-76. — И при чем тут медкомиссии? Это же не космический полет, перегрузок не бывает.

— Ну, знаешь, у начальства всегда свои соображения.

— Это у Шелеста, что ли? — осведомился я. — Борька, ты ему не верь! Вовсе он не боялся, что другого пошлют! Знал, что первая кандидатура будет его. Но ему нужно было туда-сюда циркулировать для подготовки эксперимента, и он, конечно, не желал контроля. Ведь так, Аркашенька? Знаю, что так. А теперь объясни все же: что ты хотел доказать именно таким экспериментом? Зачем тебе понадобилась такая жуткая конструкция?

— Догадаться, в общем-то, можно, — отозвался Борис-76. — Все время ведь толкуют о парадоксе времени и о том, что из-за него путешествия во времени фактически невозможны. Вот Аркадий и решил, наверное, доказать, что все это враки. И выбрал для этого самую, можно сказать, энергичную форму локального вмешательства. Так ведь, Аркадий?

— Это-то да, — сказал Аркадий, — но тут была еще одна весьма существенная причина. Мы вот сидим и маляем эти мировые линии — одиночные, двойные и так далее. А, по существу-то, что мы о них знаем? О их взаимосвязи, например? Человек передвинулся в прошлое и встретил там своего двойника. Начинаются две линии — путешественника и его двойника. Так связаны они между собой или не связаны? Если связаны, тогда выходит, что путешествия во времени строго лимитированы пределами индивидуальной жизни. Скажем, если тебе двадцать восемь лет, то ты можешь передвинуться в прошлое никак не дальше, чем на двадцать восемь лет. Ну, а в будущее и вовсе нечего лазить: шагнешь на два года вперед, а тебя там, оказывается, уже нет, ты месяц назад под трамвай попал. И все, ты исчезаешь, не выходя из хронокамеры! В общем, не шибко интересно получается. Никакой охоты на бронтозавров-динозавров, никаких дружеских беседований с праправнуками, а положено тебе прожить, допустим, семьдесят лет — ну и мотайся взад-вперед в этих пределах. А вот если эти линии не связаны, тогда простор полный, хоть в прошлое, хоть в будущее валяй без задержки! Усвоили, орлы?

— Слушай, но ведь это можно было проще проверить, — сказал Борис. — Твоя камера берет любую дистанцию? Да? Так вот, уселся бы ты поудобней в камере да задал бы ей сорок лет назад или сто вперед, где тебя наверняка нет, — вот тебе и была бы проверочка!

— Привет! — сердито ответил Аркадий. — А кто бы проверял, интересно? Ведь если б линии были связаны, так я немедленно испарился бы в хронокамере и не успел бы даже осознать, что происходит!

— Ну, мышей бы послал...

— Никаких мышей у меня не было! — огрызнулся Аркадий. — За кота мне, что ли, было работать, мышей

ловить? А потом, с мышами и вовсе уже ничего не разберешь. Куда мыша двигать, на какую дистанцию? И как с него отчет получить? Нет, это не решение вопроса.

— А твой фокус — это решение? — угрюмо спросил я.

— Да как тебе сказать... Сейчас-то я вижу, что... Но тогда мне казалось, что это — идеальный вариант. Ну, и потом я так считал: это все же опыт на самом себе. И решение такое изящное... словом, не устоял я перед таким соблазном!

Я вздохнул. Аркадий есть Аркадий. Он до конца жизни будет помнить об этом опыте, в котором у него были шансы спастись, а у того Аркадия — не было, и никогда не простит себе этого. Но это — про себя; а перед другими Аркаша и виду не подаст! Наоборот, будет орать, что он поступил правильно, а мы — тупицы, способные мыслить только на уровне коммунальной кухни. В некотором смысле это все же действительно был эксперимент на самом себе. Понимал ведь Аркадий, сам признался, что понимал: если он окажется прав, если линии двойников между собой не связаны, то эксперимент обернется убийством Аркадия-74... пусть самоубийством, но вина с него, с Аркадия-76, все равно не снимается. А если окажется, что он неправ, что линии эти как-то связаны, что путешествие во времени не разрывает связи между прошлым и будущим в жизни человека, тогда должны погибнуть оба. Как только хронокамера, двигаясь вперед во времени, достигнет рассвета двадцать первого мая, когда наступила смерть Аркадия-74 из-за отравления снотворным, Аркадий-76 бесследно исчезнет в хронокамере. Погибнет, ничего не узнав и не доказав.

— Знаешь, Аркадий, чем больше я думаю, тем меньше у меня все это в голове укладывается! — хмуро сказал Борис-76. — Что у тебя склонность к авантюризму, это я всегда знал. Но тут уж даже не авантюризм, а... ну просто черт те что! Ты мне только не читай лекций на тему о том, как врачи себе чуму прививают. Это я сам отлично знаю. Но они-то прививают чуму или еще что самим себе, а не кому другому, хотя бы и брату-близнецу!

— Ты, надеюсь, понимаешь, что если б я мог обойтись самим собой, вот этим... — сказал Аркадий, не глядя на него.

— Понимаю. Ничуть не сомневаюсь в твоей личной храбрости. Но и собой одним рисковать без крайней необходимости не следует. А уж другим человеком... Ведь всегда при опытах стараются заменить людей манекенами, автоматами, животными...

Борис выдохся и понуро замолчал. Это был, в общем-то, пустой разговор. Во-первых, сделанного не воротишь: на той мировой линии Аркадий Левицкий умер, и там этого уже не исправишь. Во-вторых, необходимость совершенно ясна... Ну, Аркадий в этом духе и ответил.

— Вот когда ты натренируешь кота или пса, чтобы он отправился в прошлое, кокнул своего тамошнего двойника и вернулся, чтобы доложить результаты, тогда и поговорим, — мрачно усмехаясь, сказал он. — И вообще отлично ты понимаешь, что никакие тут автоматы и никакие звери не помогут, а нужен человек. Рассудком понимаешь, а чувства бунтуют, верно? Нельзя, мол, так! Это, мол, убийство! Ты сидишь, смотришь на Борьку и совершенно убежден, что ты его не мог бы уговаривать на такое. Верно! Ты не мог бы! Вам, Стружковым, такие идеи просто в голову не придут! Но скажи по справедливости: не кажется ли тебе, что кому-нибудь да должны приходиться в голову такие вот неприятные идеи? И что это даже удобно: все прочие тогда могут спокойненько сидеть и обличать злодеев, которые до такого додумываются!

Вот тут мы с Борисом-76 отреагировали по-разному! У Бориса даже дыхание перехватило от злости, он побагровел и с трудом сказал, что, мол, пожалуйста, пускай Аркадий закажет себе светящийся неоновый венчик или терновый венец из поролонa и носит повседневно, а он на такую славу не претендует. А мне сделалось очень грустно и тяжело, и я начал сбивчиво уверять Аркадия, что мы его понимаем и что никто его не обвиняет...

— Нет, обвиняет! — перебил меня Аркадий. — Ион обвиняет, и ты... Ну, ты это все же лучше воспринимаешь, наверное, из-за того, что сам путешествовал во времени. Но неужели тебе непонятно, — обратился он к Борису-76, — что другого выхода просто не было? Если бы

принял снотворное я, это значило бы только одно: что Аркадий Левицкий дожил до 1976 года, а там умер. На Аркадия-74 это никак не повлияло бы. Если бы Аркадий-74 принял снотворное в обычном мире, без переходов во времени, результат был бы тоже однозначным: Аркадий Левицкий дожил бы только до 1974 года, и в 1976 году уже некому было бы размышлять над этими проблемами. Но после моего перехода в прошлое наша линия удвоилась. — Аркадий ткнул прутиком в мой чертеж. — И если одна из этих линий оборвется вот здесь, — он обвел кружочком крестик на линии Аркадия-74, — что произойдет тогда с другой линией? Вот в чем был вопрос! И ответить на него можно было только одним путем. Тебе что, действительно это непонятно? А тебе? — спросил он нас обоих поочередно.

Лицо у него почернело, заострилось. Я глянул, и мне стало больно.

— Борька, прекрати этот разговор! — взмолился я. — Достаточно мы уже понимаем и никаких сейчас других путей не видим, а если б и увидели, то сделанного не переделаешь.

— Ладно... ты, наверное, прав, — буркнул Борис.

Некоторое время мы все молчали. Потом Борис спросил:

— Ну хорошо, а зачем тебе понадобилось тут же скакать в будущее? Ты что, не мог там... пронаблюдать?

Аркадий быстро, с испугом глянул на него и тут же отвернулся.

— Я считал... — ответил он, слегка запинаясь, — я предполагал, что мне следует пересечь в хронокамере момент его... ну, его исчезновения...

Сам же я только что предложил прекратить этот разговор, а тут не утерпел, ввязался.

— Хитришь, Аркашенька, — сказал я. — Ничего тебе не нужно было пересекать, а просто боялся ты смотреть, как он будет умирать... боялся, что не выдержишь, начнешь его спасать — и эксперимент сорвется. Так ведь?

Аркадий покосился на меня, шевельнул губами, но ничего не сказал.

— Так оно и было, чего уж! — с горечью сказал Борис-76. — Смерти он, конечно, не боялся. А душевной

пытки, которую сам же себе устроил, испугался. Решил сбежать... Еще и потому ты решил сбежать, что верил в свою теорию. Верил, что ваши линии не связаны, что он умрет, а ты останешься. Слишком ты у нас умный... слишком ты хороший хронофизик! И тот Аркадий — он ведь такой же! Он тоже все это знал, наверное. Ведь знал?

— Знал... догадывался... — хмуро подтвердил Аркадий. — Мы оба сознательно шли на риск... — Он вдруг повернулся и в упор посмотрел на нас обоих. — А вам не кажется, что в таких условиях... ну, что остаться в живых — это... это тоже риск?!

— Ах, кретины! — простонал Борис-76. — Надо же, чтобы встретились два таких кретина! Что вы с собой наделали!

— Борис, мы же уговорились! — закричал я. — Не надо больше! Это бесполезные мучения, не надо, я не хочу!

— Ладно, ладно, прекратим! — поспешно сказал Борис.

Мы опять некоторое время молчали. Но молчать тоже было тяжело.

— Слушайте, ребята, — сказал Борис-76, глянув на часы. — Я сейчас позвоню Шелесту; без объяснений, просто сообщу, что мне пришлось выйти по экстренному делу. Пускай думает пока что хочет. А мы тут кое-что еще довыясним, додумаем и... — Он запнулся, потом повторил: — Так я пойду позвоню...

Пока он ходил звонить, мы с Аркадием сидели молча. По-моему, мы оба до смерти устали и радовались хоть коротенькой передышке.

Борис-76 вернулся довольный, усмехающийся.

— Сказал я Шелесту, — еще издали начал рассказывать он, — что, мол, задержусь еще часок, а он не в духе, видно: как заорет на меня, аж трубка завибрировала в руке! Я чего-то бормочу, а сам думаю: «Ори, ори! Не так заорешь, когда узнаешь, в чем дело!» — Он уселся на скамейку и с нежностью оглядел нас. — Нет, ребята, это ведь так здорово! Это... слов нет, до чего здорово, что вы здесь!

— Осложнений, между прочим, не оберешься оттого, что мы здесь, — трезво заметил Аркадий.

— Осложнения! Да мы вчетвером с любыми осложнениями справимся! — отмахнулся Борис-76. — Понимаете, сначала меня это слишком потрясло, потом я запутался во всех ваших переходах и недоразумениях, а под конец еще и...

— Тут он осекся, потом торопливо продолжил: — Словом, я больше удивлялся, ужасался и так далее. А теперь, когда я представил себе, как буду рассказывать об этом Шелесту и всем... и вы тут будете. Ну, ребята!

— Словом, теперь ты ощутил радость бытия! — сказал Аркадий, но уже не насмешливо, а сочувственно, и лицо у него как-то оттаяло, ожило.

Мне и самому стало вроде легче. «А что, в самом деле! — подумал я. — Тот же институт, те же люди, свои ребята-хронофизики, — они-то должны примириться с тем, что у Левицкого и Стружкова окажутся дубли! Шелест как-нибудь уладит все формальности по административной линии, и будем мы все работать». Тут я спохватился, что мне все же будет трудновато — ведь я отстал на два года, — но потом решил, что ничего, наверстаю.

— А что я, собственно, буду рассказывать Шелесту? — забеспокоился вдруг Борис. — Я же ни черта толком не понял! Слушай, Аркадий, объясни мне, наконец, по порядку, с чего оно началось, твое первопроходчество.

— Даже не знаю, с чего начать... — задумчиво сказал Аркадий.

— С начала, — глубокомысленно посоветовал я. — Меня так в школе еще учили. Вот, значит, рассчитал ты свою машину времени, возликовал, разумеется, и... чего же ты дальше делал?

— Дальше? Ну, дальше я для начала передвинулся на год назад. И тут же вернулся, не выходя из камеры. Трясая, конечно, со страшной силой, когда в камеру лез, даже зубами лязгал. Я ведь ни в чем тогда не был полностью уверен. Расчеты расчетами, а на практике вполне может получиться какая-нибудь чепуховая неувязочка — и все: был Левицкий, нет Левицкого, и искать его негде. Ну, а с другой стороны, конечно, любопытство терзало до не-

возможности — мол, как же это выглядит, путешествие-то во времени?

— Живут же люди! — вздохнул Борис. — Катаются туда-сюда за милую душу, а ты тут сиди... Ну, и как же это выглядело?

— Да ведь Борька рассказывал... В общем, то же самое: красный туман, тяжесть какая-то наваливается на тебя, ты аккуратненько валишься на пол и ничего не видишь. Я очнулся — и никак не пойму, был я в прошлом или не был. Вышел из камеры — все по-прежнему, никаких изменений. Но глянул на контрольную запись и вижу: есть! Есть оно, перемещение!

— Ты, значит, включал автомат и на запуск и на возвращение? — спросил Борис.

— А как же иначе? Кто же меня вытащил бы оттуда?

Я вспомнил, как погас индикатор на пульте. Что-то все же тут не в порядке... Но что?

— Постой, а как же насчет изменения мира? — допытывался Борис. — Раз ты совершил путешествие в прошлое, значит, изменил мир. А в измененном мире автомат, наверное, не был включен на твое возвращение. Так кто же тебя вернул?

Ах, молодец! Ну конечно, именно это меня и сбивало с толку! Глазок индикатора погас, как только я начал по-настоящему вмешиваться в реальность. Ведь в измененной реальности, в этом мире, который я сам невольно создал, Борис Стружков двадцать третьего мая 1974 года не включал автомат хронокамеры. Камера была, и автомат был, но никто его не включал. Поэтому он и в прошлом вечером двадцатого мая оказался выключенным.

— Так ведь я же никакого изменения не производил, — сказал Аркадий, — в прошлое не вмешивался. Я вообще не выходил из камеры, а к тому же валялся без сознания. Какое уж тут изменение!

— А сам факт перехода? — неуверенно спросил Борис.

— Не разводи мистику, Борька! — морщась, сказал Аркадий. — Раз я не выходил из хронокамеры...

— А ты уверен, что сам-то не разводишь мистику с этим выходом-невыходом из хронокамеры? — вмешался я. — Вот я, например, когда перешел в прошлое, так пер-

вым делом, еще оставаясь в камере, убедился, что лаборатория пуста. Но потом вышел из камеры и несколько минут простоял в проходе из технического отсека.

— А что ты там делал? — заинтересовался Аркадий.

— Да вот именно, что ничего. Стоял и думал, как быть, с чего начать, и так далее. Я никого не видел и меня никто не видел. Так вот, спрашивается: если б я простоял таким образом даже целый час, а потом ушел бы в камеру и отправился назад, изменился бы от этого мир?

— Что ты дурака валяешь, Борька! — сказал Аркадий. — С чего ему меняться, если ты никаких изменений не внес? Мир — это не твое или мое представление, мир — это ре-аль-ность! И пока ты на нее реально не воздействуешь, она реально и не изменится. Насчет выхода из камеры я говорил условно, для наглядности. А на самом деле ты мог, допустим, походить по лаборатории, даже посидеть за столом, поработать. Если тебя никто не увидит и никаких следов твоего пребывания в этом мире не останется, то ты вернешься в свой прежний мир, не отклонив мировой линии.

— А если представить такую ситуацию: ты совершил переход, лежишь без сознания в хронокамере, а в это время тебя кто-нибудь видит сквозь стекло, — допустим, тамошний Аркадий или Борис. Но прежде чем они успевают что-либо предпринять, автомат срабатывает, и ты отправляешься обратно. В этом случае как? Есть изменение?

— Каверзная ситуация! — Аркадий покрутил головой. — Н-да... опасаясь, что я уже не попал бы в свой прежний мир! Ведь тут налицо изменение, причем довольно основательное: они увидели бы воочию, что путешествие во времени уже осуществлено на практике! А это сразу изменило бы их психику, их отношение к делу... привело бы к ускорению открытия.

Конечно! Если б я в тот вечер не знал, что переход практически осуществим, ничего бы я не добился... И не было бы «моего» способа перехода. У Аркадия ведь совсем по-другому, наверное, решено...

— Аркадий, объясни ты мне, — сказал я, — почему это у тебя в камере всех по черепу бьет? Для полноты впечатления, что ли?

— Ничего не всех, — недовольно ответил Аркадий. — Меня только в первый раз двинуло, но это я сам был виноват — заставил автомат слишком быстро поле наращивать. А ты, наверное, бегал по камере, суетился...

— Значит, у тебя поле не совсем однородное?

— Да, и нарастание идет не совсем плавно. Надо еще поработать. Ну, да ты же сам это знаешь, если... — Он вдруг замолчал и, что-то сообразив, уставился на меня. — Постой-постой, Борька! Я, похоже, опять чего-то не усвоил. Записки, ты говоришь, не было... Но ведь расчеты мои ты видел?

— Где же я мог их видеть, интересно?

— Слушай, ты мне голову не морочь, — рассердился Аркадий. — Расчеты уж во всяком случае были, я их сам написал!

— Сказано тебе: не было! В «моем» мире не было ничего — ни записки, ни расчетов, никаких объяснений! Просто... ну, просто ты умер... И думай об этом что хочешь! Вот я и думал. До того додумался, что всех начал подозревать. Даже себя...

— Это каким же образом? — удивился Борис.

— Да таким образом, что сплошная была путаница, и чем дальше, тем хуже! — сказал я, передернувшись при одном воспоминании. — Я и сейчас не все понимаю, что у нас там творилось. Во-первых, этот вот Аркашенька по институту разгуливал, сразу после конца рабочего дня, и непременно всем на глаза попадался.

— Уж и всем! — возразил Аркадий. — Одна только Нина меня видела. Правда, разговор у нас получился довольно нелепый...

— А если к этому прибавить твой нелепый костюм... — сказал я. — Или, может, это у тебя хроноскофандр?

— А она и костюм разглядела?! — удивился Аркадий. — Вот глазастая! На лестнице ведь темно совсем.

— Разглядела, однако! — злорадно ответил я. — Тебя и Ленечка Чернышев разглядел, когда ты дверь лаборатории открывал!

— Здравствуйте! Еще и этот дурачок!

— Ты зато очень умный! Стоит на пороге и выясняет отношения с двойником! Подходящее выбрал местечко!

— Ну ты подумай! — смущенно пробормотал Аркадий. — Значит, он даже разговор слышал? И все равно ничего не понял?

— Ты сообрази, — сказал я, — кто же мог что-нибудь понять? Мы больше всего старались додуматься: с кем ты говорил? Кто сидел в запертой лаборатории и как он туда попал? Ленечка даже сказал, что у этого человека голос похож на твой, и все равно нам в голову не пришло...

Борис-76 напомнил, что он пока ничего не понимает. Я спохватился и начал ему объяснять, как было дело. Когда я говорил, что Аркадий, ожидая встречи с двойником, постарался выставить меня из лаборатории ровно в пять и нарочно затеял дурацкую ссору, Борис-76 вдруг заволновался.

— Погоди, — сказал он, — я ведь это тоже помню... эту ссору! Дурацкая, действительно, была ссора, совершенно беспричинная. Аркадий вдруг начал на меня орать.

— А ты что? — с интересом спросил я.

— Как — что? Ты же сам знаешь! Ты и я тогда ведь еще не были разделены... до вечера двадцатого мая все у нас было общее.

Мы улыбнулись друг другу. Сейчас мне было даже приятно думать, что он знает обо мне все. Зато мы с ним будем идеально понимать друг друга! Я сам себе готов был позавидовать, что в его... в моем лице у меня имеется такой надежный друг.

— Но я пока не понимаю, почему ты мог подозревать себя, — сказал Борис-76.

— Да потому, что дальше совсем уж чудеса пошли, — начал объяснять я. — Аркадий слонялся в этот вечер по институту, но никто не понял, что их двое. А я никак не мог понять, почему меня тоже видели в институте в одиннадцать вечера, когда я в это время сидел в библиотеке.

— Я тоже сидел в библиотеке после того, как с Аркадием поссорился, — растерянно сказал Борис-76. — Нет, серьезно, я это помню...

Аркадия это ужасно развеселило.

— Встреча двойников в библиотеке! — завопил он. — Алиби друг другу создают!

— Да ну тебя! — урезонивал я его. — Как же мы могли друг другу алиби создавать, если Борис Стружков был в то время всего один?

— Э, брось! — не сдавался Аркадий. — Ты же сам заявил, что отправился в прошлое!

— Да ты пойми, чудак! Я ведь только двадцать третьего узнал, что меня будто бы видели двадцатого вечером в лаборатории! Двадцать третьего, понял? И ни в каком прошлом я тогда еще не бывал! Даже мне и не снилось!

— Нет, у меня что-то мозги не срабатывают, — признался Борис-76. — Может, ты объяснишь все по порядку?

Я объяснил по порядку. Аркадий слушал с сочувственно-иронической усмешкой, а Борис-76 потрясенно крутил головой.

— Ну и ну! — сказал он под конец. — Это же действительно обалдеть можно! — Он помолчал секунду и тихо проговорил: — Но знаешь, Нина... Нина меня все-таки удивляет. Ты думаешь, она действительно пошла к этому... Линькову?

— Наверное... — ответил я. — Ты бы видел, в каком она была настроении... И, в конце концов, ее тоже понять можно.

— А я вот не могу ее понять! — с неожиданным раздражением сказал Борис-76. — Никогда бы не подумал, что Нина...

У меня вдруг сердце стукнуло так гулко и больно, будто о ребра ударилось.

— Ты... с ней? С Ниной? — тихо спросил я.

— Ну да... — не глядя на меня, пробормотал Борис. — Вот я и не понимаю...

— Не дурите, ребята! — прикрикнул на него Аркадий. — Это же совсем другая Нина!

— В каком смысле другая? — удивился Борис.

Но я сразу понял, что имеет в виду Аркадий.

— Ну как же ты не понимаешь! — с азартом начал я толковать Борису-76. — На нашей линии все ведь пошло совсем иначе. Ты сообрази, сколько мы там пережили за три дня! Смерть Аркадия, расследование, тайны какие-то кругом, эта дьявольская путаница с двойниками!

Да представь себе только, что ты своими глазами увидел Нину в окне лаборатории, а она все начисто отрицает.

Борис-76 слушал меня, болезненно морщась.

— Нина все равно та же самая... — пробормотал он. — Только линия у нас, верно, спокойная... а люди все те же...

— Да ничего подобного! — настаивал я. — По-твоему, бытие не определяет сознание, что ли? Да я знаешь как изменился за эти трое суток!

— Доказывай, доказывай, Борька! — невесело сказал Аркадий. — Доказывай ему, что с его Ниной все в порядке, а себе — что это не твоя Нина, а совсем другая...

— Разве это неправда? — упавшим голосом спросил я.

— Правда, правда, успокойся! — серьезно ответил Аркадий. — И больше об этом не надо. Не советую.

«Это правда. Это должно быть правдой, — твердил я себе. — Та Нина, которую я увижу здесь, Нина, которая два года замужем за этим Борисом, — она другая. Она прожила на два года больше той, моей Нины, но она не прошла через эти страшные трое суток... Она, конечно, другая».

— Действительно, оставим лирику! — хмуро сказал Борис-76. — Объясни мне все же, что из этого следует. Временная петля, что ли, у тебя получилась? Ведь выходит, что тебя видели двадцатого вечером в лаборатории, а после этого ты вернулся снова в двадцатое и тебя увидели в лаборатории? Замкнутая петля?

— Ничего подобного! — возразил я. — В том-то и дело, что никакой петли не было. То есть я сначала и сам подумал, что это петля и что я уже сделал нечто такое, о чем сам еще не знаю. Я подозревал, что таинственный незнакомец, который ждал Аркадия в запертой лаборатории, — это я и есть... Ну, и что я, может быть, как-то участвовал в убийстве... или в смерти Аркадия... Но потом я понял...

— С ума сойти! — ошеломленно сказал Аркадий. — То есть я уже ничего не понимаю! Записку ты не видел, расчеты — тоже. Как же тогда ты попал в прошлое?

— Я ведь уже объяснял, — довольно сухо ответил я. — Сам я все рассчитал, без тебя. Понятно?

— А если всерьез? — нетерпеливо отозвался Аркадий.

Я пожал плечами и отвернулся. Мне действительно стало обидно.

— Нет, послушай... — сказал Аркадий. — Seriously, я был уверен, что ты сделал все это по моим расчетам. Поэтому я не удивился, когда ты нарисовал это вот. — Он кивнул на чертеж. — Но если расчетов у тебя не было, то... как же ты?

— Ну, сам я, сам рассчитал! — сердито сказал я. — Никак ты не можешь поверить, что я на это способен? Прижали меня к стенке, вот и пришлось мне поднатужиться изо всех сил, чтобы вывернуться. Ну, а кроме того, я ведь на девяносто процентов был уверен, что какой-то Стружков уже путешествовал во времени. Только так можно было объяснить загадочное появление моего двойника в лаборатории.

— Понятно, — отозвался Аркадий. — Если ты знал, что это сделано...

— Ну да! Мне оставалось только додуматься, как это было сделано. Вот я и додумался.

— То есть... — сказал Аркадий. — Ты что же — сам рассчитал мое поле?!

— Нужно мне очень твое поле! — буркнул я. — У меня свое есть!

— Что значит «свое»? — надменно спросил Аркадий. — В каком смысле?

— В самом обыкновенном смысле. Я свое поле считал, а не твое. По своему собственному методу!

— Не сочиняй, Борька! — твердо заявил Аркадий. — Не надо!

Линькову наконец становится все ясно

Борис торопливо сунул Линькову три смятых листка из записной книжки и схватил трубку.

Линьков осторожно разглядел листки. Крупный, размашистый почерк, уверенная четкая подпись — «Аркадий»... Линьков прочел записку, и его жаром обдало. «Не может быть!» — прошептал он и откашлялся. Снова прочел. Всмотрелся в чертеж. Нет, но это же невозможно! За его спиной Борис негромко говорил:

— Да, Игорь Владимирович, да... безусловно. Считаю это возможным... Нет, никаких побочных эффектов не наблюдал... Ну, это я лучше на месте объясню... Да, сейчас...

— Я пойду с вами, — сказал Линьков.

— Да, пожалуйста... — рассеянно и невпопад ответил Стружков.

В коридоре он спросил:

— Вы все поняли?

— Где там все! О расчетах я уж и не говорю...

— Я тоже не о расчетах говорю.

— Если говорить о сути эксперимента, с точки зрения хронофизики, это, насколько я понимаю, здорово! А вот с моральной точки зрения...

— Да, это сложная проблема, — согласился Борис и замолчал.

«С запиской-то ясно, и вообще с Левицким теперь вроде бы все прояснилось, — думал Линьков, вышагивая рядом с Борисом. — Но зато с вами, дорогой товарищ Стружков, мне что-то ничего не ясно, и даже чем дальше, тем хуже получается. С одной стороны, вроде все понятно — в лаборатории вы были, записку взяли, тут одно с другим согласуется.

Но когда вы там были? Вот в чем загвоздка! Если три дня назад, то зачем же вы эту записку столько времени в кармане таскали и изо всех сил притворялись, что понятия не имеете, почему умер Левицкий? Даже расследование помогали вести! Ведь из этой записки ясно, что в смерти Левицкого вы никак не повинны. Чего ж вы прятали записку? Потом, выходит, вы ее и от самого себя прятали? Ведь идея, которая там изложена, на вашу идею даже издали непохожа, это и я, недоучка, вижу! Это совсем другой метод, принципиально иное решение! Значит, вы действительно сами до этого додумались. Но вот вопрос: зачем вы так срочно додумывались? Если у вас записка была, с готовеньким решением, — бери и пользуйся! Что же выходит? Выходит, не было у вас записки... Не было, а сейчас есть? Тогда получается, что вы действительно взяли ее в прошлом. Но это уже мистикой пахнет. Если вы взяли записку только вчера, то где же она до сих пор была, почему ее никто не видел? Следствия не могут опе-

резать причину, это элементарно. И нельзя безнаказанно красть записки из прошлого, хронофизика этого не позволяет. Следственные органы еще могут проморгать этот прискорбный факт, а хронофизика не может! Она вас по своим законам на новую мировую линию моментально передвинет. Так что возьмете вы записку у нас, а окажетесь вместе с ней на новенькой, свеженькой линии, которую сами же и создали этим своим неблагоприятным поступком. А мы будем ломать головы — где же записка?! А вы...»

Тут Линьков внезапно остановился и крепко зажмурился, словно его яркий свет по глазам полоснул. Борис этого не заметил и умчался вперед. Линьков поглядел ему вслед и яростно потер лоб рукой.

«Обрадовался, возгордился, распустил павлиний хвост! — обличал он самого себя. — Гений-недоучка, грош тебе цена в базарный день. Ну как можно было не понять! Ведь он же все сказал, все как на тарелочке преподнес! А ты ушами хлопаешь и при этом еще изображаешь из себя Шерлока Холмса и Эйнштейна в одном лице!»

Борис оглянулся на Линькова, махнул ему рукой и скрылся за дверью шелестовского кабинета.

«Иди, иди, обрадуй Шелеста! — думал Линьков. — Расскажи ему, откуда шел и куда попал, пожалуйся на хулиганство хронокамеры и на таинственные подставки, вырастающие, как грибы. А я тут постою. Я такую уйму хронофизики за один присест не переварю. Побуду хоть минуточку с самим собой наедине, подумаю...»

Но побыть с самим собой наедине Линькову не удалось: из кабинета Шелеста пулей вылетел красный и взъерошенный Эдик Коновалов.

— Во! Видали, ловкач какой! — хмуро бурчал он. — Ну и ловкач!

— Кто? — не понял Линьков.

— Стружков, кто же еще! — со злостью ответил Эдик. — Я, главное, уже матерьяльчик подобрал такой — будь здоров» Я у вас, имейте в виду, серьезно учился, опыт перенимал...

— У меня?! — переспросил Линьков. — Я, знаете ли, я не учил вас подбирать материал на Стружкова... и вообще...

— А это я в порядке личной инициативы! — радостно заявил Эдик. — Я поглядел на вас вчера, как вы шли со Стружковым по коридору, и враз усек — перемена ситуации!

«Так мне и надо!» — покаянно подумал Линьков, а вслух спросил:

— Какая же судьба постигла этот ваш... матерьяльчик?

— А мне даже высказаться не дали! — возмущенно сообщил Эдик. — Смеются, главное... Правда, поторопился я малость, признаю! Но так все складывалось, подходяще уж очень, я и обрисовал ситуацию соответственно. Объяснил им, что как только вы Стружкова заподозрили, так он тут же сбежал. Значит, говорю, признает за собой вину!

Линьков тяжело вздохнул. «Получай! — сказал он себе. — Заслужил ведь!»

— ...А они смеются! — продолжал Эдик. — Главное, говорят мне: Стружков переход во времени совершил, он герой! И он тут как тут появляется! А что, Стружков на самом деле переход совершил?

— На самом деле. И, кстати, я должен...

Но Эдик не отставал. Он спросил, куда именно переходил Стружков, и, узнав, что на три дня назад, разочаровался.

— Всего и делов-то! Тр-руха! А они: герой, герой!

— Он мог погибнуть, даже если б всего на пять минут передвигался, — сухо сказал Линьков. — И мне пора, извините...

— Нет, минуточку! — взмолился Эдик. — Я только две мысли выскажу: одну общественную и одну личную. Я вкратце!

— Ну, высказывайте вкратце!

— Первая мысль такая: запретить это нужно! Или хотя бы строго засекретить! — торжественно заявил Эдик. — А то, знаете, что получится, если каждый-всякий?..

— Что же именно получится, по-вашему? — вяло осведомился Линьков.

— Труха! — уверенно сказал Эдик. — Ну, сплошная труха! Полезет в прошлое какой-нибудь неустойчивый тип, узнает, чего не надо...

— Как это? Ведь о прошлом и так все знают! — удивился Линьков.

— Что надо, то знают, — возразил Эдик. — А что не надо, на кой знать?! Кому от этого польза? А в будущее тем более нельзя! Мало ли чего он там увидит! Вернется, пойдет языком трепать, его ж не остановишь...

— Вы считаете, что будущее — это государственная тайна? — осведомился Линьков.

— А как же! — убежденно сказал Эдик. — Вне всяких сомнений.

— К этому вопросу мы вернемся позднее, — слегка поехившись, проговорил Линьков. — Давайте второй вопрос, я тороплюсь.

— Для решения второго вопроса, — сказал Эдик, — вам бы полезно было ознакомиться с матерьяльчиком...

— С каким еще матерьяльчиком?

— По делу Левицкого! Там и про Стружкова, и вообще... Я все факты проанализировал, выводы имеются четкие. Серьезную работу проделал, вот увидите. И для меня очень важно ваше мнение как специалиста...

— Видите ли, дело Левицкого уже закончено, так что... И вообще мне сейчас некогда, — тоскуя, сказал Линьков.

Коновалов почему-то не очень огорчился.

— Выходит, напрасно я мозги сушил! — почти весело заключил он. — Конечно, мне до вас еще расти и расти! Вон вы как дело решили, в два счета, а я только начал раскачиваться... Так кто же его прихлопнул-то?

— От сообщений я пока воздерживаюсь, — сухо ответил Линьков, пытаясь обойти Эдика.

— Это я понимаю! — с готовностью отозвался Эдик. — Но я к чему говорил насчет матерьяльчика? Хотелось, чтобы вы меня на практике проверили, вот я к чему! Созрело у меня решение вот за эти дни, что я с вами общался. Решение в плане личной перспективы! А именно — уйти я хочу отсюда! К вам буду проситься на следственную работу! А что? Образование у меня юридическое. Так? Пробелы — это я на практике ликвидирую! В два счета!

— Вы это... всерьез? — испуганно спросил Линьков.

— То есть абсолютно! Мне здесь, понимаете, разворота нет. А тем более теперь. Вот я и хотел узнать ваше мнение...

— Мое мнение... — сердито начал Линьков, но запнулся и продолжил совсем в другом тоне: — Вы извините, но на ходу такие вопросы не решаются! Я действительно очень тороплюсь.

— Правильно, это вы правильно! — Эдик восхищенно глядел на него. — Подумать надо, обсудить...

Линьков бегом бросился к кабинету Шелеста.

Окна в кабинете Шелеста были распахнуты настежь, и сизый табачный дым струился наружу, а в комнату вливался влажный прохладный воздух. Шум стоял невероятный. Смуглый, скуластый парень, яростно сверкая черными глазами, доказывал преимущества «градиентного» метода над «однородным», ему наперебой возражали двое, а из угла кто-то кричал, что спорить вообще преждевременно. Борис стоял у стола и слушал улыбаясь. Шелест задумчиво постукивал карандашом по стеклу.

— Да хватит вам шуметь, ребята! — громко сказал Борис, и все примолкли, повернувшись к нему. — Дело ведь ясное: надо бы сочетать достоинства обоих методов. И дальность дистанции, и плавность перехода. О чем тут спорить, непонятно.

— Что ты конкретно предлагаешь? — набросился на него черноглазый парень. — Давай конкретно!

— Слушай, Расул, в данный момент я конкретно могу предложить только одно: подумать. Всем нам посидеть на своих рабочих местах и хорошенько подумать. По возможности — параллельно с работой.

— Совершенно правильно! — отозвался Шелест. — Проблема-то комплексная. Вернее, тут целый комплекс проблем. И многое еще надо проверить, уточнить. Многое. Практически — все.

Все снова зашумели.

— Почему же — все?! Переход-то был! И не один! Это же самое главное! — кричали наперебой отовсюду. — И побочные эффекты отсутствуют!

— Если не считать вспышки, — вставил Борис. — Но это, по-видимому, штука безобидная.

— Это чистый Допплер! — заявил Расул. — Процессы снаружи камеры относительно замедляются, периоды колебаний растягиваются...

— Очень возможно, что Допплер, — согласился Шелест. — Но вы меня не совсем верно поняли. Я говорил о проверке не только для нас с вами, а и для тех, кто будет определять размеры ассигнований. Вы сообразите, ведь ассигнования на эти эксперименты потребуются весьма солидные!

— Да уж... одни затраты энергии чего стоят... — вздохнул кто-то.

— Ну вот. Представляете себе, какие мощные обоснования потребуются, чтобы выбить такие суммы?

— Переход во времени на всех подействует! — убежденно сказал Расул, приложив руку к сердцу. — Даже самый свирепый финансист не выдержит, даю слово! Это же фантастика! Уэллс!

— Под фантастику денег не дают, — объяснил Шелест. — Нужны реальные перспективы. И хотя бы предположительная практическая ценность всего предприятия.

— Как это — практическая ценность! Разве можно так ставить вопрос! Почему вы думаете, что... — закричали со всех сторон.

— А как же вы думали? Спросят и об этом. Что переход практически осуществим, это уже доказано, даже в двух вариантах. Вот и спросят: а какова цель дальнейших экспериментов? Вы собираетесь увеличивать дистанции, наращивать мощность поля и так далее, а зачем? Зачем вообще нужно передвигаться во времени?

— Чтобы добывать информацию... — неуверенно проговорил кто-то.

— Сообразил, действительно! — с горечью отозвался Борис. — Да ведь если ты отправишься собирать информацию, тебе из камеры придется выйти? Иначе что ж ты узнаешь? Значит, ты вместе со всей этой информацией окажешься на новой мировой линии, которую попутно создашь. А сюда ничего не попадет, понял?

— Подожди, как же это? — смущенно забормотал тот. — А ты... Ах, ну да...

— То-то и оно! — подтвердил Шелест. — Так что же отвечать, если спросят: а зачем вам эти эффектные дорогостоящие экскурсии?

Все опять зашумели, заспорили.

— А ваше мнение, Игорь Владимирович? — страстно попытывался Расул. — Почему вы не говорите?!

— Да потому, что мне нечего сказать! — ответил Шелест. — Я пока и сам не вижу, зачем нам прогуливаться туда-сюда. Впрочем, нам-то понятно зачем: просто хотя бы из любопытства. Но если говорить вообще... ну, об интересах человечества, что ли... — Он развел руками и замолчал.

— Н-надо, к-конечно, создавать хронополе... — пробормотал Леня Чернышев, утонувший в глубинах громадного кресла. — Т-только таким путем...

Борис повернулся к нему и согласно кивнул.

— Леня совершенно прав! — громко сказал он. — Создать хронополе, изолирующее хронавта от потока времени...

— Слушай, это бред! — яростно крикнул Расул. — Тимофеев доказал, что невозможно изолировать объект от окружающего времени! Невозможно!

— Но ведь он доказал это только для случая однородного поля, — возразил Борис.

— Правильно! — поддержал его вихрастый рыжий паренек. — Мне видится, товарищи, что градиентный метод Стружкова позволит выключить хронавта из потока времени и обеспечить свободный переход с линии на линию...

— Тебе всегда что-то видится в порядке бреда! — огрызнулся Расул.

— Н-надо было бы п-потом, — более смело заговорил Чернышев, вынырнув из кресла, — запрограммировать такую защиту, чтобы исключить активное воздействие хронавта на прошлое... или будущее... предотвратить создание новых линий. Это обеспечило бы возможность пассивного наблюдения... М-можно было бы еще разработать систему сигнализации...

Шелест, все время слушавший с непроницаемым вялом, усмехнулся.

— Вот именно: сигнализация! — сказал он. — Семафоры, светофоры, регулировщики, правила хронодвижения! Еще неизвестно, возможна ли хотя бы в принципе такая защита, а вас уже вон куда заносит!

«А ведь здорово было бы! — подумал Линьков, начиная понемногу разбираться в сути спора. — Подошел ты к какой-то штуке, хочешь ее взять, а у тебя на приборе красный глазок подмигивает: не тронь, мол, а то домой не вернешься! Непонятно, правда, что же можно будет трогать? Пожалуй, только самого себя... Но главное, чтобы наблюдать можно было! Какие-нибудь исторические события в натуре, например...

— Игорь Владимирович, вас Москва вызывает, — сказала секретарша, просунув голову в дверь.

— Шелест у телефона, — сказал Шелест, сняв трубку. — Хорошо, подожду! — Он прикрыл мембрану ладонью и сказал: — Это, наверное, Вячеслав Феликсович. Да и вообще на первый раз хватит, товарищи. В ближайшее время мы этот разговор, конечно, продолжим, а вы пока обдумывайте все и готовьтесь к обсуждению... Вячеслав Феликсович вернется, к тому же, а при его участии дискуссия сразу пойдет на более высоком уровне... А пока заканчиваем. Спасибо всем!

Тут он увидел Линькова и многозначительно улыбнулся ему, показывая глазами на Бориса.

«Они тут уже установили истину, — решил Линьков, — и Шелест хочет, чтобы я поскорее узнал все, перестал блуждать в потемках... Ну что ж, проверим свои выкладки на практике!»

Он двинулся к Борису сквозь нестройный поток хронофизиков, которые, продолжая спорить и переругиваться, тянулись к двери. Шелест негромко басил в трубку:

— Нет, нет, ваше присутствие здесь абсолютно необходимо! Обойдутся они без вас, тут дела важнее... Никаких неприятностей, кроме тех, что вам известны, наоборот... Ну, по телефону это невозможно объяснить... Да хотите, я сейчас дам «молнию» насчет необходимости приезда, покажете ее там — и все!.. Вячеслав Феликсович, когда вы узнаете, в чем дело...

Борис заметил Линькова и начал пробираться к нему навстречу. Они отошли в глубину кабинета, где уже было пусто, и стали у окна. Борис держался теперь спокойно и свободно, без напряжения и растерянности, но глаза у него время от времени становились будто невидящими и губы начинали слегка подергиваться.

— Нам с вами, собственно говоря, нужно заново познакомиться, — сказал он с полуулыбкой. — Жаль, что вы не пришли к началу, когда я здесь давал некоторые разъяснения...

— Да на меня Коновалов навалился, — извиняющимся тоном сообщил Линьков.

— Благодаря закалке и тренировке я отделался легкими ушибами, но время было потеряно. А разъяснения ваши мне все равно придется выслушать в более спокойной обстановке. Мне ведь надо записать их и... ну, приобщить к делу о смерти Левицкого, — скороговоркой закончил он, злясь на себя.

Борис невидяще поглядел на него.

— Да, смерть Левицкого и здесь, у вас, осталась смертью... ничего я не добился, только сам вот... Впрочем, вы еще не понимаете, о чем я...

— Может быть, и понимаю, — осторожно сказал Линьков. — А вы уже сообразили, кому обязаны тем, что очутились тут, у нас?

— Сообразил! — совсем иначе, оживленно ответил Борис. — Выходит, что самому себе... то есть здешнему себе! — Тут он запнулся и недоумевающе поглядел на Линькова: — Постойте! А вы-то откуда это знаете, если не слышали, что я говорил? Тут никто ведь этого не знал! Даже Шелест не сразу понял!

— Додумался... по долгу службы, — с нарочитой скромностью произнес Линьков и сам поморщился от этого постного, лицемерного тона, которым старался прикрыть мальчишеское торжество.

— Как это «по долгу службы»? — удивился Борис. — Вы разве хронофизик?

— Где там! — уже обычным своим тоном сказал Линьков. — Дилетант я. Физик-недоучка. Ох и задали вы мне работу, товарищи Стружковы-Левицкие! Да еще накануне отпуска! Я прямо боялся, что мозги у меня перегорят, голову все ощупывал...

— Однако же! — ошеломленно отозвался Борис. — Недоучка! Интересно, что же было бы, если б вы доучились? Значит, пошевелили вы мозгами перед отпуском — и порядочек? И все эти хронофизические загадки, словно кроссворд, решили? Ничего себе! Послушайте, дилетант-

недоучка, может, вы снизойдете до того, чтобы объяснить бедному специалисту, каким это образом вы вдруг решили применять хронофизические категории в криминалистике? Дух Эйнштейна вам явился, что ли?

— Видите ли, когда я узнал о переходе Стружкова... здешнего... и понял, что путешествия во времени уже стали реальностью... — начал Линьков.

— Это я понимаю! — нетерпеливо перебил его Борис. — На собственном опыте знаю, какая это мощная встряска и какие перспективы сразу открываются! Но я ведь получил аналогичную информацию — о переходе Аркадия! И сам совершил переход! И вообще для меня это значило во всех смыслах неизмеримо больше, чем для вас! Однако я свалился в этот мир с полнейшим хаосом в мозгах, не мог никак понять, куда и почему попал, и только после разговора с Ниной начал понемногу соображать. А вы уж и насчет двух Аркадиев, я вижу, додумались. Не имея записки! И что же вы скажете в свое оправдание, чудотворец самоучка?

Линькову было не по себе от этих иронических восторгов. Он даже заподозрил, что Борис попросту смеется над ним, высмеивает его поползновения состязаться с хронофизиками на их территории. Поэтому он ничего не стал объяснять, а достал из папки спичечный коробок с изображением дятла и протянул Борису.

— Это ключ к истории Левицкого, — хмуро сказал он.

Борис недоумевающе разглядывал коробок.

— Не доходит! — сказал он наконец. — Сжальтесь над профаном, маэстро, откройте тайну!

— Дата! — пробормотал Линьков неохотно. — Посмотрите на дату!

— Дату? Где? Ах ты... действительно! 1976 год. Откуда это у вас? Может, вы там побывали самолично? Я уж ничему не удивлюсь!

— Нет, я просто нашел это в зале хронокамер.

— Чисто случайно, разумеется? — язвительно осведомился Борис.

— Не совсем... Этому предшествовали логические выкладки. Я искал подтверждений...

— И нашли! — Борис покрутил головой. — Слушайте, а может, вы все же бросите криминалистику и... доучитесь?

Линьков молчал. Борис поглядел на него и смущенно хмыкнул.

— Вы, кажется, на меня обиделись? Пожалуйста, не надо! Просто у меня такая нелепая манера острить. Найдет на меня ни с того ни с сего такой зуд острословия, и остановиться не могу. А по сути я вполне искренне восхищаюсь вами, даю слово! Ну, мир?

— Безусловно! — отозвался Линьков. — Да ничего и не было, это я просто от усталости куксился.

«А к тому же мне причитается! — подумал он. — Еще как причитается — за того Бориса!»

— Еще один только вопрос, и я отстану! — сказал Борис. — Как вы до меня-то добрались?

— Ну, тут уже была чистая логика! Логика плюс хронофизика...

— Неплохое сочетание! — одобрил, подходя к ним, Шелест. — Это вы о чем, Александр Григорьевич?

— Это товарищ Линьков объясняет мне, как он меня вычислил! — ответил Борис.

— Вычислил? И что, правильно? — о интересом спросил Шелест.

— А как же! И меня правильно, и всех нас... весь квартет Стружковых-Левицких! Прямо фантастика и даже мистика!

— Действительно... — согласился Шелест. — А может, пойдете к нам, Александр Григорьевич? Хотя бы внештатным сотрудником, специально для таких случаев?

— Благодарю от души, — сказал Линьков. — Но такие случаи мне, пожалуй, будет удобнее анализировать на своей штатной должности. А вы что же, планируете их на ближайшее время в массовом масштабе?

— Да ведь кто ж его знает! — с неуверенной улыбкой проговорил Шелест. — Деточка хронофизика сделала только первые робкие шаги...

Глава тринадцатая

Борис-76 оценил ситуацию по достоинству. Он со смеху покатился, глядя на Аркадия.

— Бедняжечка Аркадий! Славу у него уводят, прямо из стойла! Дорогой ты наш первооткрыватель... первопроходец! Как перенесешь ты этот удар!

Я видел, что Аркадий весь побелел и, того гляди, бросится на Бориса. Но он сдержался и заговорил относительно спокойно, только глядел куда-то в сторону:

— Интересно, как ты бы себя чувствовал на моем месте! Смешно ему! Вы что, всерьез думаете, что я за приоритет переживаю?

Мы всерьез так думали, но дипломатически промолчали.

— Ну просто я обалдел, элементарно обалдел, неужели непонятно?! — сказал Аркадий, правильно оценив наше молчание. — Не поверил сразу, виноват. Да и теперь еще не вполне верю... Вот объяснишь мне, Борька, тогда уж я окончательно... Выкладывай, что ты придумал!

Суть моего открытия была так проста — во всяком случае для хронофизиков, — что изложил я ее в два счета. Для ясности набросал чертежик — все тем же прутиком, уже изрядно ободраным и обломанным.

Когда я кончил, оба они некоторое время молчали.

— Ну, Борька! — выдохнул Борис-76. — Я... знаешь... я уже вижу, как меня девушки на улице спрашивают: «Скажите, вы не тот Стружков, который...», а я им скромно так отвечаю: «Да, знаете ли, в сущности, тот самый...»

— Да брось ты со своими девицами! — отмахнулся Аркадий. — Ты понимаешь, что Борька сделал?! Нет, скажи — ты понимаешь?! А то сам он вроде не понимает. Сделал элементарно гениальное открытие и сидит помалкивает! Нет, ты посмотри, как у него все просто и надежно. И небось по голове не бьет... А, Борька? Вот! Не то что у меня! И вообще у меня все в лоб сделано, примитивно, прямолинейно...

Когда Аркадий чем-нибудь восхищался, он тоже не знал границ. А если речь шла о хронофизике, он умел восхищаться.

— Да чего там сравнивать, — не унимался он, — вы сами посмотрите: поле я брал однородное, как всю жизнь мы брали... а весь мой вклад исчерпывается элементарными упражнениями в области математической физики...

Он торопливо набрасывал прутиком формулы и схемы. Конечно, хуже у него не было. Может, он кое-что и не успел доработать, но в принципе это выглядело великолепно — смелое, остроумное математическое решение сложнейшей теоретической проблемы.

— Ну что это как людям везет! Всякие открытия на их мировых линиях совершаются, один я такой несчастный... — жалобно заныл Борис-76. — Какая-то линия у меня захолустная! Ни тебе происшествий, ни тебе открытий... и не исчезает никто...

— Раз мы здесь, ты за свою линию можешь больше не беспокоиться, — заявил Аркадий. — Еще и не такие дела завернем, погоди!.. Борька! — Он снова вцепился в меня. — Ну, запряг ты свои градиенты в работу, а дальше что? Так и поехал сразу в двадцатое мая? Где ж ты там прятался, что мы тебя не видели?

Я начал рассказывать, а попутно уточнял у Аркадия, что же происходило на самом деле. В общем-то, я сам уже понимал почти все. Разговаривали на боковой лестнице два Аркадия — этот и «тамошний». И насчет спичечного коробка я правильно догадался.

— Пустой коробок был, — сказал Аркадий. — Плохо то, что я его где-то там, на той линии, выронил. Найдет его какой-нибудь дотошный товарищ, увидит дату...

— Да ну, станет кто разглядывать дату на сломанном спичечном коробке! — возразил Борис-76.

Я им все рассказал в деталях. Объяснил Борису-76, что никакой петли не было: Нина и Ленечка видели меня в институте около одиннадцати часов, а я, вернувшись в прошлое, исчез из института не позже десяти, да еще и таблетки прихватил.

— Таблетки прихватил... — пробормотал Борис-76. — Погоди! Это, выходит, ты создал нашу мировую линию?

— Кажется... — смущенно ответил я. — Вообще-то я не хотел... не имел в виду...

— Оно и видно, что ты все это нехотя делал, спуска рукава, — саркастически заметил Борис-76. — Мог бы создать что-нибудь поинтересней... Спасибо хоть моего Аркадия спас!

— Зато мне он веселенькую жизнь устроил! — сказал Аркадий. — Это ж надо: такой удар с тыла, абсолютно неожиданно! И в такую минуту! Представляете? Вышел я из хронокамеры живой-здоровый — значит, думаю, моя теория доказана! Ну, настроение, сами понимаете, у меня было сложное... с одной стороны, успех, но с другой... в общем, понятно... Из-за всех этих мыслей я даже не сразу сообразил, что если Аркадий Левицкий в этом мире погиб два года назад, то вахтер на проходной заорет с перепугу при моем появлении. Вошел я на проходную — и только тут меня осенило! Но назад уже ходу нет! Однако, гляжу, Макарыч мне улыбается как ни в чем не бывало и говорит: «Поздненько вы сегодня! Устали небось?» Я совсем обалдел! Что-то буркнул в ответ — и скорей на улицу. Думаю-думаю: что же случилось? И ничего сообразить не могу... То есть понимаю, что Аркадий, очевидно, не... не сделал...

— А почему ты, собственно... — начал Борис и запнулся. — Ах, ну да... ты договорился, что он примет снотворное после твоего ухода?

У Аркадия лицо свела судорога. Всем нам опять стало тяжело. Но, в конце-то концов, никуда от этого вопроса не уйдешь. Надо только без эмоций, по-деловому...

— А как вам вообще пришла в голову такая идея? — спросил я. — Вы так сразу и договорились, при первой встрече?

— Нет, не сразу, — помолчав, ответил Аркадий. — После первого перехода я немного подладил камеру, сделал второй переход, потом третий. Из камеры я не выходил, так что возвращался каждый раз в свой мир. Потом не утерпел... Перемещался я, разумеется, вечером, когда в зале уже не работали. Но я сообразил: раз я выйду, то вмешательство в прошлое неизбежно совершится, пусть даже небольшое, и через два года на том конце, в будущем, некому будет камеру включить...

Я снова вспомнил погасший глазок своего пульта. Что и говорить, Аркадий куда лучше меня продумал все последствия... Аркадий помедлил и сказал, смущенно улыбаясь:

— Вот поэтому мне и пришлось в обязательном порядке встретиться с самим собой.

— Почему же в обязательном порядке? — не понял я.

— А к кому же мне было обратиться, как не к самому себе? Я договорился, что он через два года повторит мой опыт — отправит в прошлое камеру и включит ее на автомат, чтобы я мог вернуться, — объяснил Аркадий.

— Вот это да! — ошеломленно пробормотал Борис.

Решение Аркадия было не просто эффектным: оно вытекало из всей логики наших представлений о времени и одновременно выглядело так парадоксально, что не каждый бы до него додумался. Но Аркадий есть Аркадий!

— Так что действия мои были в известной степени предрешены заранее, — без воодушевления продолжал Аркадий. — Мне повезло, я застал Аркадия в лаборатории. Впрочем, я помнил, что в тот период он... то есть я... часто засиживался там один. Это было шестнадцатое мая...

Я покраснел. Борис-76 — тоже.

— Ну, свои эмоции я описывать не буду, — скороговоркой сказал Аркадий, — вы сами сегодня это испытали. В общем-то, конечно, ради одного этого стоило... Говорили мы долго, допоздна. Тогда и сообразили... Кто первым высказал идею, не помню, да это и неважно, думали-то мы одинаково... Решили действовать, назначили встречу на двадцатое. Потом я отправился в зал. Ребята, до чего странно было входить в камеру и знать, что ее включил два года спустя человек, который только что с тобой говорил, который еще здесь... В общем, переместился я обратно, встретил того же Аркадия, только на два года старше. Посмеялись: почему это, мол, я так опоздал на свидание — на целых два года? Потом я кое-как перекаптовался четыре дня на нелегальном положении в 1976 году.

— А это еще зачем? — удивился я.

— Да просто у меня поле было рассчитано точно на два года. А пересчитывать все из-за этих четырех дней...

Знаешь, расчеты у меня очень сложные, делать их наспех, да еще в таких условиях...

— Дал бы тому Аркадию, — посоветовал Борис-76.

— Ну... тоже и ему с этим возиться, на глазах у Бориса...

— Это у меня, что ли? — заинтересовался Борис-76.

Аркадий хмыкнул и, сощурившись, поглядел на схему мировых линий.

— С ума сойти! — сказал он. — Нет, это не у тебя. Это ведь был 1976 год на линии II, которая началась 16 мая 1974 года, после первой моей встречи с двойником. А ты, братец, находишься во-он где, — он поднял с земли измочаленный прут и повел им по чертежу на песке, — на этой вот линии, которую оборудовал специально для тебя твой лучший друг Борис Стружков, обитавший до вчерашнего вечера в 1974 году, на линии III... Видишь, как все просто и понятно!

— Куда уж проще! — с тоской пробормотал Борис-76.

— Не хнычь! — наставительно заметил Аркадий. — Хронофизик ты или кто? Ну, в общем, пересидел я эти дни у одного деда в Заречье, а потом двинул обратно, в двадцатое мая 1974 года...

— К тому же Аркадию? — страдальчески спросил Борис. — Или уже к другому?

— Зачем же мне к другому? Все дело заново начинать? К тому же Аркадию, конечно. Но с той минуты, как мы встретились, мировая линия опять начала отклоняться. И это был уже третий по счету «я». И третий мир...

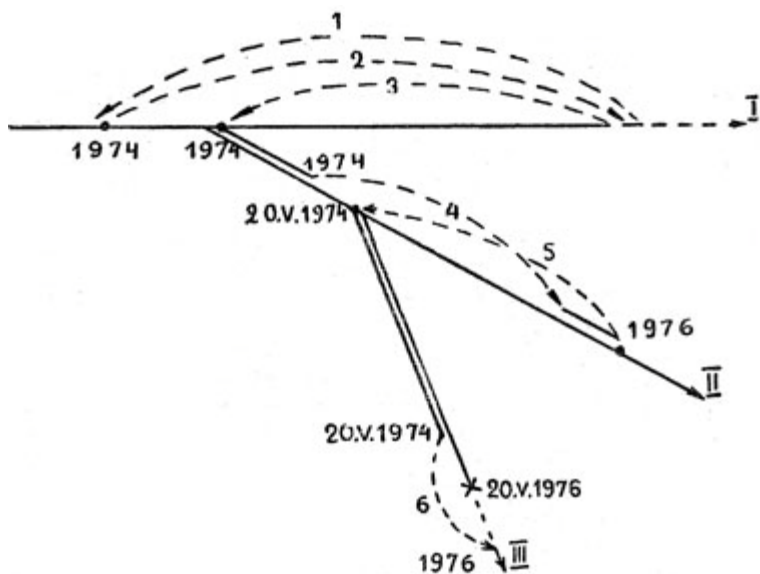
— Мой мир... — сказал я. — Мир, где Аркадий Левицкий умер, а Борис Стружков поскакал в прошлое верхом на градиентах...

— Я что-то опять не соображаю, ребята, — пожаловался Борис-76. — Да и где мне! Вы мировые линии, как колоду карт, перетасовываете, вам ни петли, ни двойники не страшны, и поток времени вам по колено! А я — серый провинциал, я не могу...

— Постыдился бы! — урезонил его Аркадий. — Почему этот Борис может, а ты не можешь? Он же младший!

— «Младший»... Да он за эти три дня больше пережил, чем я за два года! Поэтому в нем гений прорезался, а я как был середнячком, так и остался...

— Нытик ты, а не середнячок! — заявил Аркадий. — Погоди, сейчас я тебе все изображу в художественной форме! — Он заровнял прутиком все схемы и формулы на песке и начал чертить заново. — Гляди! Дужки под номерами 1 и 2 — это мои первые переходы в прошлое; оба раза я возвращался в свой мир, на линию I. А переход номер 3 — это тот, когда я встретился с двойником. Тут начинается новая мировая линия под номером II. Она сначала двойная: это мы с Аркадием сидим и разговариваем... было это шестнадцатого мая... Масштаб, понятно, я не соблюдаю — говорили мы часа четыре, а я тяну линию чуть ли не на полгода, но это для наглядности.

— А дужка номер 4 — это твое перемещение к тому же Аркадию, только на два года вперед? — спрашивал Борис, разглядывая чертежик.

— Старайся, Стружков, старайся! — подбодрил Аркадий.

— Кусочек двойной линии — это твоя отсидка у деда в Заречье? А дужка номер 5 — переход в двадцатое мая 1974 года, все к тому же Аркадию, на ту же линию?

— Да. И, кстати говоря, эта отсидка в будущем гарантировала меня от встречи сразу с двумя Аркадиями. Прыгни я на ту же точку, где побывал однажды, и получила бы святая троица — один Левицкий в трех лицах.

— Это что же получается, братцы?! — ужаснулся Борис-76. — Попрыгаешь, туда-сюда — и целый полк двойников наберешь? Нет, серьезно: это ведь осложнение не пустяковое!

— Если серьезно, — сказал Аркадий, — то я сомневаюсь, что это осуществимо. Наверное, существует какой-нибудь запрет природы на второе попадание в одну и ту же точку! Есть у меня предчувствие, что такая вот точка — это особое место на мировой линии... разрыв, что ли... Ну, вроде воронки; говорят ведь, что в воронку бомба снова не попадает.

— Чепуха! — сказал Борис.

— В пространстве, может, и чепуха, — задумчиво возразил Аркадий, — а во времени... Мы ведь так еще мало знаем о времени! Вот я отдышусь маленько, осмотрюсь тут, на новом месте, и посоображаю, как бы это проверить...

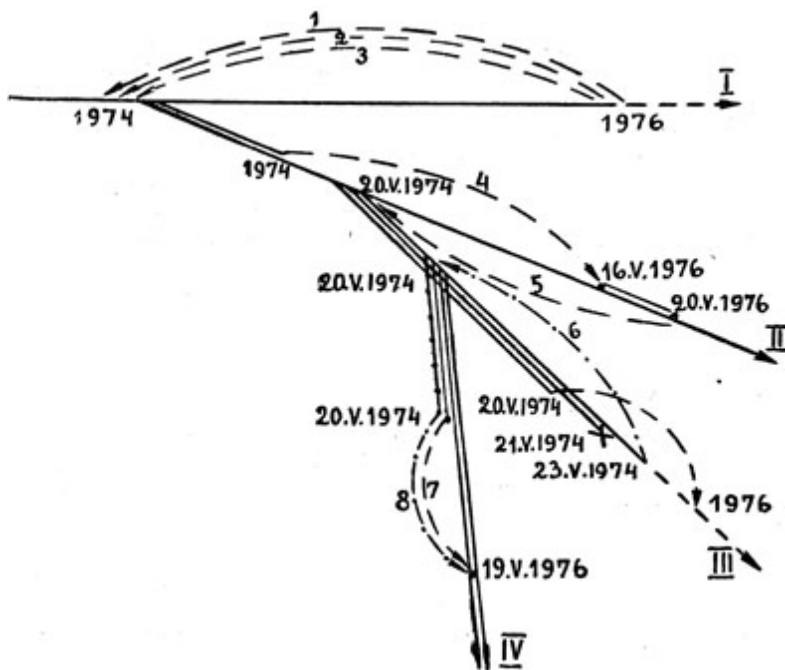
— А дужка номер 6 — это у тебя что? — спросил я. — По-моему, тут ты заврался...

— Это я, собственно говоря, не так реальный переход, как свой замысел изобразил, — откликнулся Аркадий. — Дальше: это вот линия III, «твоя» линия, которую породил мой переход номер 5. Тут нас с Аркадием опять двое. Его линия обрывается вот тут, где я крест поставил... А я перехожу в будущее. Это и есть эксперимент... — Он откашлялся. — То есть, как вы уже понимаете, я рассчитывал, что с момента моего первого перехода во времени моя судьба, моя «личная» мировая линия стала совершенно самостоятельной, изолированной от судьбы того Аркадия. Значит, если я выйду из камеры в том мире, где Аркадий Левицкий не существует с 1974 года... вот, я показал, что его нет, пунктиром... так начну здесь заново свою линию, то есть свою дальнейшую жизнь...

— Что и говорить, эффект был бы потрясающий, — заметил я. — Воскресший покойничек бодро выскакивает из хронокамеры, и жизнь начинается заново! А я тебе все подпортил...

— Пес с ним, с эффектом, — рассеянно ответил Аркадий, глядя на свой чертеж. — Ты лучше объясни, все я правильно изобразил или у тебя еще какие-нибудь тайны за пазухой имеются?.. Ну, высказывайся, не тяни! — И он перебросил мне прутик. — Я не изображал то, что ты натворил: сам отчитывайся!

— Тайны не тайны, а дополнить кое-что тут надо, не говоря уж о том, что ты действительно не изобразил ту линию, на которой мы в данный момент находимся... Не

изобразил, конечно, из зависти; небось ни на одной твоей линии нет такого шикарного комплекта — два Левицких плюс два Стружкова! — Я говорил все это, дорисовывая

чертеж Аркадия. — Вот линия III, где ты рассчитывал обосноваться начиная с 1976 года. И, наверное, на этой линии ты все проделал без помех... вот, я веду сюда пунктир... То есть на этой линии ты в 1976 году внезапно выскочил из хронокамеры и очень удивил этим своим поступком всех сотрудников Института Времени, которые твердо помнили, что два года назад присутствовали на твоих похоронах... — Тут я запнулся и не сразу смог продолжать. — Зато на этой линии с вечера двадцать третьего мая 1974 года отсутствует Борис Стружков. Потому что я... вот видите этот пунктир с черточками... я двадцать третьего мая 1974 года перешел в двадцатое мая того же года. Пока вы секретничали на лестнице, я забрал в лаборатории таблетки, вообще начал действовать, и обе ваши линии отклонились, а вместе с ними — линия присутствующего здесь моего двойника, который бездарно проторчал весь этот вечер в библиотеке.

— Да ведь ты тоже просидел весь вечер в библиотеке, сам признался! — завопил, обидевшись, Борис. — Это же нечестно!

— Он зато потом с лихвой наверстал! — сердито сказал Аркадий. — Будь ты трижды неладен, Борька! Ну просто ведь безобразие: мы такое серьезное дело затеяли, а этот попрыгунчик орудует за нашей спиной и все превращает в какую-то дурацкую комедию... Таблетки он, видите ли, хватает, никого не спросясь... Спаситель! Принесла тебя нелегкая!

Он меня все же сумел разозлить, и я не сдержался.

— Тебе я, конечно, карты спутал, — сухо проговорил я. — Ты себе подготовил мир со свободным местечком, а я тебя перебросил сюда, где твое место занято. Ничего, как-нибудь и здесь устроишься. Зато, я думаю. Борис спасибо мне скажет, что его Аркадий остался в живых. А тебе, видно, мало одного трупа...

Тут я глянул на Аркадия и осекся: он откинул голову на спинку скамейки, закрыл глаза и стал ужасающе похож на того Аркадия, которого я увидел утром двадцать первого мая на диване в лаборатории... такое же бледное, застывшее лицо, и по нему пробегают световые пятна и тени трепещущих листьев.

Аркадий открыл глаза и выпрямился.

— Ты прав, — глухо сказал он. — Прошу прощения. Продолжай.

Сможем мы когда-нибудь позабыть все это? Или каждый раз будем вот так беречь раны друг друга? Я был зол на себя... но ведь нужно время, чтобы привыкнуть... если вообще к этому можно привыкнуть...

— Ладно, продолжим. — Я опять начал чертить прутком по песку. — Значит, здесь отклоняются сразу четыре линии — две ваших, две наших. Все это вместе образует линию IV — или же мир IV, историю IV. Линии здешней... законной, так сказать, пары нормально тянутся к 1976 году, а мы с тобой, Аркашенька, в этом вот месте часов в восемь вечера один за другим прыгаем им вдогонку, словно кенгуру... Дуга номер 7: прыгает Аркадий Левицкий; дуга номер 8: прыгает Борис Стружков. А теперь объясни мне, Аркашенька, поскольку ты у нас гений и все понимаешь, — кто нам прыгать-то позволил?

— Что-что? — спросил Аркадий. — Кто нам...

Он не договорил. Он так и застыл с открытым ртом.

Я об этом все время думал, пока он вычерчивал свою схему. Как же так? Аркадию пришлось попросить своего двойника, чтобы тот в будущем включил камеру на возвращение. Мою камеру некому было включить, и поэтому, как только я отклонил мировую линию, глазок на пульте погас. Ну, а кто же тогда подготовил для нас хронокамеру в зале, да вдобавок включил автоматику не на один, а на два перехода? Кто этот таинственный благодетель?

Борис-76 тоже недоумевал.

— Я действительно не понимаю... — растерянно сказал он. — Ты никому не поручал, Аркадий? Ах да, ты же не мог...

— Почему это я не мог? — удивился Аркадий. — Я ведь сразу решил, что не останусь там. Значит, я должен был подумать, как обеспечить себе переход!

— Непонятно, как ты мог это обеспечить. Аркадия ты уже не мог просить...

— А тебя? — Аркадий торжествующе улыбнулся. — Тот Аркадий в записке должен был объяснить, что произошло, и попросить тебя, чтобы ты в 1976 году включил хронокамеру... Почем же я знал, что заварится такая ка-

ша: что исчезнет записка, начнется следствие и ты полезешь в прошлое выяснять отношения!

— Все это, положим, относится не ко мне, а к нему, — резонно возразил Борис, кивнув на меня. — Но дело не в этом. А вот что случилось с запиской? Борька, ты что-нибудь понимаешь?

Я ничего тут не понимал. Кто-то вроде заботится обо мне и Аркадии, включает хронокамеру для перехода. И в то же время кто-то крадет записку, без которой ужасающий эксперимент Аркадия теряет всякий смысл: остается факт смерти, без каких-либо объяснений. Можно подумать, что этот таинственный некто умышленно создал такую хитрую путаницу событий: сначала украл записку, чтобы заставить меня вернуться в прошлое и тем самым изменить мировую линию, а потом подsunул нам с Аркадием хронокамеру, которая перебросила нас вперед по этой новой линии... Но если так, то он находится здесь же, в этом мире, который обозначен линией IV на нашем рисунке. Если камера доставила нас с Аркадием сюда, значит, здесь она и была включена!

Аркадий, видимо, тоже проделал этот несложный расчет. Он нахмурил брови и решительно заявил:

— Все понятно! Он здесь! И я знаю, что это!

Ну, правильно, тут и гадать нечего... Только один человек знал, что происходило вечером двадцатого мая в институте. Он один знал не только об Аркадии, но и обо мне. Знал, что я случайно оказался в той же камере вслед за Аркадием...

— Борька, — быстро сказал я, — ну-ка, напряги память, вспомни, что было у вас с Аркадием после той ссоры!

Борис удивленно поднял брови.

— Ничего вроде не было... — медленно ответил он, припоминая. — Ничего такого особенного. Работали по-прежнему... Я не знаю, что тебя интересует.

— Его интересует, — вмешался Аркадий, — рассказывал тебе твой Аркадий что-нибудь о том вечере... о двадцатом мая?

— Нет... ничего... Сами понимаете, я бы тогда все знал.

Ну, правильно. Но как это могло получиться, что Аркадий ничего ему не сказал? Прикинем. Аркадий вернулся в лабораторию — таблеток нет. Он начал искать, ничего не нашел, растерялся, потом... потом он бросился в зал... Зачем?

— Зачем он побегал в зал, хотел бы я знать! — пробормотал Аркадий.

И тут меня осенило.

— Слушай, ты рассказывал ему о своем уговоре с тем Аркадием... ну, который включил тебе камеру на линии II? — спросил я.

Аркадий нетерпеливо пожал плечами.

— Чего мне было ему рассказывать? Это был тот же самый Аркадий, и он помнил все, что произошло при первой нашей встрече, включая уговор о камере. Он ведь только после второй встречи перешел на линию III.

— Ах да, — сконфуженно согласился я, глядя на чертеж. — Ну, тем более! У меня вот такая идея. Когда этот Аркадий увидел, что таблетки исчезли, он, видимо, решил, что цепь событий изменилась, и что ты теперь, попав снова в будущее, уже узнал об этом, и что, может быть, ты включишь оттуда ему камеру, чтобы вы могли встретиться и объясниться.

— Возможно, — согласился Аркадий. — Вполне возможно. А вместо пустой камеры он увидел тебя? Представляю, как он удивился!

— Он скорее всего подумал, что это «его» Борис, ну ты, Борька... Что ты почему-то вернулся в институт, забрал таблетки и каким-то образом попал в камеру...

— И камера эта прямо у него на глазах куда-то утащила Бориса! — закончил Аркадий. — Однако утром Борис преспокойно является на работу и намертво молчит о вчерашнем... Действительно, ситуация! Ведь он даже и спрашивать Бориса ни о чем не решался: что, если в хронокамере был какой-то другой Борис, а этот ничего не знает?

— Я-то спросил бы, рано или поздно, — заметил я. — Но Аркадий Левицкий на такой риск не пойдет: а вдруг он окажется в смешном положении!

— Постойте, братцы! — вмешался Борис. — Что Аркадий мне не сказал ничего, это я понимаю, это он дейст-

вительно из самолюбия... Но почему он сам-то обо всем этом вроде позабыл? Он ведь лучше Бориса знал, что перемещение возможно. Почему же Борька немедленно взялся даже за абсолютно самостоятельные расчеты, а он все эти два года ничего не делал? И потом... Аркадий, он твои расчеты знал?

— Знал! — ответил Аркадий. — Ну, не в деталях, но основные формулы я ему написал заранее, принес с собой. Таблетки выложил на стол, а сверху — листок с расчетами. Он ведь должен был их тебе оставить, вместе с запиской, я же говорил...

Меня вдруг словно кипятком обдало. Я вспомнил, как в лаборатории стукнул со злости кулаком по столу... по листу бумаги, как обнаружил под ним пакетики и забрал их... завернул в этот листок, чтобы они не рассыпались, сунул в карман...

Руки меня плохо слушались, но я все же полез во внутренний карман, достал сверток с пачечками, развернул... Формулы, схемы...

— Вот... — пробормотал я, протягивая листок Аркадию. — Вот... наверное, я даже не заметил...

Я стоял, как дурак, с листком в одной руке и горстью пакетиков в другой. Два пакетика упали на землю. Аркадий нагнулся и поднял их, а потом сгреб у меня с ладони остальные.

— Пригодится, — сказал он, пряча пакетики в карман. — Вряд ли у меня сон улучшится после всех этих прогулочек во времени... А теперь хватит разговоров. Пойдемте, ребята!

Мы не спрашивали куда. Ясно было, что нам необходимо найти здешнего Аркадия.

У выхода из сквера Борис приостановился.

— Братцы, — смущенно сказал он, — пожалуй, лучше я один схожу. Может, он еще и не явился в институт, что ж тогда... Словом, вы меня тут подождите! Я моментально выясню и вернусь.

И он быстро зашагал к институту.

Аркадий прислонился спиной к ограде, достал сигарету, закурил.

— Кстати, — спросил он, внимательно изучая кольца дыма, — это ты небось ломился вчера вечером в мою квартиру? Нигде от тебя покою нет!

— Квартира вовсе не твоя, — мстительно сказал я. — Ты незаконно влез туда. Вот и пришлось тебе сломя голову удирать через черный ход. А не лазь без спросу к своим двойникам, не лазь!

— «Без спросу»... А тебя кто просил туда лезть? Нахально занял комнату Левицкого, а Левицкий, значит, почувуй в сквере на скамейке?!

— Ага! — Я сочувственно покачал головой. — То-то Левицкий таким хриплым голосом спрашивал утром по телефону Левицкого! Простудился в сквере. И мозги, видно, отсырели за ночь. Неужели нельзя было как-то остроумней намекнуть своему двойнику о себе? И вообще вел ты себя нелепо!

Аркадий вдруг обиделся.

— Нелепо! Скажите пожалуйста, какой умный! А что мне было делать? Я, как понял из слов Макарыча, что мое место здесь занято, так сразу отправился к двойнику выяснять отношения: почему он сорвал эксперимент? Гляжу — нет его дома. Я пробрался потихоньку, в последнюю минуту проскочил; только я в комнате очутился, слышу — Анна Николаевна вышла, дверь на все запоры закрывает. А Аркадия нет как нет. Я уж начал дремать, вдруг слышу — условный звонок! Аркадий так звонить не станет, он просто будет дозваниваться погромче, чтобы Анна Николаевна открыла. Значит — здешний Борис. А мне с ним, сам понимаешь, ни к чему было встречаться, не повидав Аркадия. Ну, я, естественно, хожу из квартиры. Засел в скверике, жду. И он не выходит, и Аркадий не идет. Ждал я, ждал, потом примостился кое-как на скамейке и часа два-три поработал над собой... Ругал я этого Бориса последними словами, конечно, — чего ему дома не спится и не сидится! Утром звоню. Ты говоришь, почему я именно насчет снотворного напомнил? Да потому, что это — наверняка! Ему эти таблетки на всю жизнь запомнились, можешь не сомневаться! Но когда я в сквере опять увидел Бориса, я ему чуть морду не набил: ну чего он у меня все время под ногами толчется! И Аркадий куда-то провалился...

— Слушай, ты в самом деле думаешь, что камеру отправил за нами в прошлое здешний Аркадий? — спросил я.

Аркадий пожал плечами.

— А кто же еще? Он один все знал. Ну, расчетов у него не было, оказывается, но за два года он их вполне мог восстановить, принцип-то был ему известен... Про меня и про тебя знал тоже он один. Особенно про тебя. Никому другому и в голову не пришло бы включать автомат на двукратное возвращение! Нет, это-то дело ясное! Я вот чего не пойму — куда записка девалась?

Я со вчерашнего дня об этом думал, но все как-то мимоходом, а теперь вдруг ясно ощутил недостающее звено... Я устоял на асфальт тротуара, словно видел на нем веер расходящихся мировых линий, а среди них еще одну, никем из нас не вычерченную, не замеченную... У меня дыхание перехватило.

— Аркадий, — с трудом заговорил я, — ты помнишь, я рассказывал, что меня будто бы видели в одиннадцать вечера в лаборатории?

Аркадий нахмурился, стараясь сообразить.

— Ты думаешь, был еще один? — после паузы сказал он.

— Понимаешь, я ведь включил свою камеру на автомат... — начал я.

Я брел почти вслепую, пытаюсь воссоздать ход событий, которых не видел и не увижу.

Но сейчас мне казалось, что я вижу... В лаборатории темно. Входит человек и зажигает свет. Он видит лежащего на диване Аркадия. Почему-то начинает расхаживать по лаборатории, с минуту стоит у окна, о чем-то раздумывает. Потом поспешно выходит из лаборатории, куда-то идет по боковой лестнице. Возвращается. Берет листки из записной книжки. Замечает мою камеру, зеленый глазок на пульте, подставку. Удивленно смотрит на все это, идет к камере. Входит внутрь, не зная, что камера послушно ждет, пока в нее ступит человек... любой человек, чтобы автоматически закрыться и бросить этого человека на три дня вперед... Туда, где меня — а теперь уже его — ждут объяснения с Линьковым и с Ниной... И похороны Аркадия...

Человек, который взял записку Аркадия... Человек, которого Нина видела в окне лаборатории, а Ленечка Чернышев — в коридоре... Борис Стружков... Еще один Борис Стружков!

— Я что-то не пойму, откуда он мог взяться? С какой линии? — медленно проговорил Аркадий.

— А я тебе объясню. После линии II не сразу возник «мой» мир, который мы обозначили на схеме цифрой III. Была еще одна, промежуточная линия. И вот откуда она получилась. Аркадий оставил записку... Утром ее нашли. Борис тоже ее прочел и расчеты твои видел. Он, наверное, не стал долго раздумывать, а сразу решил, пользуясь твоими расчетами, ринуться в прошлое.

— Тоже меня спасать? — жалобно спросил Аркадий.

— Вероятно, — согласился я. — Ну, а почему он появился так поздно и почему он не спас Аркадия, этого я не знаю. Одно несомненно: он почему-то — конечно, не по злему умыслу — взял записку, шагнул в камеру и... его швырнуло в двадцать третье мая уже на «моей» мировой линии. Он попал туда вскоре после того, как я отбыл в прошлое. Не позже чем через час. Задержись я немного, и мы бы встретились...

— Ну, это положим, — сказал Аркадий. — Ты ведь сначала должен был привести камеру в прошлое и оставить ее там включенной. Иначе как он мог бы ею воспользоваться?

— Да, верно, это я ляпнул... Но все равно факт остается фактом: он забрал записку, утром двадцать первого в лаборатории нашли труп... и началась история. Ну и свинью он мне подложил!

— Ты ему неплохо отплатил! — усмехаясь, сказал Аркадий. — Ни за что ни про что вышвырнул человека в чужое будущее.

— Да... И вдобавок в будущее весьма каверзное, — признался я с искренним огорчением. — Разговоров там не оберешься! Как примется за него Линьков...

И тут мы увидели, что к нам идет Борис, вернее, бежит.

— Видал? — сказал Аркадий. — Борис явно накликал беду: все жаловался, что линия у него захолустная и неинтересная... Эй, Борька, что произошло?

Борис задыхался не так от пробега, как от злости.

— Читайте, вот! — буркнул он и сунул Аркадию надорванный конверт.

Аркадий вытащил из конверта аккуратно сложенные тонкие листки бумаги.

— А почерк-то мой! — с интересом сказал он. — Это что же... расчеты?.. А, вот и записка... Ну, братцы! И этот Левицкий туда же!

— В прошлое? — с ужасом спросил я.

Борис-76 сердито махнул рукой.

— Ну да... Ему, видите ли, захотелось срочно исследовать окрестности точки разрыва на мировой линии! Ты, Аркадий, небось говорил с ним на эту тему?

— Было дело, — пробормотал Аркадий, читая листки. — Беседовали мы об этом, как же... А расчеты-то у него получше моих... Он и твою идею нащупал, смотри, Борька!

Я посмотрел. Да, этот Аркадий сделал следующий шаг, вслед за своим двойником и за мной.

— Ну видишь, я был прав! — обрадовался Аркадий. — Это он включил камеру! Он пишет — слышишь, Борька! — что перед уходом включит камеру в зале на двукратное возвращение из 1974 года... Ого! «Для людей, один из которых спас мне жизнь, а другой дал ей подлинный смысл. Для самых близких мне людей». Смотри ты, какую лирику разводят на этой спокойной линии!

Борис-76 уже остыл немного.

— Дурацкая история с этим письмом, — сказал он печально. — Аркадий его на своем столе оставил, а я даже не поглядел ни разу на его стол. Только теперь подошел — думаю, может, он приходил, записку оставил... и вижу...

— Ребята, — сказал Аркадий, поднимаясь, — а чего мы, собственно, тянем? Пошли выяснять отношения с начальством и вообще... Никуда от этого не денешься, так уж лучше сразу!

Когда мы подошли к проходной, Борис-76 замедлил шаг.

— Ой, что будет сейчас, что будет, ребята! — с ужасом и восхищением прошептал он. — Так и попадают все!

— Ничего, поднимутся! — заверил его Аркадий. — Хронофизики — народ крепкий, они выдюжат!

И, распахнув дверь проходной, он громогласно заявил:

— Всем Стружковым — зеленую улицу! Шагайте, братцы!

Валя Темин задает вопросы

Без четверти девять чистый и выбритый Линьков явился в отдел и принялся выгружать из ящиков стола все свое нехитрое хозяйство. Без семи девять он уже завязывал те-семки последней папки. Без шести девять на пороге появился Савченко. Еще через три секунды, сообразив, чем занят Линьков, Савченко спросил:

— Закончил-таки дело? Видишь, а ты специфики боялся!

Линьков хотел было ему объяснить насчет специфики, но не успел — дверь опять распахнулась, пропуская Темина.

— Ага, ты здесь! — радостно воскликнул тот, зайдя Линькова. — Слушай, что мне сейчас Эдик выдал — будто у них там один не то к потомкам сиганул, не то вообще сквозь время провалился! Ты не слыхал?

— Слыхал, — мрачно подтвердил Линьков. — Он вообще-то хотел сигануть, понимаешь, но не рассчитал, вот и провалился...

— Как же это его угораздило? — сочувственно спросил Савченко. — Не ушибся, когда проваливался?

— Ты вот шутишь, — сказал Темин, проявляя неожиданную проницательность, — а дело не шуточное! У них там для опытов специальные поля оборудованы, понял? Вот он через поле и провалился. Верно, Линьков?

— Угм, — сказал Линьков, удивляясь теминской осведомленности.

— Ну, если через поле, тогда конечно! — Савченко демонстративно вздохнул. — Поле — оно не перина.

— Безусловно, не перина! — снисходительно разъяснил Темин. — Поле, оно от тока получается, понял? А у них там токи будь здоров! Как шибанет, никакого тебе крематория не потребуется!.. Слушай, а его нашли? —

вдруг спросил он. — Этого, который провалился? Живой? Чего рассказывает?

— Нашли, а как же! — заверил Линьков. — Живой. Говорит, позавчера погода отличная была, хоть загорай!

— Ну-у! Это я и сам знаю, что позавчера было! Он бы мне про позлезавтра рассказал! Открыл бы, к примеру, какой номер по лотерее «Москвича» выиграет...

— Если ты будущим так сильно интересуешься, могу кое-что тебе открыть, — сказал Савченко. — Линьков завтра в отпуск идет!

— Ну, неужели? — возопил Темин. — Кончил, значит! А, Линьков? Что же ты молчишь? Рассказывай!

— Да я уж рассказывал... — попробовал возразить Линьков. — Ивану Михайловичу я все рассказывал, даже язык опух.

— А нам-то? — взвыл Валентин. — Товарищам по работе! В порядке обмена опытом!

Линьков тяжело вздохнул и принялся излагать на популярном уровне историю своих приключений в дебрях хронофизики. Время от времени он поглядывал на своих слушателей и с удовлетворением убеждался, что вид у них обалдевший.

— ...Ну вот, значит, пожал я ему руку и спросил: «А как там — у вас! — Коновалов поживает?» — сказал он в завершение, специально для Валентина.

— Это где же «у них»? — помотав головой, спросил тот. — Во вчерашнем дне, что ли?

— Как это — во вчерашнем? — с деланным удивлением ответил Линьков. — Все ты, Валентин, перепутал. Я ж тебе только что объяснил, что он к нам с другой мировой линии пожаловал, из другого мира... Мир этот такой же, как наш, только события там происходили немного другие...

— Туманно ты очень излагаешь... — вздохнул Темин. — У Эдика я все понимаю, а у тебя даже что знал, и то перестал понимать. Прыгают эти твои Левицкие и Стружковы как угорелые, аж зло берет! Хорошо, хоть одного кокнули! — злорадно заявил он вдруг. — Допрыгался!

— Дошел ты, Валя, — огорчился Савченко, — уже радуешься, что человека кокнули...

— Нет, вы в меня хоть стреляйте, — энергично заявил Темин, — а я не понимаю, откуда этот второй Левицкий взялся! Он же умер! Его вскрывали! Это что же будет, если покойники вскакивать начнут?! Никакая прокуратура не справится!

— Серый ты человек, — укоризненно сказал Линьков. — Умрешь вот от серости, и даже вскрытия не потребуются, чтоб определить, от чего умер. Я же говорил — из будущего он! Как только он в прошлое попал, так от своего двойника полностью отделился, стал самостоятельным — вот и остался жив... Понял?

Валя вникал, напряженно морща лоб.

— Ни черта я не понял! — признался он наконец чистосердечно. — Вроде тараканов...

— Каких тараканов? — неимоверно изумился Савченко.

— Двойники эти... — Темин неопределенно и брезгливо пошевелил пальцами в воздухе. — Ползают во все стороны, а где который, не разберешь... Ну ее, эту науку! Недаром Эдик к нам переходить собирается.

— Как же он может переходить, — укоризненно заметил Савченко, — когда, сам знаешь, на нем весь институт держится? Неужели мы допустим, чтобы такое ценное научное учреждение рухнуло из-за того, что твой Эдик провяляет безответственность! Да ты что, Валентин!

Валентин временно онемел, потрясенный этими справедливыми упреками, а Савченко обратился к Линькову:

— Слушай, Александр, ты-то как во всем этом разобрался? Неужели же сам?

— Где там... Целая бригада хронофизиков меня вытаскивала, а то конец бы мне! Это я сейчас такой герой... Ты бы на меня вчера посмотрел! В голове сплошная каша, версии — одна другой путаней...

— Ничего удивительного, — сочувственно сказал Савченко.

— Даже не понимаю, как ты на ногах держишься! — серьезно проговорил Темин. — Я тебя сейчас слушал минут двадцать, не больше, и то, чувствую, все извилины у меня в мозгу перепутались. У тебя ж там одних Левицких чуть не полдюжины, а Стружковых — вообще навалом! Да разве в них разберешься, когда они плодятся со страш-

ной силой! Как кролики! — Он с отвращением махнул рукой.

— А мне вот пришлось разобраться, — сказал Линьков, упаковывая свои папки, — по долгу службы... Да, в общем-то, разобраться все же можно, это ты преувеличиваешь. Например, как я обнаружил того Левицкого, что из будущего явился? Тут главное было в том, что Стружков, дай ему бог здоровья, отправился в прошлое, и я поэтому вдруг осознал, что уже сейчас можно передвигаться во времени. А тогда, значит, возможно также встретиться с самим собой. Усвоив это, я сообразил, что все странности в деле Левицкого, все противоречия преотлично объясняются, если учесть такую возможность. Все становится понятно: откуда взялся человек в запертой лаборатории, и почему Левицкий с Берестовой говорил как-то невпопад, и почему костюм на нем был при этом какой-то странный. Ясно, что это был другой Левицкий. Теперь: откуда он мог появиться? Конечно, из будущего! Ведь до перехода Стружкова во времени никто и не думал всерьез о хронопутешествиях. Из какой хронокамеры он вышел? Ясно, что не из лабораторной, раз он шел по лестнице, а «наш» Левицкий сидел в запертой лаборатории и ждал его. Откуда же он шел? Я начал это выяснять, добрался до зала хронокамер, и оказалось, что одна камера там вполне закончена и отлажена. Вдобавок я возле этой камеры нашел спичечный коробок с этикеткой 1976 года — это уж просто повезло!.. Так что видите: никакой тут мистики — одна логика и законы физики...

— Мистики, может, и нету, но морально все равно тяжело, — признался Савченко. — А со вторым Стружковым как же?

— Тут я совсем уж запутался... — смущенно улыбнулся Линьков. — Он мне говорит, что выходил из камеры, а я одно про себя повторяю: «Не может быть!» Потому что я твердо знаю, понимаешь, что если Стружков вышел из камеры да еще записку забрал, то в наш мир он вернуться не может. А он тут как тут, сидит передо мной! Смотрю я на него и твержу, как попугай: раз он с нашей линии сошел, значит, на другую линию попал; с нашей сошел — на другую попал... А всего-то и нужно было — перевернуть этот

самый тезис: раз он на нашу линию попал, значит, с другой линии сошел!

— Ну и что? — тупо спросил Темин, потирая лоб. — Сошел — попал, попал — сошел... Говори ты ясно, прошу тебя!

— Да я же и говорю ясно! Понимаешь, он на нашу линию попал, потому что со своей сошел и к нам пришел!

Темин ошалело посмотрел на Линькова, сморщился и хрипло пробормотал:

— Значит, который попал, он сначала сошел... а потом пришел. Сошел... пришел... дошел... — Он медленно поднялся, хватаясь за стул.

— Ты что, Валентин? — заботливо спросил Савченко. — Перенапрягся? Глаза у тебя какие-то нехорошие стали...

Темин молча помахивал головой, словно бык, оглушенный ударом.

Линьков поглядел на часы:

— Ну, мне еще в бухгалтерию надо явиться, отпускные получить. Я пошел...

По коридору навстречу ему решительно шагал смуглый широкоплечий парень.

У Линькова сразу похолодело в груди.

— Александр Григорьевич, — радостно сказал Борис Стружков, — как хорошо, что я успел вас застать! Там у нас в институте кое-что случилось... Нет, нет, это уже абсолютно другое дело!

*О фантастическом детективе,
о свойствах времени,
о двойной логике и о многом другом
(Вместо послесловия)*

Оканчивая эту книгу, авторы и не помышляли о послесловии. Но вскоре они поняли, что без послесловия не обойдешься.

Дело в том, что авторы, естественно, хотели узнать мнение своих героев о книге, и поэтому попросили их ознакомиться с рукописью романа. А потом состоялась беседа за чашкой кофе. И после этой беседы авторам пришлось заново продумать некоторые проблемы.

Беседа была вполне дружеской по тону. Кроме того, главные наши герои — Борис Стружков (тот, что оказался на нашей мировой линии) и следователь Линьков (который все время на ней находился) — в общем и целом одобрили написанное. Сказали, что все изложено точно и добросовестно, особых промахов ни по части хронофизики, ни по части юриспруденции не имеется, и домыслы тоже выглядят достаточно логично и убедительно. Однако рукопись прочли не только они. В Институте Времени вслед за Борисом, Ниной Берестовой и Леней Чернышевым с ней ознакомились еще человек десять. И у Линькова выпросили рукопись не только Валя Темин и Савченко, но и некоторые другие сотрудники прокуратуры. Далее Эдик Коновалов до нее добрался — Валя Темин по старой дружбе ему помог (иначе не видать бы Эдику рукописи: из института ему пришлось таки уйти, а в прокуратуру не пришлось пойти, и работает он в одном малопримечательном учреждении, твердо веря, что это временно и что впереди его ждут вели-

кие дела). В беседе с авторами участвовали, правда, только Борис, Нина и Линьков, но они изложили высказывания всех прочих.

Некоторым читателям роман понравился. Однако хвалили они его примерно в том же духе, что Борис и Линьков, — за добросовестность в передаче фактов. Но об этом могли судить в основном сотрудники Института Времени. Разногласия же возникали по другим поводам.

Ясно было, что уже сам подзаголовок — «Фантастический детектив» — рождает споры. Одни говорили, что для детектива тут слишком много науки, это тормозит действие и вообще с трудом воспринимается (Валя Темин, например, признался Линькову, что он, хоть и очень старался, так и не понял всех этих прыжков с линии на линию и читал через силу). Другие (в основном хронофизики) заявляли, что тут, собственно, фантастики почти нет; то есть до переходов Левицкого и Стружкова это безусловно была фантастика, но теперь... И почти все спрашивали: а что такое вообще фантастический детектив?

Авторы понимали, что все эти возражения имеют вполне реальную основу. И что вопрос тоже вполне закономерен. И что такие вопросы и возражения возникнут у многих читателей, а поэтому лучше заранее ответить на них, хотя бы частично, и объяснить читателю, почему эта книга написана так, а не иначе, и об этом, а не о чем-либо другом.

... Один из нас с юности мечтал написать детектив. И доказать тем самым, что Российская земля может рождать не только собственных Платонов и Невтонов, но и собственных Сименонов. Но почему-то эти мечтания никак не осуществлялись, и он пока что писал фантастические романы.

Другой, напротив, мечтал о фантастике. Он ложился спать с мечтой о фантастическом романе и вставал с нею же. Но дальше мечты у него дело почему-то не шло. Может быть, потому, что все свободное время он тратил на чтение детективов.

Понятно, что когда два эти энтузиаста решили написать роман совместно, перед ними сразу же с необычайной остротой встала проблема — что писать? Детектив или фантастику? Фантастику или детектив?

И вот, когда все аргументы с обеих сторон были уже исчерпаны и обе стороны порядком охрипли от долгих споров, одному из антагонистов пришла в голову спасительная мысль.

«Чего мы спорим? — воскликнул он. — Ведь что такое детектив? Детектив — это такая книга, где есть загадочное преступление и есть следователь, который это преступление анализирует. А в связи с этим возникает цепь логических рассуждений».

«Правильно! — воскликнул его оппонент, на лету ухватив мысль. — А что такое фантастика? Фантастика — это такая книга, где есть какое-то невероятное событие и есть ученый, который это событие анализирует. А в связи с этим возникает цепь логических рассуждений...»

И будущие соавторы радостно улыбнулись друг другу.

Им все стало ясно: они напишут фантастический детектив!

...Для того чтобы доходчивей ответить на вопрос, что такое фантастический детектив, мы начали подыскивать его конкретные образцы в литературе. Это оказалось делом отнюдь не легким.

Мы, конечно, знали, что фантастический детектив — это жанр редкий, но не предполагали, что до такой уж

степени! Ни у нас, ни за рубежом этот жанр явно не пользовался широкой популярностью среди писателей. Даже подходящие примеры для иллюстрации трудно было подыскать. В конце концов мы решили, что из всего обнаруженного наиболее соответствуют нашим интуитивным представлениям о том, как должен выглядеть фантастический детектив, романы Айзека Азимова «Стальные пещеры» и «Нагое солнце».

Здесь было все, что положено в детективе: труп на первых же страницах, следовательно, загадка, логические рассуждения. И все здесь было так, как положено в фантастике: общество будущего, космические ракеты, мыслящие роботы, планеты дальних солнц. Преступление было неразрывно связано с фантастическим открытием, расследование убийства переплеталось с научным поиском...

За время работы над романом мы хорошо поняли, почему этот замечательный жанр так скудно представлен в литературе.

Дело в том, что когда пишешь фантастический детектив, приходится следовать двойной логике.

Ведь герой детектива раскрывает преступление и находит преступника на основе анализа фактов и строгих логических рассуждений. Из малозаметных, второстепенных деталей он строит сложную и хитроумную цепь догадок, которые в конце концов помогают воссоздать подлинную картину происшествия. Своим успехом он обязан аналитическим способностям человеческого разума.

В фантастике герой попадает в необычные, странные, иногда страшные условия, и главным его оружием опять-таки являются логические рассуждения. Сопоставляя события, обстоятельства, детали, он постепенно, шаг за шагом, приходит к пониманию сущности проис-

ходящего, совершает научное открытие или просто находит необычный, но логически обоснованный выход из предложенной необычной ситуации. И своим успехом он тоже бывает обязан аналитическим свойствам нашего разума.

В фантастическом детективе действует двойная логика. Ведь преступление здесь непременно связано с каким-то фантастическим научным открытием. Поэтому следователь вынужден тут рассуждать как ученый, а ученый — как следователь.

Но нам это нравилось. Оба мы питали пылкое (вероятно, врожденное) пристрастие к строгим логическим рассуждениям. Разница была только в конкретном подходе к делу. Один из нас был уверен, что строго научное мышление — это мощный инструмент, пользуясь которым можно разобрать на детали и снова воссоздать даже самую сложную и хитроумную конструкцию преступления, и что поэтому главный герой должен быть ученым. Другой, напротив, полагал, что если у человека аналитический склад ума и если этот человек находится, так сказать, на уровне задач эпохи, а к тому же профессионально натренировался в раскрытии преступлений, то ему нипочем даже архисложные научные и научно-фантастические загадки и загадки. А поэтому главный герой должен быть следователем.

Будущие соавторы оказались удивительно твердыми в своих убеждениях. Правда, каждый из нас втайне считал, что тверд только он, а другой просто твердолюб. Однако в конечном счете мы пошли на компромисс.

Мы решили, что у нас будут два равноправных главных героя. Один будет ученый, а другой — следователь. И они будут соревноваться в разгадывании как самого преступления, так и его научной подоплеки. Мы поставим их в одинаковые условия, вооружим одинаковым

знанием фактов и поглядим, кто из них раньше придет к финишу. Чтобы никто из них не имел форы, мы решили, что каждый получает право на очередной ход только после хода другого.

Так сама собой определилась необходимость чередовать главы «хронофизические» с главами «следовательскими».

Право первого хода было решено жребием. Все остальное зависело уже от того, как поведут себя герои.

И вот когда все было решено и оставалось только садиться за письменный стол, мы вдруг увидели, что забыли некую, довольно существенную деталь.

Мы забыли придумать само преступление!

Законы избранного нами жанра требовали, чтобы преступление совершалось с применением научно-фантастических средств. Очень соблазнительно было совершить преступление руками человекоподобного робота, но мы вовремя спохватились: это уже было у Азимова.

Впутывать в детективную историю Пришельцев нам казалось неудобным: дело-то будет все же частное, не глобального масштаба. Две классические ситуации научной фантастики, таким образом, исключались. Дальше, естественно, следовало прикинуть ситуацию никак не менее классическую, не менее традиционную, чем обе предыдущие, — путешествие во времени!

Произнеся эти слова вслух, мы радостно переглянулись: перед нами словно забрезжил дальний свет, обещающий выход из подземного лабиринта. Так оно и было в конечном счете, только добрались мы до этого выхода с величайшими трудностями, хоть он и маячил все время перед глазами.

Трудности начались уже на первых шагах, но это еще были цветочки, даже бутончики по сравнению с дальнейшим...

— А ведь здорово может получиться! — с восторгом сказал один из нас. — Представляешь: перешел человек в прошлое, там пристукнул кого-то — и сейчас же назад. Вот и разберись тут! Это ж действительно «идеальное убийство» получится!

— Ну да! — возразил другой. — С какой же это стати наши потомки, хорошие, положительные ребята, будут вытворять такие штучки! Из любви к искусству, что ли?

— Почему из любви к искусству? По необходимости, конечно... Например... Ну, допустим, они научный эксперимент проводят!

— Хорош эксперимент, при котором надо людей убивать! Что же это за наука такая появится в будущем, по-твоему?

— Да ты что! Это не только в будущем, а и в прошлом бывало, — азартно защищался первый. — Например, врачи себе чуму прививали...

— Так ведь себе, а не кому-то другому! — возразил было второй и вдруг осекся.

Мы оба замолчали и понимающе посмотрели друг на друга.

— Вот именно, — заговорщически прошептал один из нас, — пускай он сам себя... это самое... ну, пристукнет!

— Правильно! — горячо поддержал его другой. — Вот это идея!

Так была решена судьба Аркадия Левицкого (хотя в ту минуту ни мы, ни он еще не знали, что его зовут Аркадием). А заодно — и судьба романа в целом. И судьба соавторов на ближайшее будущее.

Судьба эта оказалась отнюдь не легкой. На смену цветочкам пришли ягодки. Много их было, досыта мы их наглotalись!

О путешествиях во времени до нас писали десятки и сотни авторов, и этого нельзя было не учитывать, принимаясь за работу. Мы сразу решили: наш роман будет отличаться от всех прочих повествований о путешествиях во времени тем, что он будет абсолютно реалистичным.

Но как это возможно — написать реалистический роман о заведомо фантастическом событии?

А вот как. Пускай идея, лежащая в основе сюжета, абсолютно фантастична. Но все следствия из нее мы выведем с предельной научной строгостью. Все возникающие возможности проследим в абсолютном соответствии с логикой. Никаких обманов, никаких передержек и фокусов за спиной у читателя! Если логика приводит к выводу, что человек, однажды убитый, должен воскреснуть, мы не будем стыдливо закрывать глаза и делать вид, что он все-таки умер. Нет, мы честно признаем суровую правду: да, воскрес! И не только признаем, но и покажем, почему, на каком научном основании это неизбежно должно было произойти.

Мы дали себе слово быть предельно придирчивыми к каждой детали, быть последовательными и непротиворечивыми, объяснить все, обосновать все, доказать все, до последнего разветвления самой распоследней мировой линии, и ничего себе не облегчать, ничего не писать такого, чего по логике не может быть.

Если б мы знали тогда, на что обрекаем себя! Сколько раз, запутавшись в головоломных противоречиях временных парадоксов, мы жаждали махнуть рукой на честность, слегка подтасовать факты, перебросить героя туда, куда нам удобнее, а не куда ему положено по зако-

нам хронофизики, или, пренебрегая логикой, ввести в действие деталь, которая обеспечит эффектнейший сюжетный поворот в конце главы! Сколько раз один из соавторов говорил с тоской: «Ну не могу я больше! Как теперь написано, так пускай уж и остается! Хватит менять!» А другой отвечал сурово, воплощая голос судьбы и долга: «Нельзя! По логике не проходит! Уважай читателя, такой-сякой!» И мы вычерчивали схему за схемой и ломали голову, силясь решить бесчисленные каверзные вопросы, возникающие по ходу действия. Например: с каким своим двойником встретится «Аркадий-путешественник» при втором переходе в прошлое, — с тем же, с которым он разговаривал в прошлый раз, или это будет уже другая мировая линия и другой двойник? Или: каким образом Аркадий и Борис перешли в будущее, если на новой линии, куда их внезапно перебросило, они не могли подготовить для себя в будущем включенную хронокамеру? И так далее, и тому подобное — до самой последней страницы.

Как мы завидовали беспечным и щедрым авторам, которые, ничтоже сумняшеся, снабжали своих героев всем, чего их геройская душа пожелает! Срочно потребовалась хронокамера нате, голубчики вы мои, вот она!

А что хронокамера не может здесь появиться, что это противоречит всей логике повествования, — велика важность! Читатель в этом не разберется, читатель все проглотит!

Но мы хотели, чтобы читатель все понимал, во всем разбирался и верил нам не слепо, а обоснованно. Поэтому мы старательно посвящали его во все тайны хронофизики — пускай глядит и убеждается, что у нас нигде нет подвоха!

Логика нас терзала, но она же нас и выручала, Сколько раз мировые линии открывали нам то, чего мы

сами не ожидали! Однажды открыли даже, что мы потеряли одного героя! Нам и в голову не приходило, что он существует, но чертежи беспристрастно свидетельствовали — вот он, еще один Аркадий! И пришлось нам соображать: что же он помнит, что пережил? А когда сообразили — ахнули: стоит ему открыть рот, и все тайное станет явным, и нечего будет делать всем остальным героям. Пришлось срочно придумывать, как его обезвредить, чтобы он не заговорил!

В другой раз мы увидели, опять-таки с помощью чертежей, что пропустили целую мировую линию — линию «промежуточного Бориса». И снова мы колдовали над схемами, выискивая там вакантное место еще для одного Стружкова и рассчитывая до мельчайших деталей все его действия и слова...

И каждый шаг приходилось объяснять — и читателям, и самим себе, и героям... Да, мы с горечью признаемся, что наши герои далеко не всегда оказывались на высоте положения! Они то и дело запутывались в паутине мировых линий, забывали, кто есть кто, где есть где и когда есть когда. Помощи от них ждать не приходилось! А соавторы и сами частенько сбивались с толку и растерянно спрашивали друг друга: «Слушай, это который же Аркадий?», или: «А этот Борис откуда еще взялся?»

В конце концов мы решили приложить к роману наши рабочие чертежи, чтобы читатели могли по ним сверяться и ориентироваться, блуждая по лабиринту времени вслед за героями.

Теперь роман стал уж окончательно непохож на все известные нам произведения о путешествиях во времени. Обычная процедура следствия — и вспышки прозрачного пламени в хронокамере; бытовые разговоры о загородных прогулках и магнитофонных записях — и

веера мировых линий на чертежах, ветвящиеся всё новыми отростками; Борис Стружков беседует со следователем, с товарищами по работе, с институтской буфетчицей — и тот же Борис общается с недавно умершим другом и со своим двойником... В сочетании все это показалось нам настолько причудливым, что мы, признаться, встревожились, когда заново проглядели подряд всю рукопись. Даже под ложечкой начало весьма неприятно сосать. Что же это мы такое написали, в конце-то концов? Фантастический роман — или научный трактат? Детектив — или задачник по хронофизике?

Поразмыслив, мы решили, однако, что нас тут смущает прежде всего непривычность, непохожесть на прежнее. А от этого куда денешься? Фантастический детектив, как уже говорилось, сам по себе явление достаточно редкое, а тут представлена вдобавок некая, совсем уж новая вариация этого жанра. Стоит ли удивляться, что роман даже самим авторам кажется диковинкой?

Ясно стало нам также, что он далеко не всем придется по душе просто по самому характеру замысла, не говоря уж о выполнении. Но мы верили, что существуют читатели, которые разделяют наше пристрастие к логике, — они сумеют оценить кашу бескомпромиссную честность и добросовестность в борьбе с парадоксами времени, наш строгий и последовательно научный подход к фантастической посылке.

Только эта надежда поддерживает нас, когда мы вспоминаем о главах, битком набитых рассуждениями о хронофизике.

Чтобы до конца быть добросовестными, мы должны, наверное, разъяснить читателю, что в этих рассуждениях научно, а что фантастично. Показать, что научен в них прежде всего метод, а фантастична только исходная

посылка. Хотя, собственно говоря, эта самая посылка, она ведь тоже... Но об этом — позже.

Итак, побеседуем о путешествиях во времени, об их возможности или невозможности, о парадоксах, которые они порождают, о логических следствиях, к которым эти парадоксы приводят, и, наконец, о том, что же собой представляет в действительности это самое Время.

Путешествия во времени — едва ли не самая увлекательная из всех возможностей, предложенных фантастами вниманию широкой общественности. Самих писателей-фантастов она, по-видимому, увлекает ничуть не меньше, чем их читателей. Во всяком случае, эта проблема — одна из самых давних в современной научной фантастике (у истоков которой, как известно, стоит «Машина времени» Уэллса) — продолжает активно интересовать фантастов, хотя она разрабатывалась уже в сотнях и тысячах произведений.

Конечно, конкретные особенности разработки этой проблемы все время изменяются. Возьмем хотя бы вопрос о технике хронопутешествий. Один из знаменитых первопроходцев Времени, предприимчивый янки у Марка Твена, при всей своей искренней любви к технике совершил путешествие во времени, не применяя никаких технических устройств, — просто его стукнули дубинкой по голове, и он перенесся ко двору короля Артура. Вот до чего примитивна была хролотехника всего восемьдесят лет назад! А сейчас и шагу не ступишь во времени без хронокамер, времебусов, вечемобилей и прочих солидных транспортных средств. Виновник этого, несомненно, Герберт Уэллс, который еще в 1895 году ребром поставил вопрос о необходимости специальной техники для хронопутешествий (хотя одновременно он постарался отбить у читателей всякую охоту к таким путешествиям).

С легкой руки Уэллса фантасты впоследствии так упорно атаковали проблему путешествий во времени, что даже издавшая виды общественность обратила внимание на это упорство и задумалась: а нет ли тут чего, в самом-то деле?

Мы не станем перечислять имена и названия книг, в большинстве известных читателю. Обратим лишь внимание на то, что фантасты давно уже не отправляют героев в будущее (или прошлое) только для того, чтобы описать это самое будущее (или прошлое). Эпоха «чистых» путешествий во времени сменилась эпохой «временных парадоксов».

В чем состоит, например, знаменитый «парадокс дедушки»? Вы отправляетесь в прошлое и встречаете там незнакомого человека, который по тем или иным причинам очень вам не понравился. Он вам, по-видимому, платит взаимностью, даже с избытком. Завязывается ссора, стычка, и вдруг вы убеждаетесь с ужасом, что убили этого незнакомца.

Потом, по разговорам окружающих, по документам убитого, вы с еще большим ужасом устанавливаете, что это — ваш дедушка. Дедушку вы помните плохо, к тому же видели вы его седым стариком, а здесь ему лет двадцать и на будущей вашей бабушке он еще не женился.

Теперь ваши дела плохи. Ваш дедушка теперь уже не сможет жениться на вашей бабушке, а значит, не будет и одного из ваших родителей. А стало быть, не сможете родиться и вы. Это уже само по себе неприятно. Но, кроме того, если вы не родились, то как же вы смогли отправиться в прошлое?

В рассказе И.Варшавского «Выстрел» эти рассуждения продолжены вполне логично. Если вас не будет, то вы не сможете отправиться в прошлое и убить своего

предка. А если вы его не убьете, то он останется жив, женится на вашей бабушке, и ваше появление будет тем самым обеспечено. Но если вы появитесь, то вы сможете отправиться в прошлое... И так далее, по типу «У попа была собака».

Правда, французская писательница Натали Эннебер обнаружила довольно-таки уязвимое место в «парадоксе дедушки». С чисто французской ясностью разума она спросила: «А кто может быть уверен в том, что это его дедушка?»

В конечном счете, этот вопрос может относиться и к родителям. Поэтому мы методом исключения и пришли к самой «чистой» форме парадокса: отправившись в прошлое, человек может встретить там самого себя; естественно, он может и убить сам себя — то есть себя прежнего, себя на том временном отрезке, И что же в результате получится?

Заметим, что нас интересовала не столько моральная и юридическая сторона вопроса, сколько его логический аспект. Тем более, что моральные и юридические проблемы, связанные с этим, выглядят весьма запутанно. Впоследствии, возможно, появится некий хронокодекс, а пока...

Итак, повторяем: если допустить, что путешествия во времени возможны, то неизбежно следует допустить и возможность встречи человека с самим собой. Но в таком случае это будут два физически отдельных существа, два человека, один из которых может и убить другого. Что же тогда произойдет?

Мы долго ломали голову над своим парадоксом. Прежде всего мы убедились, что ни один фантаст почему-то не доводил своих рассуждений до этого, казалось бы, логически очевидного пункта. Тогда мы стали выяснять, какие решения были предложены для других слу-

чаев. Мы рассуждали так: по существу, Аркадий собирается несколько специфическим образом проделать то, что десятки раз делалось до него, а именно — изменить прошлое. Посмотрим, что должно при этом произойти в будущем.

На этот счет у фантастов существуют основательные разногласия.

Согласно Рэю Брэдбери (рассказ «И грянул гром»), даже самое ничтожное изменение прошлого приводит к кардинальным переменам в далеком будущем. Согласно Айзеку Азимову, воздействие, оказанное на прошлое, постепенно «затухает» во времени, подобно кругам, расходящимся по воде от брошенного камня (рассказ «Уродливый мальчуган»). Только тщательно рассчитанные воздействия (МНВ из романа того же автора «Конец Вечности») могут привести к заметным изменениям будущей истории. Согласно Роберту Хайнлайну («Дверь в лето») и Генри Каттнеру («Работа по способностям»), человек, явившись в прошлое, не властен изменить свою будущую судьбу, ибо она уже задана «намертво»; он может только повторять уже совершившиеся события. В частности, в его биографии, столь прочно зафиксированной временем, было предусмотрено также и возвращение в прошлое, и все, что он при этом сделает (это пример того, что в литературе о путешествиях во времени именуется «временной петлей»). Наконец, согласно Меррэю Лейнстеру («Рядом во времени»), всякое вмешательство в прошлое создает как бы ответвление от уже произошедшей истории: возникает мир, «параллельный» нашему во времени, но с другой историей (начиная с момента вмешательства).

Неискушенному читателю может показаться, что между решениями Брэдбери и, например, Лейнстера нет существенной разницы. Однако Брэдбери исходит из

того, что мир един и человек, изменив его историю, на-
чисто уничтожает его, создавая взамен другой мир; по
Лейнстеру же миры с разными историями существуют
бок о бок, это параллельные миры, миры-варианты.

Перечислить все под- и подподварианты решений
«временного парадокса» нам не под силу. На этом пути
были сделаны поистине блестящие открытия. Например,
Гарри Гаррисон в новелле «Загадка Стоунхенджа» рас-
сказал о том, как была разгадана тайна этого древнего
храма. Когда ученые-археологи отправились с этой це-
лью в прошлое на машине времени, выяснилось, что
Стоунхендж был воздвигнут именно в честь появления
машины времени. Это еще один пример «временной
петли»; каждый из вас на досуге может развлечься при-
думыванием других таких же историй (но предупрежда-
ем, что тема эта до крайности заезжена фантастами!).

Итак, в фантастике мы не нашли ответа на мучивший
нас вопрос: что произойдет с Аркадием-76, когда Арка-
дий-74 покончит самоубийством? Мы даже начали по-
нимать своего героя: если и его так неотступно мучил
этот вопрос, не удивительно, что он попытался решить
его экспериментально. Ведь для нас это вопрос все же
теоретический, а для хронофизика — это такая же живо-
трепещущая задача, как, скажем, для автомобилестрои-
теля задача создать надежную машину. Известно, что
самолеты, автомашины и прочие транспортные средства
подвергают при испытаниях самым серьезным пробам,
вплоть до разрушения; аналогично, по-видимому, долж-
но обстоять дело и в нашем случае.

Не найдя четкого ответа в книгах и не имея тех воз-
можностей экспериментальной проверки, какими распо-
лагали наши герои, мы решили пойти путем логических
выкладок.

Допустим, сказали мы себе, что путешествие во времени возможно. Тогда нужно допустить, что возможна и встреча с самим собой. Вот стоят друг против друга два Аркадия: один из настоящего, другой — из будущего. Предположим, что они решили с этого момента не расставаться и вместе снова дожили до того самого дня в 1976 году, когда «Аркадий-путешественник» отправился в прошлое. Означает ли это, что кто-нибудь из них должен теперь сесть в машину времени и отправиться обратно, в 1974 год? Не думаем. Зачем бы ему это делать? Чтобы не нарушать прежний ход истории? Но ведь он уже нарушен! Достаточно представить себе, какое впечатление произвело бы на всех появление «будущего Аркадия» — в частности, на хронофизиков, — и мы поймем, что «этот» 1976 год заметно отличается от «исходного».

Следовательно, после прихода Аркадия из будущего возник мир, отличающийся от прежнего, с иным течением событий, и в нем отнюдь не обязаны (а иногда уже и не могут!) повторяться прежние события.

Именно в этом месте мы вооружились карандашами и принялись вычерчивать мировые линии — сплошные, пунктирные, штриховые, двойные и всякие прочие. Получалось интересно. Получалось даже очень интересно. Оставим, например, на некоторое время в стороне Аркадия, прибывшего из будущего, а сами проследим за Аркадием-74. Его мировая линия достигает 1976 года и спокойно тянется дальше; однако она не совпадает с мировой линией того Аркадия, который когда-то отправился из 1976 года в прошлое, У того Аркадия в прошлом не было никаких контактов со своими «хронодвойниками», а этот Аркадий-76 отлично знает, что два года назад к нему являлся он сам из будущего,

Явное различие двух Аркадиев может означать только одно: что они стали полностью независимыми друг от друга с того момента, как один из них отправился в путешествие во времени.

Так, шаг за шагом, мы выясняли для себя всё новые и новые детали несуществующей науки — хронофизики. Мы, конечно, не собираемся превращать послесловие к роману в учебник по этой науке (хотя теперь мы уже вполне могли бы составить такой фантастический учебник). Поэтому ограничимся главным выводом; попытка логически строго анализировать гипотетические путешествия во времени (которую мы и предприняли в этом романе) неизбежно приводит к весьма любопытному выводу: для того чтобы путешествия во времени были возможны, свойства времени должны отличаться от тех, которые уже известны нам.

Например: по-видимому, должно существовать «надвремя» — нечто вроде единых мировых часов. По их сигналам обычное время сдвигается разом на всем своем протяжении на одно деление условной хроношкалы. Если б кто-то мог попасть в это надвремя, он увидел бы оттуда все наше время сразу — от бесконечно далекого прошлого до бесконечно далекого будущего мгновения. И еще он увидел бы, как весь этот поток мгновений скачками движется вперед.

Ко кто же мог бы смотреть на обычное время из надвремени? Надо полагать, хронопутешественник, если б ему удалось высунуться из своей хронокамеры. Но, к сожалению, он этого сделать не может, да и переход его длится «всего ничего»!

И, разумеется, время должно обладать свойствами, при которых возможно возникновение «разветвляющихся миров». Просим учесть для ясности: это не те параллельные миры, о которых говорят А. и С.Абрамовы в

повести «Хождение за три мира». Внешнее сходство тут имеется. «Параллельный» мир у Абрамовых отличается от нашего незначительно: например, там Тверской бульвар называется Пушкинским, отсутствует здание кинотеатра «Россия», герой женат не на Оле, а на Гале и т.п. Но авторы не объясняют, каким образом возникают эти параллельные миры, почему они так похожи на наш и что остается после героя в одном мире, когда он каким-то образом переходит на время в другой. У нас же речь идет о жестко мотивированных «развилках истории» — о новых мировых линиях, которые возникают лишь в том случае, когда хронопутешественник, попав в прошлое, умышленно или неумышленно совершает какие-то действия, изменяющие ход событий на этом отрезке времени.

В общем, это время весьма интересное по своим физическим свойствам. А открыть эти свойства можно очень простым способом. Сядьте поудобней в кресло и подумайте: допустим, что путешествие во времени возможно, — что тогда?

Но когда мы попробовали это сделать, перед нами во весь рост встал сакраментальный вопрос: а обоснованы ли подобные предположения о свойствах времени? Вопрос даже словно бы персонифицировался: мы увидели на фоне книжных полок силуэт некоего строгого гражданина, который укоризненно грозил нам призрачным пальцем и выговаривал: «Фантазируете? С временем балуетесь? А время-то, оно ведь форма существования материи, штука фундаментальная! И, кстати сказать, если имеется хоть какая-то возможность путешествий во времени, то почему их никто до сих пор не осуществил? Почему не прибывают к нам наши замечательные потомки? То-то же!»

Мы хотели ему ответить, но он сурово покачал головой и исчез. Поэтому мы изложим свой ответ в письменном виде.

Время, конечно, вещь фундаментальная. Но и самые фундаментальные понятия в физике зачастую подвергаются пересмотру, когда к этому вынуждают факты. Разве не в этом состояла сущность великих открытий Эйнштейна и Бора?

Что же касается фактов, то мы, в сущности, слишком мало еще знаем о свойствах времени. Всего лет семьдесят назад считалось, что время абсолютно, что оно течет одинаково для всех материальных тел во Вселенной. А потом теория относительности доказала, что это не так. И даже указала на этом основании способ, которым один путешественник может обогнать во времени другого. Ученые все еще спорят о том, можно ли такой обгон осуществить на практике, а уже надвигаются новые открытия. Исследователи микромира начинают поговаривать о том, что для элементарных частиц время, может быть, «квантованно», то есть состоит из мельчайших неделимых порций квантов и поэтому не «течет», а скорее движется скачками, сразу на целую порцию. Ленинградский физик Г.Зисман, а затем его американский коллега Р.Фейнман доказали, что античастицы — это обычные частицы, движущиеся «вспять во времени». Это означает, что мы с вами можем наблюдать, например, как сталкивается электрон со своей античастицей — позитроном, словно это две разные частицы; а на самом деле это один и тот же электрон, только до столкновения он двигался вперед во времени, а после столкновения двинулся назад — из будущего к прошлому. Другой «тандем» физиков — Я.Терлецкий (СССР) и В.Файнберг (США) — в теории доказывает возможность существования частиц, которые движутся быстрее света

и способны переносить энергию против течения времени. Английский ученый У.Доббс выдвигает и обосновывает гипотезу, согласно которой время в микромире двумерно, то есть одно и то же событие по одной шкале продолжается, скажем, мгновение, а по другой — бесконечно долгое время. Он удачно объясняет с помощью этой гипотезы некоторые удивительные свойства атомного мира. Немецкий математик Гёдель нашел такое частное решение уравнений общей теории относительности, которое описывает Вселенную с совершенно необычайными свойствами: в ней может существовать «замкнутое», «циклическое» время. Как пишет Дж.Уитроу в своей замечательной книге «Естественная философия времени»: «В модели Гёделя теоретически возможно путешествовать в любую сторону прошлого и будущего совершать, следовательно, замкнутые путешествия во времени, аналогичные замкнутым путешествиям в пространстве, с которыми мы все знакомы».

Этот длинный перечень новых догадок, гипотез и открытий неопровержимо свидетельствует: начинается активное наступление на загадки времени. Пока что печь идет о времени на микроскопическом или на космическом уровнях. То время, в котором мы живем, время макроскопическое, сохраняет свою одномерность, однонаправленность, необратимость и другие неприемлемые для фантаста свойства. Но, во-первых (и об этом всерьез говорят некоторые ученые), кто может поручиться, что мы, существа, устроенные совершенно определенным образом, способны воспринимать все свойства времени? А может, мы не воспринимаем как раз те из них, которые связаны с «необычными эффектами», и потому считаем эти эффекты невозможными? Не видим же мы, например, рентгеновские лучи!

А во-вторых, напомним, что еще недавно процессы в плазме и термоядерные реакции были явлениями микроуровня и космоуровня, а сейчас человек научился их осуществлять в макромасштабе. И если время микромира обладает какими-то особыми свойствами, то рано или поздно человек поставит их себе на службу. Возможно, мы будем путешествовать во времени с помощью гигантских атомно-кибернетических установок, которые сначала расщепляют путешественника на элементарные частицы, а потом собирают снова (конечно, собирать будет куда труднее, чем расщеплять, но без этого все путешествие некоторым образом лишается смысла). И еще, может быть, цена такой победы над временем будет состоять в пересмотре многих сегодняшних представлений — о причинности, о самом времени. Но ведь за любую победу приходится платить; глазное — чтобы после расплаты еще осталось чем отпраздновать победу.

Суровый гражданин, чей силуэт возникал на фоне книжных полок, мог бы спросить (но, видимо, не успел): «А не идете ли вы против диалектического материализма в этих своих рассуждениях?»

Должны заявить со всей прямотой: нет, не идем. Диалектический материализм не навязывает никаких конкретных свойств ни времени, ни пространству, ни материи. «Единственное свойство материи, с признанием которого связан диалектический материализм, — это быть объективной реальностью».

Так говорил В.И.Ленин.

Мы целиком и полностью с этим согласны.

Оглавление

Валя Темин высказывается о хронофизике.....	5
Глава первая	9
Эдик Коновалов тоже хочет докопаться	22
Глава вторая	28
Валя Темин выдает идеи	41
Глава третья.....	44
Эдик Коновалов интенсивно мыслит.....	56
Глава четвертая	59
Версии, версии, вагон версий... ..	73
Глава пятая	81
Линькову все это очень не нравится	107
Глава шестая.....	114
Линьков пока ничего не понимает	140
Глава седьмая	146
Линьков тоже начинает генерировать версии.....	171
Глава восьмая	182
Версия умерла — да здравствует версия!	202
Глава девятая.....	213
Линьков находит след	231
Глава десятая.....	235
Линьков почти доволен собой	256
Глава одиннадцатая	260
Линьков опять ничего не понимает	281
Глава двенадцатая.....	288
Линькову наконец становится все ясно.....	311
Глава тринадцатая	323
Валя Темин задает вопросы	340
О фантастическом детективе, о свойствах времени, о двойной логике и о многом другом (Вместо послесловия)	345

Для среднего и старшего возраста

Громова Ариадна Григорьевна

Нудельман Рафаил Ильич

В ИНСТИТУТЕ ВРЕМЕНИ ИДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Фантастический роман

Ответственный редактор К.М.Беркова. Художественный редактор И.Г.Найденова. Технический редактор Т.Д.Юрханова. Корректоры Л.М.Короткина и С.И.Щербакова. Сдано в набор 25/IX 1972 г. Подписано к печати 13/II 1973 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 11,3. Усл. печ. л. 19,32. (Уч.-изд. л. 18,72). Тираж 75 000 экз. ТП 1973 № 571. А 09033. Цена 69 коп. на бум № 2. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М.Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49. Зак. № 4840.

Громова А.Г., Нудельман Р.И.

В Институте Времени идет расследование. Фантастический роман. Рис. М. Салтыкова. М., «Дет. лит.», 1973.

367 с. с ил. (Б-ка приключений и научной фантастики) в пер.

При загадочных обстоятельствах погибает один из сотрудников Института Времени. Следствию никак не удастся установить, почему и каким образом это произошло. Дело в том, что разгадка находится вне круга наших обычных представлений.

В этом остросюжетном романе содержится также немало интересных сведений из области физики, криминалистики, психологии.

69 коп.